

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

2 · 1978

МАРТ · АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (*зам. главного редактора*),
В. И. КАСЬЯНЕНКО, Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ (*зам. главного редактора*),
В. И. КУЛИКОВ, В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ,
И. И. МИНЦ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
М. В. НЕЧКИНА, А. П. ОКЛАДНИКОВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А. М. САХАРОВ,
Г. А. ЦЫПКИН

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 294-29-31

Ответственный секретарь Г. С. Осипян, тел. 223-56-93

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-chief*),
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. Ye. ZELENIN (*Assistant editor-in-chief*),
V. I. KASYANENKO, G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV (*Assistant editor-in-chief*),
V. I. KYLIKOV, V. Ya. LAVERYCHEV,
I. I. MINTS, A. L. NAROCHNITSKY,
M. V. NECHKINA, A. P. OKLADNIKOV,
A. A. PREOBRAZHENSKY, A. M. SAKHAROV,
G. A. TSYPKIN

Address:

19, Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 294-29-31

Managing Editor G. S. Osipian, tel. 223-56-93

**РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.**

А. В. МАКЕЕВ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР С РАБОЧИМИ СТРАНАМИ — ЧЛЕНОВ СЭВ (1971—1975 гг.)

XXV съезд КПСС убедительно подчеркнул огромное значение все-стороннего сотрудничества стран социализма для роста единства и могущества социалистического содружества. Годы девятой пятилетки стали важным этапом развития мировой системы социализма, характеризующимся неуклонным расширением многообразных связей и укреплением братского сотрудничества между трудящимися государств социализма. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечалось, что «вместе с расцветом каждой социалистической нации, укреплением суверенитета социалистических государств все теснее становятся их взаимосвязи, возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития»¹.

Международные экономические отношения социалистических стран имеют давнюю историю. Они начали складываться уже в довоенный период (сотрудничество СССР и МНР).

Советская Армия, с которой взаимодействовали силы народного Сопротивления, Народно-освободительная армия Югославии, польские и чехословацкие воинские части, а также в 1944—1945 гг. болгарская и румынская армии, освободила от немецко-фашистских оккупантов страны Юго-Восточной и Центральной Европы. Разгром гитлеровской военной машины создал благоприятные условия для развертывания национально-освободительной борьбы в Польше, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Албании, а также в Восточной Германии, в результате которой в этих странах произошли революции, приведшие к установлению социалистического строя.

Громадную, все возрастающую роль в жизни социалистических стран играли и играют вопросы экономического сотрудничества и взаимопомощи.

Изучение опыта развития производственных связей советского рабочего класса с рабочими стран СЭВ имеет большую теоретическую и практическую значимость, так как позволяет с еще большей убедительностью раскрыть всемирно-историческую роль рабочего класса в укреплении и развитии нового общественного строя, охарактеризовать его вклад в решение конкретных задач, стоящих перед странами социализма на современном этапе.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 6.

В последние годы заметно возрос интерес советских историков к проблемам развития производственных связей рабочего класса СССР с рабочими стран социализма. Интерес этот не случаен, ибо, как справедливо отмечают исследователи, «для современного этапа развития международного социалистического сотрудничества характерно расширение непосредственных связей между производственными коллективами и развитие производственных связей в качестве главных и определяющих»².

Растущее внимание к данной теме нашло свое отражение в появлении целого ряда публикаций, в которых рассматриваются те или иные аспекты укрепления производственных связей между рабочим классом СССР и других стран социалистического содружества³. Отдельные вопросы развития производственных контактов рабочих нашей страны с рабочими социалистических государств затрагиваются в работах, посвященных интернациональной деятельности советских трудящихся и традициям братской дружбы народов стран социализма⁴.

Вместе с тем данная проблема требует дальнейшего всестороннего изучения. В частности, до настоящего времени не получили еще должного освещения такие вопросы, как возрастание роли производственных контактов рабочих в процессе углубления социалистической экономической интеграции, влияние их на подъем трудовой и политической активности рабочего класса, этапы и перспективные направления совершенствования интернациональных связей рабочего класса СССР в сфере производства и т. д.

Цель данной публикации заключается в том, чтобы определить некоторые тенденции развития производственных связей советского рабочего класса с рабочими стран — членов СЭВ в условиях реализации долгосрочной программы социалистической экономической интеграции, выявить новые характерные черты таких связей в годы девятой пятилетки, показать их значение для роста сплоченности и могущества мировой системы социализма.

Коммунистическая партия Советского Союза постоянно уделяет большое внимание укреплению интернационального единства рабочего класса СССР с рабочими социалистических стран, рассматривая тесные связи между ними как важный фактор развития всестороннего сотрудничества государств социализма.

Характер сотрудничества братских государств находится в прямой зависимости от степени социалистических преобразований социально-классовой структуры общества, от уровня экономического развития стран социализма. Чем дальше продвигаются они по пути строительства социализма и коммунизма, тем настоятельней объективная потребность

² Лаврова Л. Ф. Интернационализм советского народа (Социальная активность народных масс в сфере международного социалистического сотрудничества). Киев, 1975, с. 122.

³ См. Петрова Н. К. Международные производственные связи рабочего класса СССР. 1959—1970 гг. М., 1975; Спицын В. К. Развитие интернациональных связей рабочего класса стран — членов СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции. В кн. Проблемы научного коммунизма, вып. 9. М., 1975, с. 286—316; Макеев А. В. Деятельность КПСС по развитию производственного сотрудничества советского рабочего класса с рабочим классом стран СЭВ (1966—1970 гг.) — «Вестник Московского университета», сер. истор., 1975, № 1, с. 3—18.

⁴ Из них следует выделить работы, появившиеся в 70-е годы: Горбачев Б. В. Дружба и сотрудничество социалистических стран. М., 1972; Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Сб. статей. Ужгород, 1972; Дорога начинается на Шинке. Из летописи советско-болгарской дружбы. Сб. статей. Ростов-н/Д, 1974; Жуков В. П. Интернационализм в действии. (Участие ВССР в братском союзе СССР с ГДР. 1956—1972), Минск, 1974; Социалистический интернационализм в действии. М.—София, 1974 и др.

в развитии сотрудничества и взаимопомощи братских стран и народов. Участие широких масс трудящихся, и в первую очередь рабочего класса, в совершенствовании социалистических международных отношений является прочной социальной базой мирового социализма, одним из главных источников его исторических успехов.

Принятие на XXV сессии СЭВ (июнь 1971 г.) Комплексной программы социалистической экономической интеграции открыло новый этап в развитии экономического и научно-технического сотрудничества братских государств. Осуществление этой программы означает, в частности, совместное освоение природных ресурсов, строительство общими усилиями крупных промышленных комплексов, рассчитанных на удовлетворение нужд всех его участников, спланированную на многие годы вперед кооперацию между предприятиями и целыми отраслями промышленности стран СЭВ.

В условиях планомерного развития социалистической экономической интеграции, которая направляется и регулируется коммунистическими и рабочими партиями и правительствами стран — членов СЭВ, возникают самые благоприятные возможности для широкого развития производственных связей рабочего класса братских государств. В частности, переход к координации пятилетних планов развития народного хозяйства стран СЭВ уже в процессе их разработки, взаимная увязка этих планов представляет собой политику объединения усилий всех трудящихся братских стран при решении общих задач.

Постоянный рост специализации и кооперирования производства стран — членов СЭВ включает в процесс сотрудничества все новые и новые коллективы предприятий. К середине 70-х годов между братскими странами было заключено свыше 50 соглашений, предусматривающих разделение труда в производстве 6 тыс. наименований продукции⁵. В качестве одного из примеров участия трудовых коллективов в реализации соглашений о специализации и кооперировании можно привести «олефиновую программу», осуществляемую Советским Союзом и ВНР. На основе общей технологии действуют построенные в годы девятой пятилетки олефиновая установка на Тисайском химическом комбинате в Венгрии и химико-металлургический комплекс в г. Калуше (СССР), который обеспечивает переработку поступающего из ВНР сырья.

Широкий размах приобрели научно-технические связи стран СЭВ. В годы девятой пятилетки Советским Союзом было подписано более 80 соглашений и договоров о многостороннем научно-техническом сотрудничестве с братскими странами. Советские специалисты и ученые почти из 1400 научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций и высших учебных заведений совместно со специалистами и учеными других стран — членов СЭВ работали над решением более 3 тыс. тем и отдельных заданий⁶. Осуществление согласованных научных исследований и разработок, использование достижений научно-технического прогресса и внедрение их в производство потребовали объединения усилий не только ученых и конструкторов, но и инженерно-технических работников, а также рабочих промышленных предприятий.

Производственные связи советского рабочего класса с рабочими стран — членов СЭВ в годы девятой пятилетки развивались по различным направлениям, непрерывно расширялись и совершенствовались. Наряду с дальнейшим развитием традиционных форм деловых контактов между рабочими (командирование рабочих для оказания техниче-

⁵ «Красная Звезда», 1976 г., 19 февраля.

⁶ См. Задемидко А. Участие СССР в социалистической экономической интеграции. — «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1976, № 3, с. 23.

ского содействия в сооружении промышленных объектов, взаимопомощь в подготовке высококвалифицированных кадров, обмен производственно-технической информацией), шел постоянный поиск новых форм производственных связей. С углублением процесса социалистической экономической интеграции существенно возросла роль непосредственно-сотрудничества коллективов предприятий, в том числе в рамках созданных международных хозяйственных объединений стран СЭВ и двусторонних хозяйственных организаций. В 70-е годы начался интенсивный обмен производственными бригадами, стали возникать смешанные интернациональные бригады рабочих, на новую ступень поднялось социалистическое соревнование между трудящимися братских стран.

Выражением тесного сотрудничества рабочего класса СССР с рабочими стран — членов СЭВ является та большая помощь, которую Советский Союз оказывал и оказывает странам социалистического содружества в развитии экономики. При экономическом и техническом содействии СССР (по состоянию на 1 января 1976 г.) в странах СЭВ сооружались и реконструировались 1457 предприятий и объектов, из них — 968 введены в эксплуатацию⁷. Только для ПНР в 1945—1975 гг. Советский Союз поставил комплектное оборудование для 100 современных промышленных предприятий и значительную часть оборудования для 200 других народнохозяйственных объектов⁸.

Постоянно возрастает объем советского технического содействия социалистическим странам в строительстве важных индустриальных объектов. Если в 1966—1970 гг. с помощью СССР в братских странах было построено 350 промышленных и сельскохозяйственных предприятий, то в 1971—1975 гг. — около 400 народнохозяйственных объектов⁹.

Для оказания технического содействия в страны СЭВ направлялись большие группы рабочих и специалистов из Советского Союза. В 1975 г. только в НРБ с целью оказания технического содействия находились почти 2 тыс. советских рабочих и специалистов¹⁰.

В Румынии при помощи Советского Союза к началу 1976 г. было построено или сооружалось 132 крупных объекта¹¹. Только на Галацком металлургическом комбинате 70 советских монтажников и инженеров помогали румынским строителям и металлургам в установке и наладке широкополосного стана «1700» горячей прокатки, который по своему техническому оснащению и степени автоматизации превосходит лучшие образцы зарубежной металлургической техники. 70 предприятий СССР принимали участие в создании этой установки¹².

Большую помощь в развитии народного хозяйства Кубы, ставшей членом СЭВ в 1972 г., оказывали советские специалисты. Так, на строительстве химического комбината в г. Нуэвитас трудились 155 рабочих и инженеров из СССР. Вместе с кубинскими друзьями они монтировали оборудование, поступившее из 79 городов нашей страны¹³.

Участие Советского Союза в создании целых отраслей промышленности в ряде стран СЭВ способствовало увеличению численности рабочего класса братских стран, оказывало влияние на изменение его квалификационной и профессиональной структуры. Например, на 6 крупней-

⁷ См. Капранов И. Экономическое и техническое сотрудничество СССР с зарубежными странами в 1975 году. — «Внешняя торговля», 1976, № 6, с. 8.

⁸ См. Szydłak Jan. Sojusz — Przyjaźń — Jedność — «Nowe drogi». Warszawa, 1975, № 4, str. 17.

⁹ См. Мир социализма в цифрах и фактах, 1970. М., 1971, с. 145; Задемидко А. Указ. соч., с. 22.

¹⁰ «Правда», 1976 г., 29 марта.

¹¹ См. Капранов И. Указ. соч., с. 8.

¹² «Правда», 1972 г., 23 мая.

¹³ «Правда», 1974 г., 11 января.

ших предприятиях Бургасского округа НРБ, сооруженных при содействии СССР, в 1974 г. работало 55% инженеров и техников округа. Лишь на нефтехимическом комбинате в Бургасе и связанных с ним производствах насчитывалось 13 тыс. рабочих и служащих. Предприятия, построенные с помощью СССР, отличаются высокой технической оснащенностью. Если в 1966 г. на одного работника округа приходилось основных фондов на сумму около 11 тыс. левов, то к 1974 г. они увеличились до 20 тыс. левов¹⁴.

В 1971—1975 гг. советские рабочие-строители, направленные в МНР, выполнили 37% всех строительного-монтажных работ в стране. Это позволило усовершенствовать структуру и размещение производительных сил МНР, способствовало внедрению новой техники и технологии, дальнейшему повышению уровня жизни монгольского народа¹⁵.

В годы девятой пятилетки советские рабочие и специалисты принимали активное участие в совместных стройках стран СЭВ. Такая форма сотрудничества братских государств получила широкое распространение в связи с реализацией Комплексной программы социалистической экономической интеграции.

Одной из важнейших совместныхстроек стран — членов СЭВ является газопровод «Оренбург — Западная граница СССР» протяженностью в 2750 км, который призван сыграть большую роль в обеспечении братских государств высокоэффективным топливом. В его сооружении принимают участие СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и Чехословакия. Десятки министерств, сотни предприятий стран СЭВ вовлечены в реализацию этого гигантского проекта. Только в ВНР, к примеру, со строительством газопровода непосредственно связано около 90 объединений и заводов¹⁶. На трассе будущего газопровода трудятся большие коллективы строителей. В начале 1976 г. в работе принимали участие более 6 тыс. рабочих, инженеров и техников из стран — участниц строительства¹⁷. Центром, объединяющим интернациональные коллективы, стал «Союзинтергазстрой» — генеральный подрядчик строительства газопровода. Промышленные предприятия, научно-исследовательские и проектные организации Советского Союза обеспечивают совместную стройку необходимым оборудованием и соответствующей документацией, а советские рабочие и специалисты, располагающие большим опытом строительства трубопроводных систем, оказывают асестороннюю помощь своим коллегам в сооружении некоторых участков магистрали и компрессорных станций. «Строительство газопровода — это школа жизни, труда, передового опыта, — отмечает руководитель бригады чехословацких строителей Оттакар Матейчик. — Здесь мы учимся у советских людей не только тому, как можно свершать такие колоссальные дела, но и истинному пролетарскому интернационализму»¹⁸.

Эта и другие совместные стройки стран — членов СЭВ являются ярким примером эффективности социалистической экономической интеграции, открывающей перед рабочими братских государств широкие воз-

¹⁴ См. Томов Г. Роль болгаро-радянської дружби і співробітництва для індустріального розвитку Народної Республіки Болгарії (на прикладі Бургаського округу). — «Український історичний журнал», 1974, № 12, стор. 94—95.

¹⁵ См. Лувсангомбо С. Роль сотрудничества со странами — членами СЭВ в строительстве народнохозяйственных объектов в МНР. — «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1976, № 3, с. 13.

¹⁶ «Правда», 1976 г., 28 августа.

¹⁷ См. Лощаков А. Профсоюзы социалистических стран в борьбе за строительство социализма и коммунизма, за международную безопасность и сотрудничество. — Профсоюзное движение в странах социализма. М., 1976, с. 9.

¹⁸ «Комсомольская правда», 1976 г., 25 сентября.

возможности для обмена производственным опытом, передовыми методами труда и техническими достижениями.

По мере углубления социалистической экономической интеграции, укрепления экономики братских стран возрастает объем технического содействия, которое государства — члены СЭВ оказывают Советскому Союзу в рамках двустороннего сотрудничества. В монтаже и наладке оборудования на предприятиях СССР участвовали рабочие и специалисты из ГДР, Польши, Чехословакии, других стран. В сооружении мощного стана «3600» на заводе «Азовсталь», например, советским коллегам помогали чехословацкие специалисты, которые монтировали оборудование, изготовленное на предприятиях ЧССР¹⁹.

Важным направлением развития плодотворных связей рабочего класса СССР с рабочими стран СЭВ является взаимопомощь в подготовке высококвалифицированных рабочих кадров. КПСС, братские партии стран социализма уделяют сотрудничеству в этой области большое внимание, так как в социалистическом обществе постоянно возрастает потребность в специалистах высокой квалификации. «Передовой рабочий сегодня, — говорил Л. И. Брежнев на XV съезде профсоюзов СССР, — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду...»²⁰

Рост масштабов социалистического и коммунистического строительства, развитие научно-технической революции и углубление социалистической экономической интеграции предъявляют высокие требования к профессиональным и идейно-политическим качествам рабочих. Являясь главной производительной силой общества, рабочий должен творчески участвовать в материальном и духовном производстве, овладеть современной техникой, обладать высоким чувством ответственности не только за судьбы своей страны, но и всего социалистического содружества. Эти задачи успешно решаются в процессе укрепления и развития производственных связей рабочего класса СССР с рабочими стран — членов СЭВ.

Советский Союз оказывал и оказывает большую помощь этим государствам в подготовке высококвалифицированных специалистов. В годы девятой пятилетки тысячи рабочих из социалистических стран получали профессиональные знания и знакомились с передовым производственным опытом в СССР. Только в 1975 г. в Советском Союзе готовилось 1100 рабочих и инженеров для НРБ²¹. Для строящегося с помощью СССР гиганта польской металлургии комбината «Катовице» в 1975 г. в Новолилецке, Кузнецке и Свердловске прошли профессиональную подготовку около 100 будущих металлургов. В 1976 г. на предприятиях нашей страны готовилось еще свыше 600 металлургов для ПНР²².

Коллективы советских предприятий, на которых проходили производственное обучение и практику рабочие из братских государств, проявляли постоянную заботу о своих друзьях, стремились создать все необходимые условия для их успешного ознакомления с достижениями советской науки, техники и производства.

Рабочие из стран СЭВ, которые принимали участие в сооружении промышленных объектов в СССР, с помощью советских специалистов повышали свою квалификацию. Например, 700 болгарских рабочих, тру-

¹⁹ См. Пролетарский интернационализм — наше знамя. Документы об участии трудящихся Донбасса в укреплении интернациональных связей Советского Союза с народами зарубежных стран. Донецк, 1974, с. 258.

²⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1972, с. 483—484.

²¹ «Правда», 1976 г., 29 марта.

²² «Правда», 1976 г., 29 апреля.

дившихся в нашей стране, получили здесь вторую и третью специальности, 350 — обучались на заочных отделениях вузов СССР, а около 400 — в вечерних и заочных училищах и техникумах²³.

Советские рабочие и специалисты, находившиеся за рубежом с целью оказания технического содействия, также принимали самое активное участие в обучении своих друзей различным специальностям. Так, в МНР специалисты советского строительного треста № 1 в г. Дархане за 10 лет обучили профессиям и оказали помощь в повышении квалификации 15 тыс. монгольских рабочих²⁴. «И что особенно важно, — отмечает Первый секретарь ЦК МНР, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Юмжагийн Цеденбал, — советские специалисты несут с собой классовую закалку, дух интернационализма, дисциплинированность, трудолюбие и другие высокие морально-политические качества, присущие передовым рабочим»²⁵.

Важной формой совместного труда и профессионального обучения в некоторых братских странах явились смешанные бригады, в состав которых входили советские рабочие, помогавшие в сооружении народнохозяйственных объектов. На строительстве горнообогатительного комбината «Эрденет» в МНР в 1974 г. в таких бригадах получили специальности около 500 монгольских рабочих²⁶.

Советские рабочие, инженеры и техники также проходят обучение и перенимают передовой опыт на ряде предприятий стран СЭВ. Лишь в ПНР в 1974 г. для ознакомления с научно-техническим и производственным опытом побывало 2320 советских специалистов²⁷.

Исключительно важное значение для всемерного развития интернациональных производственных связей имеет расширение и совершенствование научно-технического и производственного сотрудничества родственных предприятий братских стран. Укрепление непосредственных связей между родственными предприятиями социалистических государств является неотъемлемой составной частью сближения и взаимопереплетения народнохозяйственных комплексов стран — членов СЭВ, существенным элементом углубляющегося процесса социалистической экономической интеграции. Именно на уровне научно-производственных и промышленных предприятий находит, в частности, свою практическую реализацию скоординированная экономическая и научно-техническая политика этих стран. По мнению заместителя Председателя Совета Министров ВНР Матяша Тимара, одним из важнейших направлений социалистической интеграции является увязка планомерного развития народных хозяйств с более тесным сотрудничеством на уровне отдельных предприятий²⁸.

В 70-е годы непосредственные контакты предприятий СССР с предприятиями братских стран приобрели значительные масштабы, охватывая в ряде случаев целые отрасли промышленности. Это стало возможным в результате последовательного проведения братскими государст-

²³ См. Шинкевич М. Братского сотрудничество между Димитровския и Ленинския комсомол. — «Политическа просвета» (София), 1972, № 11, с. 92.

²⁴ «Правда», 1972 г., 15 июня.

²⁵ Цеденбал Юмжагийн. Важный рубеж в строительстве социализма. — «Проблемы мира и социализма», 1976, № 8, с. 16.

²⁶ «Правда», 1975 г., 14 марта.

²⁷ См. Калиски С. Развитие и укрепление научно-технического сотрудничества Польской Народной Республики с другими странами — членами СЭВ. — «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1976, № 3, с. 55.

²⁸ См. Путь прогресса. Итоги и перспективы работы СЭВ. Заместители глав правительств социалистических стран отвечают на вопросы редакции. — «Проблемы мира и социализма», 1974, № 1, с. 59.

вами курса на реализацию Комплексной программы социалистической экономической интеграции, установления стабильной системы прямых связей между отраслевыми министерствами и ведомствами СССР и других стран — членов СЭВ. В годы девятой пятилетки 77 министерств и ведомств Советского Союза сотрудничали со 158 аналогичными организациями стран социалистического содружества²⁹.

На основе двусторонних соглашений сложилось тесное межотраслевое сотрудничество в промышленности Советского Союза и других государств — членов СЭВ. Например, советские предприятия легкой промышленности имели непосредственные связи со всеми двенадцатью объединениями и с большинством комбинатов легкой индустрии ГДР³⁰. Как отмечает министр горнорудной и калийной промышленности ГДР Курт Зингхубер, 130 тыс. трудящихся металлургической промышленности республики тесно связаны отношениями сотрудничества с коллективами металлургических предприятий СССР³¹. В годы девятой пятилетки успешно развивались связи между рабочими пищевой промышленности РСФСР и ЧССР. В РСФСР не было ни одной области пищевой промышленности, где бы не шел интенсивный обмен производственным опытом с работниками пищевой промышленности Чехословакии³². Разнообразные производственные контакты сложились у рабочих различных отраслей промышленности нашей страны с работниками родственных отраслей промышленности других братских стран.

О масштабах производственных связей советских рабочих с рабочими стран СЭВ свидетельствует тот факт, что в 1972 г. непосредственное производственное и научно-техническое сотрудничество осуществляли между собой 310 советских и польских, а также 450 советских и венгерских предприятий и научно-исследовательских учреждений³³.

Новым шагом вперед в развитии прочных контактов между коллективами предприятий братских стран явилось создание в рамках СЭВ международных хозяйственных объединений. Они обеспечивают развитие непосредственного сотрудничества между производственными объединениями и предприятиями на многосторонней основе, углубление специализации и кооперирования производства, расширение совместного планирования и совместной хозяйственной деятельности. В декабре 1973 г. были созданы «Интертекстильмаш», «Интератомэнерго» и «Интерэлектро», а в июне 1974 г. — «Интерхимволокно».

Участие предприятий в деятельности таких объединений расширяет возможности обмена производственным опытом между рабочими братских стран, увеличивает вклад трудовых коллективов в решение задач социалистической экономической интеграции. Так, коллектив Чебоксарского машиностроительного завода, являющегося членом объединения «Интертекстильмаш», в тесном сотрудничестве со специалистами Болгарии, Венгрии, Польши и ЧССР создал новые бесчелночные ткацкие станки типа СТБ, которые в 2—2,5 раза производительнее обычных. В процессе разработки нового станка совместными усилиями была не только отработана технология производства, но и подготовлены квалифицированные кадры рабочих и специалистов. Важнейшим фактором быстрого роста производства станков на Чебоксарском машинострои-

²⁹ См. Задемыдко А. Указ. соч., с. 23.

³⁰ «Правда», 1971 г., 21 июля.

³¹ Приводится по: Staubenrauch Klaus. Ergebnisse und Erfahrungen wissenschaftlich-technischer Zusammenarbeit mit der UdSSR — «Einheit» (Berlin), 1973, Н. 11, S. 1318.

³² См. Klemenčuk A. P. Bratrská spolupráce potravinářů RSFSR a CSSR. — «Průmysl potravin» (Praha), 1975, číslo 5, str. 241.

³³ «Правда», 1972 г., 4 марта; 1972 г., 15 ноября.

тельном заводе явилось широкое сотрудничество в рамках объединения «Интертекстильмаш» с родственными заводами стран СЭВ, которые поставляют около половины комплектующих узлов для СТБ. В то же время более 40% всех станков, производимых коллективом советского предприятия, экспортируется в Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию и Чехословакию³⁴.

Большое значение для укрепления производственных связей рабочих имеют совместные предприятия братских стран, такие, как советско-монгольские «Эрденет» и «Монголсовцветмет», а также двусторонние хозяйственные организации, к которым, в частности, относятся советско-германские хозяйственные организации «Ассофото» и «Домохим». Созданная в 1973 г. «Ассофото» на основе общих планов объединяет предприятия СССР и ГДР, производящие фотоматериалы, осуществляет совместные исследовательские работы и производство. Новая организация насчитывает 100 тыс. рабочих и служащих и выпускает 95% фотоматериалов, изготавливаемых в социалистических странах³⁵.

Непосредственные связи коллективов предприятий братских стран дают значительный экономический эффект. Об этом свидетельствует, например, опыт сотрудничества Московского швейного объединения «Большевичка» и Берлинского комбината верхней одежды «Фортшрит». В результате совместной разработки проблем повышения производительности труда, улучшения качества продукции, широкого обмена накопленным опытом коллектив «Большевички» лишь за один год увеличил выпуск продукции на 18,6%, повысил производительность труда на 46% и высвободил 140 человек. Общий экономический эффект при этом составил свыше 400 тыс. руб. в год³⁶. В свою очередь, немецкие друзья, применив на комбинате советскую технологию, на 25% повысили производительность труда рабочих³⁷.

Производственные связи коллективов родственных предприятий не только способствуют решению отдельных технических или производственных вопросов, но и влияют на качество всей работы предприятий, предъявляя к ней повышенные требования. «Мы на собственном опыте убедились, — отмечает, например, инженер венгерского комбината „Баконь“, выпускающего детали и узлы для советского автомобиля „Жигули“, — что кооперация предприятий братских стран требует большой четкости выполнения графика поставок в срок, высокого качества и культуры труда. Международное социалистическое сотрудничество подняло общий уровень комбината»³⁸.

Особенно интенсивно развиваются дружественные деловые контакты между коллективами предприятий родственных областей и городов нашей страны и стран СЭВ. Например, коллективы московских предприятий поддерживали в годы девятой пятилетки тесные связи с коллегами 87 предприятий Берлина³⁹, работники 40 предприятий и организаций Ленинграда — с соответствующими предприятиями и организациями Дрездена⁴⁰, а в Ростовской области более 100 производственных кол-

³⁴ См. Седов Н. Здесь собирают станки СТБ. — «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1975, № 6, с. 78—79.

³⁵ «Правда», 1974 г., 27 февраля.

³⁶ «Правда», 1971 г., 17 июля.

³⁷ См. Краземан Ильзе. Руководящая роль рабочего класса в развитии социалистической нации в ГДР, в ее сближении с братскими социалистическими нациями, особенно с народами СССР. — Социализм и нации. М., 1975, с. 158.

³⁸ «Правда», 1975 г., 12 июня.

³⁹ См. Stärkung des Sozialismus — würdiger Beitrag für den antiimperialistischen Kampf. — «Die Arbeit» (Berlin), 1975, H. 1, S. 62.

⁴⁰ «Правда», 1975 г., 12 июня.

лективов сотрудничали с родственными предприятиями Плевенского округа НРБ⁴¹.

В планах развития дружественных связей были предусмотрены мероприятия по укреплению братской дружбы между трудовыми коллективами. Например, в договоре о сотрудничестве между коллективами автозаводов Москвы (АЗЛК) и чехословацкого города Млада-Болеслав («Шкода») на 1971—1975 гг. говорилось, в частности, об обмене группами рабочих и специалистов, о передаче технической документации, о совместном обсуждении производственных проблем, технических направлений и экономических планов, взаимном изучении методов политической работы и деятельности общественных организаций⁴². Как правило, рабочие советских предприятий, поддерживающих тесные деловые контакты с зарубежными друзьями из государств — членов СЭВ, являются коллективными членами обществ дружбы с социалистическими странами, ведут в них большую общественную работу.

Новой и весьма перспективной формой развития производственных связей коллективов родственных предприятий в годы девятой пятилетки явился обмен производственными бригадами⁴³. Особенно широкий размах эта форма сотрудничества получила в 70-х годах между предприятиями СССР и ГДР. Бригадами рабочих обменивались коллективы Московского автозавода им. Лихачева и автозавода в Людвигсфельде, Ленинградского объединения «Электросила» и Дрезденского завода «Заксенверк», машиностроительного завода им. Ленинского комсомола Украины в Донецке и Магдебургского машиностроительного завода им. Э. Тельмана, домостроительных комбинатов Москвы и Берлина, полиграфических предприятий Киева и Лейпцига и т. д.⁴⁴ Инициатива рабочих была поддержана профсоюзами СССР и ГДР и закреплена соглашением о сотрудничестве профсоюзов двух стран, заключенном 8 декабря 1971 г. между ВЦСПС и Правлением ОСНП⁴⁵.

В ходе обмена происходило подробное ознакомление с организацией труда на родственных предприятиях, с новаторскими методами труда и передовым производственным опытом. Рабочие получали возможность ближе узнать задачи, стоящие перед дружественными коллективами. В совместном труде шел интенсивный обмен опытом, знаниями и мастерством, устанавливались товарищеские контакты между рабочими⁴⁶.

Во время пребывания бригады рабочих ЗИЛа во главе с Героем Социалистического Труда Василием Кокошкой в Людвигсфельде в 1972 г. советские автомобилестроители успешно справлялись с плановыми заданиями, активно включались в обсуждение текущих производственных дел на автозаводе. Член бригады зиловцев слесарь Александр Иванов, например, предложил приспособление для изготовления шаблонов, сделал его эскиз. Москвичи высказали также ценные советы о подмеченных ими резервах экономии электроэнергии на предприятии. Они приняли активное участие в собрании районного профсоюзного актива, посвященном обмену опытом организации социалистического соревнования.

⁴¹ См. Дорога начинается на Шипке. Из летописи советско-болгарской дружбы, с. 84.

⁴² «Правда», 1975 г., 11 февраля.

⁴³ См. Варнке Герберт. Крепнет сотрудничество профсоюзов ГДР и СССР. — «Советские профсоюзы», 1975, № 6, с. 41.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См. «Die Arbeit», 1972, Н. 1, S. 11.

⁴⁶ См. Светличный Ю. Váratság — это значит дружба. — «Советские профсоюзы», 1973, № 6, с. 39.

В то же время советские рабочие перенимали все новое и полезное, что они видели на родственном заводе. Так, в частности, в Людвигсфельде внимание зиловцев привлекли некоторые измерительные и режущие инструменты и приспособления.

Заместитель директора немецкого автозавода Гюнтер Хенгст, говоря о значении обмена рабочими бригадами, отмечал, что в ходе дружественных связей коллективов «какие бы... квалифицированные люди в состав наших делегаций ни входили, они не могут увидеть то, что даже опытному глазу открывается лишь в процессе совместного труда. Вот почему обмен рабочими бригадами с советским автозаводом был для коллектива Людвигсфельда давней мечтой. Теперь мы видим, что он получился очень удачным, и уверены, что принесет свои добрые плоды и найдет распространение в странах нашего социалистического содружества»⁴⁷.

Активное развитие в годы девятой пятилетки разнообразных форм непосредственного сотрудничества и деловых дружественных связей коллективов советских предприятий с коллективами предприятий стран СЭВ значительно расширило диапазон производственных контактов между рабочими, сделало их еще более продуктивными и многогранными. Дальнейшее углубление сотрудничества родственных коллективов имеет перспективы, определяемые прежде всего ускорением процесса социалистической экономической интеграции, повышением экономической и политической эффективности производственных связей рабочего класса СССР с рабочими стран социалистического содружества.

В ходе укрепления контактов между рабочим классом СССР и других государств социализма в сфере материального производства все шире становится размах социалистического соревнования⁴⁸. Зародившееся в 50-е годы, окрепшее в последующее десятилетие социалистическое соревнование советских рабочих с рабочими стран — членов СЭВ получило широкое развитие в годы девятой пятилетки. К 1975 г. свыше 800 предприятий и организаций Советского Союза развернуло товарищеское соревнование с коллективами родственных и смежных предприятий и организаций братских стран, в том числе: 170 — с предприятиями и организациями ГДР, 130 — ЧССР, 130 — НРБ, 90 — ПНР, 70 — ВНР и т. д.⁴⁹ Кроме того, в него включились тысячи и тысячи отдельных цехов, отделов, бригад, передовых рабочих предприятий Советского Союза и других стран СЭВ. Например, длительное время соревнуются между собой рабочие Ростовской и Плевенской (НРБ) трикотажных фабрик, Московского автозавода им. Ленинского комсомола и автозавода в г. Млада-Болеслав (ЧССР), Ленинградского производственного объединения «Электросила» и венгерского завода «Ганц», многих других родственных предприятий.

Советские рабочие и специалисты, участвовавшие в строительстве промышленных объектов в странах СЭВ, также активно включились в соревнования со своими друзьями за досрочный ввод в действие сооружаемых объектов. Так, советские рабочие, участвовавшие в строительстве нефтеперерабатывающего завода в Сазхаломбатте, приняли высокие социалистические обязательства в честь 30-й годовщины освобождения Венгрии и успешно их выполнили. Товарищеская спайка советских и венгерских рабочих способствовала успешному вводу в строй всех

⁴⁷ «Правда», 1972 г., 4 августа.

⁴⁸ См. Смольков В. Г., Ефремов Е. И. Организация соревнования в социалистических странах. М., 1975, с. 78, 80.

⁴⁹ См. Смольков В. Г., Ефремов Е. И. Указ. соч., с. 78.

60 объектов, которые создавались в ВНР в 1971—1975 гг. при техническом содействии СССР⁵⁰.

Посланцы Советского Союза, которые оказывали помощь болгарским рабочим в освоении новых производственных мощностей Кремиковского металлургического комбината, активно включились в организацию движения за овладение молодежью достижений и опыта ударников⁵¹. Это начинание нашло широкое применение в НРБ.

Социалистическое соревнование явилось мощным стимулом ударной работы интернационального коллектива строителей электростанции «Боксберг» в ГДР. Говоря о роли советских строителей в сплочении многонационального коллектива, председатель профсоюзной организации строительства электростанции «Боксберг» Манфред Мюллер отмечал в своем выступлении на VIII конгрессе ОСНП: «Их высокое классовое сознание, профессиональные знания, большой опыт в осуществлении ленинских принципов социалистического соревнования, готовность оказать бескорыстную помощь и их товарищеское отношение ко всем строителям электростанции привели к настоящей дружбе»⁵².

Советские рабочие соревновались с друзьями из братских стран, которые трудились на предприятиях и стройках СССР. Эффективности совместного труда советских и болгарских рабочих на дереводобывающих и деревообрабатывающих предприятиях Коми АССР способствовало соревнование, развернувшееся по инициативе партийных и молодежных организаций под девизом «Комсомольский труд во имя дружбы»⁵³. Следует отметить, что соревнование не только способствует широкому распространению передового производственного опыта, но и помогает решать важные вопросы социально-политического характера. Об этом, в частности, говорит опыт сотрудничества бригад завода «Москабель» и родственного ему «Кабельверке Обершпрее» (Берлин).

Участники соревнования сравнивают следующие результаты: выполнение плана по науке и технике; использование новейшей технологии; достижение качественных показателей с помощью саратовского метода; улучшение условий труда и быта; рост духовной и культурной жизни; уровень квалификации и условия труда женщин; политико-идеологическая работа (в том числе участие членов бригад в работе школ коммунистического и социалистического труда) и т. д.⁵⁴

В годы девятой пятилетки партийные, профсоюзные и комсомольские организации уделяли постоянное внимание вопросам совершенствования социалистического соревнования советских рабочих с рабочими стран СЭВ (гласность соревнования, сравнимость результатов, широкое распространение опыта и т. д.). В этих целях использовались печать, радио и телевидение. Интенсивный обмен делегациями, переписка и обмен информацией обеспечивали возможность сравнения результатов и высокую действенность соревнования. Так, в 1972 г. лишь по линии ВЦСПС более 30 групп рабочих и профсоюзных активистов из братских государств посетило СССР, столько же советских групп побывало в социалистических странах⁵⁵.

⁵⁰ «Правда», 1975 г., 20 февраля.

⁵¹ См. Шпатов Иван. Всенародное социалистическое соревнование в Болгарии.— Социалистическое соревнование в странах братского сотрудничества. Сборник статей о работе профсоюзов социалистических стран. М., 1975, с. 17.

⁵² Materialien des 8. FDGB-Kongresses.— «Die Arbeit», 1972, H. 7—8, S. 79.

⁵³ См. Шинкевич М. Указ. соч., с. 92.

⁵⁴ См. Stärkung des Sozialismus—würdiger Beitrag für den antiimperialistischen Kampf, S. 63.

⁵⁵ См. Пименов П. Т. Пролетарский интернационализм в действии. М., 1973, с. 28.

Более шести лет соревнуются коллективы шахт «Новопавловская» в Донбассе и «Пасков» Остравско-Карвинского бассейна ЧССР. В организации соревнования двух горняцких коллективов самое активное участие принимают партийные и комсомольские организации шахт, о нем неоднократно на своих страницах писала газета «Комсомольская правда».

По мнению секретаря парткома шахты «Новопавловская» И. Проворченко, производственные связи коллективов, широкий размах соревнования между ними способствовали тому, что обе шахты стали одними из лучших в своих бассейнах. Соревнование укрепило личные контакты между горняками, побудило их к изучению языка, истории и культуры братских стран, к участию в деятельности обществ дружбы. «Думаю, что... наши рабочие коллективы можно назвать проходчиками. Проходчиками дружбы»⁵⁶, — с гордостью отмечает бригадир с шахты «Новопавловская» С. Климов.

Большое значение для подъема трудовой активности рабочего класса социалистических стран имеет обмен опытом социалистического соревнования, опытом передовиков и новаторов производства. «В широком развертывании массового трудового соревнования в Венгрии, — пишет заместитель генерального секретаря Всевенгерского совета профсоюзов Тивадар Немешлаки, — важную роль сыграло применение опыта советских трудящихся, советских профсоюзов»⁵⁷.

В 70-е годы достоянием рабочего класса стран — членов СЭВ стали многие новые творческие инициативы советских рабочих: встречные планы трудовых коллективов, щекинский и саратовский методы, опыт бригадного подряда, метод безаварийной работы, разработка личных творческих планов и т. д. По подсчетам исследователей из ГДР, здесь с успехом используют более 60 советских новаторских методов⁵⁸⁻⁵⁹. Как отмечают болгарские друзья, «встречные планы коллективов творчески развили и обогатили комплексные программы общественно-экономического развития страны, дополнили и расширили содержание единого государственного плана...»⁶⁰.

Во многих странах — членах СЭВ активно внедрялась саратовская система бездефектной продукции. Так, опираясь на опыт саратовцев, рабочие ПНР включились в соревнование предприятий, работающих по методу производства бездефектной продукции, который получил в Польше название «метод до-ро» (добрая работа). На шинном комбинате в Ольштыне, например, была создана «система управления качеством», основанная на применении ЭВМ. В процессе разработки этой системы польские шинники знакомились с опытом, накопленным в Советском Союзе⁶¹.

Еще в конце 60-х годов эта система с помощью советских специалистов была применена на предприятиях Софии⁶². Вскоре опыт столичных предприятий был распространен по всей стране, и в 1971 г. в Болгарии насчитывалось уже 1200 предприятий, на которых был внедрен саратовский метод⁶³.

В Чехословакии в 70-е годы также началось внедрение саратовской системы (на автозаводе «Шкода», заводе «ЗПА» в Прешове, объедине-

⁵⁶ «Комсомольская правда», 1976 г., 3 сентября.

⁵⁷ Немешлаки Тивадар. Движение трудового социалистического соревнования в Венгрии. — Социалистическое соревнование в странах братского содружества, с. 26.

⁵⁸⁻⁵⁹ См. Краземан Ильзе. Указ. соч., с. 158.

⁶⁰ Шлатов Иван. Указ. соч., с. 12.

⁶¹ «Правда», 1971 г., 22 октября.

⁶² См. Саратовская система в столичных предприятиях. — «Икономически живот» (София), 1970, № 8, с. 1—6.

⁶³ «Правда», 1971 г., 20 апреля.

нии химических и металлургических производств в Устье-на-Лабе, на Восточно-Словацком металлургическом комбинате в Кошице и т. д.). В Венгрии ее применяли коллективы более 100 предприятий⁶⁴.

Столь же широкое распространение в странах социалистического содружества получил метод бригадного подряда, впервые примененный в Советском Союзе бригадой строителей под руководством Н. Злобина. В Болгарии, например, по методу Н. Злобина к началу 1976 г. работали 500 бригад, в МНР — 120 коллективов строителей, в ГДР — 85% строительных коллективов, сооружающих жилье, работают по-злобински⁶⁵.

Существенную экономическую выгоду друзьям из социалистических стран приносили и другие новаторские методы советских рабочих. Так, внедрение на пяти химических комбинатах ГДР шведского метода советских химиков позволило в 1973 г. сэкономить не менее 1350 рабочих мест⁶⁶. Только на одном нефтехимическом комбинате в Шведте его использование привело к сокращению в 1971—1972 гг. рабочих мест на 600 единиц⁶⁷.

Творческое применение опыта передовиков и новаторов производства Советского Союза имеет также большое социально-политическое и воспитательное значение. «Является бесспорным фактом: коллективы, которые теснейшим образом сотрудничают с советскими рабочими и постоянно ориентируются на применение советских новаторских методов, — пишут историки из ГДР Х. Нойман и В. Штраус, — имеют ощутимый прогресс в повышении производительности труда, улучшении условий труда и в развитии социалистической сознательности»⁶⁸.

В то же время советские рабочие внимательно изучают и широко используют ценные начинания и новаторские методы, рожденные творчеством рабочего класса братских стран. Так, на многих предприятиях Витебской области получил распространение лочин аппаратчика шинного завода из города Фюрстенвальде (ГДР) К.-Х. Хюбнера, добившегося полной загрузки оборудования и повысившего производительность станка на 20%. Тысячи последователей передового немецкого рабочего в нашей стране включились в борьбу за максимальную загрузку оборудования, сокращение внутрисменных простоев⁶⁹. Портовики Одессы и Ильичевска с интересом обратились к опыту болгарских судоремонтников, создавших комплексные участки и организовавших бесцеховой ремонт судов⁷⁰.

Традиционной в последние годы стала организация на предприятиях стран СЭВ международных школ передового опыта. В 1972 г. на Череповецком металлургическом заводе состоялась встреча металлургов Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Польши, Румынии, Чехословакии, Советского Союза и Югославии. В честь 50-летия образования СССР они провели плавку дружбы, обменялись опытом работы⁷¹. Такая же встре-

⁶⁴ См. Яшик Ладислав. Социалистическое соревнование в Чехословакии.— Социалистическое соревнование в странах братского содружества, с. 135; Немешлаки Тивадар. Указ. соч., с. 29.

⁶⁵ «Правда», 1976 г., 24 марта; 1976 г., 29 апреля; 1977 г., 11 марта.

⁶⁶ См. Варике Герберт. Указ. соч., с. 40.

⁶⁷ См. Link H., Marder K. In Schtschokino, Swedt und anderswo. Sowjetische Hilfe ermöglicht hohe Wettbewerbsziele.— «Neuer Weg» (Berlin), 1974, H. 2, S. 76.

⁶⁸ Neumann H. und Strauß W. Die gegenwärtige Etappe der Entwicklung des Sozialistischen Weltsystems und die höheren Anforderungen an das internationalistische Denken und Handeln der Arbeiterklasse und aller Werktätigen.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Technischen Universität Dresden», Dresden, 1973, H. 5, S. 718.

⁶⁹ «Правда», 1977 г., 3 марта.

⁷⁰ «Правда», 1977 г., 23 февраля.

⁷¹ См. Пименов П. Т. Пролетарский интернационализм в действии. М., 1973, с. 28.

ча состоялась в 1974 г. на металлургическом заводе им. Дзержинского в польском городе Дамбрава-Гурнича. В ней приняли участие сталевары из 6 стран — членов СЭВ, в том числе из Советского Союза¹².

Опыт развития производственных связей советского рабочего класса с рабочими стран СЭВ в годы девятой пятилетки свидетельствует о том, что в условиях углубляющейся социалистической экономической интеграции постоянно возрастает значение тесных контактов между рабочим классом братских стран в сфере материального производства. Именно в производственной деятельности рабочего класса находят реализацию и конкретное воплощение принципы сотрудничества стран социалистического содружества.

Развитие производственных связей рабочих СССР с рабочими стран СЭВ ведет к неуклонному укреплению отношений дружбы между ними во всех областях жизни. Оно способствует росту политической сознательности и творческой инициативы рабочих, воспитанию трудящихся в духе социалистического интернационализма.

Социалистическая экономическая интеграция, достижения научно-технической революции выдвигают новые, еще более сложные задачи по совершенствованию производственных связей советского рабочего класса с рабочими стран СЭВ. Все это требует от партийных, государственных органов и общественных организаций активной деятельности, направленной на развитие различных форм производственных контактов между рабочими, и в первую очередь — непосредственного сотрудничества коллективов предприятий, широкого обмена передовым производственным опытом и развития социалистического соревнования.

XXV съезд КПСС определил новый этап совершенствования всестороннего сотрудничества Советского Союза с братскими государствами, подчеркнув важность дальнейшего укрепления их взаимосвязи в области политики, экономики, социальной жизни. Последующее развитие производственных связей рабочего класса СССР с рабочими стран — членов СЭВ представляет собой одно из важных звеньев этого объективного процесса.

¹² См. Смольков В. Г., Ефремов Е. И. Указ. соч., с. 90.

РАЗВИТИЕ ПАРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Анализ динамики внедрения паровой энергетики в промышленном производстве России в период становления крупной машинной индустрии страны дает возможность осветить важную сторону истории промышленного капитализма.

К. Маркс характеризовал изобретение и внедрение паровой машины в промышленное производство как вторую фазу «великой промышленной революции» конца XVIII — начала XIX в. Он подчеркивал в «Капитале», что паровой универсальный двигатель определил главную тенденцию технического прогресса — непрерывность расширения машинного производства, — став основой глубоких качественных сдвигов в росте энерговооруженности труда и увеличения относительной прибавочной стоимости¹.

Анализируя развитие капитализма в России, В. И. Ленин значительное внимание уделял вопросу роли паровых двигателей в становлении крупной машинной индустрии, когда производство средств производства для средств производства достигает громадного развития. «К «фабрикам» и заводам относятся все заведения, имеющие паровой котел или паровую машину, — указывал В. И. Ленин. — Признак наиболее точный и наиболее удачно выбранный, так как применение пара действительно характерно для развития крупной машинной индустрии»².

Специального исследования по данной проблематике в советской литературе еще не было. Но в работах советских историков о промышленном перевороте неоднократно рассматривались вопросы о роли паровых двигателей в промышленном производстве³. Впервые М. Ф. Злотников попытался дать сводные подсчеты энерговооруженности дореформенной промышленности России⁴. Эти подсчеты были подвергнуты критическому анализу академиком С. Г. Струмилиным, который ввел в научный оборот новые обобщающие сведения об энерговооруженности промышленного производства России накануне падения крепостного права⁵.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 386—392; См. также Маркс К. Применение природных сил и науки. — «Вопросы истории естествознания и техники». М., 1968, вып. 25, с. 29—30.

² Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 100; т. 3, с. 506.

В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя к фабрикам и заводам относить не паровые, а другие механические двигатели (вплоть до водяного, конного, ветряного и даже топчакowego) (См. Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 9).

³ Яцунский В. К. Промышленный переворот в России. В кн. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973, с. 116—145; Цыпин Б. Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск, 1968; Мельник Л. Г. Технический переворот на Украине в XIX столетии. Киев, 1972; Ашурков В. Н. К истории промышленного переворота в России. (Реконструкция государственных оружейных заводов во второй половине XIX в.). — «Ученые записки» Тульского пед. ин-та, истор. науки, вып. 1, 1967 и др.

⁴ Злотников М. Ф. От мануфактуры к фабрике. — «Вопросы истории», 1946, № 11—12.

⁵ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР, т. 1. М., 1954, с. 412.

В его трудах вообще уделено большое внимание разработке статистики паровой энергетики металлургического производства пореформенной России⁶. В литературе значительное освещение получил и вопрос о внедрении паровых двигателей в хлопчатобумажную промышленность России⁷.

В соответствии с ленинской методикой исследования крупной машинной индустрии мы проводим в статье анализ энерговооруженности промышленного производства России по следующим показателям: численность рабочих, наличие парового двигателя, его мощность и энерговооруженность труда. Исследование динамики темпов роста и удельного веса основных показателей промышленного производства дается на 1860, 1875—1878, 1890 и 1900 гг., что отражает циклический характер капиталистического развития России.

Промышленная статистика паровых двигателей в России стала систематически разрабатываться с середины 70-х годов XIX в. Ценным источником служат «Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи», изданные в 1882 г. Центральным статистическим комитетом, где суммированы сведения по всем отраслям народного хозяйства пореформенной России за период 1875—1878 гг. Материалы этого источника широко использованы в труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Критический анализ этого источника показывает, что не все предприятия были включены в его состав, а по горнометаллургической промышленности сведения занижены почти на 20%. При подведении сводных итогов по промышленному производству России в статье суммировались сведения из трех групп источников — «Свода данных о фабрично-заводской промышленности России», «Статистики производств, облагаемых акцизом» и «Сборника статистических сведений о горнозаводской промышленности России». Несмотря на относительную неточность, неполноту и ограниченность материалов дореволюционной промышленной статистики, они все же позволяют выявить основные тенденции развития паровой энергетики в промышленном производстве России. Как указывал В. И. Ленин, при научном анализе важны «не абсолютные цифры, а отношения, вскрываемые ими»⁸.

В мировом капиталистическом производстве широкое внедрение паровой энергетики развернулось со второй четверти XIX в. До этого периода паровая энергетика получила быстрое развитие только в промышленности Англии, обеспечив ей мировое превосходство в применении паровых двигателей. За 1800—1825 гг. мощность английских стационарных паровых машин в промышленном производстве возросла с 5,2 тыс. л. с. до 375 тыс. л. с., т. е. более чем в 75 раз. Во Франции к 1825 г. насчитывалось в промышленности всего 328 паровых двигателей мощностью в 5 тыс. л. с. В Пруссии было немногим больше — 425 паровых машин мощностью в 7,5 тыс. л. с.⁹

Во второй четверти XIX в. становление машинного способа производства в странах капитализма приняло всеобъемлющий характер.

⁶ Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет. М.—Л., 1935, с. 234—239.

⁷ Кошман Л. В. Из истории промышленного переворота в России. (Применение паровых двигателей в хлопчатобумажной промышленности Московской и Владимирской губерний и зарождение отечественного машиностроения).— «Вестник Московского университета», истор., № 5, 1969, с. 35—44; Арсеньев Е. В. Хлопчатобумажная промышленность Московской губернии. 60—80-е гг. XIX в. М., 1974 (канд. дис.).

⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 219.

⁹ Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937, с. 285—286; Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М., 1959, т. 1, с. 260.

Гигантский подъем железнодорожного строительства в капиталистических странах этого времени сопровождался расширением промышленного производства, ростом предприятий тяжелой индустрии, что повышало значимость паровой энергетики в народном хозяйстве. Внедрение паровых двигателей в промышленное производство и транспорт капиталистических стран воздействовало на топливно-энергетические отрасли хозяйства, особенно каменноугольную промышленность. Каменный уголь стал основным топливом паровых двигателей. Во второй трети XIX в. мировая добыча каменного угля выросла в 6 раз, достигнув к 1860 г. 115 млн. т, при этом на долю Англии приходилось более 70% мировой добычи угля.

Развитие паровой энергетики было тесно связано с урбанизацией общества и ростом индустриальных городов. К. Маркс, указывая на способность машинной индустрии «концентрировать производство в городах», подчеркивал в «Капитале», что «паровая машина — мать промышленных городов»¹⁰. Ранее всего индустриальные города развились в Англии, где к середине XIX в. городское население составляло более половины населения страны. В этот период там промышленная революция вступила в свою завершающую индустриальную стадию. «Мастерская мира» строила паровые двигатели почти для всех стран мира. К 1860 г. мощность стационарных паровых машин в английской обрабатывающей промышленности (без горнометаллургических производств), по неполным данным, достигала 700 тыс. л. с. Во Франции эта цифра составляла 178 тыс. л. с. Паровая энергетика быстро завоевывала решающие позиции в обрабатывающей промышленности США (особенно в лесобработке и мукомольном деле), общая мощность которой в начале 60-х годов XIX в. достигла 800 тыс. л. с.¹¹

Мощность стационарных паровых машин становится сводным стратегическим показателем развития производственного аппарата фабрично-заводской промышленности капиталистических стран. Темпы развития паровой энергетики стали определяться циклическим ритмом капиталистического воспроизводства¹².

В крепостнической дореформенной России перестройка мануфактуры в фабричное машинное производство носила замедленный характер. Паровые двигатели слабо внедрялись в промышленное производство, особенно в тяжелую промышленность. Россия была родиной паровой машины И. И. Ползунова, создавшего первый в мире универсальный тепловой двигатель, но в условиях господства крепостничества это великое техническое изобретение так и не было реализовано. Крепостной строй тормозил развитие производительных сил страны и задерживал внедрение паровой энергетики и машинного производства в народное хозяйство. В основе материального производства страны лежала ручная техника, соответствующая слабой организации общественного труда при феодальном строе. Однако в стране развивался спонтанный процесс складывания капиталистического производства. В связи с общественным разделением труда был рост промышленных городов и промысловых деревень, росли обороты внутреннего рынка России. Намечались определенные технико-экономические достижения в обрабатывающей промышленности страны. Впервые в дореформенную эпоху паро-

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 388.

¹¹ Всемирная история, т. VI. М., 1959, с. 200; Мендельсон Л. А. Указ. соч., с. 535, 575.

¹² Обстоятельный анализ развития паровой энергетики в странах мирового капитализма см. в кн. J. Purš. Průmyslová revoluce. Vývoj pojmu koncepce. Praha, 1973, S. 396—405.

вая машина в качестве теплового двигателя была применена в наиболее передовом в техническом отношении хлопчатобумажном производстве, где преобладал почти исключительно вольнонаемный труд. В 1805 г. паровая машина была установлена на казенной Александровской мануфактуре в Петербурге, а в 1830 г. на двух бумагопрядильных предприятиях этой мануфактуры работало несколько сот ткацких и прядильных станков, приводимых в движение тремя паровыми двигателями общей мощностью в 89 л. с. В 1830 г. около 60% всех механических бумагопрядильных веретен на русских хлопчатобумажных фабриках Петербурга и Москвы приводилось в движение паровыми машинами, остальные — водяными колесами и конными приводами, т. е. двигателями, характерными для мануфактурного периода промышленного производства. Суммарная мощность паровых машин, действовавших на русских бумагопрядильных фабриках, достигала 200 л. с. Но в ткацком производстве продолжал безраздельно господствовать ручной ткацкий станок. В первой трети XIX в. паровые машины стали применяться в лесопильном производстве. В начале 30-х годов в России было 11 паровых лесопильных заводов, сосредоточенных в Петербурге (6 предприятий), Кронштадте, Николаеве, Риге, Архангельске. Мощность паровых двигателей на каждом из этих лесопильных предприятий составляла от 25 до 52 л. с. В 20-х годах паровые двигатели стали внедряться и на бумажных фабриках России, общая мощность которых достигала 150 л. с.

В 1824 г. в сахарорафинадном производстве была внедрена первая паровая установка, приводившая в действие паровой насос. В начале 30-х годов XIX в. в мукомольном производстве страны работало 7 паровых мельниц, использовавших паровые двигатели общей мощностью около 200 л. с.¹³

В первой трети XIX в. возникло отечественное строительство паровых машин, осуществлявшееся вначале старыми, ремесленно-мануфактурными методами. «Машинное производство первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе», — писал К. Маркс¹⁴. Изготовление первых отечественных паровых двигателей началось на Ижорских Адмиралтейских казенных заводах, представлявших собой переходный тип предприятий от мануфактуры к фабрике. Характерно, что единственным источником энерговооруженности этих предприятий были водяные двигатели общей мощностью в 200 л. с. На Ижорских заводах началось строительство и первых паровых двигателей, установленных на казенной Александровской мануфактуре в Петербурге. С 1804 г. началась постройка паровых двигателей и на крупном машиностроительном предприятии заводчика Берда в Петербурге. К 1820 г. это предприятие имело 3 паровых двигателя общей мощностью в 42 л. с. и 70 металлообрабатывающих станков. Завод выпускал ежегодно до 10 паровых машин преимущественно для пароходов¹⁵.

Спорадическое применение первых паровых машин на предприятиях обрабатывающей промышленности России не меняло в целом картины отсталой энергетической базы страны. По сведениям В. С. Пельчинского, в начале 30-х годов XIX в. общая мощность паровых двигателей в русской промышленности составила 2,2 тыс. л. с., в то время как суммарная мощность водяных колес и конных приводов, применявшихся в

¹³ Виргинский В. С., Захаров В. В. Подготовка перехода к машинному производству в дореформенной России. — «История СССР», 1973, № 2, с. 78—82.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 393.

¹⁵ Карелин В. С. О русских паровых машинах. СПб., 1853, с. 52; Статистические ведомости о состоянии российских мануфактур в 1815—1821 гг. СПб., 1825, с. 29.

промышленности, достигала 30 тыс. л. с.¹⁶ Таким образом, мощность двигателей, характерных для мануфактурного производства, превышала мощность паровых двигателей более чем в 13 раз.

Во второй трети XIX в. поступательный ход развития мирового капитализма неуклонно втягивал в свое русло экономику феодально-крепостнической России. В этот период в стране усилился процесс формирования промышленного капитализма. За 35 лет (с 1825 по 1860 г.) количество крупных предприятий обрабатывающей промышленности и общая численность занятых здесь рабочих возросли втрое¹⁷. Подъем промышленного производства был тесно связан с наметившейся технико-экономической перестройкой промышленности — переходом от ручного труда к машинному. Но масштабы этого процесса, особенно в отраслях тяжелой промышленности, были еще невелики. Вначале технический переворот захватил преимущественно текстильную промышленность, в особенности хлопчатобумажное производство, где применение капиталистических форм труда давало высокую производительность (до 140%) в отличие от крепостнических мануфактур. К 1853 г. на долю текстильных, главным образом хлопчатобумажных предприятий Центрального промышленного района (преимущественно Московской и Владимирской губерний), приходилось 90,8% всей мощности паровых двигателей всех отраслей промышленного производства этого района¹⁸. Темпы внедрения паровой энергетики в хлопчатобумажной промышленности России в последние дореформенные десятилетия были очень высокими. Так, за 20-летие (с 1839 по 1859 г.) мощность паровых двигателей, установленных на предприятиях хлопчатобумажной промышленности Московской губернии, выросла в 5 раз — с 343 л. с. до 1705 л. с., а на хлопчатобумажных предприятиях Владимирской губернии — более чем в 10 раз, с 118 л. с. до 1290 л. с.¹⁹ Наиболее быстро паровые двигатели внедрялись в бумагопрядильное производство, способствуя высокой концентрации фабричного производства этой отрасли. Так, в 1860 г. на 54 крупных хлопкопрядильных фабриках России действовали паровые машины общей мощностью в 5560 л. с.²⁰ Всего на долю текстильных фабрик России в 1860 г. приходилось 57% мощности всех паровых двигателей русской обрабатывающей промышленности, 76% указанной мощности — на хлопчатобумажное производство²¹. Высокая энергооборуженность крупного русского хлопкопрядильного производства способствовала резкому повышению производительности труда и росту доходов этой отрасли промышленности.

Но в целом в мануфактурной промышленности дореформенной России доминировали ручной труд, кустарно-ремесленное производство и отсталая энергетическая база. По неполным сведениям М. Ф. Злотникова, в конце 50-х годов XIX в. энергетическое оборудование обрабатывающей промышленности дореформенной России распределялось следующим образом: мощность паровых двигателей составляла 15 423 л. с., а водяных — 37 790 л. с.²²

¹⁶ Пельчинский В. С. О состоянии промышленных сил России до 1832 г. СПб., 1833, с. 63.

¹⁷ Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, с. 23.

¹⁸ Васильев Б. Н. Формирование фабрично-заводского пролетариата Центрального промышленного района России (1820—1890-е годы). Автореф. докт. дис. М., 1972, с. 22.

¹⁹ Кошман Л. В. Указ. соч., с. 35.

²⁰ Шерер. Хлопчатобумажная промышленность. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России, т. II. СПб., 1863, с. 462—463.

²¹ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР, т. 1, с. 413.

²² Злотников М. Ф. Указ. соч., с. 47.

В рассматриваемый период наиболее отсталой продолжала оставаться энергетическая база черной металлургии России, основанная на действии системы деревянных наливных колес, характерной для феодальной эпохи. Паровые двигатели занимали в энергетике ничтожное место. По подсчетам академика С. Г. Струмилина, в 1860 г. в доменном производстве России на долю паровых машин приходилось всего лишь 8,8% всей энергетической мощности²³. В том числе на Урале — главном металлургическом центре России, где вырабатывалось около 75% всего русского металла, в начале 60-х годов мощность паровых двигателей составляла лишь 7% мощности силовых установок, достигая почти 37 тыс. л. с.²⁴ Даже на наиболее крупных по энергетической мощности трех металлургических заводах Урала — Лысьвенском, Ново-Алапаевском и Нижне-Тагильском (на долю которых падало около 11% мощности всех силовых установок 156 уральских металлургических заводов, что составляло 4375 л. с.) мощность паровых двигателей составляла всего 370 л. с., или 8,3% общей энергетической мощности этих заводов. Крепостная мануфактура, царившая в горнозаводской промышленности России, тормозила развитие техники и обуславливала низкие темпы производства в этой важнейшей отрасли хозяйства страны. Если в конце XVIII в. Россия по выработке чугуна стояла на первом месте в мире (или 32% мировой выплавки), то в первой половине XIX в., когда развернулась «революция угля и железа» в Западной Европе, удельный вес ее в мировом производстве чугуна стал резко падать, составив в 1830 г. 12%, а в 1860 — 4% мировой выплавки. Запретительный таможенный тариф 1822 г. на черные металлы, защищавший крепостную промышленность царской России, отнюдь не содействовал техническому прогрессу черной металлургии, среднегодовой прирост продукции которой составлял менее 1%. В капиталистической Англии за 1820—1850 гг. производство железа увеличилось на 545%, с 21,6 до 139 млн. пудов, в то время как в России за тот же период — всего на 67% (с 6 до 10 млн. пудов), т. е. росло в 8 раз медленнее²⁵.

К 1860 г. паровая энергетика в силовом оборудовании промышленности России (без Польши и Финляндии) распределялась, как показано в таблице 1²⁶.

Накануне отмены крепостного права на тяжелую промышленность приходилась лишь четвертая часть мощности паровых двигателей. При этом отрасли легкой индустрии (текстильная, бумажная и пищевая промышленности) по мощности паровых машин в 3 раза превосходили отрасли тяжелой промышленности. Так, в наиболее механизированной хлопчатобумажной промышленности мощность паровых двигателей на

²³ Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет, с. 213.

²⁴ Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, с. 37.

²⁵ Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет, с. 202.

²⁶ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР, с. 413. По приблизительным подсчетам известного английского статистика М. Мелхолла, мощность паровых двигателей России в 1860 г. составляла 60 тыс. л. с., что вдвое превышает цифру подсчетов советских исследователей (Струмилина С. Г. и Злотникова М. Ф.). — См. Michall M. The Dictionary of Statistics, 1884. Спорность и неполнота подсчетов технической энерговооруженности русского промышленного производства накануне исторического рубежа — аграрной реформы 1861 г. — настоятельно требуют всестороннего исследования реального положения мануфактурной и фабрично-заводской промышленности России в этот период (см. подробнее Нифонтов А. С. Задачи изучения «промышленного переворота» в России. В кн. Из истории экономической и общественной жизни России. Сб. ст. к 90-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 1976, с. 140—152).

Распределение паровой энергетики в отраслях промышленности России в 1860 г.

	Число предприятий	Мощность паровых машин (тыс. л. с.)
Группа «А»		
I. Отрасли тяжелой промышленности (производство средств производства)	137	7,4
Группа «Б»		
II. Отрасли легкой промышленности (производство средств потребления)	502	21,6
Итого . . .	639	29,0

114 фабриках равнялась 9,7 тыс. л. с., т. е. в среднем на каждую фабрику приходилось 85 л. с. В то же время на 27 машиностроительных заводах России, сконцентрированных в крупных городах, мощность паровых двигателей составляла всего 976 л. с., т. е. в среднем на завод приходилось по 36 л. с.²⁷ Таким образом, по энерговооруженности паровой энергетикой машиностроительные заводы были почти в 2,5 раза слабее хлопчатобумажных фабрик России.

Таков был исходный рубеж промышленного производства России накануне падения крепостного права. Первые проявления промышленного переворота, наметившиеся в 40—50-х годах XIX в., характеризовались сравнительно замедленными темпами внедрения передовой техники в промышленное производство страны. По справедливому замечанию академика А. М. Панкратовой, «...мануфактура до самой отмены крепостного права оставалась господствующей формой развития промышленности в России»²⁸. Даже самая развитая отрасль русской промышленности — текстильная — накануне реформы находилась только на грани фабрик²⁹.

Главным тормозом технического и социально-экономического прогресса России было крепостничество. Дешевый подневольный труд не стимулировал развития передовой машинной техники в промышленности. В то же время начальный период промышленного переворота имел огромное значение для России первой половины XIX в., расшатывая устой феодализма и ускоряя процесс его разложения. Внедрение машинного производства обостряло кризис крепостнической системы хозяйства и со всей остротой ставило неизбежный вопрос об отмене крепостного права.

Разгром царизма в Крымской войне остро поставил вопрос о необходимости форсированного развития современной промышленности. Реформа 1861 г., открыв простор развитию внутреннего рынка рабочей силы, ознаменовала собой новый период в капиталистическом развитии России, «начало новой промышленной эры»³⁰. Ф. Энгельс, подчеркивая диалектический характер этого исторического процесса в пореформенной России, отмечал, что освобождение крестьян в 1861 г. и развитие крупной капиталистической промышленности связаны между собой отчасти как причина, отчасти как следствие³¹. Крестьянская реформа, освободив от крепостной зависимости значительные кадры промышленных рабочих, сформировавшихся еще в условиях капиталистической ма-

²⁷ Струмилин С. Г. Указ. соч., с. 413.

²⁸ Рабочее движение в России. Сб. док. и материалов под ред. А. М. Панкратовой, т. I. М., 1951, с. 19.

²⁹ См. Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 592.

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 398.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 406.

нуфактуры, ускорила процесс становления фабрично-заводского производства. После падения крепостничества и до начала XX в. в России стала быстро разворачиваться непрерывная экономическая и социальная революция³².

Становление паровой энергетики в российском промышленном производстве в пореформенную эпоху характеризуется тремя основными этапами, отражавшими особенности развития промышленной революции в России.

Начальный этап относится к первому пореформенному двадцатилетию — 60—70-м годам XIX в. — переходному периоду в истории российского капитализма, когда началась коренная ломка старых феодальных хозяйственных отношений, формирование новой капиталистической формации. С конца 60-х годов XIX в. важным фактором этого процесса явилось широкое железнодорожное строительство. С 1861 по 1880 г. железнодорожная сеть страны увеличилась в 14 раз, составив 21 тыс. верст. В сферу действия железных дорог было включено более 45% территории Европейской России, а также районы Северного Кавказа, Закавказья, Польши и Финляндии. Создание первой железнодорожной сети явилось важным фактором в стимулировании роста промышленного капитализма, перехода промышленности на рельсы крупной машинной индустрии. Развитие капиталистического производства в этот период характеризовалось прогрессирующей тенденцией перерастания капиталистической мануфактуры в механизированную фабрику³³.

Ярким показателем поступательного развития крупной машинной индустрии России в этот период служили нарастающие темпы роста применения паровой энергетики в промышленном производстве страны. За период с 1860 по 1878 г. мощность паровой энергетики в промышленности возросла в 4,7 раза, с 29 тыс. до 138,7 тыс. л. с., при этом по группе А — с 7,4 тыс. до 60,4 тыс. л. с., т. е. в 8 раз, а по группе Б — в 3,6 раза, достигнув 78,3 тыс. л. с. (см. табл. 8). Поступательное развитие машинной индустрии в пореформенную эпоху свидетельствовало о действии объективного экономического закона расширенного воспроизводства с характерным для него преимущественным ростом производства средств производства.

Развитие паровой энергетики в промышленности в этот период отчетливо выявило прогрессивную тенденцию роста и концентрации крупных механизированных предприятий, особенно по энерговооруженности производства. В. И. Ленин указывал, что к концу 70-х годов на крупных паровых фабриках с количеством рабочих более 100 человек (которые составляли всего 4,4% всех промышленных предприятий России) было сосредоточено 66,8% рабочих. Обеспечение этих предприятий паровыми двигателями достигало 64%, а крупнейших предприятий с численностью рабочих более 1 тыс. человек — 94%³⁴. Эти показатели свидетельствуют о важных качественных сдвигах в становлении материально-технической базы российского промышленного капитализма — крупной машинной индустрии.

Однако в целом по стране темпы внедрения парового машинного производства в первый пореформенный период были незначительны и неравномерны как в отраслевом, так и в территориальном масштабах. Во второй половине 70-х годов из 28 тыс. цензовых промышленных предприятий России (с числом рабочих более 16 чел.) насчитывалось около

³² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 406.

³³ См. подробнее: Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

³⁴ См. Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 510—512.

6 тыс. фабрик с паровым двигателем — 21% общего количества предприятий обрабатывающей промышленности. При этом на 2,7 тыс. крупных фабрик было сконцентрировано 5,9 тыс. паровых машин мощностью в 111,2 тыс. л. с., т. е. около 80% общей мощности паровых двигателей фабрично-заводской промышленности России³⁵.

Наибольший рост парового машинного производства был на предприятиях пищевой промышленности России — мукомольной, свеклосахарной и винокуренной. В конце 70-х годов здесь было сосредоточено более 44% всех паровых машин обрабатывающей промышленности, мощность которых достигала 36% всей паровой производственной мощности.

На предприятиях текстильной промышленности России мощность паровых двигателей достигала 25% общей мощности паровой энергетики промышленного производства страны. При этом наибольший размах получила механизация хлопчатобумажной промышленности, сконцентрированной в основном вокруг столичных центров — Петербурга и Москвы, на предприятиях которых к концу 70-х годов было сосредоточено до 80% общей мощности паровых двигателей этой отрасли производства³⁶. К концу рассматриваемого периода только машинная продукция российских бумагопрядильных фабрик стала доминирующей, окончательно уничтожив домашнее ручное производство кустаря-прядильщика. В области же ткацкого производства значительное место продолжал занимать еще ручной ткацкий станок. По подсчетам видного историка А. С. Нифонтова, в 1879 г. из 39 крупных бумаготкацких предприятий Москвы только 3 фабрики были оснащены паровыми двигателями, на остальных преобладал ручной труд³⁷. Энерговооруженность текстильных фабрик Петербурга в этот период была в 4,5 раза выше Москвы (на одного петербургского текстильщика приходилось 0,27 л. с., а на одного московского — 0,06 л. с.). Высокая энерговооруженность труда и беспощадная эксплуатация рабочих-текстильщиков позволяли крупной петербургской буржуазии получать огромные прибыли³⁸. В сукноткацком производстве количество ручных станков достигало 75%, в шелковом — 93%³⁹.

О неравномерном распределении паровой энергетики на различных производствах текстильной промышленности можно судить на основании следующей таблицы (см. табл. 2).

Из таблицы видно, что в середине 70-х годов более 64% мощности паровых двигателей в текстильной промышленности России приходилось на передовое хлопчатобумажное производство, где наибольшей была и энерговооруженность труда рабочих. Конкуренция капиталистической фабрики постепенно вытесняла кустарное производство. Так, в хлопчатобумажном производстве в конце 70-х годов XIX в. в России на-

³⁵ Ленин В. И. Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России». М., 1970, с. 323—359, 580—583; Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи, с. 163.

³⁶ Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи, с. 16.

³⁷ История Москвы, т. IV. Период промышленного капитализма. М., 1954, с. 91, 97. О значительном преобладании ручной техники на подавляющем числе ткацких предприятий Москвы свидетельствуют материалы монографии Рожковой М. К. «Формирование кадров промышленных рабочих в 60-х — начале 80-х годов XIX в. По материалам Московской губ.» (М., 1974, с. 170).

³⁸ См. подробнее: Корольчук Э. А. Об особенностях эксплуатации и стачечной борьбы петербургского пролетариата (70—90-е годы XIX в.). — «Исторические записки», № 89. М., 1972, с. 134—186.

³⁹ Тимирязев Д. А. Историко-статистический обзор промышленности России. СПб., 1883, с. 116, 169.

Таблица 2

Паровая энерговооруженность предприятий текстильной промышленности России в 1875—1878 гг. *

Отрасли производства	Предприятия	Рабочие (тыс. чел.)	Паровые машины			
			число	мощность (л. с.)	энерговооруженность	
					1 предприятия (л. с.)	1 рабочего (л. с.)
Хлопчатобумажная	805	165,0	775	22 271	27,6	0,13
Шерстяная	1144	112,9	250	5 606	4,9	0,05
Льняная	67	41,5	55	2 856	42,6	0,07
Шелковая	118	15,2	22	209	1,8	0,013
Итого	2134	334,6	1102	30 942	14,5	0,09
С учетом всех текстильных производств						
Всего	2307	364,6	1151	34 664	15,0	0,10

* Материалы для статистики паровых двигателей, с. 8—10.

считывалось из общего числа 54 тыс. действующих станков до 13 тыс. ручных, применявшихся в мелком домашнем производстве. «Нет сомнения, что все эти ручные станки обречены гибели в ближайшем будущем, но они так упорно держатся, даже в самой Москве, посреди громадных механических фабрик, что их вымирание все-таки будет постепенное»⁴⁰, — писал в 1882 г. обозреватель Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве. Кустари-предприниматели пытались использовать и механическую двигательную силу, но механический двигатель кустарю в то время был доступен лишь в форме «конного привода», что могло обеспечить весьма слабую производительность⁴¹.

В первый пореформенный период ведущие позиции в процессе становления паровой машинной индустрии принадлежали промышленным столичным центрам России. Так, петербургская промышленность располагала наиболее мощными паровыми двигателями на своих предприятиях, где на одну паровую машину приходилось 31,6 л. с. против 20,5 л. с. московских паровых машин. Суммарная мощность паровых двигателей столичной фабрично-заводской промышленности достигала 17,8 тыс. л. с., московской — 13,7 тыс. л. с., т. е. на 23% меньше. По мощности паровых двигателей впереди шла металлообрабатывающая промышленность Петербурга. В конце 70-х годов она располагала 260 паровыми машинами мощностью в 4,8 тыс. л. с., что составляло 25% всех паровых двигателей Европейской России, имевшихся в этой отрасли промышленности и 24,5% их общей мощности⁴². На 39 машиностроительных заводах Петербурга в этот период было сконцентрировано до 40%, а на 33 машиностроительных предприятиях Москвы — немногим более 10% общей мощности паровой энергетики этой отрасли промышленности страны⁴³.

⁴⁰ Отчет о Всероссийской Художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. Под ред. акад. В. П. Безобразова. СПб., 1883, т. VI, с. 268.

⁴¹ Труды высочайше разрешенного Торгово-промышленного съезда, созданного Обществом для содействия русской промышленности и торговли в Москве в июле 1882 г. СПб., 1883, с. 233.

⁴² Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи, с. 12—14.

⁴³ Там же, с. 23, 24.

Таблица 3

Состояние энергетической базы горнозаводских предприятий России в конце 1879 г.*

Районы	Паровые двигатели		Водяные двигатели		Всего	
	число	мощность (л. с.)	число	мощность (л. с.)	число	мощность (л. с.)
Урал	280	8 523	1258	28 301	1538	36 824
Петербургская губ.	96	5 587	3	170	99	5 757
Центрально-промышленный	177	5 928	127	2 651	304	8 579
Южные и западные губернии	240	5 942	2	30	242	5 972
Польские губернии	129	6 509	187	2 154	316	8 663
Одонецкий	10	163	16	383	26	546
Финляндия	55	810	248	1 049	303	1 859
Сибирь	11	382	57	860	68	1 242
Туркестан	4	105			4	105
Кавказ	98	501	14	53	112	554
Итого	1070	34 450	1912	35 651	2982	70 101

* Горнозаводская производительность России в 1879 г. СПб., 1881, с. 123—124.

В конце 70-х годов еще не завершилась техническая перестройка энергетической базы предприятий тяжелой промышленности России. Особенно слабо внедрялись паровые двигатели на предприятиях горнозаводской промышленности Урала, который продолжал сохранять свое значение ведущей металлургической базы страны. Появление отдельных паровых машин на уральских горнозаводских предприятиях не меняло по существу природы этих отсталых, хотя и «механизированных» частично мануфактур. Мощность паровых двигателей на уральских заводах в конце 70-х годов составляла всего 23% общей силовой мощности металлургии Урала (см. табл. 3).

В первое пореформенное двадцатилетие мощность паровых двигателей на горнометаллургических заводах Урала выросла с 2,5 тыс. до 8,6 тыс. л. с., т. е. почти в 3 раза (или с 7 до 23% от всей стабильной мощности силовых установок в 37 тыс. л. с.). На заводах черной металлургии всей России мощность паровых двигателей с 1859 по 1878 г. возросла почти в 10 раз, с 3,9 тыс. до 30,7 тыс. л. с. (около 44% общей мощности энергетических установок этой отрасли хозяйства)⁴⁴. Эти цифры убедительно свидетельствуют о нарастающих темпах технического прогресса в тяжелой промышленности страны. Но в то же время эти темпы были еще недостаточными для радикальной перестройки энергетического хозяйства черной металлургии России. Характерно, что рост численности горнозаводских рабочих в этот период значительно опережал рост мощности силового оборудования металлургических заводов. В результате общий уровень энерговооруженности горнозаводских рабочих за период 60—70-х годов XIX в. остался без изменений⁴⁵. Металлургия в России в этот период продолжала резко отставать от ведущих капиталистических стран мира. О низких темпах технического прогресса здесь свидетельствовало крайне слабое внедрение минерального топлива в технологию металлургического производства, где продолжало господствовать нерентабельное древесное топливо. В 1875 г. в России

⁴⁴ Струмилин С. Г. Указ. соч., с. 236.⁴⁵ Там же, с. 237.

Таблица 4

Паровая энерговооруженность промышленности России и Германии в 1875 г.*

Группа промышленного производства	Россия		Германия	
	мощность (тыс. л. с.)	энерговооруженность 1 рабочего	мощность (тыс. л. с.)	энерговооруженность 1 рабочего
I. Тяжелая индустрия группа «А»	60,4	0,17	527	0,50
II. Легкая индустрия группа «Б»	78,3	0,15	406	0,11

* Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи; Материалы для истории и статистики железной промышленности России. СПб., 1896; Горнозаводская производительность России в 1875 г. СПб., 1877; Тимирязев Д. А. Развитие главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности России с 1850 по 1879 г. СПб., 1881; Мендельсон Л. А. Указ. соч., т. II, с. 625.

имелись всего две доменные печи на минеральном топливе, которые давали 2,4% общероссийской продукции черной металлургии⁴⁶. Наибольшая нужда российской тяжелой промышленности в этот период была в главном сырье — чугуне, который в подавляющем количестве (до 62%) должен был импортироваться из-за границы.

Наиболее слабо развитой была в этот период машиностроительная промышленность, на долю которой приходилось около 7% общей мощности паровых двигателей фабрично-заводского производства страны. Отсталость ее базы отражалась на слабом обеспечении промышленности России паровыми двигателями отечественного производства (их доля составляла к 1878 г. всего 25% общей производственной мощности). Малый коэффициент полезного действия большинства паровых машин вообще был связан с тем, что на минеральном топливе в этот период работало только 21% всех паровых двигателей, подавляющее же большинство использовало в качестве топлива дрова, кору и солому⁴⁷.

В середине 70-х годов суммарная мощность паровых двигателей тяжелой промышленности России составляла 60,4 тыс. л. с., или 42,8% общей мощности паровой энергетики промышленного производства страны, что было почти в 9 раз меньше мощности силового аппарата тяжелой индустрии Германии. При этом энерговооруженность рабочей силы на русских горнометаллургических предприятиях была в 3 раза меньше, чем на германских заводах (см. табл. 4).

Недостаточное технико-экономическое вооружение отраслей российской тяжелой промышленности, создающей средства производства для средств производства в конце 70-х годов XIX в., все острее выдвигало задачу создания отечественной топливно-металлургической и машиностроительной базы.

Второй этап становления паровой энергетики в промышленном производстве относится к периоду 80-х — начала 90-х годов XIX в. Для него были характерны интенсивные формы развития крупной машинной индустрии в экономике страны. В истории российского капитализма этот этап характеризуется одновременно и как эпоха дворянской реакции, и как время углубленного капиталистического роста страны, связанного с развитием промышленной революции. Капиталистическая экономика России, потрясенная мировым аграрным кризисом и промышленными

⁴⁶ О мерах к развитию в России рельсового производства. СПб., 1876, с. 30—32.

⁴⁷ Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи, с. 138—139.

кризисами перепроизводства, форсировала процессы интенсификации труда, используя достижения мирового прогресса в технике и организации производства. В это время усиливается рост мощности производственного аппарата крупных предприятий, ускоряется процесс концентрации производства и централизации капитала, возникают первые монополистические объединения в промышленности и на транспорте. Рост и концентрация крупного промышленного производства вызвали коренную перестройку топливно-энергетической базы страны и бурное развитие нефтяной и каменноугольной промышленности, особенно новых горно-металлургических районов — Донецко-Криворожского на Украине, Бакинского в Закавказье и в Польше. Развитие базисных отраслей промышленного производства вело «к полному перевороту в технике и к широкому употреблению машин»⁴⁸. За период с 1881 по 1893 г. количество фабрично-заводских предприятий, работающих на минеральном топливе, возросло более чем в 3 раза⁴⁹, что является важным показателем перестройки ведущих отраслей промышленного производства страны на рельсы передовой машинной индустрии.

С середины 80-х годов стала интенсивно развиваться металлургическая и металлообработывающая промышленность России. Процесс перестройки технологии производства здесь был непосредственно связан с внедрением системы паровой энергетики. Особенно быстрые темпы принял технический переворот в чугунолитейном производстве. С 1882 по 1890 г. число домен, работающих на минеральном топливе, выросло в 4 раза. (Производительность доменной печи на минеральном топливе была в 7 раз больше, чем на древесном.) За 80-е годы производство чугуна на минеральном топливе увеличилось в 8 раз, составив 32% общероссийской выплавки⁵⁰.

Коренные сдвиги наметились в области энерговооруженности предприятий тяжелой промышленности России. Если в начале 80-х годов водяные колеса являлись еще основным двигателем металлургических и металлообработывающих заводов, составляя 66% энергетической их мощности, то к 1890 г. картина резко изменилась. Водяные колеса на металлургических заводах стали повсеместно вытесняться паровыми двигателями, энергетическая мощность которых достигла 60% (см. табл. 5). Однако прогрессивные сдвиги в развитии тяжелой индустрии происходили крайне медленно из-за отсталости производства главной железорудной и металлургической базы того времени — уральской горнозаводской промышленности, где еще в 1890 г. ручным способом выделялось более 30% уральского железа⁵¹.

Наиболее быстрыми темпами развивалась в этот период нефтяная промышленность России, которая явилась поистине детищем промышленной революции. Добыча нефти в 80-х годах выросла более чем в 11 раз — с 21,5 до 243 млн. пудов. Бурное расширение производства нефти в Бакинском районе было связано с резко возрастающим спросом на нефтяное топливо в ведущих отраслях промышленности России. Удобство потребления и дешевизна мазута сделали его важнейшим видом топлива для паровых машин. К 90-м годам бакинская нефтяная промышленность стала одной из главных отраслей тяжелой индустрии страны. Внедрение паровых двигателей привело к резкому росту произ-

⁴⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 529.

⁴⁹ Кеппен А. П. О потреблении минерального топлива в России. СПб., 1894, с. 11—13.

⁵⁰ Материалы для истории и статистики железной промышленности России, с. 14—15; Горнозаводская промышленность России. СПб., 1893, с. 50—51.

⁵¹ Горнозаводская промышленность России, с. 52.

Таблица 5

Сдвиги в энерговооруженности черной металлургии России в 1883—1890 гг.*

Силовое оборудование	1883 г.				1890 г.			
	число двигателей	%	мощность (л. с.)	%	число	%	мощность (л. с.)	%
Водяные двигатели	1596	66	39 548	51	1293	55	39 100	40
Паровые двигатели	829	34	38 792	49	1030	45	58 842	60
Итого . . .	2425	100	78 340	100	2323	100	97 942	100

* Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет с. 236.

водительности труда и масштабов производства. Количество паровых машин на бакинских нефтепромыслах увеличилось за десятилетие, с 1883 по 1893 г., более чем в 4 раза — с 141 до 605 машин. При этом общая силовая мощность паровых двигателей выросла почти в 7 раз — с 1,5 тыс. л. с. до 10,1 тыс. л. с.⁵² Техническая реконструкция, требующая огромных капиталовложений, вызвала глубокие сдвиги в нефтяном производстве с его широким размахом концентрации и централизации производства и капитала.

В конце 80-х годов в русской промышленности наметились важные структурные изменения. Ведущие отрасли производства легкой индустрии — текстильная и пищевкусовая — стали развиваться более низкими темпами, чем отрасли тяжелой промышленности. Особенно четко этот процесс стал прослеживаться в области энерговооруженности производства. Если за период с 1875 по 1890 г. мощность паровых двигателей на предприятиях тяжелой промышленности (группа «А») выросла на 144% (с 60,4 тыс. до 157,4 тыс. л. с.), то по отраслям легкой, пищевкусовой промышленности (группа «Б») — на 112% (с 78,3 тыс. до 167,7 тыс. л. с.). При этом темпы прироста рабочей силы на предприятиях тяжелой индустрии на 10% превысили прирост рабочей силы в отраслях легкой промышленности (см. табл. 8). Интенсивные темпы промышленного развития благотворно отразились на экономике России: страна получила возможность обеспечить внутреннее потребление продукции тяжелой индустрии за счет отечественного производства, доля которого выросла за этот период с 47 до 80%⁵³.

В 1890 г. паровая энергетика преобладала в отраслях легкой индустрии (на ее долю приходилось 66% всего количества паровых машин и 51,5% энергетической мощности паровых двигателей). Но в области энерговооруженности наметилось отчетливое преобладание отраслей тяжелой промышленности, где на одного рабочего в среднем приходилось 0,28 л. с. против 0,24 л. с. в легкой промышленности (см. табл. 8).

Именно в рассматриваемый период как признак прогрессирующего развития крупной машинной индустрии наблюдается широкое территориальное распространение паровой энергетики в промышленном производстве России. За 16 лет, с 1875 по 1892 г., число паровых двигателей

⁵² Ахундов Б. Ю. Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. М., 1959, с. 11.

⁵³ Материалы для истории и статистики железной промышленности России, с. 126—128.

возросло по количеству лошадиных сил в России втрое, а в Европейской России — в 2,5 раза⁵⁴. При этом на 5 губерний Европейской России (из 150 губ.) — Петербургскую, Петроковскую, Московскую, Екатеринбургскую, Владимирскую и Киевскую — приходилось 50% всей мощности паровой энергетики. В. И. Ленин, анализируя динамику развития паровых двигателей в России в территориальном масштабе, отмечал, что эти процессы «наглядно показывают образование двух новых индустриальных центров: в Польше и на Юге», где мощность паровых сил за 16 лет возросла в 10—12 раз. Он подчеркивал, что «на этих данных обнаруживается особенно быстрый рост промышленности, изготовляющей предметы *производительного* потребления, именно горной и металлургической промышленности», где возрастание количества паровых двигателей было гораздо интенсивнее, чем возрастание всего числа паровых машин во всей промышленности России. В связи с этим В. И. Ленин сделал важный вывод: «Промышленность, изготовляющая средства производства, занимает все большую и большую долю всей промышленности»⁵⁵.

Переход к крупному машинному производству в ведущих отраслях промышленности и транспорта России усилил процесс формирования кадров индустриального пролетариата. В. И. Ленин подчеркивал, что «именно капиталистическая крупная промышленность быстро увеличивает число рабочих, наряду с громадным повышением производительности их труда»⁵⁶. В этот период наиболее интенсивно развернулся процесс концентрации пролетариата на крупных предприятиях, складывающегося как важная социальная сила страны. В 1890 г. на предприятиях машинной индустрии (с численностью рабочих более 100 человек) было сосредоточено более 71% всех фабрично-заводских рабочих России.

Несмотря на ускоренное наращивание производственных мощностей, паровая энергетика промышленного производства России в начале 90-х годов продолжала еще резко отставать от ведущих стран капитализма. Индустриальная отсталость России характеризовалась крайней неравномерностью распределения мощности паровой энергетики между отдельными отраслями народного хозяйства страны. Из таблицы 6 видно, что мощность паровой энерговооруженности промышленности России была в 1890 г. в 10 с лишним раз меньше мощности индустриальной энергетики Англии и в 20 раз меньше энергетики США. При этом доля средств сообщения (железных дорог и пароходства) в России составляла почти 90% всей мощности паровых двигателей. В Германии в этот период на долю промышленности приходилось более 41% мощности всей паровой энергетики, в США — 28,6%, в Англии — 27,3%, а в России — 10,6%. Техническая перестройка ведущих отраслей промышленного производства России тормозилась общей отсталостью капиталистической экономики страны, на которой продолжало сказываться тяжелое наследие полукрепостнического режима.

Третий и последний этап становления паровой энергетики в промышленном производстве страны связан с экономическим подъемом 90-х годов — одним из важнейших исторических периодов в развитии российского капитализма⁵⁷, когда произошел гигантский скачок в росте произ-

⁵⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 507.

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 508.

⁵⁶ Там же, с. 496.

⁵⁷ В начале XX в. паровая машина в связи с развитием электроэнергетики и двигателей внутреннего сгорания утратила свою исключительную роль универсального двигателя.

Таблица 6

Распределение мощности паровых двигателей в промышленности и на транспорте России и ведущих капиталистических стран в начале 90-х гг. XIX в. (тыс. л. с.)*

Страны	Промышленность обрабатывающая и добывающая		Железные дороги		Морские и речные пароходы		Общая мощность
	мощность	% к общей мощности	мощность	% к общей мощности	мощность	% к общей мощности	
Россия	325	10,6	2 000	64,8	760	24,6	3 085
Англия	3500	27,3	4 000	31,4	5278	41,3	12 778
Германия	1846	41,1	2 260	50,3	386	8,6	4 492
США	7100	28,6	16 300	65,8	1400	5,6	24 800

* Мендельсон Л. А. Указ. соч., т. II, с. 535, 575; Брандт А. А. Очерки истории паровой машины и применения паровых двигателей в России. «Сборник Института инженеров путей сообщения», вып. XXIII. СПб., 1892.

водительных сил страны. Важнейшая особенность этого периода заключалась в окончательном складывании индустриально-технической базы российского капитализма, связанной с созданием комплекса крупнейших предприятий тяжелой индустрии. Материальной основой экономического подъема и главной сферой массового расширения основного капитала стало железнодорожное строительство, размах которого определил в основном и масштабы роста промышленного производства, в первую очередь тяжелой индустрии. За восемь лет, с 1893 по 1900 г., в России было выстроено более 150 новых железных дорог протяженностью в 22 тыс. верст, что составило 40% всей железнодорожной сети страны. Благодаря железнодорожному строительству окраины России стали интенсивно втягиваться в процесс капиталистического развития. К 1898 г. российская железнодорожная сеть охватывала 64 губернии Европейской России и Закавказья, 8 губерний Финляндии и 7 областей азиатской части страны. Бурное железнодорожное строительство стало мощным фактором интенсивного развития территориального межрайонного разделения труда, раздвинув далеко границы внутреннего капиталистического рынка России, обеспечив широкие основы для развития тяжелой индустрии страны.

Резко возросла в 90-х годах мощность российской металлургии, достигнув наивысших в мире темпов развития. Выплавка чугуна с 1890 по 1900 г. увеличилась с 56 млн. до 179 млн. пудов, или в 3,4 раза; производство стали — с 26 млн. до 135 млн. пудов, или в 5 с лишним раз⁵⁸. Более 60% прироста промышленной продукции черной металлургии России в 90-х годах приходилось на долю Южного промышленного района, ставшего основной топливно-металлургической базой страны. Если продукция черной металлургии в целом по стране увеличилась в этот период более чем в 3 раза, то производство металлургии этого района возросло в 7 раз, приведя к падению доли Уральского горнозаводского района в общероссийском производстве металла до 28%. Бурное развитие металлургической промышленности в России было непосредственно связано с продолжавшимся процессом коренной технической перестройки предприятий тяжелой индустрии. Революционизирующую роль в развитии крупной капиталистической индустрии на Юге

⁵⁸ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900. СПб., 1903, с. XXIV—XXV.

сыграло внедрение качественно новых технологических процессов на энергетической основе, что резко расширило производительную емкость и обеспечило непрерывность процесса металлургического производства. Технический переворот в металлургии, ускорив процесс концентрации производства, содействовал скачкообразному подъему производительных сил в этой ведущей отрасли экономики страны. Если в 1890 г. основная масса чугуна (до 67%) производилась в архаических карликовых уральских домнах, работавших на древесном угле, с применением ручного труда, выплавлявших 260 тыс. пудов металла в год, то в 1900 г. основную продукцию стали давать доменные печи Южной России новейшей конструкции, работавшие на минеральном топливе, со средне-годовой производительностью в 2,5 млн. пудов чугуна (что в 10 раз превысило мощность уральской металлургии). Средняя производительность труда на южных металлургических заводах была в 6 раз выше, чем на уральских, что было связано, в первую очередь с коренными различиями в механизации производства. Так, в 1900 г. средняя мощность механических двигателей на уральских металлургических заводах составляла 244 л. с., а на южных заводах — 6159 л. с., т. е. в 25 раз больше. При этом энерговооруженность труда в расчете на 100 рабочих на южных металлургических заводах достигала 334 л. с. против 16 л. с. — на уральских горнозаводских предприятиях, т. е. на 200% больше⁵⁹.

Общая мощность механических двигателей на заводах черной металлургии России выросла в 90-х годах почти в 6 раз (см. табл. 7).

Таблица 7

Развитие энергетической базы на металлургических заводах России с 1890 по 1900 г.*

Годы	Водяные двигатели			Паровые двигатели			Всего	
	число	мощность (л. с.)	%	число	мощность (л. с.)	%	число	мощность (л. с.)
1890	1293	39 100	40	1030	58 842	60	2323	97 942
1893	1120	38 551	34	1339	75 106	66	2549	113 657
1895	1246	40 272	28	1555	103 471	72	2801	143 743
1898	1098	37 736	17	1969	182 925	83	3067	226 661
1900	1182	40 248	11	2675	346 412	89	3857	386 660

* Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет, с. 236. (В подсчеты включены металлургические предприятия Польши и Финляндии.)

В 90-е годы на основе роста крупной машинной индустрии произошел скачок в производстве промышленного энергетического топлива — каменного угля и нефти. Каменноугольная промышленность России в этот период увеличила добычу почти в 3 раза, при этом подавляющее количество каменного угля (до 70%) добывалось в Донецком бассейне — главной топливной базе страны. В 90-х годах здесь были созданы 92 новые крупные каменноугольные шахты, что в 3 раза превысило общее количество копей, созданных за предшествующее тридцатилетие. Эти мощные механизированные шахты давали 80% всей каменноугольной продукции Донецкого бассейна в данный период⁶⁰.

В годы экономического подъема огромное развитие получило нефтяное производство, сконцентрированное в Бакинском районе, где добы-

⁵⁹ Гливиц И. Железная промышленность России. СПб., 1911, с. 33—35.

⁶⁰ Каменноугольная промышленность Южной России в 1901 г. СПб., 1902, с. II—IV.

валось свыше 95% всей нефти в стране. Ввиду резко возросшего спроса на нефть как промышленное топливо, бакинская нефтяная промышленность продолжала развиваться как топливно-мазутная, продукция которой преимущественно предназначалась для производственного потребления. В годы подъема, с 1893 по 1900 г., внутреннее потребление нефтяного топлива для паровых двигателей возросло на 150%, а керосина — всего лишь на 44%. Такого значительного использования нефти в топливоснабжении промышленности и транспорта в тот период не было ни в одной капиталистической стране. Подавляющее количество бакинской нефти шло на работу паровых котлов и паровозных топков.

В начале 90-х годов минеральное топливо составляло 74% топливно-го баланса железнодорожного транспорта и около 60% промышленности. Однако древесное топливо продолжало играть значительную роль в топливоснабжении промышленности России, достигая 60% всего потребляемого топлива в стране⁶¹.

В ходе экономического подъема 90-х годов в российской промышленности завершился технический переворот в области энерговооруженности производства. Мощность паровых машин всей фабрично-заводской промышленности России выросла за десятилетие, с 1890 по 1900 г., с 325,1 тыс. до 1294,5 тыс. л. с., или на 300%. При этом мощность паровой энергетики отраслей тяжелой индустрии (группа «А») увеличилась на 345%, а отраслей легкой и пищевой промышленности (группа «Б») — на 190%. В тяжелой промышленности резко возросла энерговооруженность труда, достигнув 0,70 л. с. на одного рабочего по сравнению с 0,57 л. с. в легкой промышленности (см. табл. 8).

С. Г. Струмилин, указывая на громадный рост паровой энерговооруженности труда в 90-х годах, составивший за десятилетие 178%, писал о «сверхамериканских темпах» этого процесса в России⁶². Быстрые темпы внедрения паровой энергетики в тяжелой индустрии вызвали принципиальные структурные изменения в производственном процессе, когда мощность механических двигателей стала обгонять рост численности рабочей силы, что означало непрерывное увеличение энерговооруженности труда. В результате в области производительности труда в тяжелой индустрии средняя выработка на одного рабочего повысилась на 83%, в легкой промышленности — на 30%⁶³.

Победа крупной машинной индустрии в капиталистической экономике России вызвала глубокие качественные сдвиги в самой структуре производства. Характерной чертой промышленного развития в этот период стал преимущественный рост тяжелой индустрии, связанный с производством средств производства. Темп развития тяжелой индустрии в 90-е годы был почти вдвое выше, чем в легкой промышленности. За десятилетие продукция тяжелой промышленности увеличилась в 2,8 раза, а продукция легкой промышленности — в 1,6 раза. К началу XX в. удельный вес отраслей, производящих средства производства, в общей сумме общероссийской промышленной продукции достиг 46,5%⁶⁴. Преимущественный рост отраслей тяжелой индустрии вызвал глубокие сдвиги в экономике и составе рабочего класса страны. В России окончательно

⁶¹ Пробст А. Е. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М.—Л., 1939, с. 80.

⁶² Струмилин С. Г. Избр. произв., т. 3. Проблемы экономики труда. М., 1964, с. 39.

⁶³ Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет, с. 237—240.

⁶⁴ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 504, 510.

Таблица 8

Динамика роста рабочей силы и паровой энерговооруженности крупной промышленности России с 1875 по 1900 г. * (без Финляндии)

Отрасли промышленности**	1875—1878 гг.				1890 г.				1900 г.			
	рабочие (тыс. чел.)	паровые машины			рабочие (тыс. чел.)	паровые машины			рабочие (тыс. чел.)	паровые машины		
		число	мощность (тыс. л. с.)	энерговооруженность одного рабочего		число	мощность (тыс. л. с.)	энерговооруженность одно- го рабочего		число	мощность (тыс. л. с.)	энерговооруженность одно- го рабочего
Группа «А»												
Топливная:												
а) каменноугольная	22,6	80	2,4	0,10	40,6	444	17,2	0,42	109,2	1 555	63,5	0,59
б) нефтяная (добыча и переработка)	2,8	97	0,5	0,18	10,9	785	57,8	0,71	33,4	2 637	64,0	1,90
Металлургия (черная и цветная)	179,3	895	27,9	0,15	246,0	916	58,2	0,23	345,2	2 327	319,0	0,90
Металлообрабатывающая	54,2	517	10,4	0,19	68,5	657	34,5	0,50	88,2	805	112,1	1,27
Машиностроение	49,0	627	10,6	0,21	49,1	539	11,0	0,20	147,6	1 007	41,4	0,28
Химическая	10,4	142	1,5	0,14	32,5	310	7,8	0,24	80,4	664	23,0	0,28
Силикатная	21,8	74	1,1	0,05	72,4	266	4,9	0,06	128,0	690	35,6	0,28
Деревообрабатывающая	15,7	265	6,0	0,38	36,1	733	16,0	0,44	74,0	1 413	42,4	0,57
Итого	355,8	2697	60,4	0,17	556,1	4650	157,4	0,28	1006,0	11 098	701,0	0,70
Группа «Б»												
Текстильная	364,6	1151	34,7	0,10	431,9	2373	89,4	0,27	621,5	3 027	374,7	0,60
Бумажно-полиграфическая	11,3	213	4,6	0,40	29,1	333	11,8	0,40	66,7	560	47,1	0,70
Кожевенная и жиросыровяренное	27,6	42	0,6	0,02	39,7	225	2,8	0,07	46,6	276	7,8	0,16
Пищевкусовая	126,2	3218	38,4	0,30	203,0	6046	63,7	0,30	294,4	4 922	164,3	0,52
Итого	529,7	4624	78,3	0,15	703,6	8 977	167,7	0,24	1 029,2	7 785	593,9	0,57
Всего (группы «А» и «Б»)	885,5	7321	138,7	0,16	1259,8	13 627	325,1	0,26	2 035,2	18 883	1294,5	0,63

* Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1890 и 1900 гг.; Горнозаводская производительность России в 1875—1890 гг.; Материалы для истории и статистики железной промышленности России. СПб., 1896; Свод данных о фабрично-заводской промышленности России за 1899 и 1900 гг. Статистика производств, облагаемых акцизом, за 1890 и 1900 гг. Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи. СПб., 1882; Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1881.

** В таблицу включены промышленные предприятия с численностью рабочих более 15 человек. Золотодобывающая промышленность России в таблицу не вошла.

сложилась материально-техническая база капитализма, и она представляла собой страну со средним уровнем развития капитализма. В то же время, несмотря на огромные темпы промышленного развития, царская Россия по абсолютным показателям производства важнейших видов промышленной продукции продолжала значительно отставать от передовых капиталистических стран. Так, производство чугуна — этого важнейшего показателя мощности капиталистической экономики — составляло в России всего лишь 5,5% общемирового производства. Несмотря на гигантские темпы прироста мощности паровых двигателей в промышленном производстве России в 90-х годах, достигнутого 300% против 100% в странах Западной Европы, общая энерговооруженность российской промышленности была в 3 раза меньше, чем в Германии и в 5 раз меньше, чем в Англии⁶⁵. В этом факте отразилось отставание России в области машиностроения. Русская машиностроительная промышленность, ориентируясь преимущественно на обслуживание транспорта, продолжала развиваться малыми темпами, на ее долю приходилось около 3% мощности паровой энергетики промышленного производства страны⁶⁶. Поэтому самая возможность воспроизводства в тяжелой индустрии продолжала зависеть от импорта капитального машинного оборудования. В 1900 г. ввоз иностранных машин, станков и аппаратуры в Россию составлял около 12% всей суммы импорта⁶⁷. В результате процесс «создания машин машинами» в промышленном производстве страны не получил еще необходимого развития. Это положение было связано с общей экономической отсталостью страны и зависимостью от иностранного финансового капитала, игравшего значительную роль в направлении развития тяжелой индустрии России.

Промышленное развитие в пореформенной России протекало при наличии феодально-крепостнических пережитков в аграрном строе и государственной надстройке, что сильно задерживало рост производительных сил и тормозило социальные процессы, органически связанные с развитием капитализма. Вследствие глубоких противоречий в стране неизбежно возникали острые необратимые противоречия, требующие своего революционного разрешения.

Создание базы современной капиталистической машинной индустрии привело к важнейшему социальному результату — гигантскому обобществлению труда. На крупнейших промышленно-транспортных предприятиях машинной индустрии России в начале XX в., составлявших всего 18% от общего числа промышленных заведений страны, было сконцентрировано более 1/5 общей численности промышленного пролетариата страны. В этом заключалась огромная социальная значимость крупнейших предприятий-гигантов машинной индустрии России, относительный вес которых в экономике был в три раза выше, чем в Германии и США⁶⁸. Крупная машинная индустрия объединяла и сплачивала российский рабочий класс в мощные пролетарские коллективы, сконцентрированные в жизненно важных экономических и политических центрах капиталистической России. Классики марксизма, подчеркивая значимость этих исторических процессов, указывали, что «промышленная революция подготавливает социальную революцию, которую произведет пролетариат»⁶⁹.

⁶⁵ Мендельсон Л. А. Указ. соч., т. 1, с. 411—418.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Покровский В. И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902, с. 72.

⁶⁸ Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, с. 115.

⁶⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 328.

В. П. ШУШАРИН

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КОРОЛЕВСТВА ВЕНГРИИ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИКАРПАТЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

Настоящая статья посвящена рассмотрению известных науке свидетельств письменных памятников по этнической истории Восточного Прикарпатья (территории между Карпатами и Днестром) первой половины XIII в. При выполнении этой задачи учитывается не только наличие в современной исторической литературе различных трактовок основных проблем данного сюжета (что обуславливает необходимость их сопоставления с показаниями источников), но принимаются во внимание прежде всего функции свидетельств письменных памятников в воссоздании истории этносов (этнических общностей). Эти функции определяются самой дефиницией этноса, выработанной в последнее время марксистской этнологией. Этнос (этническая общность) — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)»¹. Выяснение истории любой этнической общности, следовательно, предполагает раскрытие развития и изменений как условий ее существования, так и ее индивидуальных признаков, важнейшим из которых является этническое самосознание. Не умаляя значения других исторических дисциплин, я склонен подчеркнуть решающую роль исследования письменных памятников для выяснения эволюции компонентов этнической общности. В частности, только в их свидетельствах отражается этническое самосознание. Оно проявляется в общем самоназвании — этнониме. Само его наличие свидетельствует об осознании членами этнической общности их особого единства и отличий от членов других подобных общностей, а это — важнейший показатель объективного существования этноса. Только письменные источники сохранили и этниконы — названия этносов другими народами. Опыт изучения этнонимов и этниконов не позволяет согласиться с объединением их термином «этнонимы», которое предложено автором теоретической работы, полагающим, что «имя служит признаком, объединяющим внутри и различающим вовне»². В действительности каждую из этих функций выполняют различные термины: этноним (самоназвание) — первую, а этникон — вторую. Такой недифференцированный подход (объединение этнонимов и этниконов под термином «этнонимы») не приносит пользы и авторам оригинальных исследований³. Необходимость такого

¹ Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этнические процессы как предмет исследования (Предварительные замечания). В кн. Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 11. См. также Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 37.

² Никонов В. А. Этнонимия. В кн. Этнонимы. М., 1970, с. 5.

³ Литаврия Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. В кн. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 198.

разграничения диктуется отличиями в характере содержащейся в них информации: этноним говорит о самосознании и самооценке, а этникон содержит ту этническую, территориальную и историческую (хронологическую) определенность, которая присуща представлению народа, использовавшего (а иногда — и создавшего) этот этникон, об общности, этноним которой не всегда нам известен. Это представление могло содержать более или менее объективную характеристику признаков представителей общности, обозначенной этником, — от их внешнего вида до формы выражения ими их этнического самосознания. Этникон может рассказать о том, как его создатель представлял себе образ жизни, занятия, психический склад, происхождение, политическую и государственную принадлежность, верования, этническую территорию другой общности. Выяснение степени достоверности подобной информации может пролить свет на характер контактов между народами. Особое значение приобретает выявление субъективных и объективных моментов в этниконах, обозначавших этнические общности, которые не оставили собственных письменных памятников. Именно с этим обстоятельством часто сталкивается исследователь этнической истории Восточного Прикарпатья. Свою задачу я вижу в воссоздании ее по свидетельствам письменных памятников. Это поможет читателю определить познавательную ценность работ, излагающих сюжеты данной темы. Констатируя дискуссионность ряда вопросов, я предлагаю и собственное их решение, что, надеюсь, будет способствовать дальнейшему изучению основных проблем этнической истории Восточного Прикарпатья.

Одним из наиболее неясных является вопрос об этнической или социальной общности, которую русские летописи и грамоты пап римских и королей Венгрии именуют бродниками. Свидетельства летописей о них под 1146 (1147), 1216, 1224 гг. приводятся в работах ряда авторов⁴. Летописцы знали их как военную силу. Известно, что один из предводителей бродников (воевода Плоскыня) — христианин. Это, конечно, не означает, что христианство было уже принято всей массой бродников: крещение предводителей, как правило, предшествовало принятию христианства массами. В частности, материал о половцах, обитавших в королевстве Венгрии, свидетельствует о том, что и после крещения они в течение примерно полутора столетий продолжали сохранять прежний хозяйственно-культурный тип (см. с. 47—48).

Свидетельства о бродниках, с которыми имели дело короли и прелаты Венгрии, содержатся в грамотах 1222—1250 гг.⁵ Наиболее определенное известие сохранилось в послании короля Венгрии Белы IV папе Иннокентию IV⁶. Просьбу о помощи против татарской угрозы король

⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 115—116, 269, 325, 353. О других работах советских историков см. Мавродин В. В., Мавродина Р. М., Фроянов И. Я. Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе (1960—1969). — «История СССР», 1970, № 6, с. 125.

⁵ Перед 7 мая 1222 г., 19 декабря 1222 г. — *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*, Bd. I. Hermannstadt, 1892 (далее — UG), S. 19, 23; 31 июля 1227 г., 27 февраля 1231 г., 11 ноября 1250 г. — *Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia*, v. 1. Roma, 1860 (далее — VM), p. 231, № 440; p. 87, № 154; p. 93, № 167. В последующем указываются только даты документов.

⁶ В самой грамоте сохранилось лишь указание на день и месяц (11 ноября) ее составления. Издатели публиковали документ под 1254 г. Венгерский источниковед Имре

обосновывает тем, что «страны... которые граничат с востока с владением нашего королевства, а именно Русь, Кумания, Бродники [Brodnici], Болгария, в большей их части ранее подчиненные нашей власти», стали данниками татар. Здесь соблюдена известная последовательность перечисления, что позволяет локализовать область обитания бродников: король называет соседей своих владений с северо-востока (Русь) до юго-востока (Болгария). Владение Бела IV — банат Сёренъ — в середине XIII в. граничило с Болгарией по Дунаю, а с Куманией — по его притоку — р. Олт. в ее течении южнее Карпат, а также — по южным Карпатам. Указания на это содержатся в другой грамоте Бела IV (от 2 июня 1247 г.) о пожаловании ордену Госпитальеров баната Сёренъ и «всей Кумании»⁷. Естественно, «всей Кумании», подвластной королю Венгрии, т. е. какой-то части огромной территории, название которой дали половцы-куманы, кочевавшие там до монголо-татарского нашествия. Восточные и северо-восточные Карпаты отделяли королевство Венгрия от Галицко-Волынской Руси и от Кумании. Таким образом, владения королей Венгрии соприкасались с Куманией, границы которой довольно определенно обозначены источниками, по восточным и южным Карпатам и по р. Олт. до Дуная⁸. Но приведенное свидетельство грамоты от 11 ноября 1250 г. побуждает искать на этой линии рубежи королевства Венгрия с землей бродников, как бы прерывающие на каком-то отрезке его границу с Куманией. Определенное подтверждение этому можно найти в посланиях папы Григория IX архиепископу эстергомскому от 31 июля 1227 г. и 27 февраля 1231 г., где говорится о том, что «земля Бродник», «область бродников» и Кумания, «область куманов» соседствуют друг с другом (папская канцелярия пользовалась сведениями, полученными из королевства Венгрия).

Рассмотренные здесь три свидетельства о бродниках позволяют конкретизировать указание на территорию обитания, которое содержится в более ранних грамотах, где мы встречаем первые упоминания о них. Эти документы входят в серию памятников, появившихся в связи с пребыванием Тевтонского ордена в «земле Барца» (Барцашаг, Цара Бурсей, Бурценланд), расположенной в юго-восточной части королевства Венгрия (в воеводстве Трансильвания). Земли этой пограничной области король Эндре II пожаловал рыцарям грамотой, изданной после 7 мая 1211 г. Такой же грамотой он наделил их и рядом привилегий: тевтонские рыцари могли «мирно проживать в этой земле и свободно и постоянно владеть ею, так чтобы и королевство благодаря продолжительному их там пребыванию расширилось».

В грамоте довольно четко очерчены границы земли Барца. Южные ее пределы составляли «снежные горы» — вершины южных Карпат⁹. Это была и граница владений короля Венгрии, обращенная в сторону территории «по направлению к половцам», откуда ожидалась их нападения. И не случайно король «для защиты королевства от половцев» разрешил рыцарям «построить деревянные крепости и города».

Сентпетери, критически рассмотрев доводы исследователей в пользу его различных датировок, предположительно датировал грамоту 1250 годом. См. Szentpétery I. Az Arpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke, I. k., 2. füz. Budapest, 1927, 287—289. 1.

⁷ Documenta Romaniae Historica, V. Tara Românească, v. I. București, 1966, p. 4—5.

⁸ Подробнее см. Шушарин В. П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX—XII вв. В кн. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 169—171.

⁹ UG, S. 11—12.

В задачу настоящей работы не входит изучение отношений между Тевтонским орденом и королем Венгрии, а также роли ордена в истории Трансильвании и Южного Прикарпатья (1211—1225). Укажу лишь, что материал для раскрытия этой темы содержится в грамотах короля Эндре II (1205—1235) и пап Гонория III и Григория IX, изданных в 1211—1234 гг.¹⁰ Оставаясь в рамках темы статьи, упомяну о двух грамотах, касающихся взаимоотношений короля и ордена: они изданы королем Эндре II и папой Гонорием III соответственно перед 7 мая и 19 декабря 1222 г. Король в своей грамоте подтвердил ранее пожалованные ордену привилегии и дополнил их новыми. В частности, он расширил предоставленную ордену территорию, сняв указание, содержавшееся в грамоте 1211 г., на то, что «снежные горы» ограничивают землю Барца, и пожаловал земли южнее Карпат. При определении границ дополнительно отводимых ордену земель и упоминаются бродники. В 1211 г. южная граница владений ордена начиналась на западе у истоков ручья Барца, теперь в этом районе она была отодвинута значительно южнее — «до Дуная». Еще грамотой, изданной после 7 мая 1212 г., король утвердил орден во владении только что построенной им крепостью Крейцбург¹¹. Исследователи локализируют ее в двух километрах южнее перевала, именуемого ныне Татарским¹². Грамотой, изданной перед 7 мая 1222 г., король снова жалует ордену Крейцбург «с лугами, прилегающими к нему, и землю, которая простирается от земли Крейцбурга до границ бродников». Папа в грамоте от 19 декабря 1222 г. воспроизвел этот текст подтвержденного им пожалования.

Король в рассматриваемых жалованных грамотах выступает в качестве собственника своего домена. В течение 1211—1222 гг., как видно из документов, произошло расширение королевского домена за счет территории, лежавшей между «снежными горами», владениями Болгарии, граница с которой проходила по Дунаю, и землями бродников. Поэтому владения бродников стали пограничными с владениями короля, как об этом и упомянуто в грамоте от 11 ноября 1250 г. Поскольку пределы расширения домена определялись границами заселенных (болгарами и бродниками) земель, а вновь пожалованные территории в документе представлены как продолжение земли Барца, «пустой и ненаселенной», то можно предположить, что король в 1222 г. расширил домен за счет земель, о которых было известно, что они никем не заселены. С этого времени в королевстве Венгрия и стали известны бродники как соседи владений короля.

Для извлечения дополнительных сведений о бродниках из четырех приведенных свидетельств рассмотрим последние в контексте данных, содержащихся в других памятниках. Я имею в виду грамоты относительно испомещения и изгнания Тевтонского ордена. В семи такого рода документах, изданных в 1222—1225 гг. королем Венгрии и папой Гонорием III, который ссылается на жалобы ордена, им излагаемые, говорится о набегах «язычников» на землю Барца и на территорию за «снежными горами», о том, что «большую часть этой земли» рыцари «вырвали из рук язычников»¹³. В их число входили и бродники, поскольку в упо-

¹⁰ Ibid., S. 11—58. См. также Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 267, 352—353, сн. 29—33; Параска П. Ф. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства. В кн. Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1976, с. 37—40.

¹¹ UG, S. 14.

¹² Сводка мнений и доводов — Györfy Gy. Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza, A—Cs. Budapest, 1966, 830. I.

¹³ UG, S. 20, 23, 24, 25, 26, 29, 30, 42.

мянутых выше грамотах от 31 июля 1227 г. и 27 февраля 1231 г. речь идет о «крещении» жителей Кумании и земли бродников, которые поименованы во второй из этих грамот «народом этих областей». В 1250 г. король Бела IV утверждал, что большая часть и Кумании, и земли бродников до монголо-татарского нашествия была подчинена его власти. В число язычников не могли быть включены православные: в грамоте от 2 июня 1247 г., например, четко различаются нападения язычников любой народности и православных (схизматиков)¹⁴.

Но вот по прошествии немногих лет папа Григорий IX издал четыре грамоты (1231—1234 гг.), воспроизводившие жалобу ордена на действия короля. Здесь речь идет о столкновениях рыцарей с половцами-куманами, а земля «за снежными горами», пожалованная ордену королем, именуется «частью Кумании»¹⁵. Едва ли такое уточнение может повлиять на предположение об участии бродников в составе массы язычников в набегах на королевство: в первой половине 30-х годов XIII в. рыцари, находясь вне королевства, отождествили язычников с половцами, которые к этому времени стали хорошо известны всей Центральной и Восточной Европе. Бродники же были известны лишь венгерской королевской канцелярии, а через нее — папской курии. В королевстве Венгрия бродников знали не только как соседей, но и как поселенцев, приходивших в районы, компактно заселенные венграми, которые и называли их именем места, где бродники испомещались. В грамотах от 15 июля 1251 г. и 1252 г. отражено существование в комитате Нитра (в северо-западной части королевства, на территории современной Словакии) д. Бороднук (Броднук)¹⁶. Документ от 11 декабря 1359 г. упоминает в воеводстве Трансильвания, несколько севернее земли Барца, имение Препощтфальва (Деревня пробста), «называемое иначе Продник»¹⁷. Как установлено венгерскими топонимистами, названия с окончанием «фальва» (деревня) возникли позже топонимов, являющихся именами лиц или народов. Первоначальное название именов, следовательно, дали по пришедшим сюда бродникам. В латиноязычных памятниках Венгрии сохранились венгерские этниконы народов, проживавших на территории королевства: «чех» (чехи), «хорват» (хорваты), «немец» (немцы), «колас» (итальянцы, валлоны, западные романоязычные народы), «орос» (восточные славяне, русы), «тот» (славяне западные и южные), «сасы» (саксы, германоязычное население в Трансильвании и в комитате Сепеш на севере королевства), «бешенье» (печенеги), «куны» (половцы), «кализ» (хорезмийцы). Часть этих этниконов происходит из этнонимов (самоназваний), другая часть — это этниконы-характеристики. Последние прилагались, как правило, к народам, хорошо известным. Первые — к тем общностям, о которых было известно прежде всего, как они сами себя называли, а другие их отличия существовали недолго. «Бродники» — название первого типа. Можно полагать, что это — самоназвание. Очевиден славянский его характер. Это предположение приводит, в свою очередь, к гипотезе о славянской этнической принадлежности бродников. Пока лишь можно констатировать, что это нуждающееся в проверке предположение основано на свидетельствах, несомненно относящихся к бродникам.

¹⁴ См. сноску 7.

¹⁵ UG, S. 51, 53, 56, 59.

¹⁶ Изложение свидетельств с оригинальным написанием топонимов и библиографию публикаций грамот см.: Szentpétery I. Op. cit., 293—294. I, № 948; 303. I, № 979.

¹⁷ UG, S. 170.

Другой характер имеют предположения, сторонники которых исходят из чисто звукового сходства названия бродников и других терминов. Бродников видят, например, в жителях «Вордоны — ветви Тавроскифов», о которых говорит Никита Хониат в речи 1190 г.¹⁸ В качестве свидетельств о бродниках венгерский историк Д. Дьёрффи и В. Т. Пашуто¹⁹ признают упоминания в *Анналах королевства франков* (в *Больших Лоршских анналах*, составленных в IX в.) под 822 и 824 гг. племени «прэденеция». Оно фигурирует в этом памятнике то как одно из племен «всех восточных славян» (наряду с ободритами-бодричами), то как «ободриты, которые в просторечии называются прэденециями и проживают по соседству с болгарами в Дакии, прилегающей к Дунаю»²⁰.

Важно заметить, что вся совокупность известий о бродниках (и достоверных, и не имеющих к бродникам отношения, хотя они и причисляются к таковым рядом историков), не позволяет, на мой взгляд, говорить о существовании в XIII в. «на территории современной Молдавии» политического образования бродников²¹, о «государстве бродников XIII—XIV вв. как румынском государстве»²². В прямом противоречии с данными источников находится утверждение о том, что Кумания и область бродников находились на северо-востоке королевства Венгрия²³.

Во всех свидетельствах о бродниках нет никаких оснований и для отождествления их с румынами. Такого рода утверждения содержатся не только в старой литературе²⁴, но и в новейшем труде по истории румын²⁵. Характерно, что в последней работе, как и во всей прежней литературе, не приводится каких-либо новых данных, которые позволяли бы предполагать румынскую этническую принадлежность бродников.

Этнодемографическая ситуация в Восточном Прикарпатье в первые десятилетия XIII в. нашла отражение в грамотах, изданных в связи с крещением половцев-куманов Восточного Прикарпатья, в ходе которого младший король (с 1214 г.) Бела — будущий король Венгрии (1235—1270 гг.) приобрел здесь новый домен — область, находившуюся в его собственности как землевладельца. Пожалований частей этого домена частным землевладельцам неизвестно. Наибольшее значение для воссоздания этнической истории Восточного Прикарпатья в первой половине XIII в. имеет послание папы Григория IX младшему королю Беле от 14 ноября 1234 г., поскольку в нем отразился новый момент в истории данной территории, связанный с первым упоминанием в качестве ее обитателей старовосточнороманской этнической общности, венгров и немцев. Основное внимание я и обращаю на рассмотрение проблем, возникших в связи с известиями, содержащимися в документе 1234 г. Но для

¹⁸ Успенский Ф. И. Образование Второго Болгарского царства. Прил. Одесса, 1879, с. 35—36; Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 115, 203.

¹⁹ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 115, 325, 403. Здесь же и ссылка на работу венгерского ученого.

²⁰ Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte, Teil I. Berlin, 1955, S. 130, 138.

²¹ Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с. 84.

²² Condurachi E. Juzii și judeciile moldovenesti. — «Cercetări Istorice», t. 5—7 (1929—1931). Iași, 1932, p. 310.

²³ Schiopul I. Contribuții la istoria Transilvaniei în secolele XII și XIII. Cluj, 1932, p. 52—55.

²⁴ Их обзор см. Makka I. A milkói (kun) püspökség és népei. Debrecen, 1936, 35. l.

²⁵ Gjuurescu C. C., Ciurescu D. C. Istoria Românilor, t. I. București, 1974, p. 223—224.

этого необходимо выяснить все черты этнической истории Восточного Прикарпатья, которые нашли отражение в памятниках рассматриваемого времени.

К началу XIII в. половцы являлись давними (со второй половины XI в.) обитателями Восточного Прикарпатья и Нижнего Подунавья. История их расселения здесь воссоздана по источникам. Известно, что границу территории их обитания, как это характерно для кочевников, составляли рубежи между степью и лесостепью. В частности, западными границами расселения половцев были покрытые лесом предгорья Карпат²⁶. Летом половцы откочевывали на север — в карпатские предгорья, а в осенние, зимние и весенние месяцы спускались к югу, часто переходя и за Дунай²⁷.

Половцы, как и печенеги, — тюркоязычный кочевой скотоводческий народ. В Византии считали, что они говорили на одном и том же языке²⁸. Несомненна принадлежность кочевников южнорусских степей, Восточного Прикарпатья и Нижнего Подунавья к одному хозяйственно-культурному типу. Поэтому свидетельства об одном из этих народов приложимы и к другому. Известно, что скот составлял их главное богатство. Это отражено русскими летописями²⁹. Византийский автор XII в. писал о кочевом образе жизни половцев, о том, что они «не имеют ни городов, ни сёл». Это в полной мере относится и к половцам Восточного Прикарпатья. В папской булле от 21 марта 1228 г. о них говорится: «...народ этот подвижен и не имеет до сих пор определенных стоянок»³⁰. К концу XIII — началу XIV вв. в половецком языке были понятия, свидетельствующие о наличии у них навыков пашенного земледелия (плуг, сошник, просо, пшеница и т. д.). Следует, однако, иметь в виду, что к этому времени часть половецкого племенного союза более полувека жила в королевстве Венгрия, в условиях постоянного общения с венграми земледельцами. Видимо, половцы XIII в. представляли тот тип кочевников, который автором классификации кочеваний характеризуется так: «Все население кочет весной, летом и осенью в меридиональном или вертикальном направлении, возвращаясь на зиму к постоянным жилищам. Наряду с кочевым скотоводством практикуется земледелие, но лишь как подсобный вид хозяйства»³¹. Описанный характер кочевания позволил половцам, переселившимся в начале 40-х годов (после монголо-татарского нашествия 1241—1242 гг.) в королевство Венгрия, сохранять до конца XIV в. свой хозяйственно-культурный тип в условиях обитания в границах феодального государства, которое выделило им определенный район для кочевий.

Материал источников по истории этой части половецкой этнической общности позволяет судить не только о характерных чертах и условиях перехода кочевников или полукочевников к оседлости и в связи с этим — о потере этнических признаков (это — особая тема), но и о социальном строе половцев, кочевавших в начале XIII в. в Восточном Прикарпатье,

²⁶ Расовский Д. А. Половцы. II. Расселение половцев. — «Seminarium Kondakovianum», t. 8. Beograd, 1936, p. 181; Шушарин В. П. Указ. соч., с. 169—171.

²⁷ Расовский Д. А. Половцы. III. Пределы «поля половецкого». — «Seminarium Kondakovianum», t. 10. Beograd, 1938, p. 158—160.

²⁸ Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, с. 236.

²⁹ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884, с. 217.

³⁰ VM, p. 88, № 157.

³¹ Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975, с. 11.

и о том, какие цели преследовала политика королей Венгрии в отношении половцев³². Последние два момента оказали определяющее влияние на ход этнической истории Восточного Прикарпатья в 20—30-е годы XIII в.

Половецкие роды включали в себя массу их свободных членов, которые в условиях мира кочевали со скотом (общей собственностью рода) и со «слугами» (домашними рабами), а во время войн и набегов составляли половецкое войско в качестве свободных воинов. Характер половецкого общества, «общности половцев» как совокупности свободных воинов-скотоводов не изменяло наличие у них пленников-рабов, занимавшихся примитивным земледелием. Половецкое общество возглавляли богатые родовые и племенные старейшины, исполнявшие главным образом функции военных предводителей. Главы племен представляли «общность половцев» в ее внешних сношениях, в частности, с королями Венгрии. Они именовались ханами. Западные современники переводили этот термин как «герцог», даже — «император». Родовые старейшины — беи, бии — назывались латиноязычными памятниками XIII — начала XIV в. «господами половцев», «графами». Существенное значение имеет следующий момент: документы королей Венгрии второй половины XIII в. именуют рядовых свободных половецких воинов «дворянами» (*pobiles*). Короли недвусмысленно приравнивают их в обязанностях и правах к венгерским дворянам — мелким и средним феодалам, являвшимся вассалами короля. «Общность половцев» получила от короля Ласло IV в 1279 г. для кочевания земли между Дунаем и Тисой, в основном не пригодные для земледелия. Взамен этого держания свободные половцы, как все дворяне Венгрии, были обязаны сообща и поодиночке служить в войске короля. С момента поселения половцев в королевстве они находились в подчинении и распоряжении верховной власти, составляя значительную часть королевского войска. В королевстве Венгрии отсутствовала вассальная зависимость мелких феодалов от крупных землевладельцев: все феодалы считались вассалами непосредственно короля, даже когда мелкие землевладельцы исполняли различные службы в пользу магнатов. Такой порядок способствовал удержанию королями в своем подчинении половецкого войска в условиях феодальной анархии и усиления могущества крупных магнатов, что было характерно для второй половины XIII в. Таким образом, уравнение свободных половцев с дворянами Венгрии выражало не только имущественный и социальный статус половецких воинов, но и суть политики королей, стремившихся иметь сильное войско. Эта политика диктовалась необходимостью восполнить те потери, которые понесли военные силы королей в результате завершения к концу XII — первой половине XIII в. процесса феодализации: земли королевских замковых округов, выставившие воинов (часть королевского домена), в значительной степени перешли во владение магнатов, а только что сформировавшийся слой дворян добился привилегии, согласно которой его участие в зарубежных походах должно было оплачиваться королем.

Половцы в последнем отношении королю были даже выгодней венгерских дворян: до 1290 г. половцы не получали платы, довольствуясь захваченной ими добычей, каковой являлись и пленники, которых они использовали в качестве рабов. Политика королей по отношению к по-

³² Тексты документов см. Gyárfás I. A jászkunok története, II. k. Kecskemét, 1873, 391—462. I. Их исследование: Györfy Gy. A kunok feudalizálódása.— In: Tanulmányok a parasztság történetéhez Magyarországon a 14. században. Budapest, 1953, 248—275. I.

ловцам имела своим результатом десять успешных походов королевского войска, основу которого составляли половцы, на Запад в 1246—1278 гг. В этой политике можно найти объяснение странного, на первый взгляд, факта внешнеполитической силы королевства, переживавшего период ослабления центральной власти. Я обращаю внимание на эти моменты истории королевства Венгрии, поскольку именно они делают понятными истоки и этнодемографические последствия политики королевской власти по отношению к половцам Восточного Прикарпатья в 20—30-е годы XIII в. Ее выражением явилось и крещение здешних половцев, и основание на территории Восточного Прикарпатья епископии половцев и домена младшего короля Белы. Все эти события нашли отражение в немногочисленных грамотах³³.

Обратимся к свидетельствам, позволяющим воссоздать этнодемографическую ситуацию на территории Восточного Прикарпатья ко времени издания грамоты от 14 ноября 1234 г., содержащей наиболее существенные данные по этнической истории данного региона в указанное время.

В результате крещения половцев последующее развитие событий здесь оказалось тесно связанным с внутривосточной историей королевства Венгрия, факторы которой, собственно, и определяли политику центральной власти и церковников на землях восточнее Карпат. Этнодемографические изменения в регионе явились, в конечном счете, результатом этой политики. Внутривосточное положение в королевстве характеризовалось завершением процесса феодализации, усилением экономического и политического веса крупных светских землевладельцев и ослаблением центральной власти. Король Эндре II потерял значительную часть домена — источника дохода и комплектования военных сил. Проявлением феодальной анархии явился тот факт, что он был вынужден выделить часть королевства в распоряжение наследника престола — младшего короля Белы. В 1226 г. последний получил в качестве подвластной ему области восточную часть королевства, в том числе и воеводство Трансильванию, с которым непосредственно граничили земли половцев, живших восточнее и южнее Карпат. В ходе борьбы с королем Эндре II Беле даже удалось в 1228—1230 гг. сосредоточить в своих руках власть над всем королевством. В Трансильвании в это время про-

³³ От 28 августа 1217 г. (CDH, 111/1, р. 243—244); 14 ноября 1234 г. (UG, S. 60—61); 7 июля 1218 г.; 31 июля 1227 г.; три грамоты от 21 марта 1228 г., 13 сентября 1229 г., 1 октября 1229 г., 27 февраля 1231 г., 12 августа 1233 г., 11 октября 1234 г., 25 октября 1234 г., 24 января 1237 г. (VM, р. 17, N 27; р. 86—87, N 154; р. 87—88, NN 155, 156, 157; р. 90, N 161; р. 90—91, N 162; р. 93, N 167; р. 114, N 195; р. 128, N 217; р. 130—131, N 224; р. 150, N 267). (В последующем указываются лишь даты грамот).

Среди работ по истории епископии, основанных на исследовании перечисленных документов, наиболее полной и объективной является книга Ласло Маккаи, который составил и обзор литературы, имеющей сейчас в основном лишь историографическое значение (M a k k a i L. Op. cit., 8—9. 1). Представление об источниках по истории епископии половцев можно получить из работы В. Т. Пашуто. Следует, однако, иметь в виду, что ее автор ограничился обзором свидетельств документов с точки зрения внешнеполитической, не учитывая фактов внутренней истории королевства Венгрия. Кроме того, он не использовал известный авторам более ранних исследований памятник — Большую Бельгийскую хронику, а также некоторые из указанных выше грамот: от 28 августа 1217 г., 7 июля 1218 г., 24 января 1237 г. (П а ш у т о В. Т. Указ. соч., с. 267—271). Сводка известных источников, приводимая в книге В. Т. Пашуто, не исключает необходимости для будущих исследователей истории епископии половцев изучать их заново — в контексте внутренней истории королевства Венгрия. Экскурс по истории епископии, составленный П. Ф. Параской (П а р а с к о я П. Ф. Указ. соч., с. 40—42), познавательного значения не имеет ввиду необоснованности ряда его положений, о чем говорится ниже (с. 48, 50, 51).

исходило конституирование доменов, являвшихся источником поступления денежных доходов и войнов. Доменами были, в частности, земли немецких колонистов — саксов, привилегии которых были оформлены вместе с их обязанностями в 1224 г.³⁴, и этнической группы венгров — секеев. В связи с рассматриваемым вопросом важно отметить, что в расширении и конституировании доменов королевская власть в это время видела средство своего усиления. Ей приходилось также искать выход из трудного положения, создавшегося после издания Золотой буллы 1222 г., которой ограничивались обязанности вассалов короля — мелких феодалов (королевских «слуг») по участию в военных походах.

Епископия половцев была основана раньше 20-х годов XIII в. О полагающихся ей десятинах, об их использовании канониками епископии, об имениях епископа имеются сведения в специально изданных папой Гонорием III грамотах от 28 августа 1217 г. и 7 июля 1218 г. В них речь идет об уже существующем церковном учреждении — епископии половцев. Но первые акции по массовому крещению половцев были предприняты после 1226 г. Они были связаны не только с утверждением власти Белы в восточной части королевства, но и с приходом под натиском монголо-татар к его восточным границам остатков половецкого союза племен, потерпевших в 1223 г. вместе с русскими князьями поражение на р. Калке. Достаточно хорошо известно свидетельство папского послания от 31 июля 1227 г. эстергомскому архиепископу Роберту, воспроизводящее информацию писем архиепископа папе, относительно просьбы половецкого хана («князя» — *princeps*) Борца о крещении. По всей вероятности, это же событие описано современниками в Большой Бельгийской хронике и в Хронике города Эмоны³⁵. В грамоте не указано место переговоров, но Борц назван «князем из их (половцев. — *В. Ш.*) земли». Первый из названных памятников говорит о крещении пятнадцати тысяч половцев в Трансильвании. Ясно, что одно из половецких племен пришло сюда в поисках защиты от монголо-татар. Крещение — это то условие, которое было предъявлено половцам доминиканцами, пришедшими вместе с ними. Его поддержал и архиепископ. Хан Кутен (Котян), пришедший со своим племенем несколько позже (в 1239 г.) под защиту короля Венгрии, также выразил готовность принять «католическую веру»³⁶. События лета 1227 г. имели место в воеводстве Трансильвания — в границах королевства.

Источники по истории половцев, обитавших в XIII—XIV вв. в королевстве Венгрия, свидетельствуют о том, что их крещением церковь преследовала вполне определенную цель — превратить их в оседлых земледельцев, ведущих «христианский образ жизни»: в представлениях того времени язычество означало вместе с тем и кочевничество, а десятину церковь могла получать только с жителей с «христианским образом жизни». Стремление церкви подготовить условия для перехода половцев — «народа подвижного и не имеющего до сих пор определенных стоянок» — к «христианскому образу жизни» ясно было выражено в послании папы эстергомскому архиепископу от 21 марта 1228 г. В нем предлагалось в земле половцев начать «строить крепости (города) и деревни», «основывать церкви». Заботясь о будущих доходах, папа Григорий IX подчинил епископию половцев власти «святого престола» (13 сентября 1229 г.).

³⁴ UG, S. 34—35.

³⁵ См. тексты известных: Preiffer N. Die ungarische Dominikanerordenprovinz von ihrer Gründung (1221) bis zur Tatarenverwüstung (1241—1242). Zürich, 1913, S. 178—179, 189.

³⁶ *Scriptores Rerum-Hungaricarum...* v. II. Budapest, 1937, p. 553 (далее — SRH).

Но половцы, жившие на территории королевства, вплоть до конца XIV в. оставались полукочевыми скотоводами, и их образ жизни не менялся от того, что они крестились по призыву миссионеров-францисканцев. И не случайно до 1364 г. папы не получали с них десятины. Ясно, что крещение половцев Восточного Прикарпатья в 20-е годы XIII в. не могло изменить хозяйственно-культурного типа их общества. Да и сам переход в христианство был для многих из них явлением временным. В грамоте от 24 января 1237 г. говорится о половцах, отошедших от христианства и снова возвращающихся к «вере».

Крещение половцев, таким образом, не принесло церкви материальных выгод. Но младшему королю Беле удалось обратить его в свою пользу. После крещения половцев, пришедших в Трансильванию, Бела «вступил в их (половцев. — В. Ш.) землю», писал Григорий IX, обращаясь к нему с просьбой продолжать крещение половцев (21 марта 1228 г.). Просьба эта была вызвана тем, что младший король был целиком занят устройством своего домена. Источники позволяют установить результаты его деятельности в Восточном Прикарпатья, где центральная власть приступила к проведению в отношении половцев той политики, которая хорошо известна по материалам королевства второй половины XIII—XIV в. Во второй половине XIII в., как мы видели, половцы, проживавшие на территории королевства Венгрия, были приравнены к венгерским дворянам — вассалам короля. Эстергомский архиепископ, чьи сведения воспроизводит Григорий IX в грамоте от 31 июля 1227 г., пользуясь терминологией того времени, главу половецкого племени Борца называл «князем», его слуг — «подданными» (*subditi*), а рядовых половцев — «дворянами» (*nobiles*). 27 февраля 1231 г. папа писал о крещении половцев — «князей» и «дворян» «со всеми их подданными». Об отношениях вассалитета-сюзеренитета между половцами, принявшими христианство, и королем свидетельствует грамота Эндре II, скрепленная золотой печатью, которой король обещал охрану их «свобод, иммунитетов и имений» и защиту их земли от посягательств нехристиан (здесь речь идет о реальной угрозе со стороны монголо-татар). Содержание этого акта известно из папской буллы от 1 октября 1229 г., утвердившей акт короля. Взамен центральная власть получила военную силу половцев, которые уже в 1229 г. фигурировали в королевской армии, возглавляемой Белой³⁷. Так началась политика использования половцев как военной силы, которую короли Венгрии проводили вплоть до середины XIV в.

Став сюзереном половцев, Бела присвоил себе титул «короля Кумании». Самая ранняя из сохранившихся его грамот датирована 1233 г.³⁸ С 1238 по 1390 г. Кумания постоянно входила в титулатуру королей Венгрии. Важно заметить, что с утверждением своей власти в Восточном Прикарпатья Бела приобрел новых вассалов, пополнивших в качестве свободных воинов его войско. Поэтому он и был теперь заинтересован в сохранении ими их прежнего образа жизни. Бела сделался и светским собственником территории епископии, ставшей его доменом. В качестве домена Бела рассматривал территорию епископии и папа Григорий IX. Это видно из его обращения к Беле. На основании сообщения епископа половцев папа писал 25 октября 1234 г. младшему королю о том, что тот в присутствии папского легата обещал построить в епископии за свой счет церковь и наделить ее вкладом. «Постарайся, — увещевал Бела папа, — построить эту церковь и пожаловать ей обширные имения».

³⁷ Свидетельство южнорусской летописи — Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 269.

³⁸ UG, S. 58.

14 ноября 1234 г. папа воспроизвел еще одно обещание Белы: «принудить всех непослушных римской церкви в твоей земле к повиновению». Здесь, несомненно, речь идет о территории епископии половцев, так как земельное пожалование могло быть произведено лишь из королевского домена.

Таким образом, целью политики Белы являлось приобретение новых вассалов и домена. В источниках нет указаний на стремления властителей Венгрии, о которых пишут современные историки: «оседлать» торговый путь из Руси в Византию, получить выход к Черному морю, обеспечить «стратегическое преимущество в давней борьбе против Болгарии и Византии за Подунавье» и наложить дань на половцев³⁹.

В пределах домена кочевали королевские вассалы — половцы. Они выставляли войско. Но домен пока не приносил дохода: на его землях не было оседлого населения. Поэтому заселение этих земель земледельческим оседлым населением соответствовало интересам Белы как земельного собственника и церкви как получателя десятины. Архиепископ добился разрешения палы привлекать, давая отпущение грехов, верующих для строительства «храмов и нужных зданий», «крепостей (городов) и деревень» (21 марта 1228 г.). Спустя несколько лет появилось и первое свидетельство о ходе и результатах заселения домена Белы населением, с части которого он уже получал доход. Оно содержится в послании Григория IX Беле от 14 ноября 1234 г.: «В епископии половцев, как мы узнали, проживают некие люди, называемые *Walati*, которые, хотя их и считают христианами, имея при одной вере различные обряды и обычаи, совершают такое, что враждебно этому имени. Ибо презирая римскую церковь, они воспринимают все церковные таинства не от почитаемого брата нашего... епископа половцев, который является главой данного диоцеза, а от неких псевдоепископов, придерживающихся обряда греков, и некоторые люди из королевства Венгрии как венгры, так и немцы и другие католики вместе с ними сами переходят к тем же самым людям для проживания и таким образом вместе с ними, поскольку они образуют одну паству с теми же *Walathi*, считая это маловажным, воспринимают указанные таинства к огромному позору для католиков и к немалому ограничению христианской веры». Папа сообщал, что он отдал письменное распоряжение епископу половцев назначить в качестве его викария католического епископа для этой этнической общности (*illi nationi*). Он напоминал младшему королю, что тот обещал «принудить указанных *Walathi* принять этого епископа... и выделить ему из доходов, которые ты с них получаешь, достаточный и приличный доход»⁴⁰.

Характерно понимание папской канцелярией (вероятно, и теми, кто вступал в контакты с указанными в грамоте этническими общностями) отличий религиозных и этнических. Церковную общность — автор послания обозначил термином «*populus*», который встречается в таком смысле в папских буллах того времени: от 12 и 13 декабря 1223 г. (*populus christianus*), от 30 апреля 1224 г. (*de clero et populo*)⁴¹, от 1 октября 1229 г. (*nobilibus viris Ducibus et populo Cumanorum*)⁴². Здесь особо отмечено, что *Walathi* — это общность этническая. Венгры (*Ungari*),

³⁹ UG, S. 61. Сравни: Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 267; Параска П. Ф. Указ. соч., с. 36—37.

⁴⁰ UG, S. 60—61.

⁴¹ Ibid., S. 25, 26, 32.

⁴² VM, p. 90, № 162.

немцы и «Walathi» — этниконы. Документ четко говорит о заселении части домена младшего короля — епископии половцев — перечисленными тремя этническими общностями. Более ранние памятники локализируют здесь только печенегов и половцев. Как только в поле зрения современников событий попали венгры, немцы и старовосточнороманское население, все они были поименованы их этниконами.

Весьма важен вопрос о границах той части домена, где грамота локализует эти три этнические общности. Документы, отразившие события, связанные с крещением половцев, не содержат точных данных на этот счет. Но имеется свидетельство современника о том, что в 1241 г. восточные рубежи епископии проходили западнее р. Сирет — притока Дуная⁴³⁻⁴⁴. Значение этого указания трудно переоценить. Оно не позволяет, в частности, использовать свидетельство грамоты 1234 г. об этнической территории старовосточнороманской общности в пределах епископии половцев при изучении археологических памятников территории восточнее р. Сирет. Поэтому ссылка на свидетельство грамоты 1234 г. для обоснования утверждения об обитании восточных романцев в Карпато-Днестровских землях в X—XII вв. без учета свидетельства о восточном рубеже епископии⁴⁵, по моему мнению, никак не может служить аргументацией. По свидетельству памятника, составленного около 1234 г., в это время в состав епископии половцев входила часть земли Барца (Барцашаг, Цара Бырсей) с городом Кронштадтом (Брашшо, Брашов) — в пределах королевства Венгрии (в воеводстве Трансильвания)⁴⁶, на что недвусмысленно указывают источники этого времени (от 19 декабря 1222 г., 1 сентября 1225 г., 26 апреля 1235 г.)⁴⁷. Старовосточнороманская этническая общность, венгры и немцы, упоминаемые в грамоте 1234 г., проживали не в той части епископии, которая располагалась в королевстве, а вне его границ — в восточных предгорьях Карпат западнее р. Сирет. Сюда же они приходили с территории королевства.

Свидетельства грамоты 1234 г. чрезвычайно важны для выяснения этнодемографических процессов в Восточном Прикарпатье и для верного понимания его судеб в это время. Данные о народной старовосточнороманской, венгерской и немецкой колонизации на территории епископии не позволяют рассматривать это явление лишь как результат деятельности центральной власти королевства Венгрии, или как «еще одно свидетельство папской агрессии на огромном пространстве между Балтийским и Черным морями»⁴⁸. Они отражают и один из моментов истории народов королевства. Содержание документа 1234 г., как и грамоты от 21 марта 1228 г., вполне определенно показывает ошибочность утверждения о «венгерском господстве» в Восточном Прикарпатье⁴⁹. Владелец домена младший король Бела был господином не только для половцев (его вассалов), старовосточнороманской общности и немцев, но и для венгерского населения.

Говоря о том, что венгры и немцы из королевства Венгрии вместе с представителями старовосточнороманской общности переходят на тер-

⁴³⁻⁴⁴ SRH, p. 564.

⁴⁵ См. Хынку И. Г. Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв. Кишинев, 1973, с. 59.

⁴⁶ Воспроизведение свидетельства см. Györfy Gy. Az Árpád-kori..., 827. l.

⁴⁷ UG, S. 23, 41, 51.

⁴⁸ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 271.

⁴⁹ См. Параска П. Ф. Указ. соч., с. 40.

риторию епископии, т. е. в домениальные владения Белы в Восточном Прикарпатье, грамота 1234 г. отражает сущность происходивших здесь этнодемографических процессов — заселение его части одновременно тремя этносами. Следует иметь в виду, что документ говорит о стихийном народном заселении края, наряду с которым имело место и официальное, на осуществление которого эстергомский архиепископ получил санкцию папы 21 марта 1228 г. Грамота 1234 г. зафиксировала и результаты мер по заселению домена, предпринятых его владельцем Белой. В ней говорится о двух категориях старовосточнороманского населения: одна группа до 1234 г. уже проживала в пределах епископии, а другая приходила из королевства вместе с венграми и немцами. Причем со всей старовосточнороманской общности владелец домена получает доход. Это — его феодально зависимое население.

Заметим, что памятники говорят о наличии на королевском домене (в воеводстве Трансильвании) феодально зависимого старовосточнороманского населения. Оно обозначалось в памятниках, составленных в канцелярии короля Венгрии, этниконом «влахи» (Blaci, Blacci, Blachi) (до 7 мая 1222 г., 10 декабря 1222 г., после 30 ноября 1223 г., после 30 ноября 1224 г.)⁵⁰.

Определению района епископии, где проживали и куда переселялись «Walathi», способствует свидетельство грамоты 1234 г. о поселении в Восточном Прикарпатье венгров и немцев. Это — ценное известие по первоначальной истории этнической группы венгров, так называемых венгров — «чанго», насчитывающей в настоящее время 40—50 тыс. человек, и немцев, обитавших в Восточном Прикарпатье в течение всего средневековья. Ученые на основе объективного изучения источников пришли к единому мнению о существовании в конце XIV — начале XV в. поселений католиков — венгров, немцев, поляков — по рубежу р. Сирет между современными городами Аджудом и Сиретом. К середине XVII в. сохранялись очаги наиболее древних поселений венгров между городами Пятра Нямц и Бакэу (3 общины), в окрестностях г. Тротуш (7 общин), г. Бакэу (6 общин), г. Роман (7 общин)⁵¹. В этих районах, по всей вероятности, и следует искать место совместного обитания старовосточнороманского населения, венгров и немцев, названных в грамоте 1234 г.

В интерпретациях историками свидетельств грамоты 1234 г. обращают на себя внимание различные атрибуции упоминаемого здесь этникона «Walathi». Иногда этот этникон идентифицируется с этниконом лишь одной из современных восточнороманских наций. Марксистский историзм помогает уяснить характер и историческое место старовосточнороманской этнической общности, проживавшей в средние века на территориях Молдавского, Валашского княжеств и воеводства Трансильвании (части королевства Венгрии), в процессе формирования современных восточных романцев. Отдельные части этой общности обозначались соседними народами с помощью близких по звучанию, но все-таки различных этниконов. Укажу лишь этниконы, применявшиеся восточными и западными славянами и жителями Молдавского княжества в грамотах на славянском языке, который отразил влияние украинского и польского языков. Древнерусские памятники 1387—1392 гг. и 1420 г. упоминают в качестве жителей Молдавского княжества волохов

⁵⁰ UG, S. 20—21, 23, 27, 35.

⁵¹ Подтверждение выводов румынских историков Р. Розетти и Г. И. Награсе см. в работе венгерского ученого Л. Микеча: Mikécs L. A Kárpátonkon túli magyarság. In: Magyarok és románok, I. k. Budapest, 1943, 457—458. 1.

(«волошкин гради», «волохове»)⁵². Этот же этникон фигурирует в славяноязычной грамоте из Молдавского княжества от 5 января 1393 г. в названии земли по имени ее жителей — «волохьска», «волошьска»⁵³. Славяноязычная грамота молдавского господаря Петра Хромого от 1 июля 1589 г. различает «люди от иншаа земле...— руси, или мунтени, или сърби, или гречи, или московитин, или влаху, или буд что за языка будет...»⁵⁴. Перед нами — особые этниконы старовосточнороманского населения Трансильвании (влах) и Валашского княжества (мунтени). Каждый из этих этниконов отражал представление применявших их народов об общности и различиях отдельных групп старовосточнороманского населения. Для нас эти этниконы сохранили и этническую, и территориальную, и историческую (хронологическую) определенность. В частности, этниконом «волохи» обозначалась старовосточнороманская этническая общность, населявшая территорию Молдавского княжества (между Карпатами и Днестром) со второй половины XIV в. по XVIII в.

Части старовосточнороманской общности, обозначавшиеся в эпоху их существования близкими по звучанию, но различными этниконами, это — предшественники, предки сегодняшних румын и молдаван. И для их обозначения принцип историзма обязывает применять их этниконы, имеющие строго историческое содержание. Представляется, что предостережение В. И. Ленина против перенесения современных черт «на все времена и народы» весьма актуально и в наше время⁵⁵.

Таковы свидетельства письменных памятников, главным образом, королевства Венгрии, по истории Восточного Прикарпатья первой половины XIII в.: наиболее ранние грамоты Молдавского княжества датированы 1 мая 1384 г. (латинский текст) и 30 марта 1392 г. (славянский текст), сведений относительно Восточного Прикарпатья первой половины XIII в. они не содержат⁵⁶; самые древние летописи Молдавского княжества, составленные на славянском языке в XV—XVI вв. и на старовосточнороманском языке в XVII в., излагают историю Восточного Прикарпатья лишь с середины XIV в.⁵⁷. Выявление в этих источниках тех элементов, которые могут быть использованы для реконструкции более ранних явлений, должно составить задачи будущих исследований.

К ним же следует отнести выяснение ряда сложных вопросов, связанных с соотношением выявленных работами археологов и этнографов хозяйственно-культурных типов (это — исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития)⁵⁸

⁵² Тихомиров М. Н. Список городов дальних и ближних. — «Исторические записки», т. 40, М.—Л., 1952, с. 223; «Путешествие иеродиакона Зосимы» (1420). В кн. Путешествия русских людей по святой земле, ч. 2, СПб., 1839, с. 35.

⁵³ Documentele moldovenesti inainte... de Stevan cel Mare, v. II, Iasi, 1932, p. 607—608.

⁵⁴ Молдавия в эпоху феодализма, т. 1 (Славяно-молдавские грамоты). Кишинев, 1961, с. 141, № 58.

⁵⁵ См. Ленин В. И. ПСС, т. I, с. 153.

⁵⁶ Documenta Romaniaae Historica. A. Moldova, v. I, Bucuresti, 1975, p. 1—3.

⁵⁷ Cronicele slavo-romine din sec. XV—XVI. Bucuresti, 1959, p. 6, 39, 43, 55, 160; Gri-gore Ureche. Letopisejul Tarii Moldovei. Bucuresti, 1967.

⁵⁸ Ленин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса). — «Советская этнография», 1955, № 4, с. 4. См. также библиографию других работ о хозяйственно-культурных типах; Бромлей Ю. В. Указ. соч., с. 18, 215.

с известными по письменным памятникам этническими общностями, а также — воссоздание собственно этнических и этносоциальных процессов. «К первым относятся изменения в сфере этнического, ко вторым — также разнообразные преобразования в социально-экономических и политико-идеологических сферах жизни людей, входящих в те или иные этносы... При изучении собственно этнических процессов принято различать два их основных вида: разделительные, когда прежде единый народ делится на несколько самостоятельных этносов или от него отделяются части, становящиеся самостоятельными этносами, и объединительные, когда прежние этнически разнородные части сливаются в единый этнос.»⁵⁹

⁵⁹ Бромлей Ю. В., Козлов В. И., Указ. соч., с. 17.

М. Б. СВЕРДЛОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНО ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ (Закупы Русской Правды)

Изучение генезиса феодализма в Древней Руси ставит ряд сложных проблем, связанных с определением процесса классовообразования. Одной из них является анализ института закупничества. Б. Д. Греков назвал проблему закупов «одним из самых беспокойных вопросов» в русской и советской историографии¹. Как неоднократно отмечалось, мнения дореволюционных исследователей сводятся, в основном, к двум объяснениям сущности этой формы зависимости: договору о найме и договору о займе². Положительным вкладом в изучение вопроса был сравнительно-исторический анализ закупничества, однако этот исследовательский прием не оказался достаточно эффективным, поскольку исходным его моментом оставалось определение статуса закупов на Руси XII—XIII вв.

Советские исследователи основное внимание уделили изучению не юридических, а социально-экономических форм зависимости закупов в условиях формирующихся феодальных отношений.

В этой связи особое значение приобрела проблема закупничества в трудах 30—40-х годов, в которых разрабатывалась общая концепция развития феодализма в Древней Руси.

По мнению С. В. Юшкова, закуп жил во дворе господина, получал от него коня, плуг, борону, работал только на господской пашне, кормился и жил вместе с дворовой челядью. Поэтому он отвергал мнение И. Д. Беляева и В. О. Ключевского, предполагавших значительную хозяйственную самостоятельность закупа, наличие у него живого и мертвого инвентаря, отдельного двора и хозяйства. Особо подчеркнув тяжелое юридическое положение, С. В. Юшков приходил к выводу, что закуп был не свободным, не рабом, а полурабом. В этой оценке определяющим оказывался тезис о крепостничестве, как форме зависимости закупа³. С. В. Юшков предположил следующие причины попадания в зависимость через купу — долговое обязательство: «1) при займе, 2) при получении вперед заработной платы, 3) при отдаче отцом своего сына в кабалу за долг, 4) как условие отпуска на волю полного холопа, 5) при неуплате вознаграждения за правонарушение, 6) при неуплате ранее сделанного долга, когда кредитор имеет право продать должника в полное холопство»⁴.

¹ Греков Б. Д. Киевская Русь, М., 1953, с. 195. Историографические обзоры см.: Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, с. 438—481; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 195—199; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков, М.—Л., 1963, с. 230—236; Зимин А. А. Холопы на Руси, М., 1964, с. 121—125.

² Смирнов И. И. Очерки, с. 231; Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 121 (ранее это отмечалось М. Н. Ясинским и П. А. Аргуновым).

³ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939, с. 56, 80—85. Об анализе источников С. В. Юшковым и другими исследователями см. ниже.

⁴ Там же, с. 72—73.

Близкая к этому определению оценка экономического положения закупа (конь, плуг, борона, земельный участок — от господина) Б. Д. Грековым поставила его в сложное положение при социально-юридической характеристике закупничества. Он определил купу как сумму денег, которую закуп получил от господина при заключении с ним договора-ряда с установлением личной зависимости, поэтому он видел аналогию закупничеству в деревенской служилой кабале⁵.

Противоречие между денежно-договорными отношениями закупа и господина и предполагаемой полной экономической зависимостью закупа было снято в исследовании Б. А. Романова. Он отметил, что юридически положение закупа ближе к свободному, чем к холопу. Закуп работал на господской пашне и пас скот, но у него было и собственное хозяйство, инвентарь, собственный конь и земля, своя или от господина⁶.

Так же решает проблему Л. В. Черепнин. Он установил, что закуп, попавший в долговую кабалу и обязанный вернуть полученную от господина купу, был занят на сельскохозяйственных работах господина и в то же время имел собственное хозяйство, рабочий скот, земледельческие орудия, предоставленный феодалом надел земли. Экономическое и общественное положение закупа существенно отличали его от полного холопа, поэтому закуп — не раб, а феодально зависимый крестьянин⁷.

И. И. Смирнов предположил, что у закупа было какое-то собственное хозяйство, но он должен был работать на господской пашне господским конем и земледельческими орудиями. Зависимость закупа устанавливалась через деньги-задаток, что вело к феодальному найму — кабале, однако «экономически закуп сохранял свое хозяйство, оставался в своей основе крестьянином, смердом, хотя уже и закабаленным смердом»⁸. Присоединившись к основным наблюдениям И. И. Смирнова об экономическом положении закупов, В. И. Горемыкина отметила, что основой закупничества была долговая кабала. Однако последующие характеристики лишили ясности первоначальное определение (закупы — не полностью крепостные, «отработки» закупов — самая первая и простая форма феодальной ренты, «построенная на грубом насилии», внеэкономическом принуждении⁹). Как полукрепостного, сидящего на господской земле, но не потерявшего еще гражданских прав, характеризует закупа С. А. Покровский¹⁰.

Признание полной хозяйственной зависимости закупа (отсутствие собственного скота, земледельческих орудий, земли) способствовало оценке социального положения этой общественной категории как целиком подвластной господам. Исходя из такой характеристики экономического положения закупов, А. А. Зимин отнес их к холопам. Решающим при этом было определение купы как выкупной цены, которая выплачивалась рабом, выкупающимся на свободу, господину (ранее подобное предположение высказывал И. И. Полосин). Он предположил также возможность попадания в закупы в более поздний период свободного сельского населения. «Основная масса» рядовичей-закупов в XI в., «наделен-

⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 200, 207.

⁶ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. изд. 2. М.—Л., 1966, с. 69—79.

⁷ Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси.— «Исторические записки», т. 56, 1956, с. 252—257; его же. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. В сб. Новосельцев А. П. и др. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 182—186.

⁸ Смирнов И. И. Очерки, с. 281—358.

⁹ Горемыкина В. И. К проблеме докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970, с. 58—63.

¹⁰ Покровский С. А. Общественный строй древнерусского государства. Труды Всесоюзного юридического заочного ин-та, т. XIV. М., 1970, с. 131—137.

ная элементами хозяйственной самостоятельности, раньше какой-либо другой в Древней Руси приобрела черты феодальной зависимости»¹¹.

Принимая аналогичную оценку экономического положения закупничества, но подчеркивая в то же время права личной свободы, И. Я. Фроянов пришел к мнению, согласно которому закупы были «деклассированной частью древнерусского общества», «резерв закупничества есть „люмпен-пролетариат“ на русской почве», «под закупками на Руси XII в. скрывались полурабы, а не феодально зависимые»¹². Ошибочность такого определения была отмечена Л. В. Черепниным, который подчеркнул феодальный характер порядных отношений в Древней Руси¹³.

Обзор новейших работ показывает, что в оценке экономического, социального и юридического положения закупов у исследователей продолжают существовать значительные различия. Принципиально отличающиеся характеристики закупничества как феодальной зависимости и рабства оказывают существенное влияние на изучение генезиса феодальных отношений в Древней Руси.

Учитывая большое значение закупничества в истории общественных отношений, целесообразно вернуться к изучению этой социальной категории с тем, чтобы проследить социально-экономические процессы, способствовавшие дифференциации общества и формированию феодализма в Древней Руси, определить конкретное выражение феодальных форм зависимости на основе экономических отношений между господином и закупом.

Основным источником для изучения закупничества является компактная группа статей 56—64, 66 Пространной редакции Русской Правды, справедливо названная «Уставом о закупках». Он появился в начале XII в. в результате борьбы народных масс против угнетения господ и необходимости юридической кодификации прав закупов¹⁴.

«Устав» недвусмысленно указывает сферу деятельности закупа — сельскохозяйственное производство. По ст. 57, ролейный закуп работает на пашне с конем, плугом и бороной, господин посылает его на свое «орудье». В ст. 58 указано, что закуп обслуживает хозяйский скот: пасет его на поле¹⁵, загоняет во двор, запирает в хлеве. Другого применения труда закупа источники не указывают. Таким образом, указание «Уставом» «ролейного» (пашенного) закупа можно дополнить понятием «закуп-скотник». Поэтому, по нашему мнению, права те исследователи, которые подчеркивали сельскохозяйственный характер труда закупа¹⁶, и наоборот, недоказанными оказываются исходящие из отождествления холопов и закупов предположения об использовании закупов в ополчении господина и его свите¹⁷, и непашенных закупов — в качестве «слуг-тиунов»¹⁸.

¹¹ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 127—142.

¹² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 127—132.

¹³ Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси. В кн. Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976, с. 21.

¹⁴ Смирнов И. И. Очерки, с. 236—280.

¹⁵ На то, что под «полем» следует понимать пастбище, а не пашню указывает ст. 42 Пространной Правды: «Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи...». Пашня называлась ролей, отсюда — «ролейный закуп», «ролейная межа», «ролейная земля» (ст. 56, 72, 109 Пространной Правды).

¹⁶ Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871, с. 243—246; Рубинштейн Н. К истории социальных отношений в Киевской Руси XI—XII вв. — «Научные записки» Научно-исследовательской кафедры истории украинской культуры. Харьков, 1927, № 6, с. 51—52; Романов Б. А. Люди и нравы, с. 71—72; Черепнин Л. В. Из истории, с. 252 и др.

¹⁷ Юшков С. В. Очерки, с. 79.

¹⁸ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 133.

Пространная Правда позволяет определить имущественное положение закупа. В ст. 57 отмечается работа ролейного закупа на господской пашне «воиским» конем. Вокруг названия «воиский» в историографии развернулась оживленная дискуссия¹⁹. В советской литературе мнение о том, что конь был военным, высказал С. В. Юшков, исходя из предположения о военной службе закупа среди холопов господина. Значение «воиский» допускал М. Н. Тихомиров, указывая на подобное словоупотребление в древнерусских памятниках. Существенные возражения этому мнению высказал Б. А. Романов, который показал, что в ст. 57 речь идет о «своем» коне полавшего в закупничество смерда, а не о боевых конях господина²⁰. Не рассматривая аргументацию Б. А. Романова и не разбирая в полном объеме ст. 57, А. А. Зимин возвращается к выводу С. В. Юшкова: «Каково бы ни было этимологическое происхождение термина „воиский“, но, вероятнее всего, в условиях постоянных вооруженных столкновений с половцами конца XI — начала XII в. законодатель-князь мог рассматривать коня закупа как военного (разрядка наша.— М. С.). Во всяком случае, мнение о том, что у закупа был не его собственный, а хозяйский конь, наиболее убедительно объясняет, почему закуп отвечал за его „погубление“ перед хозяином»²¹. (Отметим, что по ст. 57 закуп, наоборот, не платит господину за «погубленного» коня.)

Ответ на вопрос: кому принадлежал конь — за купу или господину, — содержится, на наш взгляд, в первых двух казусах ст. 57: 1) «Аже у господина ролейный закуп, а погубить воиский конь, то не плати ему; 2) но еже дал ему господин плуг и борону... то погубивше платити». Если конь принадлежал господину и был дан в пользование за купу, то непонятно, почему за «погубленного» коня не надо было за купу платить как за плуг или борону. Решительное противопоставление казусов («но еже») показывает, что в них предусматриваются разные ситуации, причем указание во втором казусе на «дачу» господином плуга и бороны подразумевает, что в первом случае он за купу коня не давал. Отсюда смысл ст. 57 следующий: если у господина работает ролейный закуп и погубит своего коня, то господин ему за коня не платит, но если господин дал плуг и борону для работы за купу и тот их погубит, то закуп должен за них платить. Таким образом, ст. 57 фиксирует неравноправные имущественные отношения господина и закупа. Третий казус ст. 57 («аже ли господин его отслеть на свое орудье, а погубить без него (данные закупу плуг или борона.— М. С.), то того ему не платити») является дополнением ко второму казусу.

Нам представляется, что предположение Б. Д. Грекова о втором казусе ст. 57 как вставке, которая вклинивается в текст о коне, осталось недоказанным. Если принять это мнение, то полностью меняется композиция статьи, построенной на противопоставлении: первый казус — господин «не платит» за коня закупа; второй казус — закуп «платит» за плуг и борону господина; третий казус — закуп «не платит» за плуг и борону, если они «погибли» во время его работы «на орудье» господина. Аналогично сформулирована ст. 58: первый казус — закуп «не платит», если

¹⁹ См. Правда Русская, т. II, с. 494—497.

²⁰ Юшков С. В. Очерки, с. 79; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 99; Романов Б. А. Люди и нравы, с. 72—76.

²¹ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 137. Нам представляется, в противоположность Л. В. Милову (Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги).— «История СССР», 1976, № 1, с. 160), что термин «воиский» в древнерусском переводе Эклоги не может означать «воиский конь», поскольку категория Эклоги «должность, должностной» — в переводе «воинство, воиский», как и византийский воиский пекулий, к ст. 57 никакого отношения не имеют. Поэтому определение значения «воиский» в ст. 57 остается в интерпретации статей о закупках Русской Правды.

украдут скот из закрытого хлева; второй казус — закуп платит, если скот гибнет по его небрежности. Разнообразие казусов статей 57 и 58 не подтверждает мнение Б. Д. Грекова о противопоставлении этих статей только как регламентации платы закупа за коня.

Б. Д. Греков справедливо интерпретировал второй казус ст. 57 как указание на то, что господин «дал» плуг и борону закупа; вместе с тем он отмечал, что «это „дал“, ни разу не приложенное к коню, показывает, что коня господин закупа не давал». Но далее Б. Д. Греков сделал вывод, не вытекающий непосредственно из ст. 57, а predeterminedенный реконструированным объединенным текстом статей 57 и 58: конь все время находится в господском хлеве, закуп берет его для работ на господина и «в отдельных случаях на себя»²². Таким образом, наиболее аргументированное мнение о принадлежности «воиского» коня господину, основанное на реконструкции судебной нормы судебного казуса, на наш взгляд, не подтверждается²³.

Согласно ст. 57, у закупа был земельный участок. Для его обработки он брал у господина плуг и борону. На этой земле он делал «орудья своя» (ст. 58), т. е. занимался земледелием. Ответ на вопрос, кому принадлежал этот участок, зависит от интерпретации ст. 59: «Аже господин переобидит закупа, а увидить (уведеть, уведить, увередить, введеть) купу его или отарицю, то то ему все воротити...». Как отметил Е. Ф. Карский, белорусское *атарница* — «частица земли, засеянная работником или работницей в свою пользу, по условию с хозяином» (в качестве лексической параллели указана литовская *ataras* — борозда)²⁴. Если глаголу *увидеть* (и другим формам его написания) противоположно по значению слово *воротить*, то оно в данном контексте означает «заберет, отнимет» или «количественно изменит». Таким образом, смысл статьи определяется как обязанность господина вернуть «купу» (или взятое по ней лишнее) или участок земли закупа.

Понимаемая таким образом ст. 59, по мнению Б. А. Романова, свидетельствует о стремлении обезземелить ролейного закупа и тем самым полностью привязать его к хозяйству господина. Если закуп не ролейный, то он, по предположению исследователя, получал от господина участок «на присевок»²⁵. Однако при интерпретации второго случая следует иметь в виду, что «участок на присевок» — это позднее значение слова. Первоначальным значением было, вероятно, «борозда», «пашня», отразившееся в литовском *ataras* — борозда. Отсюда развитие семантики слова *отарица* реконструируется так: борозда — пашня — участок земли, выделенный господином работнику. Поэтому второй вариант интерпретации Б. А. Романова можно поставить под сомнение. Об ограничении значения *отарица* собственным земельным участком закупа свидетельствует различие «купы» и «отарицы» в ст. 59. «Купа» не включала поня-

²² Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 204.

²³ Понимание первого казуса ст. 57 как указание на обладание закупом собственным конем отмечается у переводчиков Русской Правды — И. Н. Болтина, И. Платонова, В. Н. Сторожева, Л. К. Геца — и исследователей — Б. Н. Чичерина, А. Е. Преснякова, И. И. Полосина, Б. А. Романова. Следует отметить важное наблюдение Б. Д. Грекова, сторонника противоположного мнения, о значении «воиский» как «домашний», принадлежащий данному хозяйству, свой», что в равной степени могло относиться и к хозяйству закупа, а не только господина (Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 205—206).

²⁴ Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, с. 103.

²⁵ Правда Русская, т. II, с. 515; Романов Б. А. Люди и нравы, с. 77. Это мнение было поддержано И. И. Смирновым (Смирнов И. И. Очерки, с. 299—306, 354). Недавно В. И. Горемыкина и Ю. А. Кизилов затронули вопрос об отарице, однако он не стал темой их специального изучения (Горемыкина В. И. Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси. — История СССР, 1973, № 5, с. 143; Кизилов Ю. А. Спорные вопросы истории древнерусского феодализма. Там же, с. 156).

тие «отарица», поэтому, если следовать за этимологией слова *закуп*, закуп попадал в зависимость через купу, а не через отарицу. Таким образом, более убедительным нам представляется первое толкование ст. 59 Б. А. Романовым.

Сторонники мнения об установлении зависимости закупа через предоставляемый ему участок земли привлекли в качестве аргумента упоминание отарицы в переводе «Пандект» Никона Черногорца, использованного в грамоте 1382 г. суздальского архиепископа Дионисия: «5000 суще простыи, и вся обща имяху, никтоже свое ему что быти веща; боле паче въ общемъ житии, въ монастыри, не нарицати: „се мое“. Кде же суть отъ плевель сеющаго диявола възрастъша въ общемъ житии глаголемая отарица, не достойтъ нарицати общимъ...»²⁶. В греческом тексте слову *отарица* соответствовал термин «*λεχοῦλιον*», на основании чего И. И. Яковкин отождествил древнерусскую отарицу и римско-византийский *пекулий*²⁷ — хозяйственный надел (в самой различной форме) раба или члена римской фамилии, причем и пользователь, и надел оставались под властью господина — главы фамилии. Это мнение широко вошло в последующую историографию²⁸.

Однако уже П. А. Аргунов отметил, что в данном тексте речь идет о запрещении монахам иметь личное имущество, противопоставленное монастырскому, а не выделения им *пекулия* из монастырского владения²⁹. В справедливости этого мнения нетрудно убедиться, если обратиться к грамоте Дионисия. В начале архиепископ приводит правило: «мнихомъ ничтоже подобаетъ своего имети, но все свое предати монастырю во власть». В последующем тексте филиппика против деления монастырского имущества на «се твое, а се мое», против отарицы — «плевел дьявола» ясно указывает цель обличения — частное имущество, сохраненное в монастыре и ставящее монахов в неравное положение. В отношении одежды указывается: «А одеяние потребное имати у игумена, обычныхъ, а не немечьскихъ суконъ; а шюбы бораньи носити безъ пуху, и обувь и до онушь имати у игумена, и лишнихъ онежь не держати». Совершенно очевидно, что дорогие одежды и «лишнюю» обувь монахи брали не у игумена, а приносили с собой из светской жизни. Завершается же эта филиппика угрозой, что непокорного монаха «выженуть из монастыря, да не владуть ему отъ внесенаго в монастырь ничтоже»³⁰. Следовательно, слово *отарица* в тексте грамоты означает не монастырский выдел, а личную или частную («аще кто купитъ сяжение кое») собственность, отдельную от монастырского владения и, по мнению отцов церкви, враждебную ему. Поэтому, как разъяснение ст. 59 Пространной Правды, грамота Дионисия означает, что владельцем отарицы был не господин (в грамоте — монастырь), а закуп (в грамоте — монах)³¹.

Таким образом, в пользу предоставления закупа отарицы господином, по нашему мнению, источники не свидетельствуют, и наоборот, они подтверждают противоположную точку зрения.

²⁶ РИБ, т. VI, ч. I, изд. 2. СПб., 1908, стб. 208.

²⁷ Яковкин И. И. Закупы Русской Правды. — ЖМНП, 1913, № 4, с. 273.

²⁸ Юшков С. В. Очерки, с. 80; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 206; Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 134—135; Фроянов И. Я. Киевская Русь, с. 127, и др.

²⁹ Аргунов П. А. К пересмотру построений закупничества Русской Правды. — «Ученые записки» Саратовского ун-та, т. VI, вып. 4, 1927, с. 68.

³⁰ РИБ, т. VI, ч. I, стб. 205—210 (разрядка наша. — М. С.).

³¹ Отметим, что предположение И. И. Смирнова вслед за М. Н. Ясинским о возможности толкования *отарицы* как участка от господина для присевка, на основании русско-литовских материалов XV—XVI вв. (Смирнов И. И. Очерки, с. 299—306) спорно, поскольку при этом не учитывается эволюция института закупничества и терминологии, на что указывал еще И. И. Яковкин (Яковкин И. И. Закупы Русской Правды, с. 281—295).

При определении имущественного положения следует иметь в виду, что «Устав о закупах» предусматривал возможность закупа платить за нанесение имущественного ущерба господину (ст. 57, 58), и тем самым он поставлен перед законом в равные денежные отношения с господином, который должен был платить за нарушение юридических и имущественных прав закупа (ст. 59, 60, 61). Платежеспособность закупа подразумевается и в ст. 56, где оговаривается уход закупа «искать купу» вне зависимости от толкования этих слов, как урегулирования спорных денежных отношений с господином или как поиска денег для уплаты господину³².

Если сделанные выше наблюдения верны, то Русская Правда изображает закупа как зависимого человека, занятого в сельском хозяйстве, владельца земельного участка и коня, способного платить господину за нанесенный ему имущественный ущерб.

«Устав о закупах» указывает на денежный характер зависимости закупа от господина. По ст. 60, «пақы ли примет (господин) на нем кун, то опять ему воротити куны, что будеть принял». Глагол *приметь* имеет в данном случае значение «дополнительно взять»³³. Подобное понимание подтверждается композиционным положением ст. 60, которая следует за ст. 59, посвященной разбору других казусов с превышением господином власти над закупом («аже господин переобидит закупа»). Толкованию текста как продажи или передачи закупа внаймы другому господину³⁴ противоречит, по нашему мнению, содержание ст. 61, где господин за отношение к закупу как к обельному холопу наказывался прекращением зависимости закупа и уплатой 12 гривен продажи.

Денежная форма зависимости закупа от господина подразумевается и в ст. 61: «продать ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах». Таким образом, закуп освобождался от денежного долга господину, т. е. он не должен был его выплачивать или отрабатывать. В пользу такой интерпретации ст. 61 свидетельствует название закупа наймитом. Как отметил А. Е. Пресняков, в «Вопрошаниях Кирика» (XII в.) *найм* означал «лихву» — проценты³⁵. Аналогичное значение слова *найм* указано Б. Д. Грековым в других памятниках³⁶. Отсюда название закупа «наймитом» свидетельствует об отработке купы с процентами, что значительно затрудняло прекращение экономической зависимости закупа от господина³⁷. Форма эксплуатации труда закупа указывает на основное отличие закупа от должника, который брал деньги под проценты — на отработку долга и процентов в хозяйстве господина³⁸. Отсюда становится понятным, почему закуп, хотя и попал в зависимость через купу — денежный долг, был земледельцем, а его отработки по статьям 57, 58 — сельскохозяйственный труд.

³² Правда Русская, т. II, с. 484—486.

³³ См. аналогичные мнения И. И. Яковкина, Н. А. Максимейко и Б. А. Романова (Яковкин И. И. Закупы Русской Правды.— ЖМНП, 1913, № 5, с. 118; Правда Русская, т. II, с. 518—519).

³⁴ Мнения В. Н. Сторожева, П. Н. Мрочек-Дроздовского, Б. Д. Грекова (Правда Русская, т. II, с. 516—518; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 207).

³⁵ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 299.

³⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 199.

³⁷ Изучение найма и термина «наймит» является особой темой исследования и в данной работе мы ее не рассматриваем (ср. Смирнов И. И. Очерки, с. 291—296; Шапиро А. Л. О характере найма в Древней Руси. Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 2, Л., 1973, с. 95—102). Алексеев Ю. Г. «Наймит» и «государь» Псковской судной грамоты. В кн. Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975, с. 22—29.

³⁸ Отличия закупа от должника рассмотрены С. В. Юшковым (Юшков С. В. Очерки, с. 73—74).

А. А. Зимин высказал предположение, согласно которому *купа* — выкупная цена закупа, которую он выплачивал господину в течение ряда лет³⁹. Подтверждение этому мнению он видит в прямом смысле слов ст. 57 «но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити» и в сходной по «построению» и «существу отношений» ст. 44 (в переводе А. А. Зимина): «Тот же, у кого пропала его вещь, возьмет ее, если она окажется налицо, да (сверх того) возьмет за (каждый) год (прошедший с момента ее кражи), по полугривне»⁴⁰. Однако оба эти аргумента вызывают сомнения.

Фраза «от него же купу емлеть» имеет, по нашему мнению, разъяснительный характер. Она становится понятной (учитывая перевод Г. О. Винокура «от него же» — «от которого»⁴¹) в контексте всей статьи 57. Если у господина ролейный закуп погубил своего коня, то господин за купу не платит; если за купу господин дал плуг или борону (от которого он и «купу емлеть»), то в случае гибели инвентаря закуп платит за него отдельно, помимо отработки купы, а если закуп был отослан на «орудье» господина, то он не платит. Отсюда глагол настоящего времени несовершенного вида *емлеть* отражает одновременность действий: закуп берет купу и у этого же господина берет плуг и борону⁴². Предлагаемое нами прочтение ст. 57 показывает также отличие купы от взятого господского инвентаря, что подтверждает мнение тех исследователей, которые предполагали в купе сумму денег, которую закуп получал от господина⁴³.

Непонятно сопоставление А. А. Зиминим ст. 57 и ст. 44, которое должно разъяснить «существо отношений» между закупом и господином. По ст. 44, хозяин, которого обокрали, забирает свою вещь, да еще взимает по полгривне за год со времени кражи. По ст. 57, происходит денежный расчет между господином и закупом, связанными денежными и отработочными отношениями. Не подтверждает, по нашему мнению, гипотезу А. А. Зимина объяснение купы — «выкупной цены» закупа — договором Руси и Византии 944 г. и Законом судным людям, ранее использованными им для объяснения понятия «челядинная цена» в русско-византийских договорах 911 г. и 944 г.⁴⁴, поскольку недоказанным осталось исходное положение в выплате закупом «своей цены», а эта гипотеза исходит на другое предположение о тождестве закупов с челядью и холопами.

Таким образом, «Устав о закупах» достаточно ясно указывает причину установления зависимости закупа, земледельца, владельца земельного участка и лошади: денежная ссуда — *купа*, которую (вероятно, вместе с процентами) он отработывал в хозяйстве господина. Закуп брал у господина, по ст. 57, земледельческие орудия и, вероятно, зерно. Наш анализ подтверждает мнение, иногда непоследовательно выраженное или недостаточно обстоятельно обоснованное, тех исследователей, которые в закупе видели земледельца, владельца основных средств производства, попавшего в результате хозяйственных затруднений в экономическую зависимость от крупной феодальной вотчины.

³⁹ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 131.

⁴⁰ Памятники русского права, вып. 1. Сост. А. А. Зимин. М., 1952, с. 126.

⁴¹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 207.

⁴² Ср. объяснение глагола настоящего времени несовершенного вида *емлеть* как «значение какого-либо постоянного отношения» (Г. О. Винокур, Б. Д. Греков), «регулярное взимание купы от мертвого инвентаря» (Н. Н. Ланге, Б. А. Романов), «регулярное взимание купы господином от закупа» (П. А. Аргунов, И. И. Полосин, А. А. Зимин).

⁴³ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 207; Юшков С. В. Очерки, с. 72; Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси, с. 252; Романов Б. А. Люди и нравы, с. 78—79; Смирнов И. И. Очерки, с. 311.

⁴⁴ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 28—32, 129—130.

«Устав» перечисляет юридические права закупов, что позволяет определить характер влияния экономической зависимости на юридическое положение, место закупов среди раннефеодальной челяди, установить сходство и различия закупов и холопов. Справедливые замечания о том, что Русская Правда отличала закупа от полного холопа⁴⁵, следует рассмотреть шире: отождествляла ли Правда холопа и закупа? Положительный ответ на этот вопрос наиболее последовательно провел А. А. Зимин, который считает, что «закуп явно несвободный человек, т. е. холоп, ибо другого представления о юридической несвободе Русская Правда не знала»⁴⁶, не допуская мысли об ограничении прав свободного при установлении экономической зависимости. По А. А. Зимину, «правовое положение рядовича-закупа определялось общими нормами холопского права», поэтому «рядович-закуп был по своему юридическому положению холопом», который «обладал правом выкупа на свободу»⁴⁷.

При определении юридических прав закупов и соотнесении их с холопскими правами прежде всего обращает внимание существование в Пространной Правде двух компактных и различных по содержанию групп статей, обособленно названных уставами о закупах и холопах (в «Уставе о холопах» положение обельных и необельных холопов не различается). Содержание статей, отражающих экономическое и юридическое положение закупов, настолько отличается от «холопских» статей, что большая их часть не может быть сравнена. Но есть и аналогичные по содержащимся казусам статьи.

По ст. 56, если закуп бежит, то становится обельным холопом, но ему разрешается «уходить явлено», «искать кун» и даже «бежать» к судьям или князю «обида деля своего господина», и за это его нельзя «работать». Если холоп бежит (независимо от причины), то господин объявляет о его бегстве и все должные за вознаграждение или под угрозой штрафа помочь вернуть холопа (ст. 112, 113, 114, 115). Отсюда следует, что любая причина и форма бегства холопа не является оправданием. Перевести холопа в более низкое общественное состояние уже нельзя.

По ст. 64, за кражу закупа угрожал обельное холопство и последующее наказание исходило из того, что закуп становился холопом (ср. ст. 121: «Аже холоп крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и...»). Холоп не мог быть послухом, кроме «по нужи» боярского тиуна (ст. 66), по юридическому правилу «ты тяже все судять послухи свободными; будеть ли холоп, то холопу на правду не вылазити» (ст. 85). Послушество «в мале тяже по нужи» возлагали на закупа (ст. 66).

Однако не эти статьи определяют суть юридического положения закупа и его отличие от холопа. Между закупом и господином существовали отношения, которые были невозможны между холопом и господином. Закуп должен заплатить господину, если «губит» пахотные орудия или скот господина (ст. 57, 58). Господин платит штраф 60 кун, если «переобидит» закупа (ст. 59), 3 гривны, если возьмет с закупа больше кун, чем следует (ст. 60), 12 гривен продажи, если продаст закупа в обельные холопы (ст. 61). Совершенно очевидно, что законодательство стоит на страже имущественных и личных прав закупа и штрафами наказывает их нарушение со стороны господина. Каким контрастом выглядит ст. 89, по которой за убийство холопа господин виру не платит, а если

⁴⁵ Черепня Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства, с. 253; Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 132.

⁴⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 132.

⁴⁷ Там же, с. 138.

холоп убит без вины, то господин платит князю те же 12 гривен штрафа, что и за продажу закупа в холопы.

Суть этих различий находится в принципиально отличном социальном положении закупа и холопа и характеристике закупа как свободного человека: в случае несправедливого наказания «яко же в свободнемъ платежь, тако же и в закупе», в то время как «Устав о холопах» подчеркивает, что холопы не свободны (ст. 46, 66, 85) и права холопа не сравнимы с юридическими правами свободного человека. Поэтому, нам представляется, А. А. Зимин не доказал тезиса, что закуп по юридическому положению был холопом. Напротив, мнение Б. А. Романова о том, что между закупом и господином стоит «княжой» суд⁴⁸, подтверждается комплексом постановлений Пространной Правды.

Б. А. Романов остроумно сформулировал основной вопрос, который решали составители «Устава о закупах»: «неужели закуп так-таки совсем и не холоп?»⁴⁹. И, отмечая, что холопство лишь угрожало закупам в качестве наказания за бегство и воровство, что закуп и господин находились в сложных имущественных и платежных взаимоотношениях, что подтекстом статей о закупах было признание статуса ограниченного в правах, но свободного человека, можно констатировать, что авторы «Устава о закупах» ясно провели основную идею: закуп не холоп, за ним сохраняются частично права свободного человека, а с прекращением имущественной зависимости он вновь становится свободным. Круг спорных дел, рассматриваемых судом между закупом и господином в вопросах об имуществе и личных правах, показывает, что перед судом обе стороны равны, и, хотя закуп ограничен в правах свободного, суд ему «дает правду» и он на равных участвует в состязательном процессе.

Если сделанное нами наблюдение верно, то как оценить древнерусский перевод *ἡμιδούλος* словом *закуп* в сочинении «16 слов Григория Богослова с толкованием Никиты Иракийского» — единственном памятнике, кроме Пространной Правды, содержащим этот термин. Это упоминание было введено в научный оборот И. И. Яковкиным и указывалось исследователями как подтверждение высказанных взглядов: закупы входили в состав неполных холопов, поэтому его считали полурабом⁵⁰; закуп был выкупающимся на свободу холопом⁵¹; слово *закуп* используется для пояснения термина «наймит»⁵². Большое место в системе аргументации этот перевод занял в работе И. Я. Фроянова. Он привел следующую выдержку: «И закуп бысть Еорин преже убо продав свои закон наймит (наемник) бысть пища ради...»⁵³. На основании слов, что Григорий «наймит бысть пища ради...», т. е. испытывал крайнюю нужду, и соответствующей интерпретации данных Русской Правды он высказал следующие положения: 1) «люмпен-пролетариат» — резерв закупничества, 2) поскольку по «Толкованию» и «Уставу о закупах» закупы получали все необходимое от господина, то «высказываться о крестьянстве закупа без больших натяжек попросту невозможно», 3) поскольку в переводе греческое *ἡμιδούλος* — «полураб» переведено как «закуп», то «под закупамии на Руси XII в. скрывались полурабы, а не феодально зависимые»⁵⁴.

⁴⁸ Романов Б. А. Люди и нравы, с. 71.

⁴⁹ Там же, с. 69.

⁵⁰ Юшков С. В. Очерки, с. 85.

⁵¹ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 139.

⁵² Смирнов И. И. Очерки, с. 293.

⁵³ Фроянов И. Я. Киевская Русь, с. 128.

⁵⁴ Там же, с. 128—129, 130, 131—132.

Поскольку упоминание о закупе перевода «Слов» является одним из аргументов важных научных выводов, его следует рассмотреть особо. Прежде всего надо определить, как слово *закуп* относится к последующему в тексте понятию «наймит»⁵⁵ и указанию на то, что Григорий попал в зависимость «пища ради».

Грамматический разбор текста показывает, что слово *закуп*, непосредственно относимое к подлежащему «Еорин», является членом предшествующего предложения (при расстановке знаков препинания И. Я. Фрояновым у подлежащего оказывается два глагола *бысть*, относящихся к разным предложениям). При правильной расстановке знаков препинания цитируемая И. Я. Фрояновым фраза приобретает следующий вид: «...и закуп бысть. Еорин, преже убо продав свои закон, наймит бысть, пища ради». Слова «и закуп бысть» являются концом фразы: «...ни яко чистъ бе кападокъ, но от рода арменьска, смесень яко москъ от коня и мьскы и закупъ (бысть)», которая соответствует тексту на греческом языке в современном переводе звучащем так: «и что он не чистый был каппадокиец, но из рода армян, смешанный и полураб, как мул (букв.— полуосел) от лошади и осла»⁵⁶.

Совершенно очевидно, что характеристика «полураба» (и перевод этого слова — «закуп») в данном контексте социальной окраски не имеет. Социальное положение Григория указано в следующем предложении: «Еорин, преже убо продав свои закон, наймит бысть, пища ради и чрева все творяше». То есть, отмечается, что Григорий был наймитом и работал за пропитание, но определение этого статуса не относится к предшествующему предложению. Словом *наймит* переведено *μισθωτός* — «наемный работник, слуга, наймит». Это — обычный для древнерусских сочинений перевод⁵⁷. При переводе презрительной характеристики Григория, противника св. Афанасия, нечистого каппадокийца, смешанного и полураба, подобного мулу от лошади и осла, древнерусский переводчик подобрал эквивалент для понятия «полураб» (ни свободный, ни раб) — «закуп», т. е. ни свободный, ни холоп. Подобное словоупотребление полностью совпадает с характеристикой экономического, социального и юридического положения закупов, данной нами по Русской Правде, и не может быть обоснованием для их определения как рабов или наймитов.

Таким образом, по нашему мнению, в дореволюционной и советской историографии не было представлено убедительных аргументов, которые доказывали бы экономическое и юридическое положение закупов как рабов или холопов. Напротив, наиболее обоснованным является мнение о закупах как о социальной категории людей, которые попали в зависимость через ссуду-долг под проценты-купы, которые они должны отрабатывать в хозяйстве господина. У закупов были свои земельные наделы и тягловый скот, которые служили экономической основой частичного сохранения прав свободного человека⁵⁸. Источником установления такой формы зависимости была экономическая слабость индивидуального крестьянского хозяйства, благосостояние которого разрушалось в результате неурожаев и падежа скота, нехватки рабочей

⁵⁵ И. И. Смирнов считал, что слово «закуп» использовано для пояснения слова «наймит» (Смирнов И. И. Очерки, с. 293).

⁵⁶ Яковкин И. И. Закупы Русской Правды, с. 104, 105.

⁵⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1895, стб. 287—288.

⁵⁸ Наиболее близкие характеристики закупничества были сделаны Б. А. Романовым и Л. В. Черепниным (Романов Б. А. Люди и нравы, с. 69—79; Черепнин Л. В. Русь, с. 182—183).

силы, а также социальных явлений: войн и феодальных междоусобиц, притеснений государственного аппарата данями, вирами и продажами, а также насилием князей, бояр и их окружения над соседями. Свободные смерды разорялись, их хозяйство оказывалось в тяжелом положении, и они должны были обращаться за поддержкой деньгами, земельным инвентарем, зерном в экономически стабильные княжеские и боярские хозяйства при условии погашения долга и процентов отработками.

Анализ положения закупов позволяет расширить наши представления о социальной и экономической активности феодалов. Большие имущественные и денежные накопления позволяли феодалам ссужать деньги свободным смердам-земледельцам, которые за «купу» должны были работать в хозяйстве феодала, на господской пашне и ухаживать за скотом. Господа старались превратить эту временную зависимость в постоянную, но закон запрещал это делать. Вместе с тем Русская Правда в духе раннефеодального законодательства предоставляла господам возможности для принуждения полусвободных закупов: бить «про дело», превращать в обельных холопов за тайное бегство и воровство.

Применение труда закупов в господском хозяйстве свидетельствует не только о существовании господской запашки, но и о применении отработок экономически зависимых крестьян, обладавших земельным наделом, живым и мертвым инвентарем. Поэтому сущность закупничества выступает как кабала, т. е. ограничение личной свободы и отработки, позднее служба, взамен денежной выплаты ссуды или процентов. Таким образом, в закупничестве начала XII в. можно видеть один из источников кабального холопства XIV—XV вв.⁵⁹ Ссуда господина была ростовщическим займом, отработка которого выражалась в сельскохозяйственном труде.

Наше наблюдение о большой роли денежных, а не поземельных отношений при установлении зависимости закупов в конце XI — начале XII в. совпадает с важным выводом В. Л. Янина о «решительном наступлении» новгородских феодалов на земли свободных общинников в XIII—XV вв., тогда как в XII в. происходило еще накопление денежных ресурсов. Указанные процессы нашли отражение в содержании новгородских берестяных грамот. Как отметил В. Л. Янин, «деньги в грамотах XII века занимают столько же места, как и продукты сельского хозяйства в более поздних берестяных грамотах. И даже большее место, так как о земле в них не упоминается вовсе, а о деньгах в грамотах XIII—XV вв. написано достаточно»⁶⁰.

Закупничество конца XI — начала XII в. было, вероятно, новым общественным явлением. По своему содержанию оно является институтом, воплощающим глубинные процессы имущественной и социальной дифференциации восточнославянского общества, более сложные, чем указанные в Пространной Правде порядные отношения при ссуде денег под проценты, при передаче меда и зерна с возвращением в увеличенном количестве (ст. 50), при женитьбе на рабе и переходе в тиунство с условием сохранения личной свободы (ст. 110). На то, что закупы были новым общественным явлением указывает происхождение обозначающего их термина, свидетельствующее об экономической форме установления зависимости, в отличие от древних названий «челядин» и «холоп», восходящих к большесемейным связям в родоплеменном обществе⁶¹.

⁵⁹ Панеях В. М. Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967, с. 11—31.

⁶⁰ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2. М., 1975, с. 162.

⁶¹ Определение экономического, социального и юридического положения закупов, характера эксплуатации его труда показывает необоснованность оценки отработок

«Устав о закупках» является дополнением к статьям об отношениях зависимости через ряд, что свидетельствует о необходимости регламентации юридического положения новой категории зависимых в сельской местности, которые брали деньги под проценты, но в отличие от обычных займов по ряду, должны были обрабатывать долг и проценты на пашне и по уходу за скотом господина, частично сохраняя права свободного человека. «Устав» указывает также большую социально-экономическую активность феодалов, которые старались максимально привлечь рабочую силу домениального хозяйства в данном случае путем закабаления свободного сельского населения и более того, старались превратить взявших ссуду под проценты в холопов. Вероятно, именно закупнические отношения с отработками и кабальными формами зависимости, в которые попадали свободные смерды-земледельцы, имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что в России «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена „Русской Правды“»)»⁶².

Изучение закупничества позволяет определить один из видов внутреннего расслоения древнерусского общества под влиянием социально-экономических причин, установления экономической зависимости свободного сельского населения от господ, князей и бояр, которая в условиях раннефеодального общества вела к внеэкономическому принуждению, юридической зависимости от господина, неравноправию. На основе этих данных можно выявить один из путей формирования феодальных общественных отношений.

закупов И. Я. Фрояновым: «Примитивные отработки — признак развивающегося рабства, ибо в Киевской Руси рабство не убывало, а продолжало расти. Нет причин также и пренебрегать ими, поскольку рабовладельческое хозяйство являлось одной из главнейших предпосылок феодализма в России» (Фроянов И. Я. Киевская Русь, с. 136). При этом как справедливо отметил Л. В. Черепнин, остается неясным характер влияния «рабовладельческого хозяйства» и отработок «закупов-полурабов» на развитие феодальных отношений, поскольку об отношениях феодальной зависимости закупов у И. Я. Фроянова ничего не говорится (Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси, с. 21).

⁶² Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 199.

М. А. ВЫЛЦАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ МТС В СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ

Истории создания и развития колхозов и МТС — основных звеньев социалистической системы сельского хозяйства на историческом этапе борьбы Коммунистической партии и Советского государства за победу и упрочение социализма — посвящена довольно обширная литература. Данная тема получила свое отражение в таких обобщающих трудах, как многотомные «История КПСС» и «История СССР с древнейших времен до наших дней»¹, в работе С. П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос» (т. 2. М., 1974), в коллективной монографии «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление» (М., 1969) и в целом ряде других исследований. Анализ этой литературы посвящены специальные историографические работы².

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть наименее изученные вопросы, такие, как становление государственного характера МТС и их роли в проведении сплошной коллективизации, МТС как форма производственной смычки между рабочим классом и колхозным крестьянством, роль МТС в социальном развитии деревни, в превращении сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. В комплексе они составляют одну проблему о ведущей роли Советского государства, рабочего класса, социалистического города в социально-экономическом и политическом развитии деревни, колхозного строя.

*

Положительный опыт совхоза им. Т. Г. Шевченко Березовского района Одесского округа по организации в 1927 г. тракторных колонн, вскоре преобразованных в первую в стране государственную машинно-тракторную станцию³, был по достоинству оценен Коммунистической партией. Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд партии в своей резолюции «О работе в деревне» указал, что организация тракторных колонн при

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, тт. 3—5. М., 1960—1970; История СССР с древнейших времен до наших дней, тт. 7—10. М., 1967—1973.

² См. Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. В кн. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963; Чинчиков А. М. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства. М., 1971; Погудин В. И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975; Волков И. М. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков. В кн. Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975 и др.

³ См. Юрков И. А. К истории возникновения первой МТС. — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 2.

совхозах — одна из важнейших задач партийных организаций⁴. Для ее решения Коммунистическая партия считала возможным использовать на первых порах наряду с государственными кооперативные и межколхозные машинно-тракторные станции.

Уже вскоре возникла необходимость в централизации всего руководства строительством МТС. Совет Труда и Оборона решением от 8 мая 1929 г. признал целесообразным создание Всесоюзного центра по организации и руководству машинно-тракторными станциями. Народному комиссариату РКИ СССР совместно с Госпланом СССР, Экономическим Советом союзных республик, Всесоюзным Советом сельскохозяйственной кооперации, Всесоюзным Советом колхозов и других заинтересованных ведомств и организаций было поручено составить проект положения о Всесоюзном центре по организации и руководству машинно-тракторными станциями и внести его на утверждение Совета Труда и Оборона⁵.

На совещаниях в НК РКИ, а затем в комиссии, специально выделенной Советом Труда и Оборона, обсуждались вопросы о социальной природе МТС и о юридической форме Трактороцентра. Из-за отсутствия достаточного опыта было чрезвычайно трудно выявить наиболее целесообразные формы массового строительства высокомеханизированных предприятий. Прежде всего следовало решить, как использовать новейшие сельскохозяйственные машины: продавать ли их непосредственно колхозам, или сохранить в руках государства, организовав за определенную плату специальные предприятия для обслуживания колхозов. На заседании комиссии, которая разрабатывала проект положения об организации Трактороцентра, высказывались различные точки зрения. Так, представитель Всесоюзного Совета сельскохозяйственной кооперации высказался за то, чтобы станции были колхозными⁶, а представитель Наркомфина СССР доказывал необходимость включения Трактороцентра в систему Колхозцентра⁷. И все же большинство членов комиссии считало, что строительство машинно-тракторных станций следует сосредоточить в руках государства⁸. При этом одни полагали, что государственный по своему характеру Трактороцентр должен иметь форму треста, другие — форму акционерного предприятия⁹.

В проекте положения о Всесоюзном центре машинно-тракторных станций, представленном НК РКИ, Совету Труда и Оборона, предусматривалась акционерная форма его организации с преобладанием государственного капитала¹⁰. В отличие от трестированного предприятия эта форма организации позволяла реально координировать деятельность Трактороцентра с работой земельных, кооперативных и колхозных организаций, обеспечивала полную кооперативно-хозяйственную самостоятельность руководящего аппарата, создавала большие возможности широкого привлечения средств крестьянского населения для строительства МТС.

Пятого июня 1929 г. Совет Труда и Оборона, учитывая предложения, сделанные НК РКИ, принял постановление «Об организации ма-

⁴ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, изд. 8, т. 4. М., 1970, с. 66.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5446, т. 10, л. 500, л. 1.

⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 4449, л. 7.

⁷ Там же, л. 9.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 8.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 10, л. 500, л. 3.

шинно-тракторных станций»¹¹. В нем предусматривались строительство МТС (к концу 1929—1930 гг. их сеть должна была охватить площадь крестьянских посевов размером не менее одного миллиона гектаров) и организация акционерного общества «Всесоюзный центр машинно-тракторных станций» (ВЦМТС), которое наряду с обработкой земли окружающего населения, должно было участвовать в повышении общего уровня агрономической культуры в районах действия МТС и создании крупных обобществленных механизированных хозяйств.

В состав учредителей Трактороцентра входили народные комиссариаты земледелия союзных республик, Высший Совет Народного Хозяйства СССР, Народный комиссариат внешней и внутренней торговли СССР, Всесоюзный Совет и республиканские центры коллективных хозяйств, Всесоюзный Совет сельскохозяйственной кооперации, «Сельско-союз», «Сельский господарь», «Хлебоцентр», «Сахароцентр» и другие организации. Уставной капитал Трактороцентра определялся в 50 млн. руб.

Широкий размах развертывания МТС стал возможен благодаря преимуществам советской системы хозяйства и огромным капиталовложениям, общая сумма которых составила в 1930 г. 99,3 млн. руб., в 1931 г. — 455,5 млн. руб.¹² За годы первой пятилетки Советское государство вложило в строительство МТС 1,5 млрд. руб.

СНК СССР постановлением от 27 декабря 1930 г.¹³ разрешил Трактороцентру выпустить специальные акции. Они размещались среди колхозов (за счет их средств и средств колхозников), сельскохозяйственных производственных объединений и, наконец, среди единоличных бедняцких и середняцких хозяйств в районах действующих и строящихся МТС. Распределение акций среди единоличных хозяйств проводилось с учетом их имущественного положения. В 1930 г. от крестьянского населения поступило 55 млн. руб., а в 1931 г. — 211 млн. руб., что составило 48% всех капиталовложений на строительство МТС в эти годы¹⁴.

Путь создания крупных государственных предприятий, призванных обслуживать колхозы машинной техникой, был в то время наиболее целесообразным. Опираясь на финансовую поддержку государства и мощь социалистической индустрии, эти предприятия обеспечивали материально-технические условия для более высокопроизводительного использования парка новых сельскохозяйственных машин. Известно, что в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» предусматривалось в ближайшие три года погашение стоимости станций Трактороцентра колхозами, т. е. их выкуп¹⁵. Однако первая же экспериментальная проверка выявила неэффективность этого мероприятия, и через несколько месяцев было принято решение об его отмене.

Опыт деятельности машинно-тракторных станций Трактороцентра показал, что по уровню организации использования техники они намного превосходят кооперативные МТС, а тем более колхозы. В 1930 г. в МТС Трактороцентра годовая нагрузка на трактор составляла в среднем 2230 час. работы, тогда как в тракторных колоннах «Хлебоцентра» в 1929 г. — лишь 1814 час., а в колхозах, самостоятельно использовавших тракторы, — только 1230 час.¹⁶

¹¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик (далее — СЗ СССР), 1929, № 39, ст. 353.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 13, д. 749, л. 23.

¹³ СЗ СССР, 1930, № 2, ст. 16.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 13, д. 749, л. 28.

¹⁵ См. КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 365.

¹⁶ Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954, с. 489.

«В лице МТС,— подчеркивалось в постановлении ЦК ВКП(б), принятом в декабре 1930 г.,— выявлена и проверена на массовом опыте форма организации Советским государством крупного коллективного сельского хозяйства на высокой технической базе, в котором наиболее полно сочетается самостоятельность колхозных масс в строительстве своих коллективных хозяйств с организационной и технической помощью и руководством пролетарского государства»¹⁷.

*

С самого момента своего возникновения машинно-тракторные станции играли роль мощных рычагов социалистической реконструкции сельского хозяйства. На каждом отдельном этапе колхозного строительства партия ставила перед ними свои специфические задачи. В период социалистической переделки деревни МТС являлись опорными пунктами коллективизации: снабжали молодые колхозы техникой, наглядно убеждали крестьян в преимуществах крупного машинного хозяйства. Так, агроном-инспектор Трактороцентра, побывавший в Уральской области, сообщал: «Мне самому пришлось наблюдать, как пахала подле дороги в Лебяжьевской МТС целая бригада в 13 тракторов, которые произвели на проезжающих крестьян огромное впечатление, так что один из них пришел с дороги на пашню, потыкал пальцем вспаханную землю, от удовольствия закурил и говорит: „Да, хороши эти лошади, кабы их было побольше“»¹⁸.

Центральное управление народнохозяйственного учета провело в 1931 г. обследование машинно-тракторных станций, расположенных в основных зерновых регионах СССР. В отчете отмечалось, что число коллективизированных крестьянских хозяйств в районах действия МТС на 10—30% выше, чем вне сферы их действия (см. табл. 1).

Таблица 1

Размещение коллективизированных крестьянских хозяйств на июль 1931 г.* (в %)

Область	В районе МТС	Вне района МТС	Область	В районе МТС	Вне района МТС
Северный Кавказ	89	59	ЦЧО	85	36
Нижняя Волга	55	40	Сибирь	46	25
Украина	65	43	Казахстан	61	34
Средняя Волга	47	28			

* Источник: «На стройках МТС», 1930, № 7—8, с. 28.

Коллективизация бедняцких хозяйств вне районов действия МТС составляла в 1929 г. 14% от общего числа хозяйств, в 1931 — 55%, а в районах, обслуживаемых МТС, соответственно — 17 и 59%, т. е. разрыв в уровне коллективизации тех и других районов небольшой. Коллективизация же середняцких хозяйств вне районов действия МТС в 1929 г. равнялась 6%, в 1931 г. — 54%, а в районах, обслуживаемых МТС, соответственно — 13 и 63%¹⁹, т. е. воздействие машинно-тракторных станций

¹⁷ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935 гг. М., 1957, с. 347.

¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 4451, л. 58.

¹⁹ Власов М. К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства в районах МТС. М., 1932, с. 5.

на середняцкие хозяйства оказалось значительным. Средняк порывал со своими сомнениями и колебаниями и вступал в колхоз, что способствовало повышению уровня сплошной коллективизации и укрепляло базу для ликвидации кулачества как класса. Не случайно организация МТС и их деятельность вызвали бешеную злобу и сопротивление кулачества, которое уже осенью 1929 года начало прибегать к всевозможным средствам борьбы с новым мероприятием Советской власти — от распространения ложных слухов и контрреволюционной агитации до террористических актов²⁰.

Яркую страницу в политическом и организационно-хозяйственном укреплении молодых, только что появившихся на свет колхозов вписали политотделы МТС, созданные по решению январского (1933 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Именно в это время получили широкое распространение такие формы массовой и политической работы на селе, как политчасы, техчасы, индивидуальное, сменное и бригадное соцсоревнование, массовая проверка соцдоговоров, конкурсы на лучшего тракториста, лучшую бригаду, слеты, конференции, производственные совещания, красные и черные флажки, красные и черные доски и т. д.²¹

В колхозах Плужанской МТС Винницкой области выход колхозников на работу до организации политотделов составлял 20—30%. Вскоре политотдел добился того, что 96% колхозников стали выходить на работу. В колхозах Чечальницкой МТС той же области выход колхозников на работу поднялся с 10—30 до 90—100%²².

Характерно, что в колхозах, обслуживаемых МТС, трудовая дисциплина была выше. В 1933 г. в Западно-Сибирском крае на одного трудоспособного колхозника в таких хозяйствах было отработано в течение месяца на 19,7% больше человеко-дней и в 5 раз меньше допущено прогулов, чем в колхозах, не охваченных машинно-тракторными станциями²³.

Политотделы успешно внедряли звеньевую организацию труда. Поощрение ударников, дифференцированное авансирование, начисление трудодней в зависимости от качества работы — все это наряду с массовой разъяснительной работой сыграло решающую роль в деле подготовки правильного распределения доходов, обеспечило успех в борьбе с уравниловкой, с разбазированием хлеба при распределении.

Организационная работа политотделов по укреплению колхозов и социалистическому воспитанию колхозников способствовала развертыванию массового социалистического соревнования и ударничества. Если в 1933 г. в весеннюю кампанию на один колхоз условно приходилось 9,3 ударника, то уже на летне-осеннюю — 19,5. Удельный вес ударников среди всего трудоспособного населения поднялся за этот период с 4,9 до 10,3%²⁴.

Для организационно-хозяйственного укрепления колхозов большое значение имел Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый II съездом колхозников-ударников в 1935 г. Устав закрепил победу колхозного строя. В этом документе были четко и ясно выражены цели и задачи артели, специальные пункты говорили о членстве, о земле, о

²⁰ См. «Сельскохозяйственная газета», 1929 г., 19 ноября; «Социалистическое земледелие», 1931 г., 20 августа.

²¹ См. Юдачев С. А. Борьба КПСС за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1934 гг.). М., 1962; Зеленин И. Е. Политотделы МТС (1933—1934 гг.). — «Исторические записки», т. 75, 1965 и др.

²² Материалы о работе политотделов МТС за 1933 г. М., 1934, с. 58.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3107, л. 89.

²⁴ Материалы о работе политотделов МТС за 1933 г., с. 174.

средствах производства, об организации, оплате и дисциплине труда, о деятельности правлений колхозов. В Уставе были закреплены основы колхозной демократии того времени.

Характерно, что в районах деятельности МТС, как правило, шел более быстрыми темпами и процесс завершения коллективизации. По РСФСР на 20 июня 1937 г. коллективизация крестьянских хозяйств в районах деятельности МТС составляла 73,8%, тогда как в районах, не охваченных МТС, уровень коллективизации не превышал 47,7%²⁵.

Важная роль МТС в социалистическом переустройстве деревни заключалась также и в том, что они способствовали совершенствованию форм колхозного движения. Удельный вес простейших форм колхозного движения в районах деятельности МТС, как правило, был менее значительным, чем там, где они не имелись. В 1935 г. в целом по СССР среди колхозов, обслуживаемых МТС, удельный вес ТОЗов составлял 1,7%, а среди колхозов, не обслуживаемых МТС,— 3,5%²⁶. Обеспеченность посевной площадью 1 колхоза, обслуживаемого МТС, составляла в 1935 г. 617,6 га (в среднем 94 двора; 392 жителя, из них 193 трудоспособных), в то время как посевная площадь колхоза, не охваченного МТС,— 226,9 га²⁷ (52 двора; 235 жителей, из них 113 трудоспособных)²⁸.

Уместно отметить, что колхозы, обслуживаемые МТС, в экономическом отношении были более сильными, чем колхозы, не обслуживаемые ими. Так, в 1935 г. размер неделимого фонда артели, обслуживаемой станцией, составлял в стоимостном выражении 58 294 руб., а не обслуживаемый ею — 33 183 руб.²⁹

В годы второй пятилетки основные средства производства колхозов возросли в целом в 2,7 раза, причем группа рабочего скота увеличилась в 2,1 раза, продуктивного скота — в 3,4, сельскохозяйственных машин и орудий — в 1,6, построек — в 3,4 и т. д. В связи с этим существенно изменилась структура основных средств производства. Несмотря на абсолютный рост рабочего скота, его удельный вес снизился к 1937 г. до 19,1 против 24,7% в 1932 г. Вместе с тем удельный вес продуктивного скота увеличился за эти годы с 18,4 до 23,3%, построек — с 22,8 до 28,9%³⁰. В этих изменениях сказывалось все возрастающее значение государственных средств производства. Не производя затрат на приобретение техники, поступающей через систему МТС, колхозы получили более широкие материальные возможности для строительства хозяйственных помещений, покупки продуктивного скота, сооружения, эксплуатации и ремонта оросительных и осушительных каналов, строительства колхозных электростанций и т. д.

Победа социализма в деревне еще более укрепила Советское государство, союз рабочих и крестьян, создала реальные условия для активного участия сельских тружеников в социально-экономической жизни страны, поставила на службу социализму крупное сельскохозяйственное производство.

Между МТС и колхозами как двумя формами предприятий социалистического сельскохозяйственного производства существовали общность и различия. Общим являлось то, что те и другие, будучи составными частями единой системы хозяйства, базировались на социалистической собственности. Это были однотипные социалистические предприя-

²⁵ БСЭ, т. 38, 1938, ст. 530.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 1792, лл. 24—25.

²⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 1813, лл. 141—142.

²⁸ Там же, д. 1792, лл. 57—58.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7486, оп. 3, д. 1814, лл. 126—127.

³⁰ Колхозы во второй сталинской пятилетке. М.—Л., 1939, с. 13—16.

тия. Но в МТС была государственная, а в колхозах — кооперативная (групповая) собственность, т. е. они различались по уровню обобществления средств производства. МТС и колхозы совместно выполняли операции, входящие в состав единого производственного цикла, на земле, являющейся общенародной собственностью (сочетание средств производства и труда для выполнения плановых заданий, сочетание работы тракторных бригад МТС с работой производственных бригад колхозов). Вместе с тем МТС и колхозы в производственном отношении были самостоятельны в заданиях, в нормах выработки, в сдельных расценках, в учете и оплате труда, в административной и финансовой ответственности за результаты работы.

Взаимоотношения МТС с колхозами регулировались типовым договором. Договор между МТС и колхозом заключался в начале каждого года и имел силу закона. Договорные отношения МТС с колхозами являлись юридическим выражением их производственных отношений, основывающихся на сочетании двух форм социалистической собственности — колхозно-кооперативной и общенародной, государственной. В договорах МТС с колхозами отражалась сущность производственных взаимоотношений рабочего класса и колхозного крестьянства, их сотрудничество и взаимопомощь. В них выражалась руководящая роль Советского государства, рабочего класса в развитии и укреплении колхозного производства.

Машинно-тракторные станции брали на себя обязательства по производственно-техническому обслуживанию колхозов, оказанию постоянной помощи в деле их организационно-хозяйственного укрепления, заключающейся в агрономическом обслуживании, составлении производственно-финансовых планов, внедрении научно обоснованных севооборотов, в подготовке кадров и постановке учета. Колхозы, в свою очередь, должны были последовательно проводить все предусматриваемые договором агротехнические мероприятия, своевременно рассчитываться за работы МТС. Примерные договоры МТС с колхозами 1933, 1934, 1938, 1939, 1948, 1949, 1954 гг. отражали и закрепляли все возрастающую роль МТС в колхозном производстве (см. табл. 2).

За весь период существования МТС ассигнования государства на их содержание и развитие составили огромную сумму — свыше 300 млрд. руб. Так, за 12 довоенных лет только на строительство МТС было затрачено около 4 млрд. руб. В военные и в первые послевоенные

Таблица 2

Рост сети, тракторного парка и объема работ МТС *

	1932 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1957 г.
Число МТС (на конец года), тыс.	2,4	7,1	7,5	8,4	7,9
Число тракторов (в пересчете на 15-сильные), тыс.	72	557	394	730	1153
Произведено работ машинно-тракторными станциями (в пересчете на пахоту), млн. га	23	227	118	318	570,7
Посевная площадь колхозов, обслуживаемых МТС (в % ко всей посевной площади колхозов)	49	94	88	97	99

* См.: Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. Статист. сб. М., 1957, с. 167; Сельское хозяйство СССР. Статист. сб. М., 1960, с. 74, 410.

годы значительными были расходы на восстановление разрушенных фашистскими оккупантами производительных сил³¹. В 1951—1957 гг. сумма вложений в развитие МТС составила 188 млрд. руб.³²

Благодаря преимуществам социалистической системы хозяйства, помощи Советского государства уже к концу первой послевоенной пятилетки мощность тракторного парка МТС заметно превзошла уровень 1940 г. Характерно, что темпы его восстановления намного опережали темпы восстановления трудовых ресурсов колхозов. Данные таблицы 2 свидетельствуют об усилении роли МТС в колхозном производстве. Отметим, что в начале 1950-х годов машинно-тракторными станциями выполнялось более 170 видов различных работ (в предвоенные годы — только 90 видов)³³. С помощью МТС колхозам удалось в короткий срок восстановить, а затем и превзойти довоенный уровень сельскохозяйственного производства. Валовая продукция общественного сельского хозяйства в 1958 г. на 57% превышала уровень довоенного 1940 года³⁴.

Нельзя согласиться с утверждением, что в период существования МТС вся продукция колхозного производства представляла собой собственность сельхозартелей. Колхоз и МТС были равноправными участниками производства, и поэтому каждому из этих предприятий принадлежала доля продукции, соответствующая степени их участия в производстве.

В. А. Тищенко справедливо отметил, что термин «натуральная оплата работ МТС» не вполне отражал сущность отношений МТС и колхозов. Эти отношения не являлись товарными, так как МТС не отчуждали принадлежащих им средств производства; они не были и отношениями платного пользования государственными средствами производства, так как МТС участвовали непосредственно в колхозном производстве. Натуральная оплата по своему экономическому содержанию представляла собой форму передачи государству той части сельскохозяйственной продукции, которая создавалась трудом, вложенным в колхозное производство, живым трудом работников МТС и прошлым овеществленным трудом индустриальных рабочих.

Сложность экономических расчетов колхозов и МТС через натуроплату состояла в том, что такой вид оплаты не всегда соответствовал своему экономическому содержанию: она или не возмещала всех затрат МТС или через нее происходило отчуждение в пользу государства продукта, созданного трудом колхозников. В первом случае у государства сокращались возможности расширения сети МТС, совершенствования их техники, во втором — сокращались средства колхозов для капитальных вложений в общественное хозяйство и оплаты труда колхозников. И в первом и во втором случае ухудшались материальные условия воспроизводственного процесса в колхозном секторе общественного хозяйства³⁵.

Следующие данные дают представления об абсолютных размерах натуроплаты зерном: в 1933—1934 гг. (в среднем за год) — 3652,6 тыс. т, в 1937 г. — 11 853,8 тыс. т, в 1940 г. — 14 264,3 тыс. т, в 1952 г. — 18 429 тыс. т, в 1956 г. — 19 895,2 тыс. т³⁶. С увеличением объе-

³¹ См. Куравский З. В. Восстановление и дальнейшее развитие сельскохозяйственного машиностроения в годы четвертой пятилетки. — «История СССР», 1978, № 1.

³² «МТС», 1957, № 12, с. 12.

³³ «МТС», 1951, № 11, с. 4.

³⁴ Сельское хозяйство СССР. Статист. сб. М., 1960, с. 60—61.

³⁵ См. Тищенко В. А. Развитие форм производственно-технического обслуживания колхозов. Ростов н/Д, 1960, с. 99—103.

³⁶ СИЭ, т. 9. М., 1966, с. 207; Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958 гг.). М., 1976, с. 202.

ма произведенных машинно-тракторными станциями работ в колхозах удельный вес натуроплаты достигал более чем половины всего заготовленного государством зерна в колхозах.

В целом производственное содружество МТС и колхозов обеспечивало им благоприятные возможности для расширенного воспроизводства. К началу 1957 года основные производственные фонды МТС оценивались в 53,5 млрд. руб., что в 7 раз превышало уровень 1940 года. Отметим, что в промышленности соответствующий показатель за это время увеличился лишь в 2,9 раза. По сравнению с 1950 г. основные средства производства МТС и колхозов к началу 1955 года возросли на 50%, причем основные фонды колхозов увеличились на 69%, а МТС — на 114%. Доля основных фондов МТС в общей сумме средств производства МТС и колхозов за этот период увеличилась с 31 до 39%.

Благодаря концентрации сложных сельскохозяйственных машин в МТС, колхозы все больше средств тратили на строительство производственных помещений, на покупку продуктивного скота. В 1955 г. 53% всех основных производственных фондов колхозов (с учетом затрат труда колхозников в строительстве) составляли производственные строения и сооружения, 23% — рабочий и продуктивный скот. За пятую пятилетку колхозы построили животноводческие помещения для 78,6 млн. голов крупного рогатого скота, лошадей, свиней и овец³⁷.

Сложные сельскохозяйственные машины и двигатели в составе собственных средств производства колхозов занимали не очень большой удельный вес (в 1955 г., например, 10,7%), но их количество возрастало, причем довольно значительно. Так, в 1950 г. колхозы имели 2083 собственных тракторов, а в 1957 г. — 26 507; число грузовых автомобилей за это же время увеличилось с 86,5 тыс. до 337,4 тыс., а общая мощность всех двигателей — с 1132,8 тыс. л. с. до 2802,1 тыс. л. с.³⁸

Упрочение колхозного строя, совершенствование социалистических производственных отношений в деревне выражалось в дальнейшем повышении уровня обобществления и концентрации сельскохозяйственного производства, укрупнении колхозов (см. табл. 3).

Победа социалистических производственных отношений в деревне, превращение единоличного крестьянства в новый класс колхозного крестьянства — таков главный, но далеко не единственный социальный итог технического прогресса в сельском хозяйстве СССР.

МТС оказали влияние и на такой важный социально-экономический процесс, как ликвидация противоположности между городом и деревней, преодоление существенных различий между ними. С ростом производительности труда (главным образом под влиянием механизации) высвобождалась часть работников, ранее занятая в сельском хозяйстве. Они пополняли ряды рабочего класса. Естественный прирост населения деревни за 1926—1939 гг. составил 18,1 млн. человек. За это же время из села переместилось в город 24,1 млн. человек³⁹. Мощность тракторного парка МТС, введенного в действие с 1946 по 1952 г., оказалась достаточной, чтобы заменить труд более 3 млн. человек и свыше 12 млн. лошадей⁴⁰. Всего же с 1939 по 1958 гг. пополнение города за счет села составило 24,6 млн. человек⁴¹. Переход сельского населения в город — объективный, закономерный процесс. Он обусловлен главным образом

³⁷ «МТС», 1957, № 12, с. 12—13.

³⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1538, лл. 95, 96, 98.

³⁹ Писарев И. Ю. Народонаселение СССР. М., 1962, с. 97.

⁴⁰ Свирщевский О. И. Механизация социалистического сельского хозяйства СССР. М., 1953, с. 15.

⁴¹ Урланис Б. Ц. Рост населения в СССР. М., 1966, с. 34.

Таблица 3

Изменение численности и средних размеров колхозов в 50-е годы *

Показатели	1940 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.		1957 г.
							по всем колхозам	без преобр. в совхозы	
Общее число сельхозартелей	252 146	121 346	94 834	91 207	87 167	85 594	83 025	77 286	76 560
Число наличных колхозных дворов (тыс.)	19 453,6	20 294,6	19 884,4	19 715,7	19 700,5	19 779,2	19 867,8	18 743,4	18 845,4
Число наличных трудоспособных колхозников (тыс.)	27 583,3	28 603,3	26 959,0	26 761,2	27 262,7	28 813,0	29 258,7	27 500,0	27 699,1
На один колхоз приходится:									
наличных колхозных дворов	80	172	211	217	226	232	240		247
наличных трудоспособных колхозников	113	242	286	295	313	332	354		364
общей площади посева (га)	456	1 019	1 384	1 454	1 591	1 747	1 839		1 729
рабочих лошадей	19	46	65	нет св.	68	68	71		72
крупного рогатого скота (без рабочих волов)	85	202	285	нет св.	288	295	318		368
неделимых фондов (тыс. руб.)	186,8	427,5	669,3	769,6	898,3	1 028,9	1 193,3		1 336,8

* Составлено по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1538, лл. 1, 4, 9, 127, 128, 136, 137, 145, 150.

громадным техническим прогрессом, достигнутым нашей страной за годы Советской власти во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и сельского.

Важнейшим социальным итогом развития МТС явился рост численности и удельного веса работников механизированного труда. Так, с 1930 по 1958 г. машинно-тракторные станции подготовили преимущественно из колхозников 6 млн. трактористов⁴². Вот как увеличивалась численность механизаторов основных профессий⁴³.

Годы	1933	1937	1940	1946	1950	1957
Численность механизаторов (тыс.)	374	1019	1388	943	1230	1833

Удельный вес механизаторов в 50-е годы составлял около 5—7% ко всему трудоспособному населению колхозов, принимавшему участие в общественных работах.

Длительное время механизаторы МТС⁴⁴ в большинстве своем по социальному и юридическому положению представляли особую группу внутри колхозного крестьянства, поскольку они не находились в штатах МТС, а являлись членами колхозов. Отличие их от остальной массы колхозников заключалось не только в том, что они занимались более квалифицированным механизированным трудом, но и в том, что они получали гарантированный минимум оплаты.

На основе решения сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС был осуществлен перевод всех механизаторов МТС на положение постоянных рабочих, что имело не только производственное, но и огромное социальное значение. Сельский рабочий класс пополнился новым отрядом, представлявшим в профессиональном, культурном и политическом отношении передовую часть колхозной деревни. Усиливалась общественно-экономическая и политическая роль рабочего класса в жизни села, создавались новые возможности для более широкого внедрения промышленной культуры производства, воспитания социалистического отношения к труду, преодоления пережитков старого в сознании людей.

Преобразование под влиянием МТС сельскохозяйственного труда в труд индустриальный коренным образом способствовал изживанию существенных различий между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством. В результате коллективизации сельского хозяйства в нашей стране сформировался однотипный социалистическому рабочему классу класс колхозного крестьянства, но существенные различия между ними еще оставались и остаются. Возрастание роли индустриального труда в колхозах — одно из важнейших условий в ликвидации этих различий. Появление в деревне механизатора — работника индустриальной профессии — свидетельство коренных изменений в составе и характере производительных сил сельского хозяйства. Значительная часть колхозного крестьянства по своему культурно-техническому уровню поднималась до уровня квалифицированных рабочих.

Всей стране известны имена трактористов Н. А. Шестопалова, П. Н. Ангелиной, А. Е. Волошина, П. П. Гусева, П. И. Кавардак, комбайнеров С. В. Полагутина, Ф. И. Колесова, К. А. Борина — пионеров стахановского движения в сельском хозяйстве. Характерно, что передо-

⁴² Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. М., 1960, с. 7.

⁴³ Там же, с. 271.

⁴⁴ Комбайнеры в 1935 г. были зачислены в штатные работники МТС. Эта мера способствовала уменьшению текучести кадров комбайнеров и более производительному использованию техники (См. «Правда», 1935 г., 20 апреля.)

вые комбайнеры, трактористы, как и новаторы промышленности, применяли в основном одинаковые методы работы: правильное разделение труда, рационализацию производства, уплотнение рабочего времени, надлежащую подготовку рабочего места.

За годы социалистического строительства менялись формы социалистического соревнования в деревне, но оставались неизменными ленинские принципы его организации: широкая гласность, сравнимость результатов, пропаганда и использование передового опыта. В 40-е и 50-е годы Гиталов, Бредюк, Бунеев, Басистый, Шульга, Светличный, Брага, Нектов, Тюпко, Пронькин, Т. Ахунова и многие другие знатные механизаторы МТС, успешно переняв славные традиции стахановского движения, добивались высоких производственных результатов.

Как отмечал февральский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС, «в создании и упрочении колхозного строя, в техническом оснащении сельского хозяйства, в укреплении союза рабочего класса и крестьянства огромную историческую роль сыграли машинно-тракторные станции...

МТС являлись той большой политической и организующей силой, вокруг которой крестьяне объединялись в колхозы и убеждались в преимуществах крупного машинного сельского хозяйства; через МТС осуществлялись технический прогресс в сельском хозяйстве и его перевооружение на базе новой техники, подготовка квалифицированных механизаторских кадров, повышение культуры земледелия и животноводства. Огромное значение машинно-тракторных станций состояло и в том, что они были важным источником получения хлеба и других продуктов питания, а также сырья для промышленности»^{44а}.

С развитием колхозного строя и совершенствованием его материально-технической базы для экономически крепких колхозов появилась реальная возможность перехода к новым формам производственно-технического обслуживания. Февральский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС признал необходимым постепенно, с учетом экономического состояния колхозов, реорганизовать МТС и перейти к продаже техники непосредственно колхозам. Рекомендации Пленума были закреплены законом «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», принятым Верховным Советом СССР в марте 1958 г.⁴⁵ К сожалению, при реорганизации МТС была допущена поспешность. Как отмечалось на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, в этот период оказалась серьезно подорванной ремонтная база сельского хозяйства⁴⁶.

В целях ликвидации отрицательных последствий реорганизации МТС уже в 1961 г. функции ремонтно-технических станций по обслуживанию и материально-техническому снабжению колхозов были переданы районным, межрайонным, областным и республиканским отделением Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника». Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС одобрил и поддержал создание механизированных отрядов, машинно-прокатных, машинно-животноводческих и

^{44а} КПСС в резолюциях..., т. 7, М., 1971, с. 318, 319.

⁴⁵ См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 4, М., 1968, с. 397—401.

В 1958 г. в колхозы из МТС вошло свыше миллиона механизаторов. Часть механизаторов перешла на работу в РТС. К 1 апреля 1959 года численность колхозных механизаторов составила 1 млн. 672 тыс. человек (Губарев Г. Д. Опыт местных партийных организаций в создании новых форм производственно-технического обслуживания колхозов (1953—1958 гг.). — «Вестник Московского университета», сер. 9, истор., 1963, № 1, с. 20).

⁴⁶ См. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза за 24—26 марта 1965 года. Стеногр. отчет. М., 1965, с. 27.

лугомелиоративных станций для выполнения различных специализированных работ.

Возникновение таких объединений, станций, отрядов и т. п. свидетельствует о дальнейшем совершенствовании технического обслуживания сельского хозяйства, зарождении новых эффективных форм производственных связей между государством и колхозами.

Сегодня специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе широкого кооперирования и перевод его на современную индустриальную основу представляют магистральное направление дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства, новый этап практического осуществления идей ленинского кооперативного плана.

В новой Конституции СССР — конституции развитого социализма подчеркивается, что «в СССР последовательно претворяется в жизнь программа превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального»⁴⁷. Государство заботится об улучшении условий и охране труда, его научной организации, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех областях народного хозяйства. Все это в огромной степени способствует усилению однородности общества — стиранию классовых различий, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, — решению кардинальных социальных и экономических задач коммунистического строительства.

⁴⁷ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, М., 1977, с. 12.

М. М. КУЧЕРЕНКО

О СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Советский народ под руководством Коммунистической партии в исторически короткий срок, всего за два десятилетия, воплотил в жизнь начертанный гением В. И. Ленина величественный план построения социализма в СССР. Победа социализма стала в Советском Союзе реальной действительностью к концу второй пятилетки. Весь мир стал свидетелем торжества ленинского курса партии на социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию.

XVIII съезд ВКП(б), определяя перспективы развития нашей страны на 1938—1942 гг., предусмотрел дальнейший опережающий рост тяжелой индустрии, создание крупных государственных резервов топлива, черных и цветных металлов, сырья. Огромное внимание обращалось на развитие восточных районов СССР, богатых полезными ископаемыми и энергетическими ресурсами. Здесь создавалась крупная угольно-металлургическая база.

На XVIII съезде партии в связи с широкой механизацией сельскохозяйственных работ говорилось о необходимости направлять на работу в промышленность ежегодно около полутора миллиона молодых колхозников¹ с тем, чтобы обучить их массовым профессиям и использовать на предприятиях социалистической индустрии². Партией ставилась важная задача развертывания «широкой сети школ и курсов по подготовке и переподготовке квалифицированных рабочих и мастеров социалистического труда»³.

Рассматриваемой теме посвящена значительная литература. Еще до войны появились работы, в которых ставился вопрос о необходимости создания новой системы подготовки рабочего пополнения⁴. Изданные в годы войны книги, документальные сборники, оперативно откликнулись на отдельные проблемы, связанные с подготовкой молодых рабочих массовых профессий⁵. Для литературы первых послевоенных лет характер-

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Стеногр. отчет. М., 1939, с. 23 (далее — XVIII съезд ВКП(б)).

² Пополнение рабочих кадров промышленности через оргнабор, а также по договорам с колхозниками, в то время не покрывало и малой доли потребности в них. Промышленность, строительство и транспорт недобрали по оргнабору против плана: в 1937 г. — более 1 млн. чел., в 1938 — 1 млн. 300 тыс. чел., а в 1939 — свыше 1 млн. 500 тыс. чел. (См. Блиничевский Ф. Л., Зеленко Г. И. Профессионально-техническое образование рабочих в СССР. М., 1957, с. 64).

³ XVIII съезд ВКП(б), с. 659.

⁴ Трубиников С. Источники комплектования рабочей силы в СССР. — «Проблемы экономики», 1939, № 6; Бабынин Б., Соинин М., Трубиников С. Подготовка трудовых резервов — важнейшая государственная задача. — «Профсоюзы СССР», 1940, № 9; По-большевистски готовить государственные трудовые резервы. — «Большевик», 1940, № 23; Трубиников С. Государственные трудовые резервы СССР. — «Плановое хозяйство», 1940, № 11.

⁵ Кедров Г. Государственные трудовые резервы Страны Советов. М., 1941; Сборник основных руководящих материалов по массовому техническому обучению. М., 1941; Соинин М. Я. Подготовка и использование рабочей силы. М. — Куйбышев, 1942; Па-

ны попытки обстоятельного анализа состояния профтехобразования в стране⁶.

В последние годы обществоведы, широко привлекая архивные данные, многочисленные документы и материалы статистики, создали монографические исследования, характеризующие различные пути подготовки квалифицированных рабочих кадров⁷. Следует отметить, что в указанной литературе довольно обстоятельно освещается подготовка рабочих кадров через систему государственных трудовых резервов, прослеживается количественный и качественный рост молодого рабочего пополнения на различных этапах социалистического и коммунистического строительства. Вместе с тем вопросы создания системы трудовых резервов, совершенствования ее структуры рассматривались в общих чертах.

Цель данного сообщения — в какой-то мере восполнить имеющийся пробел, попытаться раскрыть процесс организации системы государственных трудовых резервов СССР.

В период 20—30-х гг. фабрично-заводское ученичество было наиболее прогрессивной формой профессионально-технической подготовки молодого поколения рабочего класса для социалистической промышленности. Молодежь охотно шла в ФЗУ, чтобы получить производственную квалификацию. Но сеть учебных заведений была явно недостаточной, чтобы охватить учебной всех желающих. Всего за период с 1918 по 1940 г. в ФЗУ и школах типа ФЗУ было подготовлено лишь 2 млн. 410 тыс. рабочих⁸.

Эти учебные заведения готовили кадры по профессиям, которые были нужны в первую очередь предприятиям на базе которых существовали школы. Система подготовки кадров непосредственно на производстве была весьма далека от совершенства. Отсутствовало централизованное руководство и, как следствие, школы не имели единых программ, учебных и методических пособий. Не обобщался и не распространялся передовой опыт обучения и воспитания молодежи. Уровень подготовки молодых рабочих кадров отставал от требований индустриального производства.

На основе директив XVIII съезда партии вырабатывались конкретные мероприятия по созданию качественно иной государственной системы подготовки молодого поколения рабочего класса. В октябре 1940 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР», в котором говорилось, что

шерстник А. Е. Новые рабочие и Великая Отечественная война. Ташкент, 1942; Москатов П. Г. Рабочий класс нашей Родины. М., 1943; Логвинов А. Молодые отряды рабочего класса СССР. М., 1944; Государственные трудовые резервы. Сборник руководящих материалов. М., 1945 и др.

⁶ Золотарев Ю. Е. Трудовые резервы страны Советов. М., 1947; Цветков П. Рабочий класс СССР. М., 1947; Карпенко П. А. Система подготовки и повышения квалификации кадров в народном хозяйстве. М., 1954; Соини М. Я. Подготовка квалифицированных рабочих на производстве. М., 1954; Веселов А. Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР. М., 1955; Москатов П. Г. Плечом к плечу. М., 1955 и др.

⁷ Соини М. Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959; Веселов А. Н. Профессионально-техническое образование в СССР. М., 1961; Волков Ф. М. Расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы в СССР. М., 1961; Шарапов В. В. Пути совершенствования подготовки рабочих кадров. М., 1967; Сенявский С. Л., Тельпуковский В. Б. Рабочий класс СССР (1938—1965). М., 1971; Батышев С. Я. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. М., 1974; Ключков И. Д. Совершенствование подготовки квалифицированных рабочих. М., 1975; Ворожейкин И. Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975.

⁸ Труд в СССР. М., 1968, с. 324; Формирование и развитие советского рабочего класса. 1917—1961. М., 1964, с. 90.

«задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное развитие нашей промышленности»⁹. Признавалось необходимым мобилизовывать¹⁰ ежегодно от 800 тыс. до 1 млн. городской и колхозной молодежи для обучения ее производственным профессиям в ремесленных, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения¹¹.

2 октября 1940 г. СНК СССР принял постановление «О создании Главного управления трудовых резервов при СНК СССР»¹². Была определена организационная структура Главного управления, включающая: руководство, секретариат, контрольную инспекторскую группу, управления и отделы. В конце 1940 г. штат главного управления насчитывал 241 чел.¹³

В ведение Главка входило составление планов подготовки рабочих кадров по профессиям, разработка и утверждение учебных планов и программ, издание учебников и учебных пособий и т. д. Главное управление финансировало местные управления трудовых резервов, утверждало руководящие кадры, решало вопросы материально-технического снабжения.

Была образована Коллегия, куда, наряду с руководящими работниками Главка, вошли руководители учебных заведений, научные сотрудники различных институтов АН СССР, представители ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и других общественных организаций. Только с октября по декабрь 1940 г. состоялось 33 заседания Коллегии, на которых было рассмотрено более 120 вопросов, связанных с созданием системы гострудрезервов¹⁴.

В течение 1940 г. было образовано 70 местных управлений, общий штат которых составил 1200 чел.¹⁵

Система трудовых резервов включала 868 бывших школ ФЗО; 684 учебных заведения предстояло организовать. Для этого выделялось 269 помещений школ Наркомпроса, ряда предприятий и организаций¹⁶. Кроме того, Главному управлению трудовых резервов передавались учебно-производственные объекты общим объемом 10 млн. 800 тыс. куб. м, 3700 зданий под общежития, площадью 2 млн. 300 тыс. кв. м, 23 тыс. станков, в том числе свыше 15 тыс. токарных, 3 тыс. фрезерных и 2,5 тыс. строгальных¹⁷. Для изготовления обмундирования было отпущено 2,8 млн. м шерстяных и свыше 100 млн. м хлопчатобумажных тканей, 2 млн. пар обуви¹⁸.

⁹ См. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2. М., 1957, с. 653—655.

¹⁰ Мобилизация молодежи в учебные заведения трудовых резервов диктовалась сложностью международной обстановки.

¹¹ В ремесленные и железнодорожные училища принималась молодежь в возрасте 14—15 лет и обучалась в течение 2-х лет, а в школы ФЗО — в возрасте 16—17 лет и обучалась в течение 6 месяцев.

Гострудрезервы рабочей силы находились в непосредственном распоряжении СНК СССР и не могли быть использованы наркоматами и предприятиями без разрешения правительства.

¹² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2, с. 654.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹⁴ Подсчитано по отчетам Главка. (См., ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 2, лл. 1—13).

¹⁵ Там же, д. 1, лл. 8—11.

¹⁶ Там же, д. 40, л. 4.

¹⁷ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97, л. 250.

¹⁸ Там же, д. 97-а, л. 17.

ЦК партии ориентировал органы трудовых резервов в центре и на местах закончить всю подготовительную работу в сжатые сроки с тем, чтобы с 1 декабря 1940 г. учащиеся могли приступить к занятиям.

Сложной оказалась задача укомплектования учебных заведений кадрами. Необходимо было подобрать более 75 тыс. работников, в том числе более 1500 директоров, примерно столько же старших мастеров, более 22 тыс. мастеров производственного обучения и 6 тыс. преподавателей, не считая воспитателей, комендантов и другого обслуживающего персонала¹⁹. Опытные руководители бывших ФЗУ возглавили новые учебные заведения, а многим специалистам-производственникам, направленным на работу в систему трудовых резервов по рекомендации парткомов, предстояло еще освоить почетное дело подготовки рабочей смены.

Из 1526 директоров училищ и школ по состоянию на 31 декабря 1940 г. 26,5% имели высшее образование, 12% — незаконченное высшее, 28,9% — среднее и среднее специальное образование²⁰. Инженерно-педагогические кадры комплектовались в основном за счет специалистов и практиков производства. Наглядное представление о качественном составе мастеров производственного обучения могут дать сведения по 41 области РСФСР, где на 1 января 1941 г. в системе трудовых резервов работало 10 052 мастера. Эти кадры характеризовались данными, представленными в таблице 1.

Таблица 1*

Партийность	Образование	Общий стаж работы	Не имеют:
Чл. и канд. в чл. ВКП(б)—3808 Чл. ВЛКСМ—907 Беспартийные—5337	Высшее—243 Среднее—1330 Ниже 5 кл.—2895	От 1 до 5 лет—2190 От 5 до 10 лет—2655 Свыше 10 лет—5207	технического образова- ния—8479 стажа пед. работы и про- изводственного обуче- ния—9229

* ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 252, лл. 11—41.

Данные этой таблицы свидетельствуют о том, что партийная прослойка среди мастеров была довольно высокой, большинство проработало на производстве свыше 10 лет. Вместе с тем 91,9% мастеров не имели опыта педагогической работы, их общеобразовательный уровень был невысоким.

Во всех учебных заведениях была введена военно-физкультурная подготовка²¹. К началу занятий в училищах и школах работало свыше 2 тыс. военруков²², которые подбирались из числа бывших воинов Красной Армии.

Большую роль сыграли, особенно на первых порах, специальные комиссии по разработке и осуществлению практических мероприятий, связанных с созданием трудовых резервов. Они состояли из представителей управлений трудовых резервов, руководителей предприятий и организаций, на базе которых создавались училища и школы, работников

¹⁹ Там же, л. 252.²⁰ Там же, д. 97, л. 132.²¹ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97-а, л. 252.²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 1597, л. 140; д. 3337, л. 109.

партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций. Комиссиям приходилось участвовать в решении самых разнообразных вопросов, начиная с освобождения и ремонта помещений и кончая обеспечением учебных заведений топливом, оборудованием.

Только в одной Москве необходимо было открыть 122 ремесленных, 9 железнодорожных училищ и 32 школы ФЗО с общим числом учащихся, превышающим 75 тыс. чел.²³ На крупных предприятиях столицы в октябре 1940 г. прошли собрания трудящихся, на которых обсуждались вопросы организации учебных заведений трудовых резервов. Бюро Пролетарского райкома ВКП (б) неоднократно в течение октября—декабря 1940 г. обсуждало вопросы о ходе подготовки училищ и школ к занятиям на заводах «Динамо», автомобильном им. И. В. Сталина, Велозаводе, тресте «Строитель» и других²⁴.

В помощь агитаторам «Правда» опубликовала ряд материалов о целях и задачах создания государственных трудовых резервов.

ВЦСПС и Главное управление трудовых резервов объявили с 15 по 25 ноября 1940 г. общественный смотр готовности училищ и школ ФЗО к началу учебного года²⁵, во время которого было выявлено немало резервов. В частности, обнаружено значительное число станков и оборудования, которое без особого ущерба для предприятий могло быть передано для обучения молодых рабочих.

Рабочую профессию хотели получить многие. В некоторых районах количество заявлений в 3—4 раза превышало норму призыва. Повсеместно комплектование учебных заведений завершилось 24 ноября 1940 г. Всего было зачислено 602 тыс. чел., в том числе в ремесленные училища 308, в железнодорожные — 37 и школы ФЗО — 257 тыс. чел.²⁶ Это более чем вдвое превысило контингент учащихся ФЗУ и школ типа ФЗУ до опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР».

Данные таблицы 2 позволяют проследить географию размещения новых учебных заведений. Они свидетельствуют об усиленной подготовке рабочих кадров в первую очередь в основных промышленных районах страны.

Важную роль в дальнейшем развитии системы государственных трудовых резервов сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1940 г. «О ходе выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР „О государственных трудовых резервах СССР“»²⁷. В нем были подведены первые итоги работы по созданию сети учебных заведений, комплектованию их учащимися, вскрыты имеющиеся недостатки и определены задачи по подготовке молодых рабочих на 1941 г.

СНК СССР и ЦК ВКП(б), утвердив контрольные цифры распределения учащихся школ ФЗО, подлежащих выпуску 1 июня 1941 г. (в количестве 257 тыс. чел.), наметили дальнейшее расширение сети училищ и школ ФЗО²⁸.

Большую роль в совершенствовании учебно-воспитательной работы сыграли заместители директоров по политической части, должность ко-

²³ Подсчитано по отчетам Главка: ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97-а, л. 154; д. 97, л. 8.

²⁴ МПА, ф. 80, оп. 1, д. 770, лл. 34—35; д. 771, лл. 19, 32, 33; д. 772, лл. 2, 30, 31, 32.

²⁵ «Правда», 1940 г., 12 ноября.

²⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, изд. 8, т. 5. М., 1970, с. 452.

²⁷ См. КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 452—458.

²⁸ Главному управлению трудовых резервов, наряду с разрешением открыть к 15 января 1941 г. пять школ ФЗО железнодорожного транспорта, предлагалось в двухнедельный срок представить в СНК СССР и ЦК ВКП(б) предложения о размещении дополнительного контингента учащихся.

Таблица 2

Изменение контингента учащихся в школах трудовых резервов по сравнению с ФЗУ и школ типа ФЗУ*

Республика, край, область	Число учащихся		Новый набор учащихся к прежнему контингенту (в %)
	в ФЗУ и школах типа ФЗУ	в РУ, ЖУ и школах ФЗО	
РСФСР	216 189	423 990	196,1
в том числе:			
Ленинградская обл.	25 592	76 900	300,5
Московская »	44 106	74 660	169,3
Горьковская »	9 687	18 250	188,4
Ростовская »	8 679	17 200	198,2
Свердловская «	8 884	16 400	184,6
Молотовская »	6 443	10 170	157,8
Челябинская »	7 361	15 670	212,9
Воронежская »	4 419	12 700	287,4
Новосибирская »	8 222	8 850	107,6
Сталинградская »	4 662	11 700	251,0
Ярославская »	7 442	8 300	111,5
Приморский край	1 479	5 100	344,8
Хабаровский край	2 530	5 000	197,6
Украинская ССР	63 888	130 670	204,5
Белорусская ССР	5 823	16 160	277,5
Казахская ССР	4 151	5 480	132,0
Узбекская ССР	3 098	4 600	148,5
Грузинская ССР	2 275	4 700	206,6
Азербайджанская ССР	1 906	10 000	524,7
Туркменская ССР	524	1 200	229,0
Армянская ССР	425	1 000	235,8
Карело-Финская ССР	417	2 200	527,6
Итого	298 696	600 000	200,01

* «Плановое хозяйство», 1940, № 11, с. 36.

торых в учебных заведениях трудовых резервов была введена с 1 января 1941 г.²⁹ Партийные организации подбирали и рекомендовали для этой сложной работы опытных коммунистов. Уже 10 января 1941 г. в учебных заведениях трудовых резервов работал 1101 чел.³⁰, а к концу января практически все училища и школы ФЗО были обеспечены кадрами замполитов³¹.

Например, в ремесленном училище № 1 Москвы и в школе ФЗО № 1 имели место серьезные недостатки в политико-массовой работе среди учащихся. Бюро Пролетарского РК ВКП(б) столицы³² решило рекомендовать на должность заместителя директора по политической части в ремесленное училище № 1 коммуниста В. В. Корсика, хорошо зарекомендовавшего себя на партийной работе; в школу ФЗО № 1 на эту должность был утвержден А. М. Заев, член партии с десятилетним стажем³³. Им удалось значительно активизировать работу педагогических коллективов и ученических организаций, добиться хорошей дисциплины, посещаемости занятий, ликвидировать отсев учащихся. В феврале 1941 г. в учебных заведениях трудовых резервов начали создаваться первичные

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 1, л. 99.³⁰ Там же, д. 20, л. 292.³¹ Там же, д. 40, л. 30.³² МПА, ф. 80, оп. 1, лл. 771, 19, 32—33; д. 772, лл. 30—32; оп. 2, лл. 2, 102—103.³³ Там же, оп. 2, д. 2, л. 1.

партийные организации, а несколько раньше, в конце ноября 1940 г., комсомольские³⁴.

Чтобы помочь молодым людям быстрее освоиться в новых коллективах, приобщить их к активной общественной жизни к ремесленным, железнодорожным училищам и школам ФЗО прикрепляли вузовские и производственные комсомольские организации. Шефы организовывали совместные вечера отдыха, коллективные походы в кино, театры, устраивали экскурсии, встречи учащихся с кадровыми рабочими-передовиками производства. Регулярно в этих учебных заведениях выступали лекторы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, представители театров и рабочих клубов руководили кружками художественной самодеятельности. С 1 января 1941 г. стал выходить журнал «Производственное обучение» тиражом 20 тыс. экз.³⁵ На его страницах широко освещалась учеба, труд и быт учащихся трудовых резервов.

Изо дня в день совершенствовался учебный процесс. Главное управление трудовых резервов разработало 217 видов учебных программ³⁶. В республиках, краях и областях, а также в учебных заведениях по решению Коллегии Главного управления были созданы методические советы, занимавшиеся совершенствованием процесса производственного и теоретического обучения, обобщением и распространением опыта передовых коллективов³⁷.

В течение января—марта 1941 года на заседаниях Коллегии Главного управления трудовых резервов были заслушаны отчеты о ходе учебно-воспитательной работы в учебных заведениях Орловской, Ивановской, Сталинской, Ворошиловградской, Харьковской и других областей³⁸.

Учитывая необходимость материальной заинтересованности учащихся в выполнении производственных заказов, Главное управление утвердило 14 февраля 1941 г. «Положение о порядке распределения и расходования доходов, получаемых школами ФЗО, ремесленными и железнодорожными училищами от исполнения учащимися элементарных производственных заказов государства, а также за работу, выполненную учащимися в процессе обучения»³⁹.

Предусматривалось выплачивать учащимся в зависимости от отрасли производства от 50 до 80% доходов, а остальные средства использовать на улучшение питания учащихся, премирование учеников и инженерно-педагогического персонала, приобретение спецодежды и т. п.

Многие учебные заведения стали добиваться значительных успехов в выполнении государственных заказов. Широкий размах приобрело социалистическое соревнование. Так, в ленинградском ремесленном училище № 1, которое вышло в число передовых в стране, в течение января—марта 1941 г. было изготовлено продукции на 1 млн. 192 тыс. руб.⁴⁰ В школе ФЗО № 3 Ростовской области более ста учащихся перевыполняли дневные нормы выработки взрослых рабочих. Комсорг училища Войнов, работая в шахте на врубной машине, выдавал на гора по полторы нормы угля⁴¹. Только за три месяца учебы учащиеся школ ФЗО

³⁴ Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР (1938—1965), с. 213; ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 256, лл. 1—5.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 20, л. 307.

³⁶ Там же, д. 2, лл. 16—17.

³⁷ Там же, д. 20, л. 221.

³⁸ Там же, д. 3, лл. 88—124; д. 5, лл. 1—221.

³⁹ Там же, д. 20, лл. 223—225.

⁴⁰ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97-а, л. 108.

⁴¹ Там же, л. 30.

на предприятиях Наркомугля добыли около полумиллиона тонн черного золота⁴².

В развитии соревнования широко использовались и моральные стимулы. Московское областное управление трудовых резервов совместно с облсовпрофом ввели в практику проведение ежемесячных конференций учащихся — отличников учебы, на которых оглашались итоги социалистического соревнования. Так, в феврале 1941 г. первое место и переходящее Красное Знамя завоевал коллектив школы ФЗО № 2, а в марте — школы ФЗО № 1⁴³. По примеру москвичей подобные конференции стали проводить и в других областях. Эта традиция сохранилась и поныне.

Учащиеся выполняли заказы государства, производили необходимое оборудование и инструменты для собственных нужд. Только в первом квартале 1941 г. ученики ремесленного училища № 1 Ленинграда изготовили на 400 тыс. руб. инвентаря, инструмента и наглядных пособий для своего и соседних училищ. Продукция школ ФЗО соответствовала техническим нормам. Многие образцы изделий экспонировались на проходивших областных выставках технического творчества. На выставке в Сталинградской области, например, экспонировалось свыше 2500 станков, элементов оборудования, моделей, макетов и других изделий, в изготовлении которых приняли участие 1800 учащихся⁴⁴. 5 июня 1941 г. в Московском центральном Доме техники открылась Первая Всесоюзная выставка работ учащихся трудовых резервов. В дальнейшем организация выставок технического творчества стала традицией.

Усилиями администрации, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций учебных заведений трудовых резервов удалось значительно повысить уровень теоретического и производственного обучения, до минимума сократить отсев учащихся, добиться хорошей дисциплины.

Возраставшая угроза военного нападения на нашу страну требовала принятия дополнительных мер по увеличению производства вооружения и боеприпасов, развитию оборонной промышленности и обеспечению ее квалифицированными рабочими кадрами. 27 января 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О дополнительных мероприятиях по подготовке государственных трудовых резервов в школах фабрично-заводского обучения в 1941 г.»⁴⁵ Перед системой трудовых резервов была поставлена важная задача подготовить в 1941 г. рабочих массовых профессий для лесной промышленности — 100 тыс., цементной — 36 тыс., для железнодорожного строительства — 100 тыс.⁴⁶

Росло число школ ФЗО. Это вызывалось необходимостью быстрой подготовки кадров. Выступая на пленуме Ленинградского обкома ВКП(б), А. А. Жданов подчеркивал, что обстановка требует обратить особое внимание на развитие школ ФЗО, так как учащиеся этих школ — это рабочие кадры, которые страна получит всего через 6 месяцев. А из ремесленных училищ они станут поступать только через два года⁴⁷.

Развитие сети школ ФЗО заложило прочную основу для бесперебойной подготовки молодых рабочих в годы Великой Отечественной войны. Достаточно сказать, что за 1941—1943 гг. ими было подготовлено 1 223 066, а в ремесленных и железнодорожных училищах — 383 384 молодых рабочих⁴⁸.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 11, л. 63.

⁴³ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97-а, л. 155.

⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 2341, лл. 47—48.

⁴⁵ См. «Большевик», 1941, № 7—8, с. 44—45.

⁴⁶ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97-а, л. 12.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 1597, л. 128.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 215, л. 9.

Главному управлению трудовых резервов были переданы школьные здания наркомпросов союзных и автономных республик (в первую очередь те, которые вводились в эксплуатацию в 1941 г.). Кроме этого, предусматривалось строительство типовых учебных корпусов и производственных мастерских, на что было ассигновано 256 млн. руб.⁴⁹ Развернулось строительство 260 учебно-производственных и жилищно-бытовых объектов. Таким образом, за короткое время в стране появилось еще более 500 школ ФЗО, в которых обучалось свыше 105 тыс. чел.⁵⁰

На ближайшие годы планировалось дальнейшее развитие системы государственных трудовых резервов, в частности, организации училищ и школ ФЗО в Прибалтийских республиках, Молдавии, организация дополнительного призыва юношей и девушек в количестве 650 тыс. человек и обучения их рабочим профессиям и т. д.⁵¹

Начавшаяся война не дала возможности полностью реализовать намеченные мероприятия. Однако призыв в школы ФЗО, проведенный с 5 по 20 июня 1941 г., прошел успешно и 23 июня 1941 г. начальник Главного управления трудовых резервов П. Г. Москатов сообщил, что по плану 325 тыс. фактически зачислено в учебные заведения 351 тыс. чел.⁵²

Еще в мае 1941 г. состоялся первый выпуск школ ФЗО. Советская индустрия пополнилась 258 420 молодыми рабочими. Свыше 15 тыс. молодых горняков получили направление на шахты Сталинской области, около 9 тыс. квалифицированных рабочих — в Ворошиловградскую область, более 5 тыс. — в Днепропетровскую, 3,5 тыс. — в Ростовскую, свыше 6 тыс. — на предприятия Азербайджана и т. д.⁵³

Создание системы государственных трудовых резервов открыло новый этап в развитии профессионально-технического образования в СССР, поставило на качественно новую основу плановое воспроизводство квалифицированной рабочей силы.

Осуществление индустриализации страны и перемены в области профессионально-технического образования вели к изменениям в отраслевой и профессиональной структуре рабочего класса. Среди промышленных рабочих стали преобладать машиностроители, металлурги, энергетики, химики, строители, горняки. Профессионально-техническая подготовка кадров и техническая реконструкция отраслей народного хозяйства привели к резкому увеличению рабочих средней и высшей квалификации, а сооружение крупных промышленных объектов обусловило быстрый рост числа рабочих во вновь осваиваемых восточных районах страны.

Полностью оправдала себя новая система подготовки рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны. Успешное решение этой проблемы позволило не только в кратчайшие сроки выполнять производственные планы, давать продукцию высокого качества, быстро осваивать производство новых видов вооружения, боеприпасов, но и высвободить большое число рабочих для службы в рядах Советской Армии.

⁴⁹ КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 457; ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 42, л. 228.

⁵⁰ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97, л. 178; ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 11, л. 66; д. 252, л. 28.

⁵¹ Там же, д. 16, лл. 101—111, 173—174; д. 15, лл. 120—161; д. 42, лл. 32, 90; ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 5, д. 97, лл. 70—73, 97, 110.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 9507, оп. 1, д. 11, л. 35.

⁵³ Там же, лл. 76—77.

П. А. АЗИЗБЕКОВА

член-корреспондент АН Азербайджанской ССР

**НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ
ОКтябрьСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР**

Историками республики проделана немалая работа по изучению борьбы за Советскую власть в Азербайджане. Однако обобщение итогов этой работы не получило достаточно полного отражения на страницах печати, хотя имеются рецензии на отдельные монографии, труды историографического и библиографического характера¹, где изучению Великого Октября отводится почетное место. Цель настоящей статьи — дать обзор работ по этой важнейшей проблеме, вышедших в республике с 20-х годов по настоящее время.

Интерес к истории борьбы за установление Советской власти в Азербайджане возник уже в 20-х годах. Основополагающее значение для ее изучения имели работы В. И. Ленина. В его теоретических исследованиях, письмах и директивах большевикам Азербайджана освещен ряд важнейших вопросов социально-экономических и политических предпосылок победы социалистической революции в Азербайджане, дан анализ политического положения в Баку в годы интервенции и гражданской войны. Определяющую роль в создании методологической базы исследований по октябрьской тематике как по всей стране, так и в национальных республиках сыграл выход в свет в 1924—1925 гг. Собрания сочинений В. И. Ленина, «Ленинских сборников», охватывающих период 1918—1920 гг. Особое значение для развития исторической науки в республике имел осуществленный уже в 20-е годы перевод на азербайджанский язык 45 работ В. И. Ленина, 5 трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Разработке темы способствовала и публикация первых сводных трудов, рассматривающих проблему по стране в целом², а также работ

¹ Сумбатзаде А. С. Развитие исторической науки в Азербайджанской ССР за годы Советской власти.— «Вопросы истории», 1957, № 11; его же. Историческая наука Азербайджана между XX и XXI съездами КПСС и перспективы ее развития.— «Вопросы истории», 1959, № 10; его же. Историческая наука Азербайджана на современном этапе.— «Вопросы истории», 1972, № 12; Ибрагимов З. И., Токарежеский Е. А. Развитие советской исторической науки в Азербайджане. Баку, 1964 (на правах рукописи); Великий Октябрь и Азербайджан. Библиография. Баку, 1967.

² Какурин Н. Е. Как сражалась революция. В 2-х т. М.—Л., 1925—1926. Гражданская война 1918—1921 гг. В 3-х т. под ред. Бубнова А. С., Каменева С. С., Тухачевского М. Н., Эйдемана Р. П. М.—Л., 1926—1928.

ряда видных партийных и государственных деятелей, принимавших участие в борьбе за власть Советов, в Закавказье и в Азербайджане — С. М. Кирова, Н. Нариманова, Г. К. Орджоникидзе, С. Агамалиоглы, Г. Мусабекова, М. Д. Гусейнова, А. Г. Караева, Г. Джабиева³ и других. Становление марксистско-ленинской исторической науки в Азербайджане шло в борьбе против фальсификаторов истории, идеологов мусаватской партии (М. Э. Расулзаде, Мирза Бала Мамедзаде), в работах которых, изданных в Стамбуле в 1923 г. и в 1925 г., говорилось об отсутствии предпосылок для победы социалистической революции в Азербайджане, содержалась клевета на интернациональную дружбу русского и азербайджанского народов.

Следует особо отметить тот факт, что в республиканской печати 20-х годов были заложены основы разработки вопроса о роли В. И. Ленина в революционном движении Закавказья. Со статьями на эту тему выступили Н. Нариманов, Г. Мусабеков, Л. Мирзоян, С. Агамалиоглы, М. Кулиев⁴.

Начало созданию источниковой базы темы положила публикация сборников статей и воспоминаний участников борьбы за установление Советской власти в Азербайджане⁵.

В 20-х годах широко публиковались материалы по истории Бакинской коммуны, ее социалистических преобразований, героической борьбы коммунаров против внутренней контрреволюции, интервентов, происков буржуазных националистических партий. В исследованиях показана интернациональная спаянность рабочих Баку с революционной борьбой русского рабочего класса⁶. Большое количество литературы вышло в связи с празднованием 10-летия Великой Октябрьской социалистической ре-

³ Киров С. М. Речь на заседании Бакинского Совета 12 января 1923 г.—«Бакинский рабочий», 1923 г., 14 января; его же. Доклад на торжественном заседании XIII Общественной конференции, посвященной 25-летию Бакинской организации большевиков. 28 апреля 1924 г. Стенографический отчет XIII Общественной конференции АКП. Баку, 1924; Нариманов Н. Речь на митинге трудящихся Баку 17 мая 1920 г.—«Известия Временного революционного комитета Азербайджанской Республики», 1920 г., 21 мая; его же. Статьи и письма. М., 1925; Орджоникидзе Г. К. Доклад на собрании партийного и профсоюзного актива г. Тифлиса.—«Заря Востока», 1924 г., 7 октября; Агамалиоглы С. Аграрный вопрос в Азербайджане и положение крестьян.—«Известия ЦК АКП(б)», 1921, № 15; Мусабеков Г. Азербайджан на пороге 8-го года Октября.—«Бакинский рабочий», 1924 г., 7 ноября; Гусейнов М. Д. Основные моменты развития АКП.—«Заря Востока», 1923 г., 14 марта; его же. Как произошла советизация Азербайджана.—«Заря Востока», 1923 г., 28 апреля; его же. Основные моменты истории развития Азербайджанской Компартии (Мои воспоминания). Сб. Четверть века борьбы за социализм. Тифлис, 1923 г.; Караев А. Г. Партия в Апрельском перевороте.—«Бакинский рабочий», 1923 г., 27—28 апреля; его же. Из недавнего прошлого. Материалы истории Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков). Баку, 1927 г.; Джабиев Г. Победа пролетарской революции в Азербайджане и ее политические противники.—«Бакинский рабочий», 1924 г., 7 ноября; Шаумян С. Г. Статьи и речи (1908—1918 гг.). Баку, 1924; Эфендиев С. М. Из истории революционного движения азербайджанского пролетариата. Сб. Из прошлого. Баку, 1923.

⁴ Нариманов Н. Ленин и Восток. «Фонд имени Ленина во всех советских республиках».—«Известия», 1924 г., № 20, 49, 62; Мусабеков Г. Ленин и народы Востока.—«Бакинский рабочий», 1925 г., № 16; Мирзоян Л. Ленин и национальный вопрос.—«Бакинский рабочий», 1924, № 92; Агамалиоглы С. Ленинизм о национальном вопросе.—«Бакинский рабочий», 1925, № 16; Кулиев М. Ленин и просвещение.—«Бакинский рабочий», 1925 г., № 16.

⁵ Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку. Баку, 1923; Из прошлого. Сб. материалов из истории Бакинской большевистской организации и Октябрьской революции в Азербайджане. Баку, 1924; 25 лет Бакинской организации большевиков. Баку, 1924.

⁶ Памяти 26. Материалы к истории Бакинской коммуны 1918 г. Изд-во «Бакинский рабочий», 1922; Попов А. Из эпохи английской интервенции в Закавказье.—«Пролетарская революция», 1923, № 6—9; Процесс и история 26 комиссаров.—«Новый Восток», М., 1926, № 13—14; Ратгаузер Я. Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны.

волюции⁷. Изучение истории Бакинской коммуны, подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции тормозилось отсутствием архивных документов, которые либо были уничтожены в период падения Советской власти летом 1918 г., либо навсегда утеряны. Эта утрата частично была восполнена публикацией к 10-летию Великого Октября воспоминаний и документов из личных архивов участников революционной борьбы в Азербайджане. Только на страницах газеты «Бакинский рабочий» за сентябрь — ноябрь 1927 г. было помещено 73 материала, посвященных социалистической революции и борьбе за власть Советов в Азербайджане.

В эти годы начала разрабатываться история борьбы революционной молодежи за власть Советов⁸. С образованием в 1928 г. на базе Азистпарта Института истории партии им. С. Шаумяна при ЦК АКП(б) было приступлено к изучению истории партийной организации республики. Методологическая и источниковедческая база исследований расширились с изданием стенографических отчетов съездов Коммунистической партии Азербайджана, конференций Бакинского комитета АКП(б) и других партийных документов, выходом в свет второго издания трудов С. Г. Шаумяна⁹.

В конце 20-х — начале 30-х годов появляются первые биографические очерки о верных солдатах Великого Октября — участниках борьбы за победу Советской власти¹⁰. Были сделаны попытки раскрыть социально-экономические предпосылки рабочего и аграрного движения в Азербайджане¹¹. Началось изучение профсоюзного движения¹².

Баку, 1928; Шаумян Сурен. Бакинская коммуна. Баку, 1927; Последние дни комиссаров Бакинской коммуны (по материалам судебных процессов). Сост. Букшпан А. С. Баку, 1927; его же. К 10-летию гибели «26». Баку. — «Известия» восточного ф-та АГУ, 1928; № 3; его же. Англо-эсеровский блок и Бакинская коммуна. — «Известия» восточного ф-та АГУ, 1929, № 4; Бегак Р. Суд над англичанами, сдавшими Баку туркам в 1918 г. Баку, 1927; Штейн Г. Бакинская коммуна (научно-популярный очерк). Баку, 1928.

⁷ Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство (из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье). Баку, 1927; его же. Английские «друзья» и «мусаватские патриоты». Баку, 1927; Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку, ч. I. 1917—1918 гг. Баку, 1927; его же. Борьба бакинского пролетариата за коллективный договор 1917 г. Баку, 1927; его же. Борьба за Советский Азербайджан. К истории Апрельского переворота. Баку, 1928; его же. Бакинская коммуна и народное просвещение. — «Известия» восточного ф-та АГУ, 1929, № 2; Покшишевский В. Положение пролетариата накануне революции (1914—1917 гг.). Баку, 1927; Сеф С. Е. Революция 1917 года в Закавказье. Тифлис, 1927; Караев А. Из недавнего прошлого. Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков). Баку, 1927; Мусабеков Г. Октябрьская революция и основные достижения Советской власти в Азербайджане. Баку, 1927; Революция 1917 г. в Азербайджане (Хроника событий). Сост. Бельский С., Манвелов А. Баку, 1927; Гусейнов Т. Октябрь в Азербайджане. Баку, 1927; Кулиев М. Враги Октября в Азербайджане. Баку, 1927; Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928; его же. Красная Армия Азербайджана. Баку, 1928.

⁸ Бархашов Б. Бакинский комсомол в годы революции и контрреволюции. Баку, 1928; Лукичев. В революционном водовороте. Баку, 1929; Маркаров А. Бакинский комсомол вокруг колдоговорной кампании. Баку, 1929; Боевые дни (в память комсомольцев — участников гражданской войны). Баку, 1930; Симкин И. Путь, пройденный азербайджанским комсомолом. Баку, 1930 (на азерб. яз.).

⁹ Шаумян С. Г. Статьи и речи. Баку, 1929.

¹⁰ Эфендиев С. М. Борцы за интересы азербайджанской бедноты. (Материалы к биографии Мешади Азизбекова). Баку, 1930; Кариян А. Шаумян и националистические течения на Кавказе, (на рус. и азерб. яз.). Баку, 1928; Раевский А. Алеша Джапаридзе (Политический силуэт). Баку, 1931.

¹¹ Покшишевский В. В. Положение бакинского пролетариата накануне революции (1914—1917 гг.). Баку, 1927; Дубнер А. Бакинский пролетариат в годы революции (1917—1920 гг.). Баку, 1931.

¹² Никишин А. Очерк бакинского горняцкого профдвижения 1917—1920. Вып. 2. Баку, 1926; Иткин С. Очерки по истории профдвижения в г. Баку и его районах. 1917—1920 гг. Баку, 1927; История профессионального движения. Баку, 1928.

Борьбе за победу Советской власти в Азербайджане, против мусаватского господства, против внутренней и внешней контрреволюции, экономической политики оккупантов, марионеточной роли мусаватского правительства при английском командовании, антинародной аграрной политики мусаватистов были посвящены работы Гурко-Кряжина, Н. Пчелина, М. Д. Гусейнова, А. Раевского, Б. Бархашова¹³. Эти исследования имели для изучения истории Октябрьской социалистической революции и иностранной интервенции в Азербайджане важное значение. Но вне поля зрения их авторов остались вопросы осуществления ленинской национальной политики в Азербайджане, интернациональная работа большевиков Закавказья, интернациональное единство в рядах борцов революции. Не были изучены такие важнейшие вопросы, как социально-экономические предпосылки социалистической революции в Азербайджане, тесная связь революционного движения с общероссийским революционным процессом, руководство и помощь со стороны ЦК ВКП(б), Советского правительства и лично В. И. Ленина. Не получило достаточного освещения крестьянское движение, не показан союз рабочего класса и крестьянства, причины падения Бакинской коммуны. Процесс борьбы за победу социалистической революции излагался в отрыве от событий в других частях Закавказья и в Советской России. Руководящая роль большевистской партии не нашла достаточно полного освещения. Неправильно ставился вопрос об этапах борьбы за победу Советской власти в Азербайджане. В работах Я. Ратгаузера и А. Дубнера в связи с их ошибочным представлением о сущности двоевластия хронологические рамки этого периода отнесены к октябрю 1917 г.— марту 1918 г. Тем самым фактически отрицалось существование в то время Советской власти в Баку. С. Е. Сеф¹⁴ вообще отрицает наличие двоевластия в Закавказье в целом.

Общим недостатком указанных работ, как справедливо отмечается в брошюре З. И. Ибрагимова и Е. А. Токаржевского¹⁵, является то, что в них слабо показано участие рабочих-азербайджанцев в революционном движении. В некоторых работах допущены принципиальные ошибки в этом вопросе. Так, А. Караев утверждает, что рабочие-азербайджанцы в Баку «не только до 1905 г., но и позднее, как активная революционная сила себя не проявляли...»¹⁶

Тем не менее литература 20-х — начала 30-х годов сыграла важную роль в создании источниковой базы темы, в разработке отдельных аспектов истории социалистической революции, интервенции и гражданской войны в Азербайджане.

Постановление ЦК ВКП(б) о создании многотомной истории гражданской войны, принятое в 1931 г., активизировало изучение истории социалистической революции в нашей стране. Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школе» и ряд других решений партии и правительства 1934—1936 гг. нацелили на усиленную разработку вопросов отечественной исто-

¹³ Гусейнов М. Д. Партия мусават в прошлом и настоящем. Тифлис, 1927, вып. 1; Раевский А. Партия мусават и ее контрреволюционная работа. Баку, 1929; его же. Мусаватское правительство на Версальской конференции. Донесения представителя азербайджанской мусаватской делегации. Баку, 1930; Пчелин Н. Крестьянский вопрос при мусавате (1918—1920). Очерки, Баку, 1931; Гурко-Кряжин. Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье.— «Историк-марксист». М., 1932, № 2; Бархашов Б. В бакинском подполье. М., 1933.

¹⁴ Сеф С. Е. Революция 1917 года в Закавказье, с. 10—11.

¹⁵ Ибрагимов З. И., Токаржевский Е. А. Указ соч., с. 24.

¹⁶ Караев А. Из недавнего прошлого. Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (большевиков). Баку, 1927, с. 6.

рии, истории национальных республик, всех народов, населяющих Советский Союз, в частности, истории социалистической революции в Азербайджане. В 1934 г. была опубликована работа С. Е. Сефа¹⁷, посвященная роли бакинского пролетариата в революции, а позднее — работы Э. Н. Бурджалова¹⁸. Большое значение для разработки темы имел выход в свет избранных статей и речей С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе, изданных в 30-х годах¹⁹.

В 40—50-х годах изучение истории социалистической революции в Азербайджане прежде всего связано с именем первого азербайджанца — доктора наук, академика АН Азербайджанской ССР И. А. Гусейнова²⁰. В эти же годы выходят в свет работы по интервенции, гражданской войне и победе Советской власти в Азербайджане Е. А. Токаржевского, З. И. Ибрагимова, П. Б. Мосесова; книга Е. А. Токаржевского, М. А. Казиева²¹ и др. В этих исследованиях впервые в советской историографии обстоятельно изучена история борьбы за установление Советской власти в Азербайджане и во всем Закавказье, показана деятельность большевиков по организации борьбы против мусаватов и

¹⁷ Сеф С. Е. Революционный пролетариат Баку в борьбе за власть. Баку, 1934.

¹⁸ Бурджалов Э. Н. Из истории великой пролетарской революции в Азербайджане (октябрь 1917 — март 1918 гг.). — «Пролетарская революция», 1939, № 3 и 1940, № 1; его же. Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1938.

¹⁹ Киров С. М. Статьи, речи, документы, т. I. 1912—1921. М., 1936; его же. Избранные статьи и речи. 1912—1934. М., 1939; Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи 1911—1937 гг. М., 1939.

²⁰ Гусейнов И. А. Большевики — организаторы победы социалистической революции в Азербайджане. Докт. дис. М., 1947; его же. Крестьянское восстание в Азербайджане в 1918 г. (на азерб. яз.). — «Труды» Азербайджанского пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 1, 1946; его же. Из истории борьбы за Советскую власть в Азербайджане в 1917—1918 гг. — «Труды» Ин-та истории партии — Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) (далее — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)), т. V. Баку, 1947; его же. Борьба трудящихся Азербайджана против деникинщины в 1919—1920 гг. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. IX, 1948; его же. Баку в захватнических планах английских империалистов в 1918 г. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. XIII, 1948; его же. Борьба за Октябрьскую революцию в Азербайджане. — «Труды» Азербайджанского ун-та, 1948, т. 6; его же. Английские интервенты и их дашнакско-меньшевистско-эсеровская агентура в Баку в 1918 г. — «Труды» Азербайджанского ун-та, вып. 1. 1950; его же. Победа Советской власти в Азербайджане в 1920 г. и помощь XI Красной Армии. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС, т. XVIII, 1952; его же. Из истории революционной борьбы в Азербайджане против беко-ханской контрреволюции в 1919—1920 гг. — «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, 1955, № 5.

²¹ Токаржевский Е. А. Бакинские большевики — организаторы борьбы против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 г. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. VI, 1947; его же. Бакинские большевики — организаторы борьбы против турецко-германских и английских интервентов в Азербайджане в 1918 г. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. XV, 1949; Ибрагимов З. И. Борьба за установление Советской власти в Азербайджане в 1917—1918 гг. Баку, 1948; его же. Борьба азербайджанского народа против англо-американских интервентов (на азерб. яз.). Баку, 1950; Мосесов П. Б. Гражданская война в Азербайджане в 1917—1920 гг. М., 1945; его же. Гражданская война в Азербайджане в 1917—1920 гг. «ДАН АзербССР», 1945, т. 1, № 1; его же. Советская власть на Мугани (апрель — июнь 1919 г.). — «Известия» АН АзербССР (отд. обществ. наук). Баку, 1947, № 12; его же. Победа Советской власти в Азербайджане в 1920 г. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. V, 1947; его же. Бакинская рабочая конференция (1919—1920 гг.). Там же, т. IX, 1948; Токаржевский Е. А., Казиев М. А. 20 лет комсомольской печати Азербайджана. Баку, 1940; Казиев М. А. Герои гражданской войны Азербайджана. Баку, 1941, 2-е изд. (на азерб. яз.) — 1942; его же. История азербайджанского комсомола. Баку, 1947 (на азерб. яз.); Исмаилов Г. Из истории борьбы трудящегося крестьянства Азербайджана против контрреволюционного мусавата в 1919—1920 гг. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. X, 1948; Миргадиев М. Ю. Организация Азербайджанского революционного комитета и первые его мероприятия. Там же, т. X, 1948.

иностранных интервентов, раскрыта роль в этой борьбе крупнейших деятелей партии, борцов за Советскую власть. В число вопросов, затронутых ими и освещенных с марксистско-ленинских позиций, входят также такие, как: предпосылки социалистической революции в Азербайджане, национальное движение, характер и значение крестьянско-демократического движения, рабочий класс как решающая сила социалистической революции в Азербайджане, стратегия и тактика Коммунистической партии в деле социального и национального освобождения трудящихся Азербайджана, помощь РСФСР трудящимся Азербайджана, взаимопомощь русского и азербайджанского народов в ходе гражданской войны, в борьбе за изгнание интервентов, политическое значение массовых организаций рабочего класса (промыслово-заводские комиссии, Бакинская рабочая конференция и др.) в борьбе за власть Советов в Азербайджане, разгром буржуазно-помещичьей контрреволюции в Азербайджане, государственный союз между РСФСР и Азербайджанской ССР, начало социалистических преобразований, международное значение победы социалистической революции в Азербайджане, история борьбы трудящихся масс против германо-турецкой и англо-американской интервенции, роль партийной организации в этой борьбе.

«Труды» Института истории партии Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, издающиеся с 1946 г., систематически публикуют статьи и документы по рассматриваемой теме, расширили источниковую базу изучения истории социалистической революции в Азербайджане²² (позднее эти материалы вошли в сборник документов²³). Во второй том «Трудов» вошли статьи, посвященные проблеме Великого Октября²⁴. Был создан также ряд биографических очерков революционеров²⁵. Несмотря на некоторые успехи, элементы субъективизма, догматизма имели место в исследованиях этого периода. Освещение ряда исторических событий и личностей было необъективным, слабо показывалась руководящая роль партии и В. И. Ленина в борьбе за власть Советов и осуществлении революционных преобразований.

Дальнейшему углубленному изучению истории социалистической революции и борьбы за Советскую власть в Азербайджане способствовали решения XX съезда КПСС — переиздание протоколов VII, VIII, IX съездов РКП(б), издание стенограмм съездов Советов, выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина, завершение издания «Истории гражданской войны в СССР».

В 1954 г. на состоявшейся в Баку Объединенной научной сессии Академии наук СССР и академий наук Закавказских республик отмечалось, что в ранее опубликованных работах по истории революционного движения в Азербайджане имелись серьезные ошибки и недостатки, и указывалось на необходимость изучения и широкого освещения роли В. И. Ленина в создании и деятельности Бакинского комитета РСДРП, в деле развертывания социалистической революции, победы и упрочения Советской власти, ликвидации экономической и культурной отсталости Азербайджана²⁶.

²² См. «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. VIII, 1947; т. IX—XII, 1948.

²³ Документы по истории борьбы за Советскую власть в Азербайджане в 1917—1918 гг., т. I. Баку, 1949.

²⁴ «Труды» Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), т. II, 1946.

²⁵ Токаржевский Е. А. Серго Орджоникидзе и Красная Армия. Баку, 1942; Степан Шаумян. Баку, 1948; Казиев М. Мешади Азизбеков. Баку, 1948; его же. Буннат Сардаров. Баку, 1949; Токаржевский Е. А., Казиев М. Алеша Джалалридзе. Баку, 1948; Колесникова Н. Н. Иван Фиолетов. Баку, 1948; его же. Яков Зевин. Баку, 1948.

²⁶ См. выступления Ибрагимова З. И., Токаржевского Е. А., Зевина В. Я., Гулие-

В связи с данной проблемой сессия заслушала ряд интересных докладов, в которых приводились ленинские документы, конкретные исторические материалы, освещающие распространение марксизма в Закавказье, осуществление коммунистами республик Закавказья ленинских директив и руководящих указаний в период борьбы трудящихся Азербайджана, Армении и Грузии за Советскую власть, за торжество ленинской национальной политики.

К 40-летию Великого Октября историография социалистической революции пополнилась трудами З. И. Ибрагимова, Е. А. Токаржевского, М. С. Искендерова²⁷. Несмотря на ряд недостатков, эти исследования объективно освещают общие закономерности и специфические особенности борьбы за социалистическую революцию в Азербайджане, руководящую и направляющую роль партии, В. И. Ленина. М. С. Искендеровым была сделана первая попытка подготовить обобщающий труд по истории партийной организации Азербайджана за 1917—1920 гг. Однако в этой работе имело место приукрашивание событий, преувеличение роли отдельных личностей.

К 40-летию Великого Октября был издан подготовленный Институтом истории АН Азербайджанской ССР сборник статей «Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане» (Баку, 1957), в который наряду с ленинскими документами, воспоминаниями видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, архивными материалами вошли и статьи ведущих историков республики.

К 40-летию победы Советской власти в Азербайджане и основания Компартии республики опубликован сборник статей, подготовленный Институтом истории²⁸, и опубликован ряд научных работ, посвященных малоработанным вопросам периода 1917—1920 гг.

Важным событием явился выход в свет первой части «Истории Коммунистической партии Азербайджана»²⁹. Несмотря на ряд недостатков, это издание было шагом вперед в развитии историографии проблемы. В нем впервые излагалась история партийной организации Азербайджана от ее образования до установления Советской власти в республике.

Большое политическое и научное значение в деле правильного понимания событий социалистической революции в Азербайджане имел подготовленный к 40-летию Великого Октября Азербайджанским филиалом ИМЛ при ЦК КПСС сборник статей³⁰, характеризовавших важнейшие этапы борьбы трудящихся масс за установление Советской власти в Азербайджане. Юбилею был посвящен специальный том «Ученых записок» Азербайджанского университета им. С. М. Кирова³¹.

В это же время вышли в свет воспоминания и статьи видных партийных и государственных деятелей, участников борьбы за власть Советов

ва А. Н.— Труды Объединенной научной сессии Академии наук СССР и Закавказских республик по общественным наукам, 29 марта — 2 апреля 1954 г. Стеногр. отчет. Баку, 1957.

²⁷ Ибрагимов З. И. Борьба трудящихся Азербайджана за социалистическую революцию. Баку, 1957 (на азерб. яз.); Токаржевский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957; Искендеров М. С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958.

²⁸ 40-летие Азербайджанской ССР. Баку, 1960.

²⁹ История Коммунистической партии Азербайджана, ч. 1. Баку, 1958.

³⁰ Коммунистическая партия — организатор победы Советской власти и социалистического строительства в Азербайджане. Сб. ст. Баку, 1960.

³¹ «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, 1957, № 10.

в Азербайджане — С. М. Эфендиева, Н. Н. Колесниковой, Г. Султанова, Д. Буниат-заде, М. Б. Касумова³² и других.

Активизировались исследования по конкретным темам борьбы партийной организации за власть Советов, вклада рабочих и крестьян Азербайджана в общий революционный процесс, помощи великого русского народа в освободительной борьбе трудящихся Азербайджана³³. Было осуществлено издание широкого круга литературы об активных борцах за победу Советской власти в Азербайджане³⁴.

Большую роль в координации и научном руководстве разработкой истории социалистической революции играет Научный совет Академии наук СССР по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция». В связи с изданием значительной научной литературы к 40-летию Великого Октября Научный совет совместно с институтами истории академий наук Азербайджанской, Грузинской и Армянской ССР с участием историков Москвы, Баку, Еревана, Тбилиси, Махачкалы и других городов в 1958 г. провел в Баку обсуждение ряда важнейших проблем истории социалистической революции в Закавказье. Ученые подвергли критике взгляды тех исследователей, которые преувеличивали специфические черты происходивших в Закавказье событий, недостаточно отражали проявление закономерностей, общих для всей страны. Внимание исследователей было обращено на необходимость изучения мало-разработанных вопросов истории Великого Октября. Историки Азербайджана в свете решений очередных съездов КПСС усилили разработку вопросов руководящей роли партии, возглавляемой В. И. Лениным, авангардной роли рабочего класса, истории профсоюзного, молодежного и женского движения, развернули борьбу против фальсификаторов истории³⁵.

Исследование и освещение руководящей роли партии, В. И. Ленина и его всесторонней помощи в борьбе за социальную и национальную свободу трудящихся Азербайджана заняло видное место в историографии Великого Октября³⁶. Одна из книг этой серии — монография З. И. Ибра-

³² Эфендиев С. М. Из истории революционного движения азербайджанского пролетариата. Баку, 1957; Колесникова Н. Н. Из истории борьбы за Советскую власть в Баку (август 1917 — июль 1918 гг.). Баку, 1958. Султанов Г. О политическом положении в г. Баку в 1917—1918 гг. (из воспоминаний). — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 20, 1957; Буниат-заде Д. У истоков организации АКП(б). — Там же; Из воспоминаний Мир-Башир Касумова. — Там же.

³³ Гаджиев И. Б. Большевики — организаторы первомайской демонстрации и всеобщей майской забастовки бакинского пролетариата в 1919 г. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 22, 1957; Стельник Б. Я. Политическое положение в Азербайджане и деятельность большевиков в марте — апреле 1917 г. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 23, 1958; Мосесов П. Б. Руководство большевиков деятельностью Бакинской рабочей конференции (1918—1920 гг.). Там же; Азизбекова П. А. Помощь великого русского народа в установлении Советской власти в Азербайджане. Баку, 1954 (на азерб. яз.); Мамедов А. А. Борьба за Советскую власть в Казахском уезде. — «Труды» Института истории и философии, 1956; Мадатов Г. Победа Советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР. Баку, 1958 (на азерб. яз.).

³⁴ Карсний А. Султан Меджид Эфендиев. Баку, 1953; Активные борцы за Советскую власть в Азербайджане. Баку, 1957; Гулиев А. Н. Алеша Джапаридзе. Баку, 1957; Мамедов В. Н. Нариманов. Баку, 1957; Мадатов Г. М. Рухулла Ахундов. Баку, 1957; Гулиев Дж. Б. Нариман Нариманов — выдающийся партийный и государственный деятель. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 20, 1957.

³⁵ Милиц И. И., Иоффе А. Е. Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции. — «Вестник Академии наук СССР», 1960, № 2, с. 56—57.

³⁶ Гулиев Дж. В. И. Ленин и борьба за победу и упрочение Советской власти в Азербайджане. Баку, 1957 (на азерб. яз.); Азизбекова П. А. В. И. Ленин — вдохновитель и организатор побед азербайджанского народа. Баку, 1957 (на азерб. яз.); Гулиев А. Н. В. И. Ленин и Азербайджан. Баку, 1960 (на азерб. яз.); Хандами

гимова³⁷ — была удостоена Государственной премии Азербайджанской ССР. В республике была проделана большая работа по созданию документальной базы темы «В. И. Ленин и Азербайджан»³⁸. Исследование роли В. И. Ленина в судьбах народов Советского Востока имеет большое научное и практическое значение для распространения ленинизма в странах зарубежного Востока. В 1967 г. Музеем истории Азербайджана АН АзербССР выпущен в свет сборник документов «В. И. Ленин — друг народов Востока», где нашло отражение повседневное внимание вождя партии и народа к судьбам трудящихся Советского Востока и ответная волна всенародной любви и благодарности В. И. Ленину. Книга содержит ряд материалов, впервые вводимых в научный оборот. Историческая Лениниана пополнилась обобщающими трудами историков Армении и Грузии. Среди них особо следует выделить монографии Г. Б. Гарибджаняна и Г. К. Жвания³⁹, посвященные роли В. И. Ленина в судьбах народов Закавказья, их революционно-освободительной борьбе.

Серьезным шагом в деле освещения, марксистско-ленинской оценки процессов, происходивших в Азербайджане и во всем Закавказье в период подготовки и проведения Октябрьской революции, в правильном понимании расстановки политических сил, с учетом всех аспектов политической ситуации в ходе борьбы за установление власти Советов явилось издание в 50—70-х годах избранных трудов видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства⁴⁰.

Важнейшим вкладом в творческое развитие исторического понимания всемирно-исторического значения Великого Октября явились постановления ЦК КПСС о 50-летию и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 50-летию образования СССР, труды Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Широкому фронту исследований в области истории социалистической революции в 60—70-х годах способствовало значительное расширение документальной базы. Азербайджанским филиалом ИМЛ при ЦК КПСС, Институтом истории АН Азербайджанской ССР совместно с ЦГАОР республики был опубликован новый сборник документов⁴¹⁻⁴², продолживший издание, вышедшее к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции⁴³. Расширилась библиотека мемуарной литературы, среди книг которой особенно следует выделить воспоминания

ров Р. В. И. Ленин — вдохновитель национализации азербайджанской нефтяной промышленности в период Бакинской коммуны. — «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. эконом., 1964, № 3.

³⁷ Ибрагимов З. И. В. И. Ленин и победа социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1970.

³⁸ Сб. В. И. Ленин об Азербайджане. Баку, 1958—1959 (на рус. и азерб. яз.); Воспоминания азербайджанских коммунистов о В. И. Ленине. Баку, 1958; В. И. Ленин о Закавказье. Ереван, 1963; Письма трудящихся Азербайджана В. И. Ленину. Баку, 1961.

³⁹ Гарибджанян Г. Б. В. И. Ленин и освобождение народов Закавказья. Ереван, 1960; его же. В. И. Ленин и большевистские организации Закавказья. Ереван, 1967; его же. В. И. Ленин о Закавказье, т. I—II. Ереван, 1973; Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики Закавказья. Тбилиси, 1969.

⁴⁰ Шаумян С. Г. Избранные произведения, т. I. М., 1957; Джапаридзе П. А. Избранные статьи, речи и письма. М., 1958; Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. I. М., 1956; Нариманов Н. О В. И. Ленине. Баку, 1957.

⁴¹⁻⁴² Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918—1920. Док. и материалы. Баку, 1967.

⁴³ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Док. и материалы (1917—1918). Баку, 1957.

А. И. Микояна, Ч. Ильдрыма, М. Г. Ефремова⁴⁴. В «Трудах» Азербайджанского филиала ИМЛ в 1968 г. были опубликованы воспоминания группы ветеранов партии о героических днях борьбы за власть Советов⁴⁵. В работах историков партии на основе новых документов продолжалось изучение руководящей роли партийной организации Азербайджана в революционном движении, истории парторганизаций в отдельных районах республики⁴⁶. Исследования по истории партийной организации республики были обобщены в «Истории Коммунистической партии Азербайджана», увидевшей свет в 1963 г.

Ставший цитаделью пролетарской революции в крае Баку с его многонациональным и революционным рабочим классом, отличавшимся своим интернационализмом, сыграл огромную роль в судьбах борьбы за победу революции в Закавказье. Специальные исследования посвящены авангардной роли многонационального бакинского пролетариата в борьбе за власть Советов⁴⁷, его союзу с крестьянством, положению в азербайджанской деревне в период борьбы за установление и упрочение Советской власти в Азербайджане⁴⁸. Особое место среди работ, изданных

⁴⁴ Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., 1972; Ильдым Ч. Ночь переворота (27 апреля 1920 г.).— «Литературный Азербайджан», 1970, № 7; Ефремов М. Г. Взятие Баку.— «Военный вестник», 1972, № 7.

⁴⁵ «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 29, 1968.

⁴⁶ Гусейнов М. Т. О борьбе бакинских большевиков за превращение буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую (март—ноябрь 1917 г.).— «Ученые записки» Азербайджанского пед. ин-та языков им. М. Ф. Ахундова, сер. обществ. наук, 1960, вып. 8; Рзакулиев О. М. Большевики—организаторы стачечного движения в Азербайджане (1918—1920 гг.). Баку, 1962; Алиев Н. Об истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана в деле укрепления рабоче-крестьянского союза.— «Труды» Азербайджанского ун-та, 1961 (на азерб. яз.); Ибрагимов З. И. Коммунистическая партия—организатор победы Советской власти в Азербайджане.— «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. обществ. наук, 1960, № 2; Катиблы М. М. Из истории Кедабекской большевистской организации. Баку, 1962; Алиев Т. Большевики Карабаха в борьбе за Советскую власть. Баку, 1963; Миралиев Т. Руководство большевиков революционным движением крестьян в Гянджинском и Казахском уездах. Баку, 1963; Исмаилов И. К истории создания и организаторской деятельности Кавказского бюро ЦК РКП(б).— «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. истор. и филос., 1966, № 7; Алиев Х. А. О работе большевиков Азербайджана в деревне (ноябрь 1918—апрель 1920 гг.).— «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. истор. и филос., 1967, № 6—7; Везиров Н. Г. Агитационно-пропагандистская работа бакинских большевиков (март—октябрь 1917 г.).— «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 29, 1968.

⁴⁷ Гулиев А. Н. Бакинский пролетариат—авангард борьбы за Советскую власть в Азербайджане. Баку, 1960; его же. Бакинский пролетариат—передовой отряд в борьбе за Советскую власть. Баку, 1960 (на азерб. яз.); Алиев С. О составе бакинского пролетариата накануне Октябрьской революции.— «Известия» АН АзербССР, 1961, № 9; его же. Численность, профессиональный и национальный состав бакинского пролетариата в период первой мировой войны.— «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. истор. и филос., 1967, № 1; Рзакулиев О. М. Роль стачечного движения в деле мобилизации широких народных масс в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане.— «Ученые записки» Азербайджанского пед. ин-та языков им. М. Ф. Ахундова, сер. обществ. наук, 1962, вып. 14; Гурбанов Б., Мамедов А. Великий Октябрь и рабочий класс Азербайджана.— «Известия» АН АзербССР, сер. истор. и филос., 1967, № 3—4; Мадатов Г. А. Победа Советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР. Баку, 1969; Миргадиев М. Победа Советской власти в Азербайджанской ССР. Баку, 1959; его же. Осуществление ленинского учения о диктатуре пролетариата в Азербайджане. Баку, 1963; его же. Создание и развитие государства диктатуры пролетариата в Азербайджане при переходе от капитализма к социализму. Баку, 1973.

⁴⁸ Алимирзоев Х. Азербайджанская деревня в период борьбы за подготовку и победу социалистической революции. Баку, 1960; Рагимов А. Ликвидация помещичьего землевладения в Азербайджане. Баку, 1962; Султанов М. Сплочение беднейшего крестьянства вокруг рабочего класса в период подготовки Октябрьской социалистической революции.— «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. эконом., 1966.

в последнее время, занимает удостоенная Республиканской премии монография члена-корреспондента АН АзербССР Дж. Б. Гулиева о борьбе большевиков за осуществление ленинской национальной политики⁴⁹. Ряд исследований и публикаций документов был посвящен беспримерному подвигу Бакинской коммуны, ее деятельности, самоотверженной борьбе революционеров и партийной организации Азербайджана⁵⁰. В 60-х годах выходят в свет книги о борьбе за победу и упрочение Советской власти в отдельных городах и уездах Азербайджана⁵¹.

В. И. Ленин высоко ценил интернациональные традиции закавказского, особенно бакинского, пролетариата и большевистских организаций края. В ходе совместной борьбы против царизма, буржуазии и помещиков сложился и окреп революционный союз трудящихся Азербайджана, Грузии и Армении и других национальных окраин с русским рабочим классом. Этот союз явился тем могучим фактором, без которого не могла победить революция. Тема интернациональной дружбы и солидарности народов, братской помощи русского народа в борьбе против интервентов за установление Советской власти в Азербайджане, осуществление ленинской национальной политики нашла широкое отражение в работах историков республики⁵².

№ 2; Гусейнов Дж. Х. О некоторых особенностях крестьянского движения в Азербайджане накануне Февральской революции.— «Известия» АН АзербССР, сер. истор., 1970, № 3—4; Амйрасланов С. Т. Крестьянское движение в Азербайджане (март 1917 — февраль 1918 г.). Баку, 1970.

⁴⁹ Гулиев Дж. Б. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970.

⁵⁰ Искендеров М. С., Гулиев Дж. Б., Казиев М. А., Кочарли Т. К. 26 бакинских комиссаров. Баку, 1958; Иманов С. О национальной политике Бакинской коммуны.— «Труды Азербайджанского пед. ин-та, т. 10, 1959 (на азерб. яз.); Мильман А. Ш. Организация и деятельность Бакинского Совета народных комиссаров (в 1918 г.).— «Труды» сектора философии АН АзербССР, т. 3, 1960; Садыгов Г. Б. Социалистические мероприятия Бакинского Совета народных комиссаров.— «Труды» Азербайджанского политехнического ин-та, сер. истор., вып. 5, 1960 (на азерб. яз.); Лифшиц Л. М. Героический подвиг бакинских большевиков. Баку, 1964; Муслюмов И. С. Бакинская коммуна и вопросы организации революционного порядка (1918 г.).— «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. истор. и филос.; 1964, № 1; Азизбекова П. А. Их было 26. Баку, 1966 (на азерб. яз.); Казиев М., Усейнова Г. Мужественные борцы за коммунизм.— «Ученые записки Азербайджанского ун-та, сер. истор. и филос., 1968, № 5; Шаумян Л. С. Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1968; Памяти 26 бакинских комиссаров. Документы и материалы. Баку, 1968; Митрохин Л. Новые материалы о 26 бакинских комиссарах.— «Агитатор», 1974, № 17.

⁵¹ Алиев А. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Нахичевани (1920—1921). Баку, 1960; Ализаде Н. Из истории борьбы трудящихся Ленкоранского уезда за победу и упрочение Советской власти. Баку, 1963, (на азерб. яз.); Галустян А. Из истории борьбы трудящихся Гянджинской (Елизаветпольской) губернии Азербайджана за Советскую власть. Баку, 1963.

⁵² Шахгельдиев Г. Помощь русского народа в победе Советской власти в Азербайджане. Баку, 1960 (на азерб. яз.); Садыгов Ш. Помощь Советской России в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Азербайджане.— «Труды» Азербайджанского пед. ин-та, сер. истор., т. 14, 1960; Боевые и революционные традиции моряков Краснознаменной Каспийской флотилии. Баку, 1960; Галустян А. Большевицкая работа по интернациональному сплочению трудящихся Гянджинской губернии за Советскую власть под знаменем Великого Октября. Кировабад, 1961; Мамедов С. Защита и осуществление Н. Наримановым идей пролетарского интернационализма.— «Ученые записки» Кировабадского пед. ин-та, 1961, № 10; Ибрагимов З. И. Интернациональное единство трудящихся Закавказья и борьба за победу Советской власти. В сб. 40 лет СССР и Закавказской Федерации. Баку, 1962; его же. Братская помощь Советской России трудящимся Азербайджана в борьбе за победу Советской власти (1917—1918 гг.).— «Известия» АН АзербССР, сер. обществ. наук, 1964, № 3; Гаджиева А. Дружба и сотрудничество народов Закавказья в борьбе за установление Советской власти.— «Труды» Азербайджанского ун-та, сер. истор. и филос., 1963, № 1 (на азерб. яз.); Азизбекова П. А. Един наш дом, един наш труд, едино наше торже-

В 1963 г. вышел в свет выпущенный Институтом истории АН Азербайджанской ССР III том «Истории Азербайджана», который осветил вопросы пролетарской революции и установления Советской власти в республике, борьбы за построение социалистического общества, осуществления планов и директив по коммунистическому строительству. Был изучен и такой важный вопрос, как мобилизующая роль большевистской печати, в особенности газеты «Правда», в борьбе за Советскую власть⁵³. Появились специальные исследования о Советах, профсоюзах, фабрично-заводских комиссиях, сыгравших важную роль в сплочении рабочего класса Азербайджана в его борьбе за власть Советов.

Серьезным обобщающим трудом о революционной роли Бакинского Совета, ставшего подлинным органом диктатуры пролетариата Азербайджана, стала монография А. Мильмана, осветившая период с октября 1917 по июль 1918 г.⁵⁴ В книге К. Гусейнова и М. Найделя впервые на большом фактическом материале рассматривается деятельность и роль профсоюзов и промыслово-заводских комиссий Азербайджана в подготовке и проведении социалистической революции⁵⁵. Фабрично-заводским комиссиям Баку и профсоюзам были посвящены работы К. Байрамова и Н. Сулейманова⁵⁶.

Проведена значительная работа по изучению роли революционной молодежи, комсомола республики в борьбе за власть Советов⁵⁷.

ство. Баку, 1965; е е же. Бакинская коммуна — знаменосец идей пролетарского интернационализма. В кн. Патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся — важнейшая задача партийных организаций. Баку, 1972; Агаев К. Особая морская экспедиция. Баку, 1967; Казиев М. Советская власть в Азербайджане — детище Великого Октября. — «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, 1967, № 6, 7; Гулиев Дж. Коммунисты — азербайджанцы в Советской России (1918—1920 гг.). — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 29, 1968; Азизбекова П., Мнацаканян А., Траскунов М. Советская Россия и борьба за установление и укрепление власти Советов в Закавказье. Баку, 1969; Азизбекова П., Гарибджанян Г. Мешади Азизбеков — пламенный интернационалист. Ереван, 1976 (на арм. яз.).⁵³ Алиев С. Азербайджанская большевистская печать в борьбе за установление Советской власти в Азербайджане (1919—1920 гг.). — «Труды» Азербайджанского ун-та, сер. обществ. наук, 1960, № 5 (на азерб. яз.); Каринян А. Б. К характеристике бакинской периодической печати в 1917—1918 гг. (факты, воспоминания). Вопросы истории Компартии Азербайджана. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 26, 1962; Большевистская периодическая печать Азербайджана (1904 — апрель 1920 гг.). Баку, 1964; Везиров Х. Г. Азербайджанская большевистская печать в борьбе за Советскую власть в Азербайджане. Баку, 1961 (на азерб. яз.); е го же. Деятельность большевиков Баку по налаживанию издания своих печатных органов в 1917 г. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 30, 1972; Гусейнов Ш. М., Везиров Х. Г. «Правда» в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. В кн. «Правда» и Азербайджан. Баку, 1962; Абдуллаев Ш. З. «Правда» и борьба за победу социалистической революции в Азербайджане (1912—1920 гг.). Баку, 1970.

⁵⁴ Мильман А. Бакинский Совет — орган диктатуры пролетариата Азербайджана (октябрь 1917 — июль 1918 гг.). Баку, 1957.

⁵⁵ Гусейнов К., Найдель М. Профсоюзы Советского Азербайджана. Баку, 1962.

⁵⁶ Байрамов К. Создание промыслово-заводских комиссий в Баку в 1917 г. — «Известия» АН АзербСССР, сер. обществ. наук, 1964, № 4; е го же. Промыслово-заводские комиссии Баку в период борьбы за Советскую власть в Азербайджане (1917—1918 гг.). Баку, 1968; Сулейманов Н. Партия — организатор борьбы бакинских профсоюзов за коллективные договоры 1917—1920 гг. — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 30, 1972.

⁵⁷ Казиев М. А. Страницы истории комсомола Азербайджана. Баку, 1958; Аянгиев А. Из истории создания комсомола Азербайджана. Баку, 1958; Багирзаде А. В. И. Лепни и молодежь. Баку, 1961; е го же. Воспитание молодежи на революционных градницах. Баку, 1967 (на азерб. яз.); Самедов И. Комсомол Азербайджана. Исторические очерки. Баку, 1968; е го же. Этапы большого пути. Баку, 1970; е го же. Юность наша комсомольская. Баку, 1970.

Ценным вкладом в историографию проблемы были обобщающие труды по Закавказью, изданные в 50—60-х годах. Продолжалось издание биографий борцов за социалистическую революцию, пламенных революционеров, крупных партийных и государственных деятелей⁵⁸.

Важным событием в общественно-политической и научной жизни республик Закавказья явилось издание к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции первой части очерков истории коммунистических организаций Закавказья с момента их возникновения до победы социалистической революции, установления Советской власти в Азербайджане, Армении и Грузии⁵⁹.

В 1971 г. вышел в свет коллективный труд историков Закавказья «Победа Советской власти в Закавказье» (гл. ред. акад. И. И. Минц. М., 1971) — часть многотомной истории Великой Октябрьской социалистической революции. Круг вопросов, освещаемых в книге, очень широк. В ней рассмотрены социально-экономические и политические предпосылки социалистической революции в Закавказье и причины, определившие более позднюю победу Советской власти в этом районе; раскрыта роль рабочего класса в революции, его союз с трудовым крестьянством. Авторами предпринята попытка показать ход исторических событий не только в Баку, Тбилиси и промышленных центрах, но и в уездах Закавказья, раскрыть многогранную героическую работу коммунистических организаций Закавказья. В монографии освещены сложные процессы революционного и общественного развития Закавказья в органическом единстве с общероссийскими процессами.

Вопрос о социально-экономических предпосылках победы Советской власти в Азербайджане специально рассмотрен в труде академика АН АзербСССР А. С. Сумбатзаде⁶⁰. Важным вкладом в разработку этой темы явилась монография С. Алиярова⁶¹. Труды по истории Великого Октября в Азербайджане, в Закавказье в целом вскрывают несостоятельность лживых концепций буржуазных историков об отсутствии социально-экономических и политических предпосылок победы Советской власти в этом регионе.

В азербайджанской советской историографии за последние годы появился ряд работ, в корне опровергающих домыслы буржуазных фаль-

⁵⁸ Сургуладзе А. Н. Борьба за победу социалистической революции в Закавказье (1918—1921 гг.). Тбилиси, 1957; Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. Воениздат, 1960; Енукидзе Д. Е. Разгром и изгнание интервентов в Закавказье. Тбилиси, 1960; Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1962; Галоян Г. А. Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии. М., 1960; его же. Против буржуазной фальсификации истории социалистической революции и коммунистического строительства в Закавказье. Ереван, 1961; Жвания Г. К. Великий Октябрь и борьба большевиков Закавказья за Советскую власть. Тбилиси, 1957; Гамбашидзе Г. Л. Агрессивная политика Англии и США в отношении Грузии и Закавказья. Тбилиси, 1964; Талыбов А. А. С. М. Эфендиев — видный пропагандист марксистско-ленинских идей в Азербайджане. — «Труды» Азнефтехима им. М. Азизбекова, сер. обществ. наук, вып. XXII. Баку, 1960; Стельник Б. Мир Башир Касумов. Баку, 1960; Гусейнов А. Левон Мирзоян. Баку, 1960; его же. Алигейдар Караев. Баку, 1961; Катбли М. Чингиз Ильдырым. Баку, 1964 (на азерб. яз.); Гулиев А. Н. И. П. Вацек в революционном движении в Баку. Баку, 1965; Казиев М. Мешади Азизбеков. Баку, 1976; Азизбекова П. Рыцарь революции (М. Азизбеков). Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

⁵⁹ Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, ч. 1, 1883—1921 гг. Тбилиси, 1967.

⁶⁰ Сумбатзаде А. С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. Баку, 1972.

⁶¹ Алияров С. Нефтяные монополии в Азербайджане в период первой мировой войны. Баку, 1974.

сификаторов относительно истории социалистической революции⁶². Среди этих исследований выделяется монография Т. К. Кочарли⁶³, написанная на богатом фактическом материале, в острополитической форме.

В мае 1977 г. в Баку состоялась Международная научная конференция «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки». В приветствии участникам конференции Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев писал: «Горячо приветствую участников Международной научной конференции, созванной в Баку, городе славных революционных традиций и трудовой доблести, где по инициативе В. И. Ленина проходил Первый съезд народов Востока. Уверен, что научная разработка идей Великого Октября и их влияние на национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки внесет новый вклад в практическое продвижение вперед социального и национального освобождения народов от всех форм эксплуатации, неоколониального порабощения и расового унижения»⁶⁴. В работе конференции участвовали посланцы более 70 стран.

Руководствуясь решениями XXV съезда КПСС, XXIX съезд Коммунистической партии Азербайджана призвал ученых-обществоведов республики «глубже исследовать важнейшие проблемы теории и практики коммунистического строительства, активнее участвовать в пропаганде политики партии в идейно-политическом воспитании трудящихся»⁶⁵.

Стимулирующим фактором в решении этих задач, выдвинутых партией, явились всенародное обсуждение и принятие новой Конституции СССР, подготовка и проведение знаменательной даты — 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции — главного события XX века. В свете постановления ЦК КПСС от 31 января 1977 г. «О 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции» обществоведы республики опубликовали ряд работ, посвященных юбилею Советского государства. Важное значение имело издание на азербайджанском языке ряда произведений В. И. Ленина⁶⁶, сборника произведений и воспоминаний видных партийных и государственных деятелей республики⁶⁷. Историки Азербайджана приняли участие в издании монографии «Опыт партийных организаций Закавказья в интернациональном воспитании», подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и его закавказскими филиалами⁶⁸, указателя литературы «Великий Октябрь и победа социалистической революции в Закавказье», подготовленного центрами научной информации Академии наук Закав-

⁶² Гулиев Дж. Б. Против буржуазной фальсификации истории (к характеристике сущности мусаватского правительства). — «Труды» Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. 28, 1967; Разакулиев О. Против фальсификации истории КПСС. Социалистическая революция в Азербайджане в освещении буржуазной историографии. — «Ученые записки» Азербайджанского ун-та, сер. истор. и филос., 1967, № 5.

⁶³ Кочарли Т. Против фальсификаторов истории (История социалистической революции в Азербайджане в кривом зеркале буржуазных фальсификаторов). Баку, 1972.

⁶⁴ Брежнев Л. И. Участникам Международной научной конференции «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки». Баку, 1977.

⁶⁵ Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1976, с. 102.

⁶⁶ Ленин В. И. Государство и революция. Баку, 1977 (на азерб. яз.); Ленин В. И. К годовщине Октябрьской революции 1918—1922 г. (речи, доклады, статьи). Баку, 1977 (на азерб. яз.).

⁶⁷ По светлему пути Октября. Баку, 1977.

⁶⁸ Опыт партийных организаций Закавказья в интернациональном воспитании. Тбилиси, 1977.

казских республик и Институтом научной информации АН СССР⁶⁹. К юбилею Великого Октября вышли в свет книги, отражающие влияние социалистической революции на расцвет экономики, науки и культуры Азербайджана⁷⁰, на развитие национально-освободительного движения народов Востока⁷¹. Реликвиям социалистической революции посвящен сборник очерков, подготовленный Музеем истории Азербайджана⁷².

Историками Азербайджана проделана значительная работа по изучению Великой Октябрьской социалистической революции. Однако многое еще предстоит сделать. Давно назрела необходимость создания обобщающего труда о рабочем классе Азербайджана, его революционных и интернациональных традициях, ведущей роли в борьбе за власть Советов в Закавказье. Требуют обобщения и такие важные вопросы, как союз рабочих и крестьян Азербайджана в революционных событиях 1917—1920 гг., интернациональная солидарность трудящихся Азербайджана со всеми народами нашей страны в борьбе за власть Советов, профсоюзное молодежное и женское движение в этот период. Необходимо продолжить изучение экспансии мирового империализма в Азербайджане, борьбу против фальсификаторов истории социалистической революции.

60-летний юбилей Советского государства, принятие новой Конституции СССР, доклады Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнева на торжествах, посвященных этим историческим событиям, открыли новый этап в изучении истории социалистической революции, обобщении опыта строительства развитого социализма.

⁶⁹ Великий Октябрь и победа социалистической революции в Закавказье. Библиогр. указатель. М., 1977.

⁷⁰ Великий Октябрь и расцвет экономики и культуры в Советском Азербайджане. Баку, 1977 (на азерб. и рус. яз.); Великий Октябрь и расцвет науки Советского Азербайджана. Баку, 1977.

⁷¹ Великий Октябрь и национально-освободительное движение народов Востока. Баку, 1977 (на азерб. яз.).

⁷² Великий Октябрь и Советский Азербайджан (Экспонаты рассказывают). М., 1977.

И. В. ПОЗДЕЕВА

КОМПЛЕКСНЫЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ. ЦЕЛИ, МЕТОДИКА, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Полевые археографические работы — это поиски памятников письменности и печати, характеризующих древнюю традицию книжности общества в целом и данного исторически сложившегося района в частности. Полевая археография сегодня — одна из наиболее важных и перспективных форм реализации, включенных в «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры» положений о государственном учете, обеспечении сохранности и собирании памятников, находящихся в личной собственности граждан. Эта область науки способствует также

¹ Необходимо сразу же оговориться, что в статье речь идет только о кириллической книжной традиции, т. е. традиции, связанной с рукописями и древними печатными книгами кирилловского шрифта, памятники которой сохранились, как правило, в районах в прошлом преимущественно старообрядческого заселения. Важные государственные задачи сбора и фиксации более новых и современных археографических памятников в данной статье не освещаются.

осуществлению записанной в статье 68 Конституции СССР обязанности советских граждан заботиться о сохранении исторических и других культурных ценностей.

Целью археографических экспедиций является составление территориальной книжной коллекции, отражающей историю культурного развития общества, на базе которого она возникла и существовала. Однако археограф должен не только получить сохранившиеся рукописные и старопечатные книги, но увидеть, понять и зафиксировать местную книжную традицию², являющуюся продуктом определенных социально-экономических отношений в рамках данной культурно-исторической системы.

Необходимо помнить также, что письменность и книжная традиция вообще — только часть единой культуры общества. Собирая и спасая для будущего и настоящего древнюю книгу в тех районах, где еще в той или иной степени сохранилась древняя книжная традиция, археографы безвозвратно разрушают ее многообразные исторические связи с культурой прошлого. Отсюда возникает необходимость не только тщательной фиксации всех элементов местной книжной традиции при составлении территориальной книжной коллекции³, но и комплексного историко-культурного исследования данного района, т. е. выявления всего стратиграфического окружения собранных памятников книжности⁴. Поэтому в ходе археографической экспедиции необходимо проводить специальные исследования⁵, предмет которых непосредственно связан с историей местной книжности и имеет в районе достаточный для данного конкретного исследования уровень сохранности. При этом нужна кропотливая работа специалистов различных отраслей, применение специальных методов при обязательном единстве целей всех экспедиционных работ.

Методика полевых комплексных археографических экспедиций была разработана и применена археографами Московского университета⁶.

² Под «книжностью» понимается вся совокупность книг (независимо от способа их исполнения), выявленных в данном районе. Книжная традиция — более широкое понятие, включающее в себя представления носителей этой традиции о характере, значении и функции книг (как в прошлом, так и в настоящем), а также связь местной и общерусской книжности, взаимоотношения книжной и иных форм местной культуры.

³ В территориальную книжную коллекцию включаются все книги, полученные на данной территории, независимо от времени их создания и способа выполнения.

⁴ Термин «стратиграфическое окружение» или «археографическая стратиграфия» введен нами по аналогии с понятиями геологической и археологической стратиграфии и означает конкретно-историческую среду бытования древней книги — черты материальной или духовной культуры, сохраненные сегодняшними носителями этой книжной традиции.

⁵ Вне комплексных археографических работ эти исследования могут быть поставлены как вполне самостоятельные в рамках иной научной задачи и иной экспедиции, лингвистической, например, или фольклорной.

⁶ Эта методика складывалась и проверялась не один год и фактически является результатом труда большинства участников работ. Автор статьи приносит глубокую благодарность тем, кто своим опытом, советом, непосредственным участием, критикой помог и помогает этой работе: руководителю лингвистических работ Е. М. Сморгуновой, руководителю фольклорных исследований С. Е. Никитиной, сотруднику фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР М. Б. Чернышевой, музыковедом — С. П. Кравченко и М. В. Богомоловой, студентке Н. Терехиной (Музыкальный пед. институт им. Гнесиных), искусствоведу Э. К. Гусевой, филологам — Н. А. Кобяк, Е. М. Варенцовой, И. Д. Иорданской, О. В. Кукушкиной, сотрудникам Археографической группы истфака МГУ — М. М. Леренман и Т. А. Кругловой. Научной базой комплексных исследований явились результаты одиннадцати археографических экспедиций МГУ 1971—1976 гг. Основные работы этих лет проводились в Пермской области (систематически с 1972 по 1976 г.) на территории Ветковско-Стародубовских слобод (начаты в 1970 г., с 1972 г. стали комплексными, с незначительным перерывом велись включительно до 1976 г.), а также в старообрядческих поселениях Украины и Молдавии (1973—1976 гг.). Все находки археографов поступили в Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки

Она опирается на теоретические положения, рекомендации и опыт полевой работы академика М. Н. Тихомирова, В. И. Малышева, Н. Н. Покровского и других ведущих советских исследователей⁷.

Специально вопрос о комплексных археографических работах обсуждался на конференции «Тихомировские чтения 1970 года», посвященной опыту организации археографических экспедиций⁸. Принципиальные положения методики комплексных археографических полевых исследований, разработанной Археографической группой МГУ, были обсуждены и одобрены Кафедрой источниковедения истории СССР исторического факультета. Большое научное значение этого вида исследований и необходимость их дальнейшего расширения было признано I Всесоюзной конференцией по полевой археографии, состоявшейся в Москве в декабре 1976 г.

Методика полевого комплексного исследования складывается из стратегии и тактики исследований. Первая определяет объем задач, их взаимозависимость и последовательность решения. Она вырабатывается путем сопоставления результатов научной подготовки маршрута и археографической разведки, учитывает общие научные цели и исторически сложившиеся особенности района и является базой индивидуальной для каждого района тактики работ, т. е. методики практического решения поставленных научных задач. Тактика комплексной экспедиции должна учитывать не только определившие стратегию исследований объективные условия работы, но и субъективные факторы: уровень подготовки рабочего коллектива, психологические качества и возможности руководителей каждого полевого отряда.

В основе методики полевых археографических исследований Московского университета лежит разделение всех исторически сложившихся районов, интересных в археографическом отношении, на три категории.

В районе первой категории сохраняется не только «живая» книжная традиция⁹ и имеется возможность составить территориальное книжное собрание, достаточно полно отражающее историю книжности, но можно зафиксировать и реальные исторические связи местной письменной традиции¹⁰ с другими сторонами исторической действительности, ее обусловившей.

МГУ. В экспедициях 1971—1976 гг. было собрано 939 памятников письменности и печати XV—XX вв. Из них 2 рукописи датируются XV в., 71 книга — XVI в., 260 — XVII в. и 251 — XVIII в.

⁷ Тихомиров М. Н. Письмо в редакцию.— «Вопросы истории», 1948, № 3, с. 159. Отклики на него см.: Об охране и сборе древнерусских рукописей.— «Вопросы истории», 1948, № 9, с. 134—136. См. статьи: Тихомиров М. Н. Сохранять рукописные богатства.— «Литературная газета», 1954 г., 24 апреля; его же. В защиту памятников культуры.— «Литературная газета», 1956 г., 13 августа (в соавторстве); Малышев В. И. Задачи собирания древнерусских рукописей.— ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 303—332; его же. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. См. также Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций.— «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, с. 244—263.

⁸ См. выступления Н. Н. Покровского, П. В. Поньрко, Е. И. Дергачевой-Скоп, И. В. Поздеевой. Тихомировские чтения 1970 года. М., 1970, с. 22—27, 141—145, 179—183, 68—80.

⁹ Понятие «живая традиция» предполагает наличие в районе достаточно древней местной традиции, наличие письменных кириллических памятников XIX—XX вв. и людей, еще сегодня умеющих ими активно пользоваться. Районов, отвечающих этим требованиям, немного. Археографическая разведка Пермской и Свердловской областей, Удмуртской АССР, Брянской, Гомельской, Черниговской, Одесской, Винницкой, Черновицкой областей, территории Молдавской ССР и Карпат, Ростовской и Волгоградской областей позволила выделить только три исторически сложившихся района, которые сегодня могут быть классифицированы как районы первой категории.

¹⁰ Внутри книжной традиции именно письменная традиция наиболее полно и прямо отражает (фиксирует) местные особенности.

В районах второй категории в результате полевых работ можно составить книжную коллекцию, дающую представление о характере, особенностях и уровне местной книжной традиции, и получить материал о какой-либо стороне соответствующей ей древней культуры носителей этой традиции.

Комплексная работа в районах первой и второй категории ведется, как правило, несколько лет как археографами, так и специалистами в той области древней культуры, памятники которой возникли и существовали здесь как элементы культурно-исторической среды бытования местной книжной традиции. Речь может идти об истории местного старообрядчества, особенностях языка его представителей, фольклоре, прежде всего музыкальном, иконописи, истории древнерусской музыки (пение по крюкам), местном народном изобразительном искусстве.

Районы третьей категории — те, в которых не сохранилось до нашего времени каких-либо существенных остатков ни имевшейся здесь ранее книжной традиции, ни соответствующей ей древней культуры. Но поскольку в этих районах¹¹ есть еще население, в руках которого имеется обычно некоторое количество древних книг, здесь необходима археографическая работа по выявлению и сбору сохранившихся памятников и контролю за «миграцией» книги.

Таким образом, районы первой категории дают возможность относительно полно зафиксировать сохранившуюся книжную традицию, второй категории — существенную часть этой традиции — и третьей — получить только случайные книжные находки.

Особо важное место в комплексе полевых исследований занимает изучение истории старообрядчества. Всестороннее знание истории возникновения, догматических особенностей учения, движения населения, его традиционных центров и исторических связей имеет решающее значение для выбора наиболее перспективного маршрута, определения возможностей и задач исследования района.

Нередко именно результаты исследования истории носителей книжной традиции играют решающую роль в успешной полевой археографической работе. Так, например, разведка 1972 г. Сепычевско-Соколовского куста Верещагинского района Пермской области показала, что в прошлом здесь в одних и тех же населенных пунктах сосуществовали два старообрядческих согласия, фактически не имевшие различий ни в религиозных воззрениях, ни в культе. Однако представители каждой из этих групп считали членов другой еретиками. Старики еще помнили о разделе единой религиозной старообрядческой общины «во времена дедов», но ни причин, ни времени раздела назвать не могли. В ходе археографических экспедиций был найден так называемый «подлинник о разделе»¹², объясняющий причины раздела с точки зрения одного из новых согласий — деминского. Содержание найденной рукописи свидетельствовало о наличии аналогичного памятника, возникшего в среде другого согласия — максимовцев. Целенаправленный полевой поиск увенчался успехом — в руках экспедиции оказались два произведения местной крестьянской литературы, которые позволили восстановить историю, причины, характер раскола и оценить научное значение этого района как района первой категории.

В результате исследований, проведенных здесь в 1973—1976 гг., удалось составить хранящееся в Научной библиотеке МГУ им. А. М. Горь-

¹¹ Речь идет, как правило, о районах в прошлом с преимущественно старообрядческим населением.

¹² Копии текста имеются у Археографической группы МГУ (шифр П. 1972—34. Ксер.) и в Государственной областной библиотеке г. Перми.

кого т. н. «Верещагинское» книжное собрание, объективно и достаточно полно отражающее московские корни ранней местной старообрядческой письменной традиции, ее поморский характер, а также состав, ориентацию и особенности с XVII по XX в. включительно. Книги, вошедшие в это собрание, переданы С. Г. Соловьевой, С. П. Соловьевым, М. К. Соловьевой, А. Р. Романовой, А. И. Старковым, Е. С. Сабуровой, Д. Е. Габовой и др., в семьях которых они бережно хранились, передаваясь из рода в род. Пользуясь случаем, выражаем им глубокую благодарность за сохранение и передачу государству ценных исторических источников и за помощь в работе экспедиций.

В районе сохранилась богатая «живая» кириллическая письменная традиция и целый ряд элементов соответствующей ей культуры. Объясняется это тем же расколом и сосуществованием двух конкурирующих религиозных общин, вызвавшим во второй половине XIX в. как повышенный интерес к литературе прошлого, так и возникновение ряда полемических произведений местной крестьянской литературы, стремление следовать основам не только древнего, «отеческого» культа, но и быта XVII в. Анализ найденных памятников 60—80-х годов XIX в. позволил доказать, что и раскол единой религиозной крестьянской общины, и попытки сохранить «старожитность» и прочность старообрядчества в целом в этом районе были реакцией на социально-экономический гнет и быструю гибель патриархального уклада. Найденные памятники показали, что в 60—80-е годы XIX в. в старообрядческой деревне за формами и методами религиозной борьбы скрывалась борьба социально-экономическая, отражающая быстро идущее социальное расслоение пореформенного крестьянства¹³.

Работа с территориальными собраниями двух известных нам районов первой категории — Верещагинского и Ветковско-Стародубовского (пограничные районы Брянской, Гомельской и Черниговской областей) — помогла выработать и применить новую перспективную методику «наложения» на историческую канву данных территориальной книжной коллекции и комплексных исследований района. Необходимо обратить внимание на значение этой методики не только для изучения давнего прошлого, что представляется естественным, но и особенно прошлого в историческом масштабе недавнего, как это было в Верещагинском районе. Так, в результате совместных исследовательских работ МГУ и Чердынского краеведческого музея в 1973 г. в районе р. Колвы (северо-восток Пермской области) был установлен факт вытеснения безраздельно господствовавшего поморского старообрядческого вероучения воззрениями бегунов (странников)¹⁴, и тем самым объяснена прослеживаемая в найденных местных памятниках смена письменной традиции.

Книжная традиция района отражает не только мировоззрение ее носителей, исторические и литературные связи, но также особенности и ха-

¹³ Так, в тексте «Отписания о разделе...», принятого деминцами в 1888 г. и излагающего события со времени раскола 1866 г., об инициаторе и виновнике раздела — Максиме Егоровиче Жданове — говорится: «Тогда сей Максим... нача меншия соборы грабити. Бесстыдный лихонмец разширяся на земли, яко князь мира сего, и множеством раб и слуг величаяся, меншия житницы раззоря и большая созидаю, и множеством брамен уготовляя на многа лета, запасая чужою кровию и пот...»

Многие соборы раззорил и оскорбил и маломощных обидел и от земледельцев владения насильно отбирая, и навечно откупая... Ежели земледельцы тоже бы начнут не давати ему, лихонмцу, земледеля, [говоря], что им негде пропитываться, он тогда их отлучая крещения и покаяния, покудов не исполнится его злое несытое желание». (Копия Археографической группы МГУ, шифр П. 1972—34. Ксер., лл. 18 об.—19.)

¹⁴ Произошло это сразу после 1912 г., когда авторитет поморской веры был подорван несбывшимся пророчеством о «конце света».

рактик местного изобразительного искусства, частью которого является искусство украшения книги.

В работах комплексной археографической экспедиции изучение памятников искусства прошлого занимает, как и история старообрядчества, значительное место на всех этапах подготовки, проведения экспедиции и исследования ее результатов. Особенное значение эти работы могут иметь в ряде районов второй категории, так как наиболее устойчивыми во времени часто оказываются именно традиции народного изобразительного искусства. С этой точки зрения и в научном, и в методическом отношении показательны работы МГУ в Ильинском районе Пермской области.

Уже подготовка комплексных работ в Перми, особенно второй ее, областной этап, заставили нас принять во внимание своеобразный характер изобразительного искусства Пермской земли XVII—XVIII вв., в котором были представлены два резко отличающиеся по своим корням, традициям и художественным идеалам стили. Один — многочисленными памятниками «строгановского» шитья и «строгановской» иконы, другой — древней деревянной пермской скульптурой, постоянно подвергавшейся преследованию и запрещению со стороны церкви¹⁵.

Однако, если в процессе подготовки и во время полевых работ нам удалось найти рукописные книги¹⁶, украшенные богатейшим орнаментом и миниатюрами, ни по манере исполнения, ни по стилю, ни по высоте профессионального мастерства не уступающие образцам «строгановского» искусства в других жанрах, то иллюминированной книги, в оформлении которой отразились бы эстетические идеалы пермского народного искусства, мы не знали. Но такая книга должна была существовать. Среди представлявших археографический интерес районов, выделенных первоначальной разведкой на территории Пермской области, был выбран наиболее перспективный с точки зрения бытования и особенно сохранения в позднее время кириллической иллюминированной книги — современный Ильинский район. Он находился в центре миграционных и торговых путей, что способствовало отложению здесь прекрасных памятников как иконописания, так и светской портретной живописи XVIII—XIX вв., хранящейся в Пермской художественной галерее. В этом районе сохранилась определенная часть древней рукописной и печатной книги и значительные элементы местного народного искусства, особенно музыкального фольклора. Еще в начале XX в. здесь особенно почиталась деревянная скульптура¹⁷. В XIX в. в с. Ильинском располагалось главное управление всех горнозаводских и земледельческих имений Строгановых¹⁸. Это вызвало повышенную потребность в памятниках изобразительного искусства, особенно местного. В результате двухлетнего поиска в этом районе удалось обнаружить рукопись, которая датируется концом XVIII в. и содержит текст двух наиболее популярных в XVIII в. в крестьянской среде произведений — «Повесть о страстях Христовых» и

¹⁵ Серебрянников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1928, с. 29 и др.; Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974, с. 88.

¹⁶ В коллекции Пермской государственной Художественной галереи находится роскошно украшенная рукопись рубежа XVII и XVIII вв. — Синодик рода Строгановых (см. Пермская государственная Художественная галерея. Каталог. Премь, 1974, с. 31). В 1972 г. в Пермской области экспедицией найден хранящийся сейчас в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ лицевой Апокалипсис последней четверти XVIII в. с 72 миниатюрами (инвентарь, заменяющий шифр: 6323-1-72).

¹⁷ Серебрянников Н. Н. Указ. соч., с. 22, 24 и др.

¹⁸ Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1876, с. Ильинское, с. 531—537.

«Житие Василия Нового»¹⁹. Оба текста сопровождаются большим количеством миниатюр — их в книге сохранилось 77 (64 первоначальных и 13 восстановленных в XIX в. вместо утраченных). Миниатюры рукописи написаны в народном «скульптурном» стиле и отражают тот же самый эстетический идеал, который определил художественную манеру, идейное и социально-психологическое содержание пермской скульптуры. Фигуры миниатюр прочны, тяжеловесны и монументальны, жесты их скупы и лапидарны. Изображения скульптурно замкнуты и разобщены, контуры их подчеркнуто целостны. Все основные принципы рисунка и цвета приводят к изменению самого характера восприятия изображений не как линейно-контурных, а как тактильных. Для понимания этого памятника как «народной» местной книги важно также, что художник, иллюстрировавший рукопись, показал себя типичным мастером второй половины XVIII в. — века, освоившего все стили средневековья и создавшего на их основе русское искусство нового времени. Изображая райские видения и второе пришествие, он использует стиль, близкий к народной росписи дерева или изразца; в многофигурных сложных композициях второстепенные сюжеты художник передает гораздо более реалистично, чем основные. Особо интересен рисунок бичевания Василия Нового, на котором автор, видимо, стремился изобразить казака, бичующего подтянутого на дыбе человека с типичным лицом русского крестьянина. Картинка эта, резко отличаясь по стилю от других, может служить иллюстрацией не только «Жития Василия Нового», но, если учесть время и место появления рукописи, и обычных экзекуций той эпохи, а возможно и недавней расправы с лугачевцами.

Не менее важное место в комплексных работах занимало изучение местного изобразительного искусства при исследовании территории старообрядческих слобод Ветки-Стародубья, где еще в начале XX в. существовали многочисленные школы и мастерские иконы, и был традиционно высок уровень своеобразного местного искусства иконописания, шитых и деревянных окладов. Работа с этими памятниками, проведенная в полевых условиях научным сотрудником Третьяковской галереи Э. К. Гусевой, позволила не только собрать интересный материал об изобразительном искусстве Ветки, но и охарактеризовать (по аналогии с иконой) определенную манеру письма миниатюры (речь идет о конце XVIII в.) как местную²⁰.

Одним из основных направлений комплексной археографической экспедиции является сбор и изучение местного фольклора, который существует как прямое продолжение и как литературно-художественный фон, контекст книжной традиции. После первых же серьезно поставленных работ в ряде районов Пермской области у нас исчезло обычное скептическое отношение к этому аспекту полевой археографии. Даже сравнительно небольшие по объему работы, проведенные фольклорным отрядом под руководством научного сотрудника Института языкознания АН СССР С. Е. Никитиной, дали большой и интересный материал²¹. В 1973—1976 гг. в Верещагинском, Ильинском, Красновишерском, Очерском и

¹⁹ Булгаков Ф. И. Сказания о страстях господних. В кн. Памятники древней письменности. Вып. 1. СПб., 1878—1879; Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1892, с. 120; Вилинский С. Г. Житие Василия Нового в русской литературе, ч. I и II. Одесса, 1913, 1911.

²⁰ См. Гусева Э. К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине. Сб. Из истории фондов Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ. М., 1978; Поздеева И. В. Археографические работы Московского университета в районе Древней Ветки и Стародубья в 1970—1972 гг. Ежегодник. Памятники культуры. Новые открытия за 1975 г. М., 1976, с. 52—69.

²¹ См. Никитина С. Е. Пермский фольклор и книжная традиция. В сб. Из истории фондов Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ.

других районах было зафиксировано около 1000 номеров пермского фольклора. Из них — 300 текстов стихов на 80 сюжетов, 300 свадебных песен из 5 кругов, 200 номеров лирики и около 120 хоровых песен.

Сбор и изучение фольклора комплексной археографической экспедицией позволили выделить для исследования ряд интересных проблем, и прежде всего проблему соотношения, взаимовлияния, бытования и судьбы письменной традиции и устной народной словесности²². Пожалуй, впервые ученые получили столь большой и точно привязанный к известному району материал духовных стихов, бытующих здесь как в устной, так и в письменной форме. В Пермской области найдено 20 стиховников и сборников смешанного содержания со значительным количеством стихов. Фактически все эти произведения в свое время пелись, что вызвало необходимость специальных полевых работ, в процессе которых фиксируются мелодия и манера исполнения текста.

Таким образом, методика комплексных работ не только позволяет сохранить максимально полное представление о письменной традиции и иных аспектах народной культуры, но при использовании богатого материала изобразительного искусства, фольклора, музыки, понять и по-новому прочесть книги. В свою очередь, ряд особенностей местного фольклора может быть правильно осмыслен только при соответствующих комплексных работах. Например, в Верещагинском районе удалось установить бытование широко известного стиха («Стих болезнена воспоминания и озлобления кафоликов») в новом варианте, в котором осуждается не только духовный, но и социально-экономический гнет. В этом тексте (переписанном, что явствует из рукописных сборников, куда он вошел, в одно время с вышеназванными «Подлинником о разделе») звучали те же мотивы, которые и привели к расколу сепычевской крестьянской общины²³.

В рукописных территориальных коллекциях многих районов значительное место как по количеству, научному значению, так и уровню книжного мастерства занимают певческие крюковые рукописи. Некогда общая для музыкальной культуры всей Руси крюковая нотация во второй половине XVII в. была заменена пятилинейной и вышла из употребления. Была забыта даже манера пения «по крюкам». Во многом и сейчас еще гипотетичны выработанные наукой принципы прочтения и перевода крюковых рукописей на современную нотную запись²⁴. Но старообрядцы в XVII в. вместе с другими «новшествами» не приняли ни пятилинейной нотации, ни новой манеры многоголосного пения. В ряде районов, например, в районе Ветковско-Стародубовских слобод жива достаточно широкая «крюковая грамотность». В составе книжного террито-

²² См. Никитина С. Е. Об общих сюжетах в фольклоре и народном изобразительном искусстве. В сб. Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976, с. 320—350.

²³ К обычному тексту добавлены слова: «в сребролюбии тех почтила всех... на седищах первых учини. Собор нищих всех возненавиден. Сродник бедных возгнушался, а с богатыми и с погаными все соединились... лихоимцы вси грады содержат... православнии вси пограблены... вдовы сироты вси обижена...».

В обычном варианте этот текст опубликован: Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909, № 49; Варенцов В. Русские духовные стихи. СПб., 1860, № 179. В этом же варианте он встречается и в других районах Пермской области. В стиховнике XIX в. из Соликамского района Пермской области (Археографическая группа МГУ, шифр П. 1972—102. Ксер.) обнаружен также обычный вариант стиха.

²⁴ См. Бражников М. В. Статьи о древнерусской музыке. М., 1975 (статьи: Новые задачи исследования памятников древнерусской музыки; Русские певческие рукописи и русская певческая палеография).

риального собрания этого района, хранящегося в Научной библиотеке МГУ, имеется 120 музыкальных рукописей, дающих возможность проследить традиции музыкальной палеографии от первых, принесенных сюда в конце XVII в. певческих книг до крюковых рукописей недавнего времени.

Пожалуй, впервые у историков древнерусской музыки появилась возможность проследить певческие традиции одного из районов, анализируя представительную коллекцию, одновременно проверяя и дополняя выводы материалами «живых» наблюдений. В составе археографической экспедиции, изучавшей район Ветковско-Стародубовских слобод под руководством преподавателя Института им. Гнесиных С. П. Кравченко, работали студенты этого института, которые параллельно изучали музыкальные рукописи в библиотеке МГУ²⁵. Такая методика работы может способствовать решению вопроса о подлинном звучании музыки нашего прошлого.

Очевидно, что любое археографическое полевое исследование так же, как и изучение территориального книжного собрания, тесно связано с решением ряда лингвистических задач. История языка — один из тех аспектов работы комплексной археографической экспедиции, который наиболее важен и перспективен. Методика комплексных исследований дает возможность параллельного изучения материала живого языка и языка рукописей. Причем на Ветке, например, или в Молдавии русский язык старообрядцев существует в условиях окружения иными говорами и языками, что приводит при свойственной старообрядцам традиционности к определенной консервации ранних форм языка. Интересная ситуация сложилась у старообрядческого коми-пермяцкого населения Красновишерского района, где родной язык оставался только языком семьи. Даже местный фольклор фактически был полностью вытеснен русским, хорошо и полно сохранившимся.

В полевых условиях возможна также постановка проблемы, сформулированной Б. А. Успенским²⁶. Речь идет об изучении остатков древнего русского произношения, сохранившихся с конца XVII в. только у староверов и прослеживаемых при чтении ими литургических текстов. Небольшой материал по этому вопросу получен нами во время работ на Ветке²⁷.

Не менее важны для комплексной полевой экспедиции исследования, связанные с рядом проблем социальной психологии. В районах первой категории исследования исторической психологии могут дать интересный, а нередко уникальный материал, который, очевидно, сопоставим с данными источников XVII—XVIII вв. Объясняется это как общими традиционалистскими основами старообрядческой психологии, так и историческими судьбами населения районов. Тот или иной аспект этих работ возможен даже в большинстве районов третьей категории. К сожалению, комплексным экспедициям Московского университета эти работы развернуть пока не удалось.

Таким образом, последовательно и тщательно проведенные на всех этапах экспедиционных работ комплексные исследования максимально

²⁵ К сожалению, институт в последние годы фактически прекратил полевые работы этого направления.

²⁶ Успенский Б. А. Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968. с. 48, 31—32; Васильев Л. К истории звука в московском говоре XIV—XV вв. — «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. X, кн. 2. СПб., 1905.

²⁷ См. Кобяк Н. А., Кукушкина О. В. Филологические задачи в рамках комплексных исследований района старообрядческих слобод Брянщины и Гомельщины. В сб. Из истории фонда Научной библиотеки МГУ.

обеспечивают возможную полноту сбора сохранившихся книг и выявление их стратиграфического окружения.

Проведение комплексных полевых работ сближает археографическую экспедицию этого типа с системными исследованиями, при которых каждое явление и факт рассматриваются в их органической связи с целым рядом других явлений и фактов.

С принятием «Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры» активизировался поиск документов истории нового времени и советского общества. Всесоюзная конференция по полевой археографии, состоявшаяся в декабре 1976 г. в Москве, свидетельствуя о значительном размахе таких поисков, отметила вместе с тем тематическую и функциональную ограниченность работ этого типа. Как правило, цель их — собирание личных фондов документов по определенной тематике, реже — специальных документов по истории предприятий и учреждений. О необходимости вести сбор документов советского периода на основе комплексного территориального принципа, как одной из актуальных задач советской полевой археографии, говорилось в докладе Археографической комиссии АН СССР. В нем подчеркивалось, что многое из методик работы коллективов, занимающихся собиранием кириллических рукописных и старопечатных книг (прежде всего принципы комплексности собирания, необходимости учета и фиксирования среды бытования памятников), применимо к методике сбора документов позднейших эпох отечественной истории²⁸.

Успешное проведение любой комплексной археографической экспедиции зависит не только от правильно сформулированных задач. Для составления и выполнения «стратегического плана» работ необходима самая серьезная и многосторонняя подготовка экспедиции. Она включает два направления: составление и изучение маршрута и подготовку рабочего коллектива. Первый этап — составление маршрута и изучение его по архивным материалам, данным земской статистики, периодическим местным изданиям, научным публикациям, описаниям путешествий, отчетам работавших в районе экспедиций гуманитарного профиля и т. д.

Изучение района будущей работы предполагает не только знание событий далекого прошлого, но и учет огромных социально-политических изменений советского времени, которые определяют сегодняшний уровень интересующей нас информации и объем сохранившейся древней книжности. Не менее важно, особенно при решении вопроса об очередности полевых работ, знание экономических перспектив развития районов, намечаемых для проведения экспедиций, так как именно районы, где происходят резкие экономические и демографические изменения, требуют срочного исследования. При выборе маршрута необходимо учитывать традиционность и древность старообрядческого заселения, знать, какие старообрядческие согласия сосуществовали на данной территории и каковы были исторические взаимоотношения между ними, а также иметь представление об общем количестве старообрядческого населения в районе, его распределении, миграциях и т. п.

Второй этап подготовки экспедиции связан с изучением древней книги и памятников изобразительного искусства исследуемых районов. В случае необходимости сотрудниками экспедиции описывались или разбирались рукописные или печатные книги в местных хранилищах. Кро-

²⁸ Курносое А. А., Черных В. А. Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии. — «Вопросы истории», 1976, № 4, с. 142.

ме того, этот этап предполагает ознакомление с материалами облисполкомов, установление деловых контактов с партийными органами, с партийным руководством и местными учреждениями, заинтересованными в работе экспедиций или имеющими необходимую для них информацию.

По выполнении первого этапа подготовки следует первоначальная сплошная археографическая разведка. В ее задачи входит прежде всего составление карты обследованной территории, т. е. выделение всех интересных районов; определение научных возможностей и перспектив, аспектов комплексной работы в каждом из них: разделение районов по категориям и выработка индивидуальной методики и задач их исследования.

Разведка требует очень серьезной и разработанной методики работы, так как от ее результатов зависит правильная оценка данного района. Основные вопросы, по которым разведочные работы должны дать возможно полную информацию, это: наличие в районе рукописных и старопечатных книг и характер книжной традиции; количество населения, являющегося носителем этой традиции в районе, характер его расселения (компактность, традиционность, миграция); традиционные догматико-религиозные, историко-религиозные и культовые представления; особенности языка, быта, образование старообрядческого населения, сохранение древних художественных традиций и многое другое. Нельзя забывать о значении первых контактов с местным населением. От такта, убедительности и терпеливой настойчивости участников разведки зависят условия работы следующих лет. Информация, собранная во время разведки, должна быть достаточной для понимания археографической ценности районов, определения их категории и особенностей работы в каждом из них.

На основании данных, полученных в ходе разведки, составляется археографическая карта, на которой фиксируются место, время, количество и характер находок; связи и миграции носителей традиции и т. п. Такая карта позволяет реально представить сохранившуюся книжную традицию, графически показать систему внутренних связей, современных центров книжности, движение книг внутри района. Эта карта-схема оказывается полной и значимой только при условии, если она выходит за рамки района, т. е. систематические археографические исследования внутри района должны дать определенные связи, важные для истории старообрядчества и книжной традиции всей исторически сложившейся территории.

Третий этап экспедиционной работы — систематическое комплексное исследование избранных районов первой и второй категорий с целью составления максимально полной территориальной книжной коллекции и комплексных исследований, развернутых во времени, с участием различных специалистов — археографов, языковедов, фольклористов, историков музыки и других.

Необходимо подчеркнуть, что, как правило, комплексные археографические полевые исследования наиболее интересных районов продолжительны, так как проведение многоядных экспедиций не только малоэффективно, но и принципиально недопустимо.

Для выполнения всех без исключения полевых работ особенно важна тщательная специальная подготовка, сохранение и преемственность кадров экспедиции, правильное воспитание коллектива. В МГУ ежегодно читается для тех, кто впервые едет в «поле», курс-минимум. Кроме того, на кафедре источниковедения истфака МГУ читаются спецкурсы и проводятся спецсеминары для слушателей, уже знакомых с историей, литературой и палеографией эпохи.

Полевая подготовка обязательна для всех участников, каждый из которых год-другой является рядовым членом рабочего отряда, состоящего в основном из опытных сотрудников. В отряды обычно входят три, реже — два человека, подобранных в профессиональном отношении, имеющих опыт полевой работы и обладающих высокой коммуникативностью.

Первоначальную сплошную разведку ведут обычно группы чисто «археологические». В зависимости от индивидуальных особенностей и задач работы при комплексном исследовании района, в рабочий отряд вводятся специалисты того или иного профиля. Например, в 1972 г. комплексное исследование Ветковско-Стародубовских слобод проводилось тремя самостоятельными отрядами. Во главе каждого из них стоял археолог, а в состав входили историк музыки и искусствовед — специалист в области древнерусской живописи. Руководителем отряда, отвечающим за тщательность обследования, уровень и характер собранной информации, точность ведения всех полевых документов, обычно бывают сотрудники, имеющие опыт работы в 5—6 экспедициях.

Не менее важно для археологической и особенно комплексной экспедиции ее научно-техническое обеспечение. Современная комплексная полевая работа невозможна без качественной звуко- и фотоаппаратуры. Магнитофонные записи и фотографии не только во многом дополняют данные книжной коллекции, но только являются иллюстративным материалом, но нередко оказываются весьма существенным элементом системы источников.

В экспедиционном коллективе МГУ разработана сейчас система документирования полевой работы: соответствующие формы полевого дневника, описи находок, анкет, картотек и тому подобных видов первоначального полевого описания и последующей систематизации материала, которая определяет сохранность полученной информации.

Кроме дневника, в полевых условиях существуют еще две обязательные формы записи. В отдельной анкете фиксируются основные сведения о времени и месте находки, последнем ее хозяине (коллективном или личном), названии старообрядческого согласия, частью книжной традиции которого книга являлась. Анкета должна быть подписана сотрудником, ее составившим, и, кроме вышеописанных данных, включать шифр экспедиции, название находки и ее полевую датировку. Основной документ, фиксирующий все без исключения полевые находки, — «Журнал (или тетрадь) находок». Он ведется отдельно для рукописных и для печатных книг. В нем учитываются в порядке поступления все книги, причем кроме рубрик анкеты в журнале фиксируются также точный адрес находки, ее «легенда» и характер ее современного использования. В журнале оставлено место для окончательной датировки находки, инвентарного номера и шифра, которые книга получает после передачи в Библиотеку МГУ. Если находки пересылаются почтой с вложенной описью, то номера посылок также фиксируются в журнале. Последняя графа «Тетради находок» предназначена для особых помет и указаний о необходимости возвращения хозяину подлинника (взятии на «временное хранение») или копии.

В Москве на основе росписи дневников и тетради находок пополняются постоянные картотеки: географическая (обследованных или выделенных для обследования населенных пунктов), именная, где учтены все люди, с которыми сотрудники экспедиции вступили в контакт или о которых получили сведения, и картотека полученных и поставленных на учет книг, составленная также по географическому принципу. Результаты работы каждого года освещаются в кратком отчете, поступающем в

деканат истфака, и Археографическую комиссию АН СССР. Позднее, после обработки основных материалов, на кафедре источниковедения обсуждается и утверждается научный отчет руководителя экспедиции. С докладами о результатах комплексных исследований участники экспедиции выступают на конференциях региональных археографических комиссий, в контакте с которыми ведутся обычно полевые работы.

Научная ответственность полевого археографа близка к ответственности археолога, навсегда уничтожающего реальную, объективно существующую связь находки с окружающей средой. Но археограф работает с людьми, поэтому его научная и морально-этическая ответственность еще более глубока. На всех этапах подготовки и проведения экспедиции необходимо помнить о том, что все формы полевого исследования предполагают работу с людьми. И от их доброй воли, от их понимания задач и целей ученых, от их прямого сотрудничества с экспедицией и зависит успех комплексных полевых работ.

Л. И. КУЧУМОВА

ИЗ ИСТОРИИ ОБСЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ В 1877—1880 ГОДАХ

Материалы единственного после реформы 1861 г. специального обследования общинного землевладения России, охватывавшего не менее 40% всех пахотных земель империи, представляют особый интерес. Обследование проводилось Третьим отделением Вольного экономического общества (ВЭО) в течение декабря 1877 г. — 1880 г. по программе, которая распространялась в двух вариантах — 1878 и 1879 гг.¹ Составители первого варианта программы — управляющий Земского отдела МВД тайный советник Ф. Л. Барыков, историк либерального направления, специалист по истории общины П. А. Соколовский, член ВЭО и сотрудник Земского отдела МВД А. В. Половцов — использовали некоторый опыт губернских статистических комитетов и частных лиц, занимавшихся общиной. Так, в 1875 г. помощник председателя Ярославского статистического комитета Е. И. Якушкин и бывший его секретарь А. С. Посников составили конспект программы в 40 вопросов применительно к общине Ярославской губернии, т. н. «Программа Посникова». По ней были собраны материалы о системах переделов общинных угодий в Ярославской губернии, позднее включенные в докторскую диссертацию Посникова, опубликованную во втором выпуске «Общинного земледелия» в 1878 г. в Одессе. Кроме того, на основании тех же материалов Е. И. Якушкин в течение 1876—1878 гг. работал над собственной про-

¹ 17 декабря 1877 г. в III Отделении ВЭО был доклад А. В. Половцова, в этот период готовившего магистерскую диссертацию по общине. В результате обмена мнениями создана комиссия для разработки основ специального обследования. 17 сентября 1880 г. — выпуск I тома «Сборника материалов для изучения сельской поземельной общины в России», которым завершается плановое изучение пореформенной общины под руководством председателя III Отделения ВЭО — Э. Р. Вредена (1876—1881 гг.) — этим определяются крайние даты обследования. См. «Труды ВЭО», 1878, т. I, вып. 4, с. 481; Отчеты о действиях Имп. ВЭО за 1880 г. СПб., 1881; Отчеты о действиях Имп. ВЭО за 1881 г. СПб., 1882.

граммой, которая должна была бы включить до 250 вопросов². Большой вклад в разработку программы внес Соколовский, уже проделавший аналогичную работу на материале Орловской губернии в 1876 г.³

Составители первого варианта программы ВЭО разработали структуру программы в соответствии с основными проблемами пореформенной общины, обсуждавшимися в научной литературе и журналистике. Он включал пункты: 1. Состав пореформенной общины. 2. Способы пользования общинными угодьями. Основной аспект — «переделы общинных угодий», которому составители отвели два раздела. В программу вводилась классификация трех основных видов переделов: а) коренной передел, когда изменяются число всех полос и ширина каждой полосы; б) жеребьевка, когда производится только обмен полос; в) переверстка, когда изменяется число полос между некоторыми хозяевами. Вопросы о технике переделов подчинены задаче выявления двух диаметрально противоположных тенденций — индивидуализма и коллективизма, а также соблюдение принципа уравнительности в общине. 3. Коллективные внутриобщинные интересы и обязанности общинников освещаются в трех разделах (IV, V, VI) — вопросы о формах сотрудничества в системе общины. В частности, составители стремились получить материалы, которые бы экономически обосновали групповые объединения внутри общины для совместного ведения хозяйства (№ 84). Поэтому ВЭО поставило перед местными исследователями задачу собрать максимальное количество фактического материала о крестьянских поземельных отношениях, «основанных не на законе, одинаковом для большинства местностей, а на местных обычаях». 4. Податная роль общины (раздел VII). 5. В разделе VIII основное внимание уделяется правам и обязанностям общинников по отношению друг к другу и к «миру» в целом, а также влияние «мира» на жизнедеятельность отдельного крестьянского двора. В частности, становится ясной позиция сельского схода по отношению к умножающимся семейным разделам, отрицательно влиявшим на податные функции общины. 6. Ряд вопросов программы был составлен для выявления экономической дифференциации в общине и в связи с этим изменения в правовом статусе отдельных общинников, отраженного к моменту обследования в обычном праве.

Первый вариант программы был утвержден 22 мая 1878 г. и отпечатан в 1200 экз. Он состоит из 11 разделов и 143 вопросов с комментариями. Разделы: I. Состав общины. II. Способы пользования общинной землей: а) захватный способ; б) переделы общинной земли. III. Порядок переделов. IV. Устройство общих хозяйственных дел. V. Общинная обработка земли с дележом продукта. VI. Состояние полеводства в общине. VII. Платежи и повинности, лежащие на общине. VIII. Юридические отношения членов общины. IX. Положение посторонних лиц в общине. X. Отношения отдельных общин между собой. XI. Переход от общинного владения к участковому и от участкового к общинному. Программа предусматривала сбор данных о конкретной общине, справедливо предполагая, что общинные порядки могут иметь принципиальные отличия даже в пределах одной губернии. Программа снабжена примечаниями, разъясняющими сущность вопросов на примерах. Такая

² ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 601. Половцовы, № 853. Письмо Е. И. Якушкина А. В. Половцову от 6 апреля 1878 г. Вольным экономическим обществом эта программа не использовалась.

³ Программа для собирания сведений о народных юридических обычаях в Орловской губернии. Орел, 1876; «Орловские губернские ведомости», 1876, № 57, 58, 59.

методика была выработана в переписке А. В. Половцова и Е. И. Якушкина⁴. ВЭО планировало распространять программу прежде всего через губернские статистические комитеты, затем, через экономические и сельскохозяйственные общества на местах, редакции газет, а также привлечь частных лиц, связанных с ВЭО научной деятельностью.

В 1879 г. ВЭО решило переиздать программу. Второй вариант возник в связи с появлением новых теоретических работ по общине, новой информацией с мест обследования, а также в связи с опубликованием почти одновременно с программой ВЭО двух других: программы РГО и П. С. Ефименко, сотрудничавшего в статистическом отделении при Черниговской губернской земской управе. Так как все три программы индивидуальны и составители так или иначе общались в процессе их разработки, следует вкратце остановиться на каждой из них.

Программа ВЭО носила юридически-экономический характер. В программе Ефименко главное внимание сосредоточено на хозяйственной жизни общины и крестьянского двора. Эта программа в некоторых аспектах полнее первой: она предусматривала влияние национальных особенностей на жизнь общины (вопрос 125), интересовалась возможным наличием общинного землевладения в уездных и заштатных городах и посадах и их практикой переделов (вопрос 136). Последний вопрос включен из работы Е. И. Якушкина «Обычное право»⁵. Однако Ефименко нечетко определял объект обследования (им могла быть и община, и целая губерния), ориентировался только на внутренние губернии и не учитывал особенности окраин. Кроме того, детальность программы делала практически невозможным обследование — оно требовало много сил и материальных средств. О практическом использовании программы нет никаких сведений.

Первоначальный вариант «Опыта программы исследования помещичьей общины» Русского Географического общества составлен членом общества В. И. Чаславским. После обсуждения в ВЭО он был переработан и опубликован в августовском номере «Отечественных записок» за 1878 г., а также отдельным оттиском (500 экз.). Программа не получила распространения, иногда использовали ее фрагментарно⁶.

Второй вариант программы ВЭО разрабатывался при участии двух членов РГО — П. П. Семенова, директора ЦСК, под руководством которого в этот период проводилась Первая Всероссийская перепись землевладений, и председателя III Отделения статистики И. И. Вильсона. Новая комиссия работала в течение декабря 1878 г. — мая 1879 г.⁷ Программа принципиально не изменилась, но количество вопросов увеличилось до 155. Были учтены труды А. С. Посникова, В. И. Трирогова, П. С. Ефименко. В частности, первый раздел был дополнен вопросом из программы Ефименко о характере общинных отношений у крестьян-переселенцев. Во второй раздел программы добавлено два вопроса (15—16) об эволюции захватного способа крестьянского землепользования к передельному и о социальных группах — инициаторах переделов. Рас-

⁴ ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 601. Половцовы, д. 853. Письмо Анатолию Викторовичу Половцову от 21 февраля 1878 г.

⁵ Якушкин Е. И. Обычное право. Ярославль, 1875, вып. 1, с. 17.

⁶ На этом этапе РГО и ВЭО сделали попытку объединить свои исследовательские силы. Чтобы привлечь возможно большее внимание к обследованию на местах, РГО включило в программу по рекомендации ВЭО II часть — «Общие хозяйственно-статистические или справочные сведения по той местности, в которой находится община или селение». Затем вся работа по обследованию была сконцентрирована в ВЭО.

⁷ ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 601. Половцовы, № 80. Записная книга на 1879 год.

ширен также сюжет о способах обработки захваченных земель: самими пользователями или наемными работниками и в каком количестве. Ряд вопросов (23—28) прослеживает историческую тенденцию в технике переделов пахотных полей в зависимости от качества почвы, топографических особенностей местности, специфики угодий в общине. В третий раздел введен вопрос (№ 66) о группировке рабочей силы внутри общины в связи с переделами. Раздел VI претерпел значительные изменения: введено обширное примечание, в котором на основании наблюдений Посникова, Энгельгардта рассматривается т. н. принудительная обработка земли — *Flurzwang*. В примечании проводится точка зрения редакторов программы, в соответствии с которой *Flurzwang* — производное реформы 1861 г. В разделе VII расширены примечания в вопросах 105—106 и 109 на материале сообщений из «Пермских губернских ведомостей» за 1879 г. (№ 13—14), из сообщений Триогова в «Отечественных записках» за 1879 г. (№ 2). Значительно дополнен раздел VIII. В него введен вопрос 123 о принудительных функциях общины, а также расширены примечания в вопросах 138 и 141. В структуру программы внесены небольшие изменения. Таковы вкратце изменения в содержании и структуре второго варианта. Программа ВЭО распространялась так же, как и в 1878 г. Каковы же результаты обследования? В настоящее время невозможно установить точное количество экземпляров программы, отправленных из III Отделения ВЭО в губернские статистические комитеты, как и количество лиц, привлеченных к обследованию. Таким образом, динамику обследования мы можем восстановить только по имеющимся в архиве анкетам.

Первый вариант программы вышел отдельным оттиском в 1200 экз. Центральный статистический комитет получил 25 экз. Планировалось отправить по 10 экз. в губернские статистические комитеты, экономические и сельскохозяйственные общества; по 2 — в редакции газет; по 1 экз. должны были получить частные исследователи, с которыми ВЭО поддерживало научные связи и которые, как правило, являлись членами-сотрудниками ВЭО⁸. Затем следует иметь в виду, что программа была опубликована в «Трудах» ВЭО, вышедших в 1878 г. в количестве 1900 экз. Следовательно, с программой должен был ознакомиться значительный круг читателей. По сообщению члена комиссии А. В. Половцова, такого тиража явно не хватило, потому что в сентябре 1878 г., т. е. через два месяца после опубликования программы, в обществе была получена заявка от Новгородской земской управы на 300 экз.⁹ ВЭО смогли выслать только 10. Известно, что Виленский губернский статистический комитет перепечатал программу, сократив ее применительно к участковому землепользованию, и разослал мировым посредникам, которые распространяли ее в волостных правлениях. Второй вариант программы был опубликован тиражом 2400 экз.¹⁰ Однако количество полученных с мест обследования анкет невелико. В настоящее время мы располагаем 85 анкетами из 22 губерний. По отдельным уездам

⁸ На основании дневниковых записей 1878 г. А. В. Половцова мной установлено, что его личными стараниями в 1878 г. были налажены контакты с редакциями «Недели», «Нового времени», «С.-Петербургских ведомостей», «Голоса», «Новостей», «Русской правды», «Молвы», «Правительственного вестника». Из частных лиц программу 1878 г. получили: 40 экз. — П. А. Соколовский, несколько экз. — Якушкин, Картавцов и др. лица. — см. «Записная книга Анат. Викт. Половцова 1 янв.—22 дек. 1878 г.» Запись от 19 июня 1878 г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Шедрина, ф. 601, д. 79.

Положение о членах-сотрудниках ВЭО см. «Устав 1872 года», в кн. Проекты Устава ИВЭО. СПб., 1913, гл. III, о членах-сотрудниках.

⁹ См. «Труды ВЭО», 1879, т. 1, вып. 4, с. 524.

¹⁰ Отчет о действиях ИВЭО за 1879 г. СПб., 1880, с. 15.

есть материалы сплошного поволостного обследования. По-видимому, в архиве ВЭО большая часть полученных с мест обследования анкет сохранилась. А. В. Половцов свидетельствует, что было получено гораздо меньше анкет по сравнению с количеством разосланных программ¹¹. Кроме того, известно, что во введении к «Сборнику материалов для изучения сельской поземельной общины» указываются не включенные в него материалы, полученные в ВЭО до июня 1880 г., когда «Сборник» был подготовлен к печати. Сопоставляя эти данные с найденными в архиве анкетами ВЭО, приходим к заключению о высокой степени сохранности анкет, хотя есть сведения об утерянном описании Ново-Бурасовской общины Саратовской губернии¹². Результаты обследования Черниговской губернии также, видимо, утрачены. Часть анкет сохранилась не полностью. По дошедшим до наших дней фрагментарным сведениям из Вологодской губернии невозможно установить обследованный уезд и тем более общину¹³.

Выявим количественное соотношение опубликованных и неопубликованных анкет обследования. Всего в процессе обследования было опубликовано 13 анкет из 10 губерний. Первая официальная публикация материалов обследования была предпринята Вольным экономическим обществом в 1880 г. Общество подготовило первый том «Сборника материалов для изучения сельской поземельной общины», в который было включено 11 анкет из 9 губерний Европейской России. По губерниям Черноземной полосы в него вошли две анкеты из Данковского и Рязанского уездов Рязанской губ., две анкеты из Чернского и Тульского уездов Тульской губ., одна — из Купянского у. Харьковской губ., одна из Симбирского у. Симбирской губ. По Нечерноземной полосе имеем по одной анкете из Кинешемского у. Костромской губ., Осташковского у. Тверской губ., Крестецкого у. Новгородской губ., Порховского у. Псковской губ. Наконец, по северным губерниям — одна анкета из Холмогорского у. Архангельской губ. Часть анкеты из Новгородского у. Новгородской губ. (помощника П. И. Георгиевского об общине в с. Грузино той же вол.) и анкета из Слободского у. Вятской губ. (М. Куроптева о Федосеевской общине в Стуловской вол.) были опубликованы в частном порядке почти одновременно с отправлением их в ВЭО. Первая анкета — в «Слове» за 1879 г. (№ 1) под названием «Очерки быта одной сельской общины», вторая — в «Вятских губернских ведомостях» за 1879 г. (№ 15—16). Особо следует отметить анкету из Саратовской губернии и уезда по Тепловской общине, составленную на материале нескольких частных публикаций отставного унтер-офицера Галдыкина, в течение 12 лет прослужившего в имении Воронцова-Дашкова лесничим (анкета напечатана в «Саратовском справочном листке» в 1879 г.). Эти очерки, представляющие собой отдельные факты функционирования местной общины, были переработаны автором, снабжены новыми сведениями 1880 г. в соответствии с требованиями второго варианта программы обследования и отправлены в ВЭО¹⁴. Очевидно, что газетные очерки не являются публикацией анкеты обследования. Анкета из Казанской губернии от 1879 г., поступившая от губернского статистического комитета, содержала

¹¹ Это объясняется отчасти тем, что на местах властями чинились препятствия обследователям. Запросы из Саратовской, Смоленской и Архангельской губерний на документы-гарантии для обследователей, получаемые ВЭО, подтверждают это предположение. В связи с этим III Отделение ВЭО постановило 4 ноября 1878 г. ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о содействии. См. отчеты о действиях ИВЭО за 1878 год. СПб., 1879.

¹² ЦГИА СССР, ф. 91, оп. 2, № 778, л. 1 об.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 91, № 784, лл. 187—190 об., 164—186.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 91, оп. 2, 778, лл. 9 об.— 16 об.

опубликованную брошюру в 1879 г. в Казани с данными о землевладениях в Свяжском, Казанском (две волости), Тетюшском (две волости) уездах, собранными секретарем губернского статистического комитета Н. Н. Вечеславовым по программе обследования землевладений МВД и им же обработанными. Приложенную к анкете брошюру я исключаю из ее состава, потому что сведений о функционировании общины в ней не содержится. Опубликованные в «Сборнике» анкеты частично использовались в статье П. Н. Зырянова «Обычное гражданское право в пореформенной общине»¹⁵. Упоминания о публикации находим в работе В. В. Орешкина «Вольное экономическое общество в России 1765—1917. Историко-экономический очерк», в кандидатской диссертации Д. А. Тарасюка «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России как источник» в связи со статьей П. П. Семенова о Мураевенской волости¹⁶.

Рассматриваемый в данной статье неопубликованный материал расширяет географию обследования до 21 уезда Черноземной полосы и до 19 уездов Нечерноземной полосы и дает обширные сведения по семи уездам Архангельской губернии. Неопубликованные материалы обследования не были обобщены. Архив ВЭО не обработан до настоящего времени.

Назовем губернии, сведения о которых отражены только в неопубликованных анкетах. Это — Владимирская, Вологодская, Екатеринославская, Казанская, Курская, Московская, Пермская, Петербургская, Самарская, Саратовская, Томская, Ярославская. Эти двенадцать губерний дают сведения по общинам 23 уездов и 45 волостей Российской империи. Установим, что нам дают неопубликованные анкеты по губерниям, частично представленным в опубликованных материалах. Эти анкеты из губерний: по Новгородской мы получаем дополнительные сведения о функционировании общин еще в трех волостях Устюжского уезда. По Тульской — еще две анкеты из Новосильского и Богородицкого уездов, а также описание общины из Сергиевской и Хрущевской волостей Тульского уезда, уже представленного одной опубликованной анкетой. По Рязанской губернии — анкету из Пронского уезда. По Симбирской — описание еще одной общины Ундоровской волости Симбирского уезда. По Архангельской губернии к опубликованной в «Сборнике» анкете из Холмогорского уезда прибавляем еще 7 анкет из семи волостей этого уезда, а также 19 анкет из Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Шенкурского уездов с обследованными 17 волостями. Следовательно, к опубликованным анкетам из 8 волостей и уездов перечисленных пяти губерний, мы прибавляем еще описание общин из 32 волостей и 10 уездов тех же губерний. Таким образом, неопубликованные материалы дают сведения о функционировании пореформенной общины в общей сложности в 80 волостях, 36 уездах 17 губерний Российской империи. Сведения о четырех губерниях, полученные в ВЭО после опубликования «Сборника», не зафиксированы нигде. Речь идет об анкетах от 30 октября 1880 г. из Красноуфимского у. Пермской губ., от 1 ноября 1880 г. из Лужского у. Петербургской губ., от 1 июля 1880 г. из Тульского у. Тульской губ., от 28 октября 1881 г. из Тетюшского у. и от 12 ноября 1882 г. из Чебоксарского у. Казанской губ. Далее, три анкеты из Ярославской губернии, в которой обследование проводил член

¹⁵ Ежегодник по аграрной истории. вып. VI (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976.

¹⁶ Тарасюк Д. А. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России как источник. Канд. дис. М., 1972.

комиссии по обследованию общины в РГО Н. В. Калачов, получены в период обследования — одна в 1878 г. и две в 1879 г. — также нигде не отмечены.

Общее количество обследованных общин значительно превышает количество анкет. Чтобы учесть все представленные в анкетах общины, мы в первую очередь группируем анкеты, в которых собраны сведения о функционировании только одной общины, затем те анкеты, в которых есть сведения о группе близко расположенных общин с идентичной системой землепользования, но с подробным описанием одной из них. Далее изучаем те анкеты, в которых дается сравнительное описание нескольких общин, расположенных в одной волости, разных волостях или уездах. И, наконец, те анкеты, в которых зафиксированы сведения обследования на обширной местности — это может быть подробно исследованная волость или ряд волостей одной губернии. В них отражены многолетние наблюдения, предусмотренные программой обследования, и сообщаются сведения, не предусмотренные программой обследования. В итоге выясняется, что в нашем распоряжении имеются сведения о функционировании 784 сельских поземельных общин 107 волостей 36 уездов. Содержание этих анкет раскрывает региональные особенности положения общинного землевладения в России после реформы 1861 г.

Для методики анализа содержания анкет принципиальное значение имеет выяснение степени представительности данных по отдельным общинам для волости, уезда и губернии. Мы последовательно выяснили по каждой губернии (а внутри ее по уезду и волости) количество общин, охваченных обследованием (см. табл. 1).

Таблица 1

Число обследованных общин*

Название губернии	Количество обследованных			Название губернии	Количество обследованных		
	уездов	волостей	общин		уездов	волостей	общин
Вятская	1	1	1	Новгородская	3	5	7
Екатеринославская	1	3	3	Пермская	3	3	11
Курская	1	1	1	Рязанская	3	3	26
Петербургская	1	1	1	Самарская	3	3	2
Псковская	1	1	1	Итого...	3	14	46
Саратовская	1	1	1	Вологодская	4	15	87
Симбирская	1	1	2	Казанская	4	24	339
Тверская	1	1	1	Тульская	4	6	6
Томская	1	5	1	Итого...	4	45	432
Харьковская	1	1	2	Архангельская	7	24	68
Ярославская	1	2	4				
Итого...	1	18	18				
Владимирская	2	2	3				
Костромская	2	2	2				
Московская	2	2	2				
Итого...	2	6	7				

* В значительной части анкет зафиксированы статистические данные далеко не всех одновременно обследованных общин, если в них совпадали поземельные порядки. Многие исследователи на местах располагали ограниченными статистическими данными. Поэтому в данной таблице приводятся находящиеся в нашем распоряжении данные об общинах полностью по программе обследования ВЭО. Итак, в таблице приведены 5 групп, в которых соответственно обследованы по 1, 2, 3, 4 и 7 уездов.

Неравномерность обследования объясняется, на наш взгляд, во-первых, экономическим положением крестьянства каждой конкретной губернии, обусловленным главным образом реформой 1861 г., а также податной политикой правительства. В результате в течение 70-х годов правительством пристально изучались причины растущего дефицита в платежах пореформенной деревни в губерниях Архангельской, Новгородской, Петербургской, попавших в полосу жестоких неурожаев 1867—1868 гг., в Тверской, Псковской, Костромской и др.¹⁷ Во-вторых, такая неравномерность объясняется приобретенным опытом статистических обследований в губернских комитетах. В частности, в Тульской губернии сотрудник статистического комитета В. М. Борисов был автором двух анкет для ВЭО и земский статистик в Тульском уезде в 1879—1881 гг.¹⁸

Существенным элементом анализа «качества» анкет являются такие их внешние характеристики, как время их составления, авторство и структура. Крайние даты обследования определяем декабрем 1877 г. — 1880 г. На каждой анкете имеется отметка о дате отправки в ВЭО и указание на приблизительные временные границы сбора данных. 80 анкет явились результатом непрерывного обследования одним лицом. Но есть и другие случаи. В Томской губернии обследование выборочной общины проводилось в два приема — в 1878 и 1879 гг., при этом обследователь использовал только один вариант программы. В Новгородской губернии обследование Лукинской общины Устюжского уезда проводилось в 1878 г. по первому, а в 1879 г. — по второму варианту программы. В Казанской губернии уезды Цивильский и Чебоксарский обследовались в 1879 и 1882 гг. только по второму варианту программы. В Архангельской губ. Холмогорском у. обследовалась Яковлевская волость из 11 общин по первому и второму вариантам программы в декабре 1879 г. Исключив из общего количества анкеты из Владимирской, Костромской, Симбирской, Самарской, Харьковской губерний, в которых обследование было завершено в течение 1878 г., сгруппируем полученные в течение 1879—1882 гг. анкеты в соответствии с первым и вторым вариантами программы ВЭО. Итоги анализа таковы: 12 губерний обследовалось по первому варианту. Только первым вариантом в течение этого времени пользовались в губерниях — Вологодской, Вятской, Екатеринославской, Курской, Пермской, Рязанской, Ярославской. Вторым вариантом пользовались в девяти губерниях, только им, в Московской, Петербургской, Псковской, Тверской. Оба варианта программы распространялись в пяти губерниях: Новгородской — в 1879 г., Тульской — в 1879—1880 гг., в Казанской — в 1879—1882 гг., в Симбирской — в 1878—1879 гг., в Архангельской — 1878—1880 г.

Группировка анкет в соответствии с двумя вариантами программы позволила выявить дополнительные сведения: в Новгородской губернии прибавляется обследование общины в Крестецком у. В Тульской губер-

¹⁷ Из них необходимо назвать утвержденную 21 декабря 1871 г. Комиссию Главного комитета об устройстве сельского состояния и Государственного совета для обследования применяемых на местах мер принуждения недомочных хозяйств к платежам. Работу проводили губернские по крестьянским делам присутствия, губернские земские управы и казенные палаты. Затем, комиссия для исследования податного положения Новгородской губ. в 1874—1876 гг. и две комиссии для обследования в Петербургской губ. в 1874 г. от министерств финансов и внутренних дел. Следовательно, не случайно, что из перечисленных губерний ВЭО получило многочисленный и более качественный материал. О деятельности комиссий см.: Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.). Л., 1972, с. 94—95, 110—111.

¹⁸ Фортунатов А. Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства. В кн. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. т. I. М., 1892, с. VII, XXXV.

нии — сведения из Чернского, Новосильского, Богороднического уездов. В Симбирской губернии углубленно исследовалась одна Ундровская волость Симбирского у. по программе двух вариантов. В Архангельской губернии секретарь мирового съезда г. Архангельска Л. С. Личков обследовал Яковлевскую волость по двум программам. В результате автором проведены интересные параллели с общинным землевладением в соседнем Онежском уезде. В Казанской губернии второй вариант программы получил большее распространение. По первому варианту были обследованы три волости в Мамадышском у. и одна — в Тетюшском, и получено 4 анкеты. По второму варианту — две волости Цивильского у. одновременно, две волости Чебоксарского у. одновременно, получено 5 анкет. В Архангельской губернии двумя вариантами пользовались одинаково активно. Следовательно, анализ анкет в соответствии с программами обследования общины позволил показать изучение общины вглубь в погубернском масштабе.

Самая высокая активность обследования отмечается в 1878 г. За пять месяцев года было получено 17 анкет из 12 губерний: Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Новгородской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Томской, Тульской, Харьковской, Ярославской. В 1879 г. из 14 губерний было получено 40 анкет (11 анкет из приступивших в этом году к обследованию губерний: Вятской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Московской, Пермской, Псковской). В 1880 г. эта активность резко падает, обследование практически завершается. Мы имеем 16 анкет из восьми губерний. Но вместе с тем в 1880 г. впервые получено по одной анкете из Тверской, Петербургской, Саратовской губерний. В 1881—1882 г. было получено две анкеты из Казанской губернии, когда работа над анкетами в ВЭО практически завершилась и обследование было свернуто. Они не имеют редакторской правки. 7 анкет из Вологодской и 2 анкеты из Архангельской губерний не имеют даты, но очевидно, что они составлены по первому варианту программы, а анкеты из Вологодской губернии не позднее 1879 г.

Содержание и структура анкеты определялись ее исполнителем — местным исследователем. ВЭО планировало провести обследование в основном через губернские статистические комитеты. Мы можем определенно назвать только пять губерний, в которых основную работу по обследованию выполняли статистические комитеты: Архангельская, Вологодская, Казанская, Курская, Пермская. В них обследование проводили квалифицированные сотрудники — секретари, помощники председателей, мировые посредники. Поэтому мы имеем анкеты с богатым статистическим материалом 1878—1880 гг.¹⁹ Вместе с тем в обследовании участвовали не всегда достаточно грамотные волостные писари, в поле зрения которых не попадали подчас даже требуемые программой данные о функционировании поземельной общины. Анкеты, выполненные высококвалифицированными специалистами, представляют особую ценность. П. П. Семенов обследовал 20 общин Мураевенской волости Данковского у. Рязанской губ.²⁰ Священник Е. Т. Соловьев обследовал два

¹⁹ Так, секретарь мирового съезда г. Архангельска Л. С. Личков занимался обследованием общинного землевладения в течение 1879—1880 гг. и подробно изучил в Холмогорском уезде семь различных в топографическом, социальном и экономическом отношениях волостей и отправил в ВЭО шесть анкет. Его обследование Семужинской общины включено в «Сборник» материалов для изучения сельской поземельной общины России.

²⁰ Источниками послужили: результаты 30-ти летних личных наблюдений волости, местный статистический материал — приходо-расходные книги, окладные листы, книги договоров, постановления волостных судов и сельских сходов — все это за несколько лет. Уставные грамоты, семейные списки. Статистический материал, посту-

уезда — Тетюшский и Мамадышский Казанской губ., в которых проанализировал 306 общин. Он участвовал в обследовании в течение 1878—1881 гг. и доставил в ВЭО четыре анкеты. Одновременно он являлся членом-сотрудником Отделения статистики РГО и изучал положение общинного землевладения по программе последнего. Автор ввел дополнительный раздел в программу ВЭО 1879 г. — XII. Степень материальной обеспеченности крестьянства. В разделе подсчитаны сведения о валовом доходе общины и в пересчете на ревизскую душу, на семью со средним числом душ 5, о расходах на питание и ведение хозяйства семьи. К этой же группе следует отнести анкету из Петербургской губ. Лужского у. Яблонецкой волости статистика К. Н. Ермолинского, преподававшего в Петровско-Разумовской земледельческой и Лесной академиях²¹. Анкета снабжена подробными статистическими таблицами: «Изменения в земельной собственности за последние 5 лет», а также приложениями-планами усадебных земель, пахотных полей, планами техники переделов полей в общине Сковородка. Аналогичным образом построена и анкета члена-сотрудника ВЭО А. Н. Зырянова из Пермской губ. Шадринского у. Далматовской волости²² и члена РГО Н. В. Калачова, исследовавшего в течение 1878—1879 гг. в Ярославской губернии и уезде три общины Курбской волости очень подробно²³. В анкетах, поступивших от членов научных обществ, на первый план выдвигалось исследование экономических процессов в общинах. Более эмпиричны анкеты, полученные от землевладельцев, связанных с ВЭО научными интересами. Мы имеем 16 анкет из 9 губерний: Новгородской — 5 анкет, по одной — из Псковской, Московской, Владимирской, Костромской, Симбирской, Харьковской, Самарской, 2 — из Тульской; по одной анкете от сельских учителей из Тульской и Рязанской губерний; от приходских священников из Казанской, Томской губерний — две анкеты, от служащих имений (Саратовская губ.), мелких торговцев (Московская губ.) — две анкеты; от публицистов (Рязанская губ.) — одна анкета. Все эти анкеты авторские, но сведений о самих авторах почти не дают.

Источники информации, которыми могли пользоваться исследователи на местах, сгруппируем следующим образом: 1. Официальные документальные материалы местного значения: уставные грамоты, семейные списки, приходо-расходные книги, окладные листы, книги договоров, постановления волостных сходов, постановления сельских сходов, хозяйственные планы. 2. Личные наблюдения авторов анкет. 3. Беседы с крестьянами. Названные источники в совокупности использовались преимущественно членами научных обществ, частично землевладельцами, а также священниками, учителями. Таких анкет 7. Губернские статистические комитеты в основной своей массе использовали документы первой группы, но, как правило, выборочно: приходо-расходные книги, окладные листы, уставные грамоты. Только в губерниях Новгородской, Казанской, где обследования общины проводились и раньше, привлекались все возможные виды информации. Частные исследователи имели ограниченные источники информации. Об этом многие указывали в сопроводительных письмах к анкетам.

В значительной части анкет зафиксированы статистические данные далеко не всех одновременно обследованных общин, если в них совпа-

пающий ежегодно в ЦСК, которым не могли располагать другие исследователи на местах. Этим объясняется высокая ценность данного очерка, к которому обращался К. Маркс. См. Архив Маркса и Энгельса, т. XII, 1952, с. 38—69.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 91, оп. 2, д. 782.

²² ЦГИА СССР, ф. 91, оп. 2, д. 775.

²³ Там же, д. 769.

дали поземельные порядки. Многие обследователи на местах располагали ограниченными статистическими данными. Поэтому в данной таблице приводятся находящиеся в нашем распоряжении количественные данные об общинах, описанных полностью по программе обследования ВЭО.

Таблица 2

Количество обследователей, проводивших сбор материалов
в губернии

Один обследователь	Число анкет	Несколько обследователей	Число анкет
Симбирская	2	Архангельская—18	26
Ярославская	2	Владимирская —2	2
		Вологодская —16	16
		Казанская —2	6
		Московская —2	2
		Новгородская —4	4
		Пермская —3	3
		Рязанская —3	3
		Самарская —3	3
		Тульская —5	6

Итак, в 12 губерниях из 22 обследованных мы имеем по несколько анкет, но в двух губерниях из рассмотренных 12 работали по одному обследователю. Во второй группировке показано 10 губерний, в которых работали разные обследователи. Они собирали материал или по собственной инициативе, совершенно независимо друг от друга, или централизованно направлялись губернским статистическим комитетом. В первом случае результаты обследования попадали прямо в ВЭО и, естественно, никакому контролю со стороны губернского статистического комитета не подвергались. Во втором случае, как в Тульской, Пермской, Вологодской и Архангельской губерниях, программы обследования распространялись статистическим комитетом, собирались результаты обследования, отдельные анкеты дорабатывались и отправлялись в ВЭО. Эти анкеты отличаются большей полнотой в разделе статистическом.

По структуре анкеты подразделяются на две группы: с заданной в программе обследования структурой и с индивидуальной структурой. 80 анкет составлено в соответствии с программой обследования, как и было задумано в ВЭО. Анкеты с индивидуальной структурой очень своеобразны по своему происхождению. Так, из-за отсутствия необходимых источников информации самарский землевладелец И. Д. Ковригин разработал модель общины по наблюдениям за поземельными отношениями двух уездов губернии. В анкете нет никаких статистических данных (даже сведений о величине общины), но фиксируются порядки переделов полей, состояние общинных учреждений, роль сельского схода, отдельные права и обязанности общинников²⁴. Такие анкеты также представляют интерес. В трех анкетах с индивидуальной структурой зафиксированы общины в упадке (с. Вашутино Московской губ., дер. Рылиха Владимирской губ., дер. Усаклы Самарской губ.)²⁵

Изложенная методика изучения уникальных материалов обследования позволила уточнить ряд принципиально важных вопросов. Выяснено, что общины были простые и сложные. Простые делились на

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 91, оп. 2, д. 770, лл. 12—14 об.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 91, оп. 2, д. 776, лл. 3—4 об., 32—35; д. 770, лл. 15—31 об.

общины-деревни и общины — часть деревни. Сложные состояли из нескольких деревень, деревни и выселка, деревни и части другой деревни²⁶. Выселок, как правило, ведет свое хозяйство отдельно от основной деревни и имеет отдельные земельные угодья. Он связан с основной деревней только налогообложением. Его связи с общиной ослабевают, в то время когда в общинах-деревнях и части другой деревни хозяйство основано на общем пользовании угодьями с основной деревней. Неопубликованные материалы значительно расширяют сведения о структуре пореформенной общины.

Например, в анкетах из Пермской губ. Кувинской волости обследованы сложные и крупные по величине общины. Община Мальцевская насчитывает 7 деревень и 9 выселков-починков, которые образовались в результате семейных разделов и переселения крестьян из других местий. Козьминская община объединяет 10 деревень и 9 выселков-починков²⁷. Эти общины могут быть отнесены к четвертому виду. В Вологодской губернии обследованы общины-волости Ростилловская и Огарковская²⁸. Изучение видов общин очень важно для анализа эволюции общинного землевладения в пореформенный период. Имеющиеся данные можно привлечь к изучению процесса выделения из системы общинного землепользования крестьянских дворов, выкупивших свой надел и образовавших выселки. В последних хозяйство может вестись и в системе подворного, и в системе общинного землепользования. Кроме того, мы имеем сведения о различных по величине общинах, например, от 12 душ в деревне Малая Любунь до 3656 душ в Дергачевской общине Самарской губ., от 29 до 476 душ в одной Степуриной волости Грязовецкого у. Вологодской губ.²⁹

Основная масса анкет дает сведения о передельной системе общинного землепользования. Вместе с тем в анкетах из Пермской и Архангельской губерний отмечается захватный способ землепользования, не сохранившийся в рассматриваемый период в губерниях Европейской России³⁰.

Затем зафиксирован факт ведения хозяйства на землях мещан и купцов уездных городов на основе общинной системы землепользования. Эти данные содержатся в описании Далматовской общины Шадринского у. Пермской губ.³¹ и в опубликованной анкете по Борокской общине Порховского у. Псковской губ.

Особенности функционирования общин, населенных до реформы 1861 г. различными категориями крестьян и, следовательно, вышедших из крепостной зависимости на разных условиях, мы можем изучать на материале анкеты Грузинской волости Новгородской губ. В нее вошли почти исключительно деревни бывших государственных крестьян и только две деревни — Малая Боярская Любунь и сельцо Пшеничище — населены бывшими помещичьими крестьянами. Автор рассматривает быт и организацию двух общин, развивающихся на протяжении двадцатилетнего периода в окружении государственных крестьян. Аналогичные данные содержатся в анкетах из Степуриной, Ведерковской, Раменской и других волостей Вологодской губ.³² Таковы новые данные о по-

²⁶ Для краткости в дальнейшем каждый из перечисленных видов получает порядковый номер. Всего их пять.

²⁷ ЦГИА СССР. ф. 91, оп. 2, д. 774, лл. 31—48.

²⁸ Там же, д. 784, лл. 291—321, 351—369.

²⁹ Там же, д. 770, лл. 3—8; д. 784, 80—135.

³⁰ Там же, д. 775, лл. 11—28.

³¹ Там же, д. 775, лл. 35—88.

³² Там же, д. 774, лл. 49—104; д. 784, лл. 80—135, 136—163, 187—190.

земельных общинных порядках, содержащиеся в неопубликованных анкетах.

Активность внутриобщинной жизни определяется исторической традицией в данной общине, видом общины, экономическим положением ее и губернии в целом и выражается в функционировании сельского схода и в том, в каком состоянии находятся общинные учреждения и общественные обязанности каждого члена общины по отношению к данному крестьянскому «миру», не подменяемые податными общегосударственными обязанностями. Документы обследования ВЭО показывают характер изменений в функционировании сельского схода: ослабевает влияние патриархальных традиций в новых экономических условиях на внутриобщинную жизнь — роль стариков на сельском сходе утрачивает прежнее значение. Меняется также влияние сельского схода на семейный быт и внутрисемейные интересы. Происходит распад большой патриархальной семьи. Выделяется «сильный» крестьянин, обладающий большим, чем другие однообщинники, влиянием в «миру». Возникает необходимость разрешать внутриобщинные вопросы помимо сельского схода.

Мы коснулись только нескольких методических вопросов изучения материалов обследования сельской поземельной общины. Обследование 1877—1880 гг. было проведено в общем комплексе мероприятий по развитию общегосударственной статистики в России. Вместе с тем это была первая и единственная после отмены крепостного права в России попытка силами научного общества и в научных целях осуществить обследование именно сельской поземельной общины в общегосударственном масштабе. Обследователи собрали значительный материал социально-экономического характера. Поскольку перед современным исследователем стоит задача установить по материалам обследования характер социально-экономических изменений в пореформенной общине и их масштаб в период утверждения капитализма в России, источниковедческое обеспечение решения этой задачи представляет важный этап исследования.

Л. В. МИЛОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПИСЦОВЫХ КНИГ {О концепции С. Б. Веселовского}

В историографии писцовых книг, этого уникального фонда массовых источников русского средневековья, создалась довольно необычная ситуация. Сложность состава источников, неясность технических обстоятельств измерения земель и принципов создания так называемого «сошного письма», отсутствие систематических данных о писцовом делопроизводстве — все это сделало, вот уже на протяжении ста с лишним лет, проблему достоверности писцовых книг одной из основных при изучении и использовании этого источника. Особенно активно обсуждалась она в русской дореволюционной историографии. Это обсуждение привело к постепенной поляризации точек зрения. И, если одна из них была аргументирована в исследованиях, в основу которых легли писцовые книги

как массовый статистический источник (например, работы Н. А. Рожкова и Ю. В. Готье)¹, то другая, скептическая точка зрения ярче всего отразилась в фундаментальном исследовании С. Б. Веселовского «Сошное письмо», где представления о писцовых книгах как русском поземельном кадастре были основательно пересмотрены². Согласно концепции С. Б. Веселовского, все «измерения» писцами площадей сельскохозяйственных угодий означали лишь условные компоненты условной системы фискального обложения.

В советской историографии писцовые книги и их разновидности длительный период не привлекались в качестве источника, фиксировавшего площадь земельных владений, возможно, под влиянием трудов С. Б. Веселовского. Определенный поворот намечился лишь в последние годы. Однако странное дело: ни в одной из работ, использовавших писцовые материалы как данные земельных обмеров, до сих пор не была разобрана концепция С. Б. Веселовского. Даже в обширном коллективном труде по аграрной истории Северо-Западной России, конца XV—XVI вв., взглядам С. Б. Веселовского не уделено ни строчки. Во многих работах молодых исследователей, затрагивающих вопросы достоверности различных категорий показателей писцовых книг, царит изрядная путаница. Некоторые из них находятся под влиянием скептических взглядов выдающегося историка.

И действительно, в монографии С. Б. Веселовского вопрос об условности статистических данных названного источника поставлен весьма серьезно и игнорировать его просто невозможно. Отправным моментом в развитии его концепции послужило изучение вопроса о так называемой «живущей» или «дворовой четверти». До выхода работы С. Б. Веселовского эта категория расценивалась историками как важный этап в переходе от поземельного принципа обложения налогами к подворному. Указы о «живущей чети» вышли целой серией — с 1620 по 1632 г. Нововведение, содержащееся в них, сводилось к тому, что за единицу обложения отныне бралась группа (определенное число) крестьянских и бобыльских дворов. В указах, предназначенных для разных районов Русского государства, численность этой группы дворов была неодинаковой. Известно около десятка вариантов сочетаний чисел крестьянских и бобыльских дворов, составлявших так называемую «живущую четверть». В конечном счете, преобладающими нормативами «живущей четверти» стали сочетания 8 крестьянских и 4 бобыльских дворов или 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов для владений светских феодалов и сочетания 6 крестьянских и 3 бобыльских дворов или 9 крестьянских и 6 бобыльских дворов для владений духовных феодалов³. Конкретное применение нормативов неизбежно вызывало перерасчеты, при которых крестьянский двор являлся эквивалентным 2 бобыльским дворам, а иногда 1,5 бобыльским дворам. Таким образом, в основу налогообложения теперь было положено дворовое число, а не пространственная

¹ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Очерк по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2. М., 1937.

² Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства, т. I—II. М., 1915—1916.

³ На практике эти нормативы выполнялись с большими отклонениями. Так, в писцовой книге письма и меры Тимофея Васильева сына Измайлова с товарищи 1621—1625 гг. по Арзамасскому уезду «живущая четъ» составляла: 1 кр. двор (с. 168), 1 кр. двор и 2 боб. двора (с. 181—182), 2 кр. двора и 1 боб. двор (с. 87), 2 кр. двора и 2 боб. двора (с. 139), 3 кр. двора (с. 77, 204), 3 кр. двора и 2 боб. двора (с. 105, 142), 3 кр. двора и 6 боб. дворов (с. 78), 4 кр. двора (с. 130, 132), 8 кр. дворов (с. 99) и т. д.— Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. 15, вып. 8 Н. Новгород., 1915 (далее — ДНГУАК).

категория каких-либо сельскохозяйственных угодий. Это была фаза перехода к подворному обложению. Основной целью этого перехода было продиктованное исторической необходимостью включение в подвижный налоговый оклад огромного количества разоренных крестьян — бобыльского населения⁴.

С. Б. Веселовский выступил против подобной трактовки «дворовой (живущей) четверти». «Мнение, что „живущая четь“ служила переходом к подворному обложению, — писал он, — это досадный lapsus linguae, которому, однако, посчастливилось в литературе»⁵. Нормы «дворовой чети» не сумма дворов, а «отвлеченная норма оклада»⁶. Согласно С. Б. Веселовскому, «пашню паханую... стали определять (вычислять) по числу крестьянских и бобыльских дворов»⁷. Разумеется, зная типичный размер двора, т. е. хозяйства, можно вычислить примерное количество (норму) пашни, используемой им, и полученные расчеты распространить на группу дворов («дворовую четь»). Но, как только мы сопоставим ориентировочное количество пашни, необходимое одному двору или группе дворов, с буквальным значением четверти (чети) как 0,5 десятины в одном поле, то сразу выявится абсурдность этой идеи: получится, что от 9 до 20 крестьянских дворов, взятых вместе, могут быть на наделе пашни в 1,5 десятины в трех полях. Именно поэтому С. Б. Веселовский настаивает на том, что «живущая четь» суть отвлеченная норма оклада. Таким образом, это и не «дворовое число», и не реальная пашня, и даже не доля ее.

Прежде всего С. Б. Веселовскому удастся как будто бы убедительно доказать, что так называемая дворовая четверть составляет часть системы «сошного письма», образуя наиболее мелкую расчетную часть «сохи»⁸. «Эти дворовые чети, — пишет он, — суть чети доброй земли, т. е. в поместных землях их идет на соху 800, а в монастырских — 600»⁹. «Очень легко понять, — рассуждает далее С. Б. Веселовский, — почему по указам 128—140 гг. (1620—1632 гг. — Л. М.) дворы приравниваются не сохам, а четям. Это объясняется тем, что обложение очень сильно возросло и сошные оклады настолько измельчали, что оклады отдельных поместий и вотчин не было возможности выразить в употребительных дробях сошного письма» (т. е. в долях сохи)¹⁰. Следовательно, введение дворовой чети есть чисто техническое усовершенствование того же самого сошного письма. «Главная цель дворовой чети состояла не в каких-либо новшествах, а в обновлении и сохранении разрушавшегося сошного письма»¹¹.

Выводы из этого тезиса имеют принципиальное значение: если «дворовая четь» — лишь восьмисотая или шестисотая часть сохи доброй земли, то сама соха (или «большая соха») не имеет ничего общего с земельным измерением и представляет собой некий индекс, точнее, систему индексов, отражающую платежеспособность сельского и городского

⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. К точке зрения А. С. Лаппо-Данилевского отчасти примкнул П. Н. Милюков. М и л ю к о в П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Реп. на кн. Лаппо-Данилевского. Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1892.

⁵ Веселовский С. Б. Указ. соч., т. II, с. 483.

⁶ Там же, с. 484.

⁷ Там же, с. 482.

⁸ В этом С. Б. Веселовский отчасти повторяет мнение П. Н. Милюкова, который считал, что «живущая четь» произошла из сошного письма. См. М и л ю к о в П. Указ. соч., с. 119—122.

⁹ Веселовский С. Б. Указ. соч., т. I, с. 13.

¹⁰ Там же, т. I, с. 13; т. II, с. 484.

¹¹ Там же, т. II, с. 481; т. I, с. 14.

населения Русского государства XVII в. Отсюда и так называемая «четвертная земля», т. е. комплекс хозяйственных угодий в поместьях или вотчинах, не есть измерение площади этих угодий, а лишь их условное обозначение. Таким образом, писцовые книги XVII в. не содержат никакой реальной информации о размерах полевой пашни («пашни паханой»), пашни запущенной («перелога»), поросших лесом земель, когда бывших пашней («пашня лесом поросла»), и т. д.

Именно эти идеи и доказывает С. Б. Веселовский в двух томах своего внутренне полемичного исследования. «Представление о посошном обложении как о чисто поземельном и о сохе, как об определенной мере пахотной земли, сильно мешали исследователям уяснить себе отношение дворовой чети к сохе... В действительности посошное обложение никогда не было чисто поземельным. Живущие сохи, выти и обжи суть условные величины, причем приемы определения их и характер условий были разнообразны и изменялись с течением времени. Приравнение того или иного числа дворов этим величинам было одним из приемов установления этих условных величин»¹². «Безразлично,— пишет С. Б. Веселовский,— будем ли мы себе представлять дело так, что живущая пашня в сошном окладе была частью действительной запашки, или что это было совершенно условное выражение тяглоспособности тяглых хозяйств, но несомненно, что ни в один период истории посошного обложения действительная запашка не совпадала вполне с пашней паханой, положенной в живущее»¹³.

Эта мысль неоднократно высказывается С. Б. Веселовским и подкрепляет его концепцию так называемой «посильности» обложения государственным тяглом. «Если бы за основу сошного оклада,— пишет он,— была принята пахотная или вся четвертная земля, то посошное обложение с некоторыми оговорками можно было бы признать поземельным, но в действительности так не случилось»¹⁴, «пашня паханая не была решающим объективным признаком при определении окладов, с которых тяглые люди должны тянуть тягло»¹⁵. «Основным принципом сошного тягла была его посильность, важнейшими признаками которой были пашня, угодья, животы, торги, промыслы и т. д. Число и качество дворов были признаками силы, а приравнение их к той или иной окладной единице было приемом фиксирования представления о силе, было нормой силы»¹⁶. Полагая, что в основе обложения лежал не один, а целый ряд признаков, С. Б. Веселовский вместе с тем не был склонен отводить и им роль объективных критериев. «Посильное тягло имеет,— писал он,— определенно выраженный субъективный характер: обложению подлежат не земли и угодья, не животы, не торги и промыслы и т. п., взятые порознь или в совокупности, сами по себе, а индивидуальная тягловая сила тяглеца-хозяина. „По человеку глядя“, „по людям“— вот самое краткое и определенное выражение идеи индивидуально-посильного тягла»¹⁷. Следовательно, «живущие» (т. е. подлежащие обложению) четверти пашни «паханой» не индекс действительной запашки, а индекс, субъективно оценивающий целый ряд признаков тяглоспособности. Заняв такую позицию в отношении принципов налогообложения, С. Б. Веселовский неизбежно экстраполирует ее и на все периоды писцового описания земель. Таким образом, речь идет не просто о существовании четвер-

¹² Там же, т. I, с. 13.

¹³ Там же, с. 22.

¹⁴ Там же, т. II, с. 352.

¹⁵ Там же, с. 343.

¹⁶ Там же, т. I, с. 233.

¹⁷ Там же, т. II, с. 79.

ти пашни паханой, а обо всем комплексе угодий, в большей или меньшей мере вовлекаемых в хозяйственный оборот и представляющих, по писцовым книгам, так называемую четвертную землю (измеряемую в четвертях) и угодья (измеряемые десятинами). «Четвертная земля сама по себе,— подчеркивает С. Б. Веселовский,— была величиной условной. Условности исследованы выше: 1) условность счета земель в поле, а в два потомуж, 2) дача и счет некоторых угодий „за четвертную пашню“, 3) наделенне четвертной землей, угодьями и 4) одабриванье земель по их качеству и по угодьям, приписанным к ним. Пройдя через эти приемы, четь поместной дачи, вотчины или тяглого участка переставала быть реальной величиной и становилась условным техническим термином определения размеров служилых и тяглых участков»¹⁸. «Раз понятие живущей пашни паханой, положенной в тягло, с течением времени стало совершенно условным способом выражения тяглоспособности, то и все остальные части тяглых участков, входящие в состав пустого сошного письма, как-то: наезжая пашня, перелог, лесная поросль и т. п., становились в большей или меньшей степени условными»¹⁹. Наконец, еще более определенная формулировка: «чети земли пустого и живущего сошного и вытного письма были условным выражением действительных размеров тяглых и служилых участков»²⁰, «не следует представлять себе, будто писцы клали в живущее и пустое сошное письмо чети пахотной земли, взятые сами по себе»²¹. Таким образом, вышеприведенные положения С. Б. Веселовского сводятся в сущности к отрицанию писцовых книг XVII в. как поземельного кадастра, как исторического источника, регистрирующего площадь важнейших сельскохозяйственных угодий.

Наиболее общий тезис концепции С. Б. Веселовского об условности данных писцовых книг по величине земельных угодий вызывает возражения прежде всего общен исторического характера. Данные писцовых описаний XVII в. оценивались потомками именно как данные, фиксировавшие размеры площадей важнейших земельных угодий. Убедительный пример тому — так называемые «офицерские описи», представляющие собой описание монастырских владений (а также владений церковных иерархов), сделанное в канун секуляризации в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в. При регистрации земельных владений офицеры, проводившие описание, непременно привлекали данные писцовых книг, сверяя при этом не только границы владений, но и размеры земельных угодий, позднейшие изменения фиксировались, дополняя цифры писцовых материалов.

Писцовые книги как документы, дающие информацию о величине земельных угодий феодальных владений, использовались и в ходе Генерального межевания. Особенно важно подчеркнуть, что при этом в многочисленных спорных делах землемеры использовали данные писцовых книг о земельных площадях угодий. С. Б. Веселовский считал, что условности сошного письма ввели в заблуждение составителей Межевой инструкции 1766 г., которые почему-то переводили в пространственные измерения такие понятия, как «коробья» и «обжа», одновременно не принимая за реальную земельную величину «соху»²². На наш взгляд, статья 19 инструкции просто предупреждала землемеров, привлекавших в ходе споров данные писцовых книг, о необходимости различать чет-

¹⁸ Там же, с. 403.

¹⁹ Там же, с. 415; см. также с. 379.

²⁰ Там же, с. 392.

²¹ Там же, с. 379.

²² Там же, с. 379.

вертные измерения земельных угодий, а также измерения их в десятинах от сошного числа, чтобы не допускать их общего суммирования. Здесь нет и речи об отказе понимать «соху» как реальную величину.

Анализируя концепцию С. Б. Веселовского, нельзя не отметить непоследовательность позиции ученого. Отстаивая свой взгляд на условность существования норм сошного оклада и его исходных компонентов, он вместе с тем в ряде высказываний дает основание считать, что в XVI столетии система государственного фиска этой условности еще не приобрела. «С течением времени, — пишет С. Б. Веселовский, — живущая пашня, подлежащая тяглу, все более расходилась с действительной запашкой и становилась все более и более условным и формальным понятием»²³. Следовательно, все же допускается период, когда живущая пашня была реальным критерием поземельного кадастра. Возражая против поземельного характера системы фиска, С. Б. Веселовский подчеркивает, что прежде всего «незнакомство с позднейшей историей сошного письма и, в особенности, неправильное представление о позднейшем посошном обложении как о земельном помешали В. Владиславлеву и И. Н. Миклашевскому стать на прочную почву и выяснить сущность вопроса»²⁴. И здесь в основе рассуждения можно усмотреть предположение о том, что в истории сошного письма есть два разных периода и что лишь в позднейший период оно, по его мнению, приобрело субъективно-посильный характер. Эти оговорки ученого являются, на наш взгляд, невольным свидетельством неопровержимости представлений историков о характере организации податной системы середины XVI столетия. И в самом деле, при всей сложности эволюции и генезиса «сошного письма» невозможно себе представить «большую московскую соху» в момент ее декретирования ничем иным, как реальной в своей основе единицей земельной площади. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, разряды земель. Частновладельческие, монастырские, черные и дворцовые владения различались между собой главным образом именно тем, что платили одну и ту же сумму налогов с разных площадей земли, учтенной как «четвертная пашня». На 800 четвертях в поле (1200 десятин в трех полях), составляющих соху, жило и хозяйствовало больше людей, чем на 600 четвертях в поле (900 десятин в трех полях), и поэтому обложение для поместий и вотчин «служилых людей» было более льготным, чем для монастырских феодальных владений. Система «кодабривания земель», развившаяся преимущественно в XVII в., при всех осложняющих моментах могла опираться только на реальное измерение площади хозяйственных угодий. Думается, напрасно С. Б. Веселовский полагал, что «самая идея о среднем нормальном урожае для той или иной местности... была... недоступна приказным Московского государства»²⁵. Вероятно, это лишь оговорка ученого. Бесспорно, народный опыт хозяйствования выработал эти нормы для каждой местности, и писцы так или иначе опирались на этот опыт, подразделяя земли на «худые», «средние» и «добрые»²⁶.

Наконец, в основе суждения С. Б. Веселовского о том, что на протяжении XVI—XVII вв. происходил процесс измельчания норм окладов, несомненно, лежит допущение изначального соответствия оклада дейст-

²³ Там же, с. 404.

²⁴ Там же, с. 345. Разрядка моя. — Л. М.

²⁵ Там же, с. 356.

²⁶ Следует оговорить при этом, что подобная классификация земель всегда ограничена рамками того или иного региона страны и не действовала в масштабе всего государства. Поэтому «худая» земля одного района могла соответствовать «средней» земле другого.

вительным размерам запашки. По собственному признанию ученого, «уменьшение окладов живущего и расхождение между действительными размерами запашки тяглых хозяйств и пашней паханой живущего сошного письма происходили медленно и одновременно для отдельных местностей»²⁷.

Итак, в основе системы государственного фиска («сошного письма») в момент ее организации преобладал поземельный принцип обложения. Данный тезис С. Б. Веселовский, в конечном счете, не отрицает. Но, если это так, то явным алогизмом выглядит стремление ученого доказать отсутствие поземельного принципа обложения в самой изначальной системе единой организации «сошного письма» (ранний период генезиса фискальной системы в счет не идет). Это серьезнейший изъян в концепции выдающегося историка.

Излишне напоминать, что отрицание поземельного характера единой государственной системы фиска в XVI—XVII вв. несостоятельно и методологически. Производственной базой феодального общества той поры было земледелие, в сравнении с которым значение промысла и торговли было несущественным. Следовательно, степень развития земледелия была единственным возможным критерием платежеспособности населения в общегосударственном масштабе. Обсуждая идею податной реформы середины XVI столетия, такие крупные публицисты, как Ермолай-Еразм и Иван Пересветов, мыслили эту реформу именно как поземельную систему обложения.

В труде С. Б. Веселовского отрицание идеи поземельного обложения иллюстрируется преимущественно материалами по чернососному Северу, где земледелие не было, за исключением некоторых районов, основой крестьянского хозяйства, а также материалами ранних этапов генезиса фиска. Если же взять данные по другим территориям в периоды относительно нормального состояния земледелия, то все встает на свои места. Приведем, в частности, материалы писцового описания дворцового села Большого Мурашкина Нижегородского уезда 1624—1626 гг., где сошный оклад дан в вытах²⁸. Поземельный характер вытного обложения XVII в. резко проявляется при сопоставлении размеров вытного оклада поселения с ярко выраженным промысловым уклоном и второстепенной ролью земледелия, каким являлось Большое Мурашкино и соседнего с ним типично земледельческого поселения — Малого Мурашкина²⁹ (см. табл.).

Распределение вытных окладов в 1624—1626 гг.

Села	Размер вытного обложения (в %)				
	четы	1/2 четы	1/4 четы	1/8 четы	итого
Б. Мурашкино	3%	24%	50%	23%	100%
М. Мурашкино	23%	72%	4%	1%	100%

Из данных таблицы со всей очевидностью следует, что в богатом промысловом селе максимальная норма оклада в «четы выты» встречалась в 7 раз реже, чем в земледельческой деревне, оклад в полчети

²⁷ Веселовский С. Б. Указ. соч., т. II, с. 301.

²⁸ Выть С. Б. Веселовский оценивал так же, как соху и четвертную пашню: «живущая выть, с которой приходилось тянуть тягло, есть понятие совершенно условное» (Веселовский С. Б. Указ. соч., т. II, с. 464).

²⁹ Гейман В. Г. Боярин Б. И. Морозов и крупнейшие его вотчины села Мурашкино и Лысково Нижегородского уезда. В кн. Хозяйство крупного феодала-крепостника в XVII в. М.—Л., 1933.

выти — в 3 раза реже. И, наоборот, мельчайший оклад в $\frac{1}{8}$ чети в Б. Мурашкине составил 23% всех окладов, а в М. Мурашкине — только 1%. Разгадка подобного парадокса только в одном: вытное обложение носило прежде всего (как и сошное обложение в целом) поземельный характер. Поэтому в Б. Мурашкине, где издавна земледелие отошло на второй план и земельные угодья сократились, вытные оклады оказались ничтожными.

Такую же закономерность обнаруживают данные по другому промышленному селению Нижегородского края — с. Павлову. По сведениям отказной книги 1642 г., здесь на вытном окладе было 286 крестьянских дворов, а в окружающих село 20 деревнях было 298 крестьянских дворов. Крестьянские дворы с. Павлова были положены в 20 вытей, а примерно такое же число дворов 20 окружающих его земледельческих деревень было положено в 36 вытей, т. е. оклад их был почти вдвое выше³⁰. И вновь объяснение подобному соотношению кроется только в том, что в крупнейшем промышленном селении Нижегородского края, где был огромный процент бобыльского и даже просто непашенного населения, крестьянское население имело гораздо меньше пашенной земли и земельных угодий именно в силу того, что издавна было ориентировано на промысловый характер развития. Следовательно, и здесь сопоставление промышленного и земледельческого объектов фискального вытного обложения убедительно выявляет поземельный характер этого обложения.

Отрицая поземельный характер сошного обложения («сошного письма»), С. Б. Веселовский часто прибегает к материалам писцовых книг русских городских посадов, словно забывая, что включение посада в сошный оклад есть лишь частный случай применения «сошного письма», причем такой случай, где смысл поземельного обложения к XVII столетию действительно исчезает и остается лишь довольно нелепая условная терминология. Так, в 1624 г. в Ржеве Вслодимеровой на посаде считалось «сошного письма в живущем полполчети сохи и 10 чети пашни» (Разрядка моя. — Л. М.)³¹. Термин «пашня», как и счет на чети пашни и сохи пашни, реального значения здесь не имел, поскольку был механически применен, как и все «сошное письмо», к условиям города. Действительный учет платежеспособности городского населения опирался на общую зажиточность, на соотношение «лучших», «средних» и «младших» дворов посада, а их конкретная норма оклада, приравняваемая к сохе, определялась в каждом случае особо.

На всей системе государственного «сошного письма» в целом несколько не отражалось то обстоятельство, что из весьма солидного количества сох, строго соответствовавшего всей массе платежеспособного земледельческого населения страны, какое-то число отражает платежеспособность городского населения, подсчитанную по качественно иным признакам. Это станет вполне понятным, если вспомнить, что городское население Русского государства этой эпохи было крайне незначительным. Очевидно, что указанные отклонения, возникающие вследствие выбора критерия платежеспособности городского населения, не опровергают поземельного характера системы «сошного письма» в целом.

Как уже отмечалось, в основе всей концепции С. Б. Веселовского лежит мысль о том, что «под давлением тяжелых налогов сошные оклады отдельных боярщин и монастырских вотчин так измельчали, что их не было возможности выразить даже в самых мелких дробях сохи, бывших в употреблении в тогдашней сошной арифметике»³². Отсюда, по мнению

³⁰ Ротштейн О. В., Шилова Н. И. Павлово в XVII вв., Минск, 1930 г., с. 37.

³¹ Акты писцового дела, т. II, вып. I, М., 1917, № 78, с. 169.

³² Веселовский С. Б. Указ. соч., т. II, с. 484.

ученого, и появление чисто технического изменения — перехода от счета на сохи к счету на четверти (т. е. доли сохи).

Прежде чем анализировать этот тезис, остановим внимание читателя на соотношении в «сошном письме» понятий «живущего» и «пустого». Как известно, соотношение это весьма условно: «живущее» — это то, что несет тягло, а «пустое» — то, что не может или не несет тягла. Подчеркнем, что оба понятия, с точки зрения системы «сошного письма», должны быть в одном измерении, в одном масштабе. Если какая-либо пашня зачисляется в «живущее», она становится «пашней паханой» и измеряется четвертями. Если какая-либо пашня запустела или стала льготной, она зачисляется в «пустое» и также измеряется четвертями. В случае приравнивания одного рода земель к другому применялись определенные коэффициенты («переложную землю, где добре пашня заросла и земля не добра, в пашни место перелога давать перед лучшими землями в 1,5, а где буде добре худа, ино давать вдвое»³³). В писцовых книгах «пустое» фиксировалось не менее тщательно, чем «живое». Сам С. Б. Веселовский отмечал, в частности, что описание «пустых» и «порозжих» земель «сошным письмом» «имело не только фискальное, но и очень важное гражданско-правовое значение»³⁴. Таким образом, с точки зрения фиксации земель в писцовых книгах, а также их измерения «живущее» и «пустое» были, так сказать, равноправны.

Теперь попытаемся представить себе соотношение этих земель в «сошном письме» при том, что с течением времени, как это утверждает С. Б. Веселовский, писцы клали в «живущее» все меньшую и меньшую долю действительной запашки³⁵. Если допустить, что в «живущее» зачислялась лишь какая-то часть действительной пашни, то логично предположить, что остальное соответственно зачислялось в «пустое». Общее же количество земли оставалось неизменным. Так, видимо, должно было бы быть, если бы писцовые описания были земельным кадастром, а оклад «живущего» и «пустого» брал за основу площадь пашенной земли³⁶.

Допустив, согласно С. Б. Веселовскому, чистую условность системы «сошного письма», мы должны были бы столкнуться с какой-то иной механикой соотношения «живого» и «пустого». По мысли ученого, рост налогообложения приводил к тому, что в государственном аппарате появлялись какие-то компенсационные акции. В ответ на рост налогов писцы уменьшали долю оклада. Скажем, если на соху сумма налога возросла с одного до десяти рублей, то доля оклада, приходящаяся на крестьянский двор, вместе с тем уменьшалась, и взамен одной сотой сохи на него теперь падала тысячная доля этой же сохи, т. е. реальная доля налога могла и не измениться. Разумеется, пример этот грубо условен, но суть процесса, предполагаемого С. Б. Веселовским, передает правильно. В связи с этим непонятны причины, приводившие в действие этот механизм, ведь не могли же писцы, видевшие нереальность новых норм налогообложения, самостоятельно или под влиянием подкупов снижать нормы оклада так, чтобы, в конце концов, дойти до применения доли «чети» (например, до полосины чети, что равноценно $\frac{1}{3200}$ доли сохи доброй земли). Главное же состоит в том, что при подобном резком

³³ Там же, с. 395.

³⁴ Там же, с. 439.

³⁵ Там же, с. 464.

³⁶ В остро кризисные периоды конца XVI — начала XVII вв. так и было. Льготы по обложению выключали пашню паханую из «живущего», но непременно включали ее в пустое. Были и крайности, когда в «живущем» почти ничего не оставалось. Это были аномалии и на них система не была рассчитана, однако, поземельный принцип обложения сохранялся и в этом случае.

снижении долей оклада неясна судьба общего количества сох как основы доходной части бюджета средневекового государства. Если на соху раньше приходилось 100 дворов, а, допустим, через 50 лет — 1000 дворов, то при тогдашних темпах роста народонаселения оно увеличивалось за 50 лет не настолько, чтобы общее количество сох не изменилось: оно неизбежно должно сократиться! Таким образом, при увеличении роста налогообложения на соху общее количество сох сокращается, в известной мере нейтрализуя этот же рост. В таком самообмане приказных органов фиска не было никакой необходимости.

Введение в систему «живущего» понятия «пустой» сохи сильно осложняет картину и запутывает весь механизм. При увеличении «населенности» «живущей» сохи (со 100 до 1000 дворов) неясна судьба сохи «пустой». Если она оценивает запустение с тех же позиций, что и «жилая» соха (т. е. теперь «пустая» соха отражает размер земель, на которых могло бы жить до 1000 дворов), то число таких сох тоже неизбежно должно сократиться. А этот вариант, в сущности, аналогичен указанному выше.

С. Б. Веселовский подчеркивает и чисто техническую выгоду перехода на счет по четвертям (легче считать!), но и это не убеждает, так как в подобном случае можно было просто сохранить вытный счет, не отягощенный сложными дробями. Не чувствуется логики в предполагаемых мотивах реформы и при допущении существования прежней «пустой» сохи, т. е. одного масштаба с «живущей».

Для пояснения этих рассуждений приведем выдержку из писцовой книги 1621—1623 гг. по Арзамасскому уезду: «И всего в Бичаловском стану в поместьях: четыре села, тридцать четыре деревни, шесть починок, 32 пустыни, два селища, а в селех и в деревнях 112 дворов помещицких, 39 дворов людцких, 399 дворов крестьянских, 227 дворов бобыльских, а людей во крестьянских и в бобыльских дворах 795 человек, 82 двора пустых, 197 мест дворовых. Пашни паханые помещиковы 4095 чети с полуосминою, да наезжие пашни 1551 четь с осминою, да крестьянские пашни... живущего 148 чети с осминою, да перелогу и дикого поля и дубровы пашенные и что пашни лесом поросло 6141 четь бес полутретника. А всего пашни, и перелогу, и дубровы, и дикого поля, и лесом поросло 11 936 четверти и полполтретника в поле, а в дву потому ж. Земля добра. Сена... 16557 копен. Да дубровы непашенные 87 десятин. А сошного письма в живущем пол чети и полполчети сохи и недошло в сошное письмо четверти с осминою пашни. А в пусте 14 сох с полусохую и полчети и полполчети и полполполтreti сохи и четыре чети с полуосминою пашни»³⁷.

Обратим внимание прежде всего на то, что сумму «пустого» составляет «пашня паханая помещикова» (4095 чтв.), «наезжая пашня» (1551 чтв.), «перелог», «дикое поле», «дубровы пашенные» и «пашня лесом поросла» (6141 чтв.) — всего 11 787 четвертей. «Живущее» представлено 148 четвертями крестьянской пашни. Толкуя эти данные по С. Б. Веселовскому, мы допускаем условность всего счета на четверти, т. е. 148 четвертей «живущего» условно отражают земельные угодья, торговлю, промыслы, с которых платят налоги 399 крестьянских и 227 бобыльских дворов. Однако что же представляет собой «наезжая пашня», вошедшая в «пустые» сохи? Принимая одномасштабность измерения «живущего» и «пустого», мы вправе думать, что 1551 четверть наезжей пашни, будь она в «живущем», отразила бы платежеспособность свыше 3 тыс. крестьянских и 2 тыс. бобыльских дворов. Однако дворов этих в

³⁷ ДНГУАК, т. 15, вып. 8, с. 212.

книге нет. Нет и такого количества пустых дворов или дворовых мест. Кроме того, «наезжая пашня» — это пашня действующая, хотя нерегулярная и поэтому льготная. Стало быть, она обрабатывается, и при том реально фиксируемым в книге населением, в десятки раз меньшим, чем расчетное. Следовательно, предположение одномасштабности измерения «живущего» и «пустого» в данном случае приводит к абсурдным выводам. Что касается помещичьей пашни, также зачисленной в «пустое», то сама идея, считать ее площадь не реальной, а условной, нелепа. Трудно даже вообразить мотивы этой условности. Если суть перехода к дворовой чети в чисто техническом приеме и «пашню паханую» «стали определять (вычислять) по числу крестьянских и бобыльских дворов»³⁸, то какой же метод подсчета достался на долю помещичьей пашни? Ведь «дворовым числом» ее не определить!

Таким образом, остается единственное — признать, что данные об измерениях угодий, вошедших в писцовую книгу в состав «пустого», соответствовали их действительным размерам (о точности самого измерения сейчас речь не идет). Согласившись с этим выводом, читатель неизбежно придет к заключению, что тезис С. Б. Веселовского о переходе к так называемой «живущей дворовой четверти» как к чисто техническому приему вследствие уменьшения окладов, вызванных ростом налогообложения, является неправильным. Если же допустить, что счет «пустого» отражал реальные измерения запустевших угодий, а счет «живущего» был чисто условным индексированием степени платежеспособности населения, то утверждения С. Б. Веселовского о том, что «главная цель дворовой чети состояла не в каких-либо новшествах, а в обновлении и сохранении разрушавшегося сошного письма»³⁹, и что «указы 128—140 гг. (1620—1632 гг.—Л. М.) ...только давали объективные нормы как класть в живущее сошное письмо»⁴⁰, также не выдерживают критики. Ведь в писцовых книгах счет «пустого» и «живущего» одномасштабен: то и другое, как мы видели, в конечном счете, выражается в сохах и долях ее. Если же «живущее» дается в одних величинах, а «пустое» — в иных, то единая система сошного письма от этого не укрепляется а, наоборот, разрушается.

Здесь мы подходим к ключевому моменту, определившему ошибочность всей концепции двухтомного «Сошного письма» С. Б. Веселовского. Корень этой ошибки, на наш взгляд, состоял в том, что С. Б. Веселовский доверился источнику. Он поверил в существование в писцовых книгах, реализовавших указы о дворовой чети, единой системы сошного письма на том основании, что живущие чети включены в них в сошный счет.

Да, действительно, счет на дворовые четверти в писцовых книгах включен в систему сошного письма, и С. Б. Веселовский приводит многочисленные и убедительные тому примеры. Однако это не означает, что с введением «дворовой чети» единая система действительно сохранилась. На практике она разрушилась, и писцы давали счет «живущего» и «пустого» в сошном измерении чисто формально, пренебрегая несовместимостью того и другого. С. Б. Веселовский неоднократно в подтверждение своих мыслей приводит отрывок из указа 1632 г. о раскладе вытного счета в Заонежских погостах, где предписывается положить «в выти по 15 дворов крестьянских на выть, а в выть по 12 чети добрыя земли, а середняя и худшие земли класть по наказу, каков им (писцам.—Л. М.)

³⁸ Веселовский С. Б. Указ. соч., т. II, с. 482.

³⁹ Там же, с. 481.

⁴⁰ Там же, с. 486—487.

дан, а в сошное письмо положить против вытей»⁴¹. На первый взгляд, действительно, выть одновременно считается и на четверти, и на дворы. Отсюда и делается вывод о том, что если дворы — единица реальная, то четверти являются мифическими, т. е. не отражают какую-либо действительную площадь земли. Между тем возможна и другая трактовка текста, по которой «дворовая четверть» предназначена для «живущего», а четвертное (пространственное) наполнение выти — для «пустых» земель (перелога, наезжей пашни и т. д.)⁴². Этот принцип разномасштабного измерения применен, по нашему мнению, во всех писцовых книгах, где реализованы указы о «живущей четверти». Отсюда становится понятным, что, например, в писцовой книге 1621—1628 гг. по Арзамасу в Тешском стану на 716 крестьянских и 312 бобыльских дворов приходится 4956 четвертей помещицкой запашки (без наезда) и эта запашка реальна по своим размерам, прежде всего потому, что соразмерна людским трудовым ресурсам, фиксированным в книге⁴³. В то же время за упомянутыми крестьянскими и бобыльскими дворами числится лишь 246 «живущих четвертей», что не отражает ни реальную пашню, ни даже часть ее. Это типичный счет на «дворовые чети», т. е. на сумму дворов. Обстоятельством, усугубляющим трудность прочтения писцовых книг такого типа, является своего рода мимикрия: «живущая пашня» как «дворовое число» внешне предстает типичной пашней. Вот ординарный пример из писцовой книги по Чухломе 1628—1636 гг.: «И всего за боярином за Борисом Ивановичем Морозовым вотчины в Чухломском Окологородье сельцо да 3 деревни живущих, да 2 пустоши, а в них двор вотчинников, 16 дворов крестьянских, 8 дворов бобыльских, а людей в них 39 человек, пашни паханья вотчинниковы середняя земли 25 четьи, да крестьянские пашни 2 четьи, да перелогом 96 четьи, да лесом поросло 120 четьи. И всего пашни паханья и перелогом и лесом поросло середняя земли 243 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 294 копны, лесу пашенного 29 десятин, да непашенного лесу 29 же десятин, да лесу же непашенного в длину на 5 верст, поперек 3 версты; сошного письма в живущем 2 четьи да в пусте полчетьи и полполтрети и полполполчетьи сохи и четь с осминою и с полполтретником пашни»⁴⁴. В цитированном отрывке наряду с реальной цифрой помещицкой запашки в 25 четвертей идет исчисление живущей пашни, которая представлена как «крестьянская пашня» (2 четверти). На самом деле цифра в 2 чети есть производная от расчета нормы «живущей четверти» в 8 дворов крестьянских и 4 двора бобыльских. Общая сумма дворов во владении Б. И. Морозова (16 дворов крестьянских и 8 дворов бобыльских) и образует ровно 2 «чети».

Иллюзия учета пашни усиливалась тем, что счет (дворовый счет!) на «живущие чети» включался в общий счет. В сошное письмо он включался точно так же, как обычно посадские сохи, исчисленные по своей особой системе, включались в общий сошный оклад страны, опиравшийся на принцип поземельного обложения. Разница состоит в том, что, если общее число посадских сох было незначительным и не слишком сильно искажало общую картину, то особые принципы исчисления дворовой чети кардинально нарушили общую систему сошного письма, объединившую теперь два совершенно различных подхода к определению тяг-лоспособности. Когда-то стройная система отныне рухнула.

⁴¹ Там же, с. 475; Акты писцового дела, т. II, вып. 1, № 96, с. 213.

⁴² Среди прочих могут быть и такие случаи, когда в писцовые книги с дворовым счетом сохи или выти сведения о земле попали механически из приправочных книг.

⁴³ ДНГУАК, т. 15, вып. 8, с. 101.

⁴⁴ Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Июдиных (1613—1895 гг.), т. 1, XVII в. Дозорная, писцовая и переписные книги. Красноярск, 1902, с. 88—89.

Вот типичный пример подобного рода из книги по Чухломе: «И всего в волости в Великой Пустыне за помещики 53½ деревни да пол деревни без жеребья да 3 починка живущих, да 2 деревни пусты да 48 пустошей, да пол пустоши с жеребьем, да четь пустоши, да 2 займища, а в них двор помещиков, 98 дворов крестьянских, а людей в них 190 человек, 50 дворов бобыльских, а людей в них 84 человека, 28 дворов пустых, пашни паханая середняя земли 12 чети с осминою да перелогом 2349 чети с четверником, да лесом поросло 515 чети без четверика в поле, а в дву потому ж, сена 1154½ копны, лесу пашенного 263½ десятины, да непашенного лесу 23 десятины, да лесу же непашенного в длину пол семи версты, поперег 4 версты; сошного письма в живущем и в пусте 2½ сохи и треть полполтрети сохи и 2 чети без четверика, в живущем 12 чети с осминою пашни»⁴⁶. В приведенном итоге «пашня паханая» явилась результатом пересчета 100 дворов крестьянских и 50 дворов бобыльских в «живущие четверти» по норме 8 дворов крестьянских и 4 бобыльских, что округленно и дает 12 с половиной четвертей. Реальные же земельные измерения (четвертные) касаются перелога и пашни, поросшей лесом, что составляло 2864 четверти. В пересчете сошного письма, исходя из расчета 1000 четвертей средней земли в сохе, 2,5 сохи и треть и полполтрети сохи и 2 чети без четверика за вычетом «живущего» (12 четвертей) составят примерно 2864,5 чети. Таким образом, эта реальная площадь суммирована в итоге книги с качественно инородной цифрой (12 чети), пользоваться которой невозможно.

Вместе с тем чисто практические функции писцовых книг, реализовавших указы о дворовой чети 1620—1632 гг., не пострадали, ибо вся система фиска в последующие десятилетия базировалась только на данных о «живущем»⁴⁶. «Пустое» могло проявить себя лишь в перспективе, при определенном валовом описании. Можно предположить, что «живущая четверть» оказалась той бомбой замедленного действия, которая, в конечном счете, определила неудачу писцового описания 70—80-х годов XVII в. Именно в то время и потребовалось, в частности, соотнести «пустые» сохи 20—30-х годов XVII в. с «живущими», что оказалось невозможным в силу названных выше обстоятельств. Будущим исследователям потребуется кропотливая работа для выявления слоев достоверного исторического материала в писцовых книгах середины и второй половины XVII в., являющих собой книги с «живущей четвертью» второго и третьего поколений, где сочетания реальности и фикции могли принять еще более причудливые формы.

Таким образом, утверждая, что «приказные всегда имеют в виду и говорят, что они кладут дворы в сошное письмо, а не в какую-то особую окладную единицу — живущую четь», С. Б. Веселовский глубоко ошибался⁴⁷. «Живущая четь» была как раз особой окладной единицей несмотря на то, что действительно приказные клали ее в сошное письмо.

Между прочим, конкретные случаи, когда писцы при описаниях земель одновременно применяли системы, основанные на разных принципах измерения платежеспособности, приведены самим С. Б. Веселовским. Так, в Никольской слободке Коряжемского монастыря насчитывалось 222 крестьянских и бобыльских двора, что составляло в «дворовых вытях» «44 выти с полувытью без полполчети выти» или около 5 дворов в выти. В то же время в слободке было «пашни паханой худой земли 363 чети да наезжей... 2 чети», что составило «сошного письма в живу-

⁴⁶ Там же, с. 200—201.

⁴⁶ Это обстоятельство не вполне понял П. Н. Милюков. См. Милюков П. Указ. соч., с. 119—121.

⁴⁷ Веселовский С. Б. Указ. соч., т. 1, с. 13.

«живущие чети», ничего общего с первыми не имеющие. Иноземец полагал, что будет платить с 10 четей «четвертной земли», а оказалось все иначе. Сколько же у А. Гамильтона было четвертной пашни? Из доклада, составленного в Поместном приказе о посошном обложении иноземцев в Арзамасском уезде, мы видим, что в 1646 г. «отделено подполковнику Александру Гамельту в Арзамасском уезде в селе Красном, а в нем пашни 264 чети бес третника, 61 двор крестьянских». Тогда же поместье А. Гамильтона было положено в «живущие чети»: «...и только за подполковником за Олександром Гаментоном с товарищи те их поместья положить в живущую четь по государеву указу против Курмыша и Алатаря по 5 дворов крестьянских да по 3 двора бобыльских, и будет за подполковником за Александром в живущем 9 чети бес полуосмины и бес пол-полчетверика», (что в 1651 году А. Гамильтон и обжаловал)⁵¹. Отсюда следует вполне обоснованный вывод, что четвертная земля поместья в писцовом делопроизводстве (в данном случае в акте отказа) все-таки измерялась, что измерение велось в обычных четвертях в одном поле. Эти данные вносились в отказные, отдельные, писцовые и т. п. книги. Таким образом, природа «живущей чети» не имела ничего общего с природой четвертного измерения и измерения угодий в светских, духовных, дворцовых и черносошных категориях земель. Здесь особенно четко видна ошибочность рассуждений С. Б. Веселовского, который, усмотрев отсутствие поземельного характера такой категории оценки платежеспособности населения, как «живущая четь», перенес эту оценку на всю писцовую процедуру и отверг определение писцовых книг и их разновидностей как российского поземельного кадастра XVI—XVII вв. Подытоживая рассуждения, мы приходим к принципиальной оценке писцовых книг, созданных во исполнение указов 1620—1632 гг. о «живущей чети», как сложного и противоречивого источника. В писцовых книгах этого типа нет данных о крестьянской тягловой пашне ни в условной, ни в абсолютной форме. Сведения о ней являются лишь коварной иллюзией, многие десятилетия сбывавшие с толку некоторых исследователей и порождавшие ненужный скепсис. Все данные книг этого типа, касающиеся измерения тягла, включая и раскладку сошного (и вытного) письма, базируются исключительно на «дворовом числе» в самых различных его вариациях. В то же время все пространственные измерения, не имеющие непосредственного отношения к тяглу (размер помещичьей пашни, наезжей пашни, пашни перелогом и лесом поросшей, леса пашенного, дикого поля, сенокоса и т. д.), можно считать вполне достоверными как прямые данные о размерах различных угодий. Сошное письмо в книгах этого типа приобретает искаженный характер в тех случаях, когда подытоживает «живущее» и «пустое» в одной итоговой сумме, ибо поступать так, как поступали писцы того времени, все равно, что складывать килограммы с метрами. Однако следует еще раз подчеркнуть, что на практике налогообложения упражнения такого рода отрицательно не сказывались и новая система прожила в XVII в. не одно

⁵¹ Там же, № 79, с. 209—211. В том же документе приведены аналогичные данные по дачам других иноземцев. Так, «маюр Юрий Англер получил в селе Красном 53 крестьянских двора и 249 чети бес полуосмины пашни, а «в живущих четьях» обложен 7 чети с осьминою и пол-полтретника»; «капитан Ондрей Ментур в селе Красном и деревне Васильеве Враге — 47 крестьянских дворов, пашни 199 чети бес четверика, а обложен 6 чети бес полуосмины и бес пол-полчетверика»; прапорщик Иван Арфатов в том же селе Красном — 25 крестьянских дворов, пашни 101 четь бес полчетверика», а обложен в «живущих четьях» — 3 чети с осминою и бес пол-полтретника и т. д. (там же). Из документа с полной очевидностью следует, что чети пашни и «живущие чети» друг друга не заменяют и не имеют ничего общего. Четями пашни измеряли земельные угодья.

десятилетие⁵². Таким образом, к этому же типу писцовых книг принадлежат и многие писцовые книги второй половины XVII столетия.

Что же касается писцовых книг более ранней поры, то распространение на них условностей системы налогообложения, имеющей в основе «живущую четь», не имеет никаких оснований. Эта группа памятников имеет все черты типично поземельного кадастра, включая и данные о крестьянской тягловой пашне. Эти черты свойственны и книгам конца XVI — начала XVII в., когда в тягле оставалась ничтожная часть пашни.

Непризнание С. Б. Веселовским за писцовым делопроизводством характера поземельного кадастра имеет принципиальное методологическое значение, ибо оно ведет к отрицанию объективного характера критерия платежеспособности, легшего в основу всей системы, породившей такой массовый источник, как писцовые книги и их разновидности. Отвергнув такой объективный критерий платежеспособности, как площадь действующей и потенциальной пашни, С. Б. Веселовский вольно или невольно перенес центр тяжести всей системы писцового описания на так называемый субъективно-посильный принцип, согласно которому вся система писцового описания зависела не от формального (и тем самым объективного) критерия, каким была площадь земли, а от правильности оценки писцом «силы» того или иного крестьянского двора, т. е. критерия чисто субъективного. Избрав этот момент в качестве ведущего, С. Б. Веселовский логикой вещей приходит к мысли о решающей роли в писцовых описаниях (и в оценке писцовых книг как источника) так называемой добросовестности писца. Неслучайно многие и многие страницы «Сошного письма» посвящены деталям и обстоятельствам составления различных писцовых описаний. Отказав писцовым описаниям в объективном отражении действительности (размера действующей и потенциальной пашни), ученый неизбежно пришел к необходимости все проверять, наложив, таким образом табу на все непроверенное. Отсюда лозунг тщательной критики, граничащей с гиперкритикой такого источника, как писцовое делопроизводство. В свое время слишком резко, но в значительной мере правильную оценку этой тенденции, содержащейся в концепции С. Б. Веселовского, дал Г. Е. Кочин: «Агностицизм — подлинная основа глубоко критическому отношению к документам массовых явлений»⁵³. Объективный итог позиции С. Б. Веселовского — лишение историков возможности статистически обрабатывать писцовые книги. Ведь критически разобрать писцовые книги, сопоставить их с другими источниками историки могут в редких случаях, да и то лишь в какой-то, подчас незначительной части их материала, а все непроверенное подlezит запрету (!). Приходится заметить, что довольно много исследователей до сих пор добросовестно придерживаются точки зрения С. Б. Веселовского, явно преувеличивая значение проблемы достоверности писцовых книг и с удивительной пунктуальностью подмечая все существенные и несущественные неточности этого источника. Гиперболизация проблемы достоверности писцовых книг — прямой итог влияния концепции С. Б. Веселовского. Слов нет, проверять источник можно и нужно, но вместе с тем необходимо уяснить, что в основу писцовых описаний был положен формальный объективный критерий (площадь земли) и именно данное обстоятельство делает этот массовый источник в целом вполне приемлемым объектом статистической обработки.

⁵² В связи с этим важно отметить необходимость глубокого критичного подхода к подсчетам итогов писцовых книг XVII в., предпринятых в начале XVIII столетия. Тонкости в различии писцовых книг разных типов вряд ли улавливались канцеляристами Петровской эпохи. Между тем результаты этих подсчетов в последние годы активно вводятся в научный оборот.

⁵³ Кочин Г. Е. Писцовые книги в буржуазной историографии. В кн. Проблемы источниковедения, т. II. М.—Л., 1936, с. 183.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Б. Н. КАЗАНЦЕВ

В. И. ЛЕНИН О ПРОГРАММНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ РСДРП В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА [1895—1903 гг.]

В ленинском идейном наследии предреволюционного десятилетия значительное место занимают работы о положении пролетариата, его борьбе за насущные жизненные интересы. В середине 90-х годов XIX в. В. И. Ленин в первом варианте программы социал-демократической партии изложил не только политические задачи, но и сформулировал основные экономические требования, за которые предстояло бороться пролетариату России.

История разработки В. И. Лениным программных требований РСДРП в области охраны труда затрагивалась в ряде коллективных трудов, монографий и научных статей¹. Однако авторы многих исследований о деятельности В. И. Ленина в период зарождения марксистской партии в России ограничивались, как правило, перечислением требований в пользу рабочего класса, изложенных в ленинских проектах, не затрагивая истории их возникновения и не анализируя источников, использованных В. И. Лениным для написания программы-минимум. По существу не выяснен в литературе и вопрос о роли В. И. Ленина в создании «Рабочего отдела» искровского проекта РСДРП.

В настоящем сообщении предпринята попытка осветить роль В. И. Ленина в разработке программных требований в области охраны труда в период борьбы за создание марксистской рабочей партии в Рос-

¹ См.: Степанов М. Разработка «Искрой» проекта программы партии.— В кн.: Ленинская «Искра», 1900—1950. К пятидесятилетию со дня выхода первого номера. М., 1950; Кретов Ф. Д. Первая программа марксистско-ленинской партии. М., 1961; Лябин М. А. Разработка и осуществление программных положений КПСС в области охраны труда, социального обеспечения, здравоохранения и улучшения жилищных условий.— В кн. О программе КПСС, ч. I. Разработка и осуществление первой и второй программ партии. М., 1961; Касрадзе К. М. Очерк истории программы КПСС. М., 1962; История Коммунистической партии Советского Союза, т. I, М., 1964; Волин М. Ленинская «Искра» (1900—1903 годы). М., 1964; Потулов Б. М. В. И. Ленин и охрана здоровья советского народа. Л., 1967; Маслов Н. Н. Ленин как историк партии. Л., 1969; Костин А. Ф. Ленин — создатель партии нового типа (1894—1904 гг.). М., 1970; Грошева Е. А. Разработка В. И. Лениным программных положений партии в области здравоохранения. «Ученые записки» кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС, вып. X (6). По ленинскому пути. Л., 1970; Андреев В. Воплощение ленинских идей о социальном обеспечении в СССР. В сб. Вопросы социального обеспечения, вып. III. Под ред. Захарова. М., 1970; Ваганов Ф. М. Борьба В. И. Ленина за марксистскую программу РСДРП (1894—1903 гг.).— Вопросы истории КПСС», 1973, № 8; Соловьев А. Программные принципы марксистской партии нового типа.— «Коммунист», 1973, № 9 и др.

сии. Основными источниками для его написания послужили ленинские проекты партийной программы и работы В. И. Ленина, касавшиеся данной темы.

Теоретическая и практическая деятельность В. И. Ленина по изучению и обобщению опыта российского и международного рабочего и социалистического движения развертывалась в переломный период всемирной истории. В конце XIX в. в развитых капиталистических странах Запада и в буржуазно-помещичьей России происходил процесс перерастания капитализма в империализм, сопровождавшийся усилением эксплуатации рабочих и натиска капитала на жизненные условия существования рабочего класса. Капиталистический гнет, произвол хозяев, отсутствие цельной системы охраны труда на промышленных предприятиях царской России привели к обострению антагонистических противоречий и классовой борьбы между рабочим классом и буржуазией.

С середины 90-х годов XIX в. организованное стачечное движение под руководством революционной социал-демократии положило начало новому, пролетарскому этапу революционно-освободительной борьбы в России. Перед формировавшейся марксистской партией встала историческая задача — вооружить рабочий класс и социал-демократические организации страны программой революционной борьбы против царизма, помещиков, буржуазии. Инициатором разработки марксистской программы РСДРП выступил В. И. Ленин. Творчески развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса в новых исторических условиях, он создал учение о пролетарской партии нового типа, разработал ее основные положения, политические и организационные принципы, соответствующие целям и задачам рабочего класса России — революционному свержению самодержавия, ликвидации капиталистического строя и построению социалистического общества. По мысли В. И. Ленина, в главном теоретическом документе марксистов России необходимо было сформулировать «наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности...»²

Уже в то время В. И. Ленин уделял большое внимание формулированию конкретных требований в интересах рабочего класса. Разработка этих задач основывалась на тщательном изучении основных положений К. Маркса и Ф. Энгельса по рабочему вопросу, изложенных в «Манифесте Коммунистической партии», в работах «Критика Готской программы», «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.». Так, например, в 1896—1899 гг., т. е. в период написания первых вариантов партийной программы В. И. Ленин обращается к «Капиталу» К. Маркса³ и книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»⁴. Все это позволило ему применить положения основоположников марксизма в формулировке конкретных задач марксистской партии по руководству массовым рабочим движением в России.

В период разработки программных задач русской социал-демократической партии В. И. Ленин придавал большое значение вопросам ответственности и критического осмысления положительного наследия, содержавшегося в программных положениях социалистических партий Западной Европы и в социал-демократической мысли России. Вот почему он внимательно изучал программные документы и материалы западноевро-

² Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 214.

³ См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, 1870—1905. М., 1970, с. 124—125.

⁴ С этой работой Ф. Энгельса В. И. Ленин ознакомился еще до апреля 1897 г. (Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 172, Примеч.).

пейских социалистических партий и плехановской группы «Освобождение труда». Так, по свидетельству младшего брата Ленина Д. И. Ульянова, Владимир Ильич еще в 1894 г. имел у себя «Эрфуртскую программу» К. Каутского с комментарием к ней⁵. В. И. Ленин изучал и другие материалы, но установить все источники, которыми он пользовался при написании первых проектов программы социал-демократической партии, по сохранившимся текстам ленинских документов, практически невозможно. В частности, по уцелевшим разделам «Объяснения программы» (как известно, имеющаяся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС гектографированная тетрадь проекта обрывается на разъяснении пунктов, относящихся ко второй части программы, заключающей ее теоретические задачи) нельзя точно установить, когда В. И. Ленин впервые ознакомился с текстом Эрфуртской программы германских социал-демократов 1891 г. В самом деле, в упомянутой книге К. Каутского комментируется лишь теоретическая часть программы немецких социал-демократов и отсутствует изложение практических требований в области охраны интересов рабочего класса⁶.

В первом варианте ленинского проекта программы (1895—1896 гг.) практическим требованиям в защиту рабочих целиком посвящен отдел «Г» третьей части программы. Он открывается требованием учредить в России промышленные суды с выборными судьями от рабочих и капиталистов поровну⁷. Такие суды функционировали тогда на Западе. В Германии, например, действовал закон о промышленных судах от 29 июля 1890 г., а в Австрии — закон от 27 ноября 1896 г.⁸ Можно предположить, что в утерянной части «Объяснения программы» В. И. Ленин дает характеристику законов о промышленных судах на Западе и выясняет их значение для рабочего класса. С деятельностью этих судебных учреждений и отношением к ним западноевропейской социал-демократии он ознакомился во время своей поездки за границу в 1895 г. Не случайно в статье «О промышленных судах» (1899 г.) он упоминает о требованиях рабочих западноевропейских стран, «чтобы эти суды существовали не только для фабрично-заводских рабочих (у немцев, французов такие-то суды уже есть), но и для рабочих, работающих по домам на капиталистов (для кустарей), и для сельских рабочих»⁹.

Во втором пункте сформулировано требование о законодательном ограничении рабочего дня восьмью часами в сутки. На выдвижение этого требования большое влияние оказало изучение В. И. Лениным работ Маркса и Энгельса, а также опыта борьбы рабочего класса на Западе за завоевание 8-часового рабочего дня. Это требование вошло в программы-минимум французской рабочей партии (1880 г.)¹⁰ и Эрфуртской программы германской социал-демократической партии (1891 г.)¹¹. С важнейшими решениями международных социалистических и рабочих организаций по этим вопросам В. И. Ленин ознакомился в декабре 1895 года.

В первом проекте программы имелись также пункты о законодательном запрещении ночной работы и смен, установлении праздничного отдыха для рабочих¹². Формулируя пункты о сокращении продолжительности рабочего времени, В. И. Ленин имел в виду добиться запрещения

⁵ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1968, с. 123.

⁶ См. Каутский К. Эрфуртская программа. М., 1959.

⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 85.

⁸ Иностранное законодательство по рабочему вопросу. СПб., 1905 [Австрия], с. 29—32; [Германия], с. 36.

⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 283.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 574. Прим.

¹¹ Эрфуртская программа. Киев, 1917, с. 7.

¹² Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 85—86.

работ по ночам прежде всего для несовершеннолетних и женщин, а также посменной работы подростков.

Значительный интерес для изучения развития взглядов В. И. Ленина на проблему детского труда при капитализме представляет окончание третьего пункта проекта, где содержится требование запретить трудиться детям до 15 лет¹³. На основе каких соображений и конкретных правил пришел В. И. Ленин к установлению такой возрастной границы? Зная, с какой тщательностью изучал В. И. Ленин юридические нормы, регулировавшие условия наемного труда при капитализме, можно считать, что определенный материал он мог почерпнуть из буржуазного фабричного законодательства. В западноевропейских странах в 90-х годах XIX в. в результате борьбы рабочих за свои права наиболее прогрессивные законы в отношении возраста детей, принимаемых на работу, были установлены в то время в Австрии и Швейцарии — с 14 лет¹⁴. Такой же возраст детей, допускаемых к работе по найму, был определен и в Эрфуртской программе германской социал-демократической партии (1891 г.)¹⁵. Возможно, что в 1895—1896 гг. В. И. Ленин еще не был знаком с ее текстом, но уже при написании второго проекта программы партии, когда он располагал этим документом, в пункте о запрещении капиталистам эксплуатировать детский труд, указал возраст до 14 лет¹⁶.

В пятом пункте проекта было сформулировано положение о распространении законов о фабричной инспекции на все отрасли промышленности, включая казенные фабрики и кустарные заведения. При написании этого и некоторых других пунктов В. И. Ленин использовал свой опыт критического изучения фабричного закона 3 июня 1886 г. о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. Известно, что действие этого закона распространялось далеко не на все промышленные предприятия¹⁷.

Изучение отдельных пунктов второго отдела третьей части проекта программы (например, о запрещении расплаты за работу товарами, о размерах вычетов из заработной платы рабочих) показывает, что они явились итогом тщательного анализа и теоретического обобщения В. И. Лениным опыта рабочего движения 80-х — первой половины 90-х годов XIX в., особенно борьбы рабочих столицы под руководством Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вполне вероятно, что часть материала, использованного В. И. Лениным в его знаменитой работе «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» для критики фабричного законодательства и безобразных порядков на фабриках и заводах царской России, легла затем в основу сделанных пояснений к указанным пунктам «Объяснения программы»¹⁸.

Придавая большое значение обеспечению правовых гарантий рабочего при несчастных случаях на производстве, В. И. Ленин включил в свой проект специальный пункт об ответственности фабрикантов за увечья рабочих¹⁹.

¹³ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 85.

¹⁴ Дементьев Е. М. Обзор иностранных законодательств по регулированию времени и продолжительности работы в промышленных заведениях. СПб., 1896, с. IV.

¹⁵ Эрфуртская программа, с. 7. См. «Свод законов Российской империи», т. XI, ч. II, СПб., 1887.

¹⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 225.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 26.

¹⁸ Подробнее о ленинской критике фабричных законов см. наше сообщение «Источники и приемы анализа и критики В. И. Лениным царского фабричного законодательства». — «Вопросы истории», 1975, № 4.

¹⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 86.

Последний пункт отдела «Г» содержал требование издания закона об обязанности фабрикантов содержать школы и оказывать медицинскую помощь рабочим²⁰. При написании объяснения к этому пункту В. И. Ленин привлек много справочных изданий, в том числе «Справочную книгу для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков» А. И. Кобеляцкого. Этим изданием он пользовался в 1895 г.²¹ В «Справочной книге» сообщалось, в частности, о принятом в 1866 г. постановлении об открытии больниц на крупных фабриках и заводах Московской губернии и сенатском распоряжении 1886 г. об его обнародовании²². Такие конкретные факты В. И. Ленин использовал для разоблачения правительственной политики по рабочему вопросу. Имея в виду постановления о больницах, он писал в 1901 г., что «приказания начальства, даже самые „скромные“, вроде устройства больниц при фабриках, не исполняются капиталистами по целым десятилетиям»²³. Анализ отдела «Г» показывает, что в понимании В. И. Ленина основной задачей рабочих являлись вопросы завоевания революционным путем нового законодательства об охране труда.

Сформулированные В. И. Лениным в 1895—1896 гг. практические требования вошли затем во второй проект программы партии, написанный им в сибирской ссылке в конце 1899 г. При работе над ним В. И. Ленин продолжал критически изучать программы зарубежных социал-демократических и рабочих партий, а также теоретические документы русских марксистских кружков и организаций. В с. Шушенском у него имелись тексты «Эрфуртской программы» и «Проекта программы русских социал-демократов» группы «Освобождение труда»²⁴. Относясь в целом положительно к программному документу германских социал-демократов, В. И. Ленин ясно видел его принципиальные недостатки и, прежде всего, отсутствие в нем постановки вопроса о диктатуре пролетариата — основе социального освобождения рабочего класса и революционного преобразования общества на социалистических началах. Плехановский проект в большей степени отвечал потребностям развития рабочего движения в России. Но и в этот документ В. И. Ленин считал необходимым внести существенные изменения и дополнения, которые учитывали бы новейшие данные капиталистического развития и опыт массовой борьбы рабочего класса на новом этапе пролетарского освободительного движения²⁵. Он отмечал, в частности, недостаточность выдвинутого Г. В. Плехановым в 80-х годах XIX в. тезиса о законодательном регулировании взаимоотношений между рабочими и предпринимателями и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих²⁶.

²⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 86.

²¹ Об этом справочном издании В. И. Ленин упоминает в письме из тюрьмы, отправленном 16 января 1896 г. А. И. Ульяновой-Елизаровой (см. Ленин В. И. ПСС, т. 55, с. 20).

²² Кобеляцкий А. Справочная книга для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков. СПб., 1895, с. 23, 80.

²³ Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 79.

²⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 216, 218 и др.

²⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 217.

²⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 225. Такое требование имелось во втором проекте «Программы русских социал-демократов», изданном плехановской группой «Освобождение труда» в Женеве в июле 1884 г. Было ли аналогичное требование в более раннем проекте, озаглавленном «Программа социально-революционной группы „Освобождение труда“», остается неизвестным, так как экземпляр этого документа еще не обнаружен. (См. Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975, с. 118—119, 131).

В новом проекте, в отличие от прежнего, на первом месте стоит требование установления 8-часового рабочего дня²⁷ (то же находим и в Эрфуртской программе)²⁸. Выдвигая это в сущности политическое требование, В. И. Ленин опирался не только на программные документы европейских социалистических партий, но и на опыт массового рабочего движения в развитых капиталистических странах и, в известной мере, в самой России. Во втором проекте программы он обобщил тот конкретный материал о борьбе рабочих, который использован был им для написания работы «О стачках» (конец 1899 г.)²⁹.

В проекте 1899 г. В. И. Ленин конкретизировал пункт о воскресном и праздничном отдыхе рабочих, внося требование о непрерывном 36-часовом и более коротком отдыхе для каждого рабочего в течение недели³⁰. Эта конкретизация явилась итогом критического изучения массового статистического материала по губерниям, закона 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах, а также опыта борьбы западноевропейских рабочих, в результате которой в буржуазном законодательстве о наемном труде был зафиксирован 24-х часовой недельный отдых³¹. В. И. Ленин критиковал его еще в 1897 г. отмечая, что меньшего отдыха после недельной работы Министерство финансов и не могло назначить. «А о том, чтобы назначить рабочим побольше (напр., 36 часов, как принято в некоторых других странах), министры и не подумали»³². Следовательно, на том этапе борьбы рабочего класса России за улучшение своего положения В. И. Ленин признавал важность борьбы за те нормы отдыха, которые уже были завоеваны рабочими некоторых капиталистических государств Западной Европы.

Новое добавление было внесено и в пункт проекта о сфере действия фабричных законов и государственном надзоре за их исполнением. В него включено требование о распространении законов и фабричной инспекции не только на все отрасли промышленности, в том числе ремесленные заведения и работающих на дому кустарей, но и на сельское хозяйство³³. Это отвечало насущным потребностям борьбы трудящихся России за улучшение своего экономического и правового положения.

В пункте четвертом В. И. Ленин впервые сформулировал предложение о введении выборного начала при комплектовании аппарата фабричной инспекции³⁴. Дальнейшее развитие получило положение о демократизации судопроизводства. В нем отражено требование об организации сельскохозяйственных судов в деревне, аналогичных промышленным.

При работе над книгой «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин собрал большой материал об интенсификации наемного труда в результате применения сельскохозяйственных машин (молотилок, жаток и др.) и о росте травматизма сельскохозяйственных рабочих³⁵. Учитывая отрицательные последствия капиталистического применения техники в сельском хозяйстве, В. И. Ленин дополнил прежнее требование об ответственности фабрикантов за увечья рабочих требованием об ответствен-

²⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 225.

²⁸ «Эрфуртская программа», с. 7.

²⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 288—298.

³⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 225.

³¹ См. «Закон 2 июня 1897 г. о нормировке рабочего времени. С приложением утвержденных г. министром финансов правил...». СПб., 1898, с. 10.

³² Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 305.

³³ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 225.

³⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 225.

³⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 230.

ности также и сельских хозяев³⁶. Некоторые добавления были сделаны и в отношении оплаты за работу. Так, пункт о запрещении оплаты натурой (товарами) был дополнен пунктом о еженедельной оплате во всех случаях найма, чтобы пресечь нарушения предпринимателями сроков выплаты заработной платы в договорах личного найма³⁷.

Перечисленные в проекте требования В. И. Ленин рассматривал лишь как примерный перечень мер, в реализации которых был заинтересован весь рабочий класс. Поэтому он считал, что применительно к рабочим отдельных промышленных местностей или отраслей производства могут быть выдвинуты и иные требования³⁸.

Работу над программой В. И. Ленин продолжил в период подготовки созыва II съезда РСДРП. В январе 1902 г. он ознакомился с первым проектом программы Г. В. Плеханова и сделал принципиальные замечания по его теоретической части³⁹. Тогда же В. И. Ленин создал набросок плана проекта партийной программы, в который в качестве самостоятельного раздела включил пункт «г/ Социальные (фабричные) реформы»⁴⁰.

В январских набросках В. И. Ленин предусматривал распространение надзора фабричной инспекции на различные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, применявшие наемный труд⁴¹. Новыми по сравнению с прежними вариантами проекта были положения о санитарном надзоре за жилищами рабочих и организации такого надзора на предприятиях (пп. 11 и 12). Подобного требования нет в предложениях Л. Мартова, относившихся к 1899 г.⁴²; идея постановки вопроса об улучшении санитарного состояния жилищ рабочих в программных документах российской социал-демократии принадлежит В. И. Ленину. Он намеревался написать и другие пункты этого раздела⁴³, однако не успел реализовать свой замысел и поэтому их содержание осталось нераскрытым.

Закончив 7 февраля 1902 г. составление своего варианта проекта, В. И. Ленин направил его на отзыв Г. В. Плеханову: «Посылаю Вам проект программы с поправками Берга» (Мартова.— Б. К.)⁴⁴. Плеханов резко отозвался о некоторых положениях теоретической части ленинского проекта, но против практических предложений не возражал⁴⁵. В составлении этой части проекта участвовали все члены искровской комиссии⁴⁶. Из крайне отрывочных сведений видно, что в комиссии не раз возникали дискуссии и споры по отдельным формулировкам и пунктам «Рабочего отдела». Дискутировали по вступительному абзацу к

³⁶ Там же, т. 4, с. 225.

³⁷ Там же.

³⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 225—226.

³⁹ Там же, т. 6, с. 195—202, 413—415.

⁴⁰ Там же, с. 424.

⁴¹ Там же, с. 411.

⁴² См. [Мартов Л.]. Рабочее дело в России, 1899, с. 21. Несмотря на свои серьезные разногласия с Мартовым, В. И. Ленин в 1903 г. рекомендовал сознательным рабочим ознакомиться с его книжкой «Рабочее дело в России», в которой, по его словам, содержится подробное объяснение тех улучшений для рабочих, которые записаны в программе партии (См. Ленин В. И. ПСС, т. 7, с. 174, 201).

⁴³ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 411.

⁴⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 46, с. 169.

⁴⁵ Ленинская «Искра», 1900—1950. К пятидесятилетию со дня выхода первого номера, с. 122.

⁴⁶ В подстрочном примечании к искровскому проекту 1902 г. указывается, что практическая часть проекта по вопросу охраны рабочего класса «...предлагается всей комиссией, т. е. пятью членами редакции» (См. Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 203). Из шести членов редакции «Искры» в состав комиссии входили: В. И. Ленин, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов (Ленинский сборник, 2, с. 43).

отделу «Г» проекта. В нем первоначально говорилось: «В интересах ограждения рабочего класса и повышения его боевой способности Российская социал-демократическая рабочая партия требует...»⁴⁷ Судя по тому, что эта формулировка приводится Г. В. Плехановым в его «Комментарии к проекту программы Российской социал-демократической рабочей партии», можно предположить, что он был автором этой вступительной фразы⁴⁸. Ленинская редакция гласила: «В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение...»⁴⁹ Такая формулировка с акцентом на меры против физического и нравственного вырождения рабочих полнее и глубже раскрывала сущность марксистских экономических требований в пользу пролетариата и их значение для успеха революционной борьбы рабочего класса.

Употребление в проекте термина «рабочий класс» говорило о том, что русские марксисты ставили своей целью добиваться охраны труда и защиты жизненных интересов всех отрядов городских и сельских наемных рабочих. Поясняя содержание этого термина, В. И. Ленин в своей работе «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902 г.) писал, что слова «рабочий класс» «...объемлют в себя всех наемных рабочих, в том числе и сельских, и все 16 пунктов этого отдела (отдела «Г» проекта.— *Б. К.*) программы относятся и к сельским рабочим»⁵⁰. (Разрядка наша — *Б. К.*).

Отдел «Г», известный как проект комиссии «Искры», был разработан в январе — феврале 1902 г. и включал в себя 16 пунктов. На первый план в нем были выставлены требования, касающиеся ограничения рабочего дня восьмью часами, еженедельного 36-часового отдыха рабочих, запрещения применения сверхурочных работ и ночного труда, т. е. требования, которые в значительной мере способствовали бы нормальному воспроизводству рабочей силы, физическому и духовному развитию рабочего класса.

В процессе работы над этим отделом В. И. Ленин внес в него несколько важных дополнений и уточнений. Так, касаясь пункта восьмого о запрещении выдачи заработной платы товарами, он писал: «...Вставить сюда (в этот же пункт) установления законом еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих»⁵¹. Этот пункт был написан В. И. Лениным в промежутке между 25 января и 18 февраля 1902 г., т. е. непосредственно в период разработки проекта⁵². Разъясняя включение в проект указанного срока расплаты за работы, В. И. Ленин писал в марте 1903 г., что рабочим очень важно получать заработную плату аккуратно каждую неделю в денежной форме, а не товарами, за которые предприниматели берут с них втридорога. Особенно заинтересованы в такой оплате были сельские наемные рабочие, которые получали зарплату с большими задержками и, как правило, раз в два месяца или даже через четверть года⁵³.

С замечаниями В. И. Ленина по практической части проекта согласился Ю. Мартов, специально занимавшийся вопросами охраны труда. В черновом варианте проекта рукой В. И. Ленина было записано: «Берг

⁴⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 207.

⁴⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. XII. М., 1924, с. 237.

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 207. Примеч.

⁵⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 309.

⁵¹ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 207. Примеч.

⁵² Там же, с. 431.

⁵³ См. там же, т. 7, с. 175.

(Мартов.— Б. К.) принимает поправки к практической части программы (вступление к отделу Г; дополнение к Г 8 /т. е. к пункту восьмому отдела.— Б. К./ и видоизменение первой и последней фразы Е1)»⁵⁴.

В январско-февральском документе 1902 г. нашли отражение сформулированные ранее В. И. Лениным пункты о 8-часовом рабочем дне, еженедельном 36-часовом отдыхе рабочих, запрещении предпринимателям пользоваться трудом детей до 15 лет, запрещении расплаты товарами, распространении надзора фабричной инспекции на всю промышленность, учреждении промышленных судов. Созвучны и близки по своему содержанию отдельные фразы и слова пунктов об установлении ответственности нанимателей за несчастные случаи на производстве (п. 7), надзоре выборных от рабочих за составлением расценок и браковкой товаров (п. 10), запрещении ночного труда (п. 4)⁵⁵. В коллективный проект вошли почти без изменений и упомянутые выше пп. 11—12. Все это позволяет говорить о том, что главным автором отдела «Г» искровского проекта был В. И. Ленин.

По сравнению с проделанной В. И. Лениным работой участие других членов редакции «Искры» в создании «Рабочего отдела» программы было довольно скромным. Незначительна была и роль Г. В. Плеханова. Об этом свидетельствует плехановский комментарий к проекту программы РСДРП, опубликованный в августе 1902 г. В нем говорилось, что «неотложная необходимость осуществления требований подобного рода (т. е. мер в защиту рабочих.— Б. К.) так очевидна, что признается даже „критиками Маркса“, как известно, мало склонными к „утопиям“, т. е. к борьбе с буржуазией»⁵⁶. Никаких других пояснений к пунктам отдела он делать не стал.

Текст проекта программы был утвержден на Цюрихском совещании редакции «Искры» 1 (14) апреля 1902 г. Хотя В. И. Ленин и не присутствовал на нем, большая часть предложенных им замечаний, дополнений и поправок была учтена. Окончательный текст проекта программы РСДРП, выработанный редакцией «Искры» и «Зари», был опубликован в 21-м номере «Искры» 1 (14) июня 1902 г. В обнародованный документ вошли все положения по охране рабочего класса, согласованные между членами комиссии. Вместе с тем в газетном тексте есть и некоторые отличия от январско-февральского варианта проекта. Так, в окончательной редакции проекта вводный абзац отдела «Г», цитированный ранее, приведен в ленинской формулировке⁵⁷. Некоторые уточнения и дополнения были внесены и в отдельные пункты требований. Например, в пункт четвертый, где говорилось о запрещении применения ночного труда (исключение в нем делалось для отраслей, где он был необходим по техническим соображениям), была добавлена концовка: «одобренным рабочими организациями»⁵⁸. Несколько иначе был сформулирован и пункт о детском труде. В целях усиления гарантий охраны здоровья работниц матерей в пункт шестой было внесено добавление об освобождении роженниц от работы в течение двух недель до и четырех недель после родов. Развито было и положение о государственном социальном страховании рабочих. В пункте девятом указывалось, что все рабочие преклонного возраста, независимо от степени их способности к труду, должны получать государственную пенсию. Было внесено дополнение об оказании бесплатной медицинской помощи рабочим за счет предпринимате-

⁵⁴ Ленинский сборник, 2, с. 52.

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 207—208.

⁵⁶ Плеханов Г. В. Соч., т. XII, с. 237.

⁵⁷ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903. Протоколы. М., 1959. Прил., с. 721.

⁵⁸ Там же.

лей⁵⁹. В целом отдел «Г» проекта представлял разработку системы мер по защите коренных экономических и правовых интересов рабочего класса.

Опубликованный текст искровской программы был представлен на обсуждение делегатов II съезда РСДРП. Опуская полемику вокруг теоретической части программы, довольно подробно изученную в литературе⁶⁰, остановимся лишь на обсуждении мер по охране рабочего класса. По пунктам «Рабочего отдела» делались лишь отдельные дополнения и замечания. Так, по пункту о предоставлении рабочим полуторасуточного отдыха после недельной работы, делегатом М. Н. Лядовым (Мандельштамом) было внесено предложение об увеличении его с 36 до 42 часов. Это предложение было поддержано В. И. Лениным и другими делегатами⁶¹. Другие замечания касались продолжительности работы ночью, ограничения рабочего дня подростков, усиления гарантий здоровья работниц-рожениц. Съезд принял также поправки к пунктам об устройстве на предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и маленьких детей, учреждения не зависимо от предпринимателей врачебно-санитарного надзора⁶².

В. И. Ленина заинтересовало предложение Егорова (Е. Я. Левина) о государственном страховании престарелых рабочих, потерявших способность к труду вследствие несчастных случаев или вредных условий производства. В дневнике заседаний II съезда, который вел В. И. Ленин, имеется запись этого пункта⁶³. В нем сказано: «...на случай старости, а также полной или частичной потери способности к труду вследствие...»⁶⁴ Эта поправка также была принята (п. 8 программы, утвержденной съездом)⁶⁵.

Разработанный В. И. Лениным при участии других членов редакции «Искры» раздел об охране труда с некоторыми поправками и дополнениями был принят II съездом партии. Сформулированные в нем конкретные меры по охране труда являлись органической составной частью ближайших задач рабочего класса и его политического авангарда, которые предстояло решать на этапе буржуазно-демократической революции в России⁶⁶. Принятый на съезде теоретический документ вооружил партию и рабочий класс России ясной и четкой программой революционной борьбы за свержение самодержавия и господства буржуазии.

Принципиальные ленинские положения об охране труда легли в основу принятой на II съезде партии Программы-минимум рабочего класса. Утвержденный съездом теоретический марксистский документ позволил партии выдвинуть перед рабочим классом план конкретных действий, который вскоре подвергся испытаниям на практике во время первой буржуазно-демократической революции в России. Сформулированные В. И. Лениным еще до 1905 г. основные задачи в области охраны

⁵⁹ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903. Протоколы. Прил., с. 721.

⁶⁰ См. об этом: Костин А. Ф. Указ. соч.; Ковальчук М. А., Казакевич Р. А., Павлицкая Н. И. В. И. Ленин — создатель марксистской партии в России. Л., 1970; Ваганов Ф. М. Указ. соч., и др.

⁶¹ Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903. Протоколы, с. 198—199.

⁶² Там же, с. 199—200, 202, 206.

⁶³ В протоколах II съезда РСДРП пункт о государственном страховании рабочих не нашел отражения. Поэтому запись В. И. Ленина в этом отношении является уникальной (См. Ленин В. И. ПСС, т. 7, с. 414).

⁶⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 7, с. 414.

⁶⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. 1. М., 1954, с. 41.

⁶⁶ См. там же, с. 39—40.

труда получили дальнейшее развитие в других его работах дооктябрьского периода.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. и в процессе перерастания ее в социалистическую у российского пролетариата расширились возможности борьбы за законодательную охрану труда. В новых исторических условиях партия большевиков на созванной в апреле 1917 г. Всероссийской конференции РСДРП(б) приняла резолюцию о пересмотре партийной программы, в том числе и о коренной переработке устаревшей экономической части программы-минимум⁶⁷. Вся подготовительная работа по разработке второй программы партии проходила под руководством В. И. Ленина.

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая капиталистический строй в нашей стране, позволила Советской власти впервые осуществить на практике положения программы-минимум партии в области охраны труда и социального обеспечения. Ленинские идеи и положения об охране труда получили свое дальнейшее развитие во второй и третьей Программах партии. Они были юридически закреплены в Кодексах законов о труде РСФСР 1918, 1922 гг. и последующих государственных актах.

⁶⁷ КПСС в резолюциях..., т. I. М., 1970, с. 455.

Л. И. САННИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ НОВОГО ТАМОЖЕННОГО ТАРИФА В РОССИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Исследование разработки нового таможенного тарифа в канун первой мировой войны имеет большое значение для всестороннего анализа социально-экономической обстановки в стране в 1912—1914 гг., политики правительства, деятельности классов и политических партий России и для выяснения взаимоотношений царизма с помещиками и различными группами буржуазии. К сожалению, в советской исторической и экономической литературе эта тема не получила должного отражения¹.

Наше сообщение является попыткой восполнить этот пробел. В XX в. в России применялся высокопротекционистский таможенный тариф 1903 г., введенный в действие с 16 февраля 1906 г., ставки пошлин которого на многие товары были снижены конвенционными тарифами, приложенными к торговым договорам России с Австро-Венгрией, Германией, Италией и Францией. После заключения в 1904—1907 гг. указанных договоров России следовало привести ставки тарифа 1903 г. в соответствие с уступками по конвенционным тарифам, в частности,

¹ В литературе о ней встречаются лишь отдельные упоминания. См., напр., Цукерник А. Л. Свидкат «Продамет». Историко-экономический очерк. 1902—июль 1914 г. М., 1959, с. 104; Лаврычев В. Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917 гг.). М., 1963, с. 106—107 и др.

Процентное отношение пошлин к стоимости ввоза в Россию черных металлов
и изделий из них *

Годы	Чугун, кроме специального	Полосовое и сортовое железо	Сталь	Проволока	Машины и аппараты	Части машин
1908	97,7	72,7	81,4	29,4	22,9	37,2
1909	100,0	71,3	95,3	26,3	19,8	33,7
1910	90,0	67,9	93,5	28,4	21,1	35,3
1911	25,6	65,2	93,8	27,3	20,8	36,8
1912	24,0	60,6	83,8	39,3	21,7	36,1

* Привоз иностранных товаров в Россию и поступление таможенной пошлины, с указанием процентного отношения пошлины к ценности. СПб., 1914, с. 93—94, 107, 115, 118, 122.

уменьшить пошлины на черные металлы, так как уступки были сделаны прежде всего на изделия из металла. Но этого не произошло. В результате в таможенном обложении России возник ряд несоответствий. Если в других странах с промышленным протекционизмом таможенное обложение ввозимых товаров постепенно повышалось от сырья к полуфабрикатам и затем к изделиям, то в России нередко бывало наоборот. Особенно ненормальным оказалось обложение металлов и изделий из них.

Из таблицы видно, что пошлины на чугун достигали в России 90—100% его стоимости, т. е. являлись запретительными. Лишь в 1911—1912 гг., когда в России стал ощущаться острый металлический голод и было ввезено более 7 млн. пудов чугуна с оплатой пониженной пошлиной, обложение чугуна составило 24,8% его стоимости.

Весьма неблагоприятными для развития обрабатывающей промышленности в России были соотношения между пошлинами на железо, сталь и проволоку из них и особенно между обложением чугуна и стали, с одной стороны, машин, аппаратов и их частей, изготовляемых из черных металлов,—с другой. Ввозная пошлина на листовое железо, рельсы, стальной лист составляла в России 80—125% их себестоимости и была запретительной. По тарифу 1903 г. обложение каменного угля, ввозимого в Россию через порты Черного и Азовского морей, было установлено в 6 коп. с пуда — в 4 раза выше, чем угля, импортируемого через Балтику, и также являлось запретительным.

Высокие пошлины на черные металлы и каменный уголь в России вызывали недовольство помещиков и часто буржуазии, так как пошлины удорожали металлы и производство сельскохозяйственных машин и орудий и снижали прибыли крупных землевладельцев и предпринимателей других отраслей производства. Компенсируя потери помещиков от запретительных пошлин на черные металлы, царское правительство ввело еще в 1898 г. беспошлинный ввоз некоторых сложных сельскохозяйственных машин, применявшихся в крупных хозяйствах. В марте и июне 1914 г. Государственная дума приняла законопроект об установлении пошлин на зерно, ввозимое из-за границы в Россию и Финляндию, и муку, импортируемую в Финляндию, что свидетельствовало о переходе «житницы Европы» к прямому аграрному таможенному протекционизму.

В целом таможенный протекционизм, установившийся в конце XIX — начале XX в. в России, был реакционен. Он служил, как указывал В. И. Ленин, интересам кучки «олигархов-тузов»² — магнатам угольной и металлургической промышленности, а также помещикам.

² Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 457—458.

В 1917 г. истек срок действия торговых договоров России с Австро-Венгрией, Германией, Италией, Францией и другими странами. В связи с этим с середины 1911 г. в России началась подготовка к заключению новых торговых договоров, общий пересмотр русского таможенного тарифа.

Всеми работами в 1912—1914 гг. по подготовке к пересмотру торговых договоров и таможенного тарифа в России руководило Межведомственное совещание под председательством министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, созданное по решению правительства 23 февраля 1912 г. В мае 1912 г. в России разрабатывается программа подготовительных работ, предусматривавшая обследование различных отраслей промышленности и торговли, пересмотр общего таможенного тарифа, для чего привлекалось более 30 экспертов.

Для разработки нового таможенного тарифа в начале 1913 г. была создана специальная комиссия под председательством чиновника Министерства торговли и промышленности Н. П. Лангового, делившаяся на четыре технические подкомиссии, в которую и входили указанные эксперты³. К 1 января 1914 г. экспертам следовало закончить обследование промышленности, включая обоснование ставок нового таможенного тарифа, к 1 января 1915 г. предполагалось пересмотреть весь тариф и составить проект нового. Законопроект о новом таможенном тарифе планировалось внести в законодательные учреждения не позднее 1 ноября 1915 г. с тем, чтобы до начала 1917 г. он получил силу закона⁴.

Активное участие в подготовке пересмотра таможенного тарифа России приняли организации, объединившие представителей помещиков и буржуазии. При Советах съездов представителей промышленности и торговли, биржевой торговли и сельского хозяйства, Российской экспортной палате, Московском, Подольском, Орловском, Северном, Харьковском сельскохозяйственных обществах, Центральном обществе сельского хозяйства Польши были созданы специальные комитеты и комиссии, занимавшиеся разработкой предложений о ставках нового тарифа. В работу по подготовке и заключению новых договоров и пересмотру тарифа включились Казанское, Орловское, Саратовское губернские и даже некоторые уездные земства (например, Гомельское).

Наконец, специальные комиссии по подготовке к пересмотру торговых договоров и таможенного тарифа были созданы при Московском биржевом комитете, Московском обществе суконных фабрикантов, Всероссийском обществе льнопромышленников и других региональных и отраслевых организациях буржуазии России.

По инициативе Российской экспортной палаты в 1913—1914 гг. состоялось три региональных съезда по вопросам пересмотра торгового договора с Германией и таможенного тарифа. В марте 1913 г. такой съезд проходил в Харькове, на нем присутствовали представители от 9 губерний Юга России; в феврале 1914 г. — в Киеве, на нем были представители пяти юго-западных губерний России, и в марте 1914 г. — в Вильно. В работе последнего съезда участвовали помещики и торговцы из шести белорусских и литовских губерний⁵.

³ См. Библиотека ЦГИА СССР, ф. Ведомственные печатные записки. Папка 1578—1579, Журнал Совещания по вопросу о направлении дела по предстоящему пересмотру таможенного тарифа от 12, 13, 14 мая 1913 г., с. 1—14.

⁴ См. там же. Журнал Совещания по вопросу о направлении дела по предстоящему пересмотру таможенного тарифа от 25 мая 1913 г., с. 1—18.

⁵ См. К вопросу о торговом договоре с Германией. Харьков, 1913; Ход работ по подготовке к пересмотру торговых договоров. СПб., 1913; Лейтес К. С. Ход работ по подготовке к пересмотру торговых договоров в России и Германии за 1913 г. СПб., 1914; Постановления первого областного съезда Юго-Западного края по вопросам экспорта... Киев, 1914.

При разработке проекта нового таможенного тарифа России между помещиками и промышленниками развернулась борьба. Помещики, поддержанные сельскохозяйственным ведомством и Российской экспортной палатой, считали, что поскольку Россия — страна аграрная и продукты сельскохозяйственного производства являются основой русского экспорта, то и таможенный тариф должен быть составлен таким образом, чтобы прежде всего защищать интересы сельского хозяйства. Поэтому они предлагали снизить в новом тарифе пошлины на металлы, машины и другие товары, во ввозе которых были заинтересованы крупные сельские хозяйства⁶.

Фабриканты и заводчики требовали не только сохранения, но и усиления промышленного таможенного протекционизма⁷. Однако интересы различных групп промышленников России не совпадали. Одни из них были заинтересованы в снижении пошлин на изделия, другие — на полуфабрикаты, третьи — на сырье. В текстильной промышленности, например, владельцы прядильных фабрик требовали повышения пошлин на ввозимую пряжу, владельцы ткацких предприятий настаивали на снижении этих пошлин⁸.

Острые разногласия по вопросу о таможенном протекционизме впоследствии проявились между горнопромышленниками, с одной стороны, и капиталистами, представлявшими обрабатывающую промышленность, — с другой.

Магнаты угольной и металлургической промышленности не допускали даже мысли о том, чтобы уменьшить таможенные пошлины на уголь и чугун в новом таможенном тарифе, разрабатываемом в 1912—1914 гг. в России. Наоборот, Совет съездов горнопромышленников Юга России, выражавший их интересы, требовал повысить в новом тарифе пошлину с 1,5 до 6 коп. с пуда и на каменный уголь, ввозимый в Россию через порты, расположенные на Балтике, и сохранить пошлину в 45 коп. с пуда на чугун⁹.

Подавляющая часть русских промышленников, прямо или косвенно заинтересованных в получении дешевых каменного угля и чугуна из-за границы, представляла машиностроительную, металлообрабатывающую, судостроительную промышленность, строительные фирмы, водный и железнодорожный транспорт и других потребителей угля и черных металлов, к которым присоединялись в данном вопросе и помещики. Они настаивали на необходимости уменьшения в новом тарифе таможенных пошлин на черные металлы и каменный уголь, ввозимый в Россию через порты Черного и Азовского морей. Этого добивались крупнейшие капиталисты, входившие в Совет съездов представителей промышленности и торговли Юга России, Одесское общество фабрикантов и заводчиков¹⁰.

На II Всероссийском съезде деятелей по горному делу, металлургии и машиностроению, состоявшемся с 17 по 24 апреля 1913 г. в Петербурге, фабриканты, представлявшие сельскохозяйственное машинострое-

⁶ См. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 452, лл. 215—219; Гольдельман С. И. Сельскохозяйственное машиностроение и таможенная политика. Киев, 1915, с. 9—12, 16; Стрик Г. В. Русское сельское хозяйство и промышленный протекционизм. СПб., 1911, с. 3, 8, 34, 41; Ход работ по подготовке к пересмотру торговых договоров. СПб., 1913, с. 10—11.

⁷ См. Промышленность и торговля в законодательных учреждениях. 1907—1912 гг. СПб., 1912, с. XVII.

⁸ См. ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 604, лл. 64—65; «Голос Москвы», 1914 г., 8 мая.

⁹ «Торгово-промышленный Юг», 1912, № 25, стб. 11; «Горно-заводское дело», 1913, № 17, с. 7194.

¹⁰ «Торгово-промышленный Юг», 1912, № 14, стб. 42; № 24, стб. 53—54.

ние, потребовали вообще отмены пошлин на металлы, необходимые для заводов, изготовлявших сельскохозяйственные машины и орудия¹¹.

В снижении пошлин на черные металлы была заинтересована и крупная московская буржуазия. Специальная комиссия по подготовке к пересмотру торговых договоров, существовавшая при Московском биржевом комитете, председателем которой являлся крупнейший текстильный фабрикант России П. П. Рябушинский, считала необходимым уменьшить в новом тарифе пошлины на железо и чугуны¹². Либавский, Перновский и другие биржевые комитеты настаивали на отмене или снижении пошлин на каменный уголь и кокс, ввозимые в Россию через порты, расположенные на Балтийском море¹³. С требованием снизить пошлины на каменный уголь и черные металлы выступали и земства¹⁴, в которых преобладало поместное дворянство. На состоявшемся в конце марта 1914 г. в Вильно съезде по вопросам экспорта помещики литовских и белорусских губерний России приняли резолюцию, в которой говорилось о необходимости установления беспошлинного ввоза топлива, чугуна, железа и стали¹⁵.

В этих условиях царское правительство должно было учитывать не только интересы угольно-металлургических монополий. Комиссия по пересмотру таможенного тарифа при Министерстве торговли и промышленности, возглавляемая Н. П. Ланговым, на своем заседании 2—4 марта 1914 г., проходившем в присутствии представителей русской буржуазии, решила установить в новом таможенном тарифе ориентировочную ставку на простой чугун в 30—35 коп. с пуда, снизить пошлину на железо с 90 до 50—55 коп. с пуда. Предполагалось также уменьшить в новом тарифе пошлину на каменный уголь и кокс, ввозимые в Россию через порты Черного и Азовского морей, в 2 раза¹⁶.

Этот проект встретил возражения со стороны угольно-металлургических монополий, особенно на Экстренном съезде горнопромышленников Юга России, работавшем с 17 по 22 марта 1914 г., т. е. через две недели после заседания комиссии Лангового. В докладе Совета съездов о пошлинах на уголь и другие горнозаводские продукты указывалось, что при настоящем положении дел не только нельзя говорить о понижении пошлин на иностранный уголь по южной морской границе, но настоятельно необходимо поставить на очередь вопрос о повышении пошлины на иностранный уголь, ввозимый по западной сухопутной и морской границам¹⁷. На съезде утверждалось, что пошлины на чугуны установлены весьма удачно и являются стимулом для развития внутреннего производства металлов, но они еще не сыграли своей роли и значительно снижать их рано¹⁸. Съезд поручил своему совету возбудить ходатайство перед Торгово-промышленным министерством России о сохранении в новом таможенном тарифе пошлины на каменный уголь, ввозимый по азово-черноморской границе, в существующем размере, об установлении пошлины на чугуны не ниже 40 коп. с пуда, на железо и

¹¹ Труды II Всероссийского съезда деятелей по горному делу, металлургии и машиностроению. Пг., 1914; Сельскохозяйственное машиностроение, с. 209, 213, 217, 223—227.

¹² «Голос Москвы», 1914 г., 1 марта.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 18, д. 124, лл. 71, 156—157.

¹⁴ «Земское дело», 1914, № 6, с. 433; № 8, с. 593—594; Перцов В. В. К вопросу о торговом договоре с Германией. Казань, 1913, с. 7.

¹⁵ «Русский экспорт», 1914, № 5—6, с. 213.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 564, оп. 1, д. 945, лл. 224—227.

¹⁷ Труды Экстренного съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1914. Доклад Совета съездов «О пошлинах на ввозимое в Россию иностранное минеральное топливо и другие горнозаводские продукты», с. 11.

¹⁸ Там же. Доклад комиссии «О таможенных пошлинах на металлы», с. 1.

сталь — не ниже 60 коп. с пуда. Докладная записка Совета съездов горнопромышленников Юга России была направлена в апреле — мае 1914 г. в Министерство торговли и промышленности России¹⁹.

Совет съездов представителей промышленности и торговли России полностью солидаризировался с решением Экстренного съезда горнопромышленников юга страны по вопросу о пошлинах на каменный уголь и черные металлы. Более того, в докладной записке «О мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса» от 12 июля 1914 г., подписанной Н. С. Авдаковым, В. В. Жуковским и Г. Х. Майделем, крупнейшие русские промышленники потребовали от правительства, чтобы оно четко и ясно гарантировало «незыблемость существующих таможенных ставок на чугун, железо и сталь»²⁰.

Однако эти требования не были удовлетворены. Не отказываясь в целом от поддержки магнатов угольной и металлургической промышленности и в то же время балансируя между противоположными интересами, в чем также проявлялась известная степень политической самостоятельности, царизм пошел на снижение в проектируемом тарифе пошлин на черные металлы и каменный уголь, ввозимый в Россию через порты Черного и Азовского морей.

Пересмотр русского таможенного тарифа 1903 г. до первой мировой войны не был закончен. С началом войны разработка тарифа велась ускоренными темпами, и комиссия Лангового заседала почти ежедневно. К октябрю 1914 г. из 252 статей старого тарифа она пересмотрела 158²¹, а к концу 1914 г. новый тариф был в основном разработан. Весной и летом 1915 г. состоялось три чтения нового таможенного тарифа, в процессе которых уточнялись ставки пошлин по всем статьям ввоза²². Новый таможенный тариф, выработанный комиссией, являлся минимальным, т. е. его ставки представляли, по мнению комиссии, тот размер, который необходим для охраны промышленности и сельского хозяйства России от иностранной конкуренции²³. Он состоял из 218 статей привозного и 20 статей вывозного тарифа и 23 статей, в которых перечислялись товары, запрещенные к вывозу из России²⁴.

В новом тарифе, несмотря на сопротивление горнопромышленников Юга России, намечалось снизить в 2 раза, по сравнению с тарифом 1903 г. пошлины на каменный уголь и кокс, ввозимые в Россию через порты Черного и Азовского морей. На $\frac{1}{3}$ — с 45 до 30 коп. с пуда — предусматривалось уменьшить пошлину на чугун, кроме специального; с 90 до 55 коп. с пуда — на железо, сталь, рельсы. Предполагалось также снизить более чем в 2 раза пошлину на необработанный рис; установить беспошлинный ввоз комовой серы, бокситов, хлористого магния, калия; в 2 раза уменьшить ставки пошлины на шерсть и пушнину. Проект тарифа сохранял старые условия пропуска домашнего скота, лошадей, какао, нефти, сурьмы, специального чугуна, меди, никеля, алюминия, электродвигателей, морских металлических судов, удобрений и других товаров. На большое количество статей ввоза намечалось

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 18, д. 124, лл. 16—19.

²⁰ ЦГИА СССР, Библиотека, ф. Ведомственные печатные записки, Папка 751—752, Докладная записка, с. 50.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 193, лл. 12—13.

²² Там же, оп. 18, д. 129, лл. 76—111, 148—185; ЦГИА СССР, Библиотека, ф. Ведомственные печатные записки, Папка 1578—1579. Справка о работах по пересмотру таможенного тарифа, ст. 4.

²³ Там же.

²⁴ ЦГИА СССР, Библиотека, ф. Ведомственные печатные записки, Папка 1578—1579. Представление Министерства торговли и промышленности Временному правительству «О пересмотре общего таможенного тарифа по европейской торговле», с. 23.

увеличить пошлины, причем довольно значительно. Так, несмотря на небольшой ввоз муки, предполагалось увеличить пошлину на нее в 2 раза — с 45 до 90 коп. с пуда, что свидетельствовало об усилении аграрного протекционизма в России. Более чем в 3 раза поднималась пошлина на металлическую сурьму, электрические лампы, в 4 раза — на лаковые и масляные краски. На 50 и более процентов планировалось увеличение пошлин на шелк-сырец, хлопок, цинк, свинцовую руду, ягоды и фрукты. Почти на 30% повышалась пошлина на обувь, тюль, ковры, а также серпы и косы, — чего добивались фабриканты и заводчики²⁵. Пошлина на свинец по требованию владельцев заводов, выплавлявших его, увеличилась более чем на 50%²⁶.

В период разработки нового тарифа шла борьба между фабрикантами — владельцами льняных и джутовых предприятий. Льнопромышленники добивались повышения пошлин на джут, являвшийся конкурентом льна при производстве мешков, с 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 80 коп. с пуда²⁷, т. е. более чем в 2 раза. Владельцы же предприятий, перерабатывавших джут, поддержанные Ростовским, Феодосийским, Херсонским биржевыми комитетами и комитетом Калашниковской хлебной биржи, заинтересованными в получении дешевых мешков, настаивали на сохранении на джут прежней пошлины. Учитывая интересы льнопромышленников и потребителей изделий из джута, комиссия Лангового решила установить пошлину на джут в 1 руб. 50 коп. с пуда. В связи с тем, что предполагалось существенно снизить пошлины на черные металлы, ставки на изделия из металлов планировалось повысить незначительно. На 30% намечалось поднять пошлины на необработанные изделия из чугуна, железа и стали, на остальные, в том числе машины, аппараты, станки, сельскохозяйственные машины и орудия, — незначительно. При разработке тарифа капиталисты, особенно владельцы лесоперерабатывающих предприятий, требовали установления вывозной пошлины на круглый лес²⁸. В связи с этим комиссия Лангового наметила введение вывозной пошлины на лес в бревнах и кругляках в 1 коп. с пуда.

Таким образом, при разработке проекта нового таможенного тарифа имелись разногласия, носившие иногда острый характер, но они не затрагивали основ строя, существовавшего в стране. Это была, как указывал В. И. Ленин, характеризуя полемику по экономическим вопросам между представителями помещиков и крупного капитала, «домашняя ссора»²⁹ между расхитителями народного достояния в погоне за прибылями.

Проект нового таможенного тарифа России упорядочивал обложение ввозимых товаров, но в целом он предусматривал дальнейшее усиление аграрного и промышленного протекционизма.

После Февральской революции Министерство торговли и промышленности направило проект нового тарифа на рассмотрение Временного правительства³⁰. Великая Октябрьская социалистическая революция помешала принятию этого протекционистского по своему характеру таможенного тарифа России.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 18, д. 124, лл. 30—32.

²⁶ Там же, лл. 124—126.

²⁷ См. ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 18, д. 127, лл. 176—190.

²⁸ См. там же, д. 123, лл. 285—286; д. 124, лл. 114—116; ф. 32, оп. 1, д. 962, лл. 90—94.

²⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 33.

³⁰ ЦГИА СССР, Библиотека, ф. Ведомственные печатные записки, Папка 1578—1579. Представление Временному правительству «О пересмотре общего таможенного тарифа по европейской торговле», с. 1—82.

Н. А. СВЕШНИКОВ

К ИЗУЧЕНИЮ БЮДЖЕТА РАБОЧИХ В СИБИРИ

Своеобразие условий жизни, труда и быта рабочих за Уралом в эпоху капитализма объяснялось окраинным положением Сибири, суровым климатом, особенностью отраслевой структуры промышленного производства, связанной с наличием множества мелких предприятий, сочетанием капиталистической эксплуатации с докапиталистической и др.

Одним из показателей экономического положения рабочих является бюджет их семей. До Великой Октябрьской социалистической революции бюджеты рабочих Сибири не изучались. В советский период по истории сибирского пролетариата написан ряд работ, в которых приведены некоторые сведения о прожиточном минимуме, падении реальной заработной платы в годы мировой войны¹. Но ни в этих работах, ни в пятитомной «Истории Сибири» динамика бюджета рабочего за весь период капитализма не прослежена. Нами изучено большое количество документов в местных и центральных архивах, при этом материалов о бюджете рабочих, в особенности о расходной его части, найдено немного. Состояние источников не дает возможности окончательного и полного решения вопроса о бюджете рабочих Сибири. Автор сообщения делает попытку проследить изменения бюджета рабочих семей Сибири в период империализма на основе сохранившихся архивных материалов, наиболее ценными из которых являются росписи расходов, составленные самими рабочими.

Рассмотрение бюджета семьи начнем с доходной части, которая в основном зависела от величины заработной платы². Судя по дошедшим до нас материалам, в Сибири общий уровень заработной платы был выше, чем в среднем по стране. Так, в 1900 г. среднегодовой заработок по России в целом составлял 217 руб., в Сибири — 298 руб.; в 1913 г. соответственно — 264 и 347 руб.³ Сравнительно с большинством районов страны в Сибири имела место более высокая оплата труда во всех основных отраслях промышленности и транспорта. Так, зарплата дражной команды, состоящей из 29 человек, в 1908 г. на Урале составляла 9680 руб., в Енисейских горных округах — 11 805 руб. В среднем рабочий драги на Урале зарабатывал 336 руб., в Сибири — 407 руб. (больше на 21%)⁴.

¹ Тагаров З. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутск, 1959, с. 30—40; Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969, с. 86—88; Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972, с. 288 и др.

² Сведения о зарплате рабочих Сибири неполны: до первой мировой войны институт фабричных инспекторов в Сибири отсутствовал. В августе 1912 г. Горный департамент по указанию Министерства торговли и промышленности разослал циркуляр, в котором предлагал заведующим предприятиями заполнить специальные анкеты и сообщить свои предложения по вопросу о мерах по улучшению быта рабочих и упорядочению расчетов с ними. Но из 6700 предприятий, подчиненных Горному надзору страны, лишь 1504 (22,4%) прислали заполненные карточки. Информация сибирских окружных инженеров о зарплате носила приблизительный, ориентировочный характер; сведения же самих рабочих, содержащиеся в прошениях, требованиях, опубликованные в революционной печати, отрывочны.

³ ЦГИА СССР, ф. 326, оп. 4, д. 450, лл. 157—257; ф. 468, оп. 24, д. 1654, л. 4; Гос. архив Иркутской обл. (далее — ГАИО), ф. 135, оп. 1, д. 269, л. 49; ф. 138, оп. 1, д. 18, л. 183; Гос. архив Томской обл. (далее — ГАТО), ф. 10, оп. 2, д. 485, л. 120; ф. 134, оп. 1, д. 75, л. 58; ф. 209, оп. 1, д. 768, л. 33, ф. 433, оп. 1, д. 326, л. 152; Гос. архив Красноярского края (далее — ГАКК), ф. 31, оп. 1, д. 208, л. 283; ф. 470, оп. 1, д. 1452, л. 70.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 49, оп. 1, д. 57, л. 48.

В Сибири, как и в других районах страны, применялись две основные формы зарплаты — сдельная и повременная. Заработная плата на юге Сибири была ниже, чем в северных и восточных ее районах. Торфовщики Северного горного округа получали в 1902 г. от 50 коп. до 1 руб. с кубометра сажени при своем довольствии; эта же работа в Северо-Енисейском горном округе оплачивалась от 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к. при довольствии от золотопромышленников⁵. Накануне первой мировой войны чернорабочий Карагандинских копей зарабатывал на 10% меньше, чем чернорабочий на Черновских коях в Забайкалье⁶.

Размер заработной платы находился в зависимости от того, на предприятиях какой отрасли промышленности трудился рабочий. В 1913 г. чернорабочий в Забайкалье на цементном заводе получал 1 руб. в день, овчинно-шубном — 83 коп., винокуренном — 1 р. 20 к., в типографии — от 50 коп. до 1 руб., на каменноугольных коях — от 1 руб. до 1 р. 40 к., на приисках — от 1 р. 20 к. до 1 р. 54 к.⁷ На ряде производств Сибири величина заработной платы зависела от интенсивности работ в различное время года. В 1900 г. на приисках Северо-Енисейского горного округа дневной заработок рабочего колебался: зимой — от 55 до 80 коп., весной — от 60 до 90 коп., а летом и осенью — от 90 коп. до 1 р. 10 к.⁸ Зарботки на мелких предприятиях были ниже средних.

Размер среднего заработка находился в определенной зависимости от удельного веса низкооплачиваемых рабочих в составе пролетариата Сибири. Довольно высоким был процент рабочих с низкими заработками и низким — с относительно высокими. По нашим подсчетам, в июне 1914 г. на предприятиях каменноугольной промышленности 39% рабочих зарабатывали в день менее 1 руб., а свыше 3 руб. — лишь 0,2%; на Спасском медеплавильном заводе (юг Сибири) — соответственно 61% и 0,5%; на приисках — 10% и 2%⁹. На Забайкальской железной дороге 50,7% рабочих и служащих получали до 450 руб. в год, а свыше 750 руб. — 18%¹⁰. Чтобы компенсировать недостаточную дневную зарплату, низкооплачиваемые рабочие были вынуждены систематически работать сверхурочно и в праздничные дни, искать дополнительные источники существования. Стрелочники, путевые обходчики и другие низкооплачиваемые железнодорожные рабочие, получавшие за плату земельные участки размером до десятины, разбивали огороды, держали домашний скот. Земля давала этим «рабочим с надделом» значительную часть основных продуктов питания.

Официальные статистические материалы о величине зарплаты, на основании которых в основном произведены вычисления, нельзя признать точными. В действительности заработки были меньше: во-первых, в ряде отраслей промышленности при подсчете среднегодовой заработной платы рабочего предприниматели делили общую сумму на количество так называемых годовых рабочих, а не фактическое число работающих; численность же годовых рабочих, получавшаяся в результате деления количества поденщин на число дней промысловой операции или число дней в году, была меньше действительного количества работавших; во-вторых, буржуазия во всех отраслях хозяйства использо-

⁵ Яренский К. Положение рабочих на приисках Томской горной области. Сибирский сборник за 1902 г. Иркутск, 1902, с. 62.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 638, л. 70; д. 650, л. 1.

⁷ Там же, ф. 23, оп. 16, д. 142, лл. 104, 105.

⁸ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 326, л. 250.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 592, л. 5; д. 600, л. 4; д. 605, л. 7; д. 618, л. 17; д. 638, л. 1; д. 648, л. 11; д. 1251, л. 4; оп. 75, д. 608, л. 21; д. 612, л. 1.

¹⁰ Отчет о переписи населения Забайкальской железной дороги, Иркутск, 1914, с. 20.

вала различные возможности, чтобы понизить зарплату рабочих, в частности задержку зарплаты. «Можно считать, — читаем в одном из документов, написанных чиновником Горного департамента в феврале 1911 г., — что рабочие, которым задерживается выдача заработка, получают в действительности по меньшей мере на 20% меньше заработка против того, который причитается им согласно условий найма»¹¹. С задержкой заработной платы в непосредственной связи находилась расплата с рабочими денежными суррогатами. Рабочие, чтобы иметь наличные деньги, были вынуждены продавать талоны, полученные в счет заработка, на 10—20% ниже номинальной стоимости. В прямое нарушение существующего законодательства (ст. 99 Устава промышленного) предприниматели заключивали рабочим часть зарплаты продуктами и товарами. В. И. Ленин, ссылаясь на данные Козьминых — Ларина о заработках московских рабочих в 1909 г., писал: «Почти десятая часть платы... была выдана харчевыми продуктами и товарами фабричных лавок. Этот вид оплаты ставит рабочих в крепостническую зависимость от хозяев и дает «сверх-прибыль» хозяевам»¹². В сибирских губерниях и областях удельный вес продуктов и товаров в зарплате, получаемой рабочими, был выше, чем в Московской губернии, и имел тенденцию роста, особенно в горной промышленности. Ленское золотопромышленное товарищество в 1908/9 операционном году выдало наличными 55% общего заработка рабочих, в 1909/10 — 54, 1910/11 — 49%¹³. На ряде предприятий рабочие не получали заработной платы деньгами в течение нескольких лет. Арендаторы Троицкого солеваренного завода, например, рассчитывались с рабочими солью, оценивая ее в 70—80 коп. за пуд. Солевары были вынуждены ходить по окрестным селам и сбывать соль крестьянам по 40—60 коп. за пуд¹⁴. Выдача зарплаты предметами первой необходимости представляла простор для обмера, обмана в весе, сбыта товаров низшего сорта по цене высшего и т. д. В 1910/11 операционном году Ленское товарищество, продавая продукты по завышенным ценам, получило с рабочих только за мясо лишних 13 600 руб.¹⁵ Не случайно после Ленского расстрела 1912 г. Главное управление Ленскими приисками дало указание заведующим торговыми заведениями сохранить в тайне торговые обороты. «Рассылая свой циркуляр, — писала «Правда» 11 ноября 1912 г., — Главное управление знало, что делало: оно хотело прикрыть одну из своих самых гнилых и зловонных язв — мелкое мошенничество в лавках»¹⁶.

Зарботки понижались также за счет уменьшения расценок обчетом, особенно при приеме сдельных работ. В 1910 г. на Анжерской казенной копи из 250 тыс. руб., отпущенных на уплату рабочим за добычу угля, таким образом «экономлено» 136 тыс. руб.; из 30 тыс. руб., ассигнованных на уплату за крепление, не выплачено 19 тыс. руб. Расчет рабочих производился на 40% ниже договорных условий. Администрация колеи получила в виде премий 60% «сбереженной» суммы¹⁷.

Среди разнообразных методов понижения заработной платы видное место занимали штрафы. Ст. 143 Устава промышленного предоставляла заведующим предприятий право налагать денежные взыскания на рабочих за неисправную работу, прогул и нарушение порядка. В общей

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 75, д. 253, л. 34.

¹² Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 431.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1418, оп. 1, д. 926, л. 58.

¹⁴ ГАКК, ф. 542, оп. 1, д. 415, л. 90.

¹⁵ Ленские прииски. Сб. док. под ред. П. Поспелова, М., 1937, с. 247.

¹⁶ «Правда», 1912 г., 11 ноября.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 229, оп. 4, д. 1620, л. 43.

сложности эти взыскания не должны были превышать $\frac{1}{3}$ заработка, причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты (ст. 148 Устава промышленного). Распоряжения администрации о наложении штрафов обжалованию не подлежали (ст. 158 Устава промышленного)¹⁸. Несмотря на то, что табели взыскания утверждались местным Присутствием, штрафы налагались произвольно, их размер зачастую превышал обусловленные суммы¹⁹.

Документов о движении штрафного капитала дошло до нас сравнительно немного: предприниматели записывали в шнуровые книги лишь часть взысканных с рабочих средств, а на ряде предприятий вообще не вели учета штрафов. Изучение сохранившихся цифровых материалов показывает, что размеры денежных взысканий с сибирских рабочих в период империализма в среднем были идентичны общероссийскому и постепенно росли. Динамика штрафных сумм находилась в зависимости от приливов и отливов революционного движения: усиливается борьба — штрафы уменьшаются, наступает реакция — увеличиваются. Амплитуда колебаний была значительной. На Ленских приисках, по официальным данным, штрафы иногда составляли от 0,13 до 1,38% годового заработка рабочих²⁰. По существовавшим законоположениям деньги, взысканные в виде штрафов с рабочих из ссыльных, поступали в местные казначейства на счет ссыльно-поселенцев, с остальных — в депозиты центральных и местных учреждений для удовлетворения нужд рабочих и их семейств (лечение, пособия после пожара, похороны и т. п.). Сумма ежегодных взысканий с рабочих значительно превышала сумму выдачи пособий²¹.

Кроме сказанного, заработная плата рабочих понижалась всякого рода сборами, вычетами, вымогательством служащих. Из зарплаты рабочего делался вычет, если он не справлялся с дневной нормой; вопреки ст. 102 Устава промышленного предприниматели взымали плату с рабочих за врачебную помощь в так называемых попечительских больницах (на приисках по 2 руб. 50 коп. с мужчины и 1 руб. 50 коп. с женщины), за пользование динамитом при земляных работах, за освещение мастерских и других производственных помещений²².

Доходная часть бюджета рабочего состояла не только из заработков самого рабочего, но и членов его семьи. Дискриминация женского и детского труда наиболее отчетливо проявлялась в оплате труда. Средний заработок женщин и подростков был значительно ниже среднего заработка мужчин, так как они имели более низкую квалификацию и, кроме того, за равную с мужчинами работу получали меньшую плату. «Подростков заставляли работать по 10—12 часов и ночью, наравне со взрослыми, а платили по уменьшенной таксе», — писали рабочие Александрово-Невского прииска сенатору Манухину в 1912 г.²³

На зарплате рабочего сказывалось движение экономической конъюнктуры, она колебалась в зависимости от спроса на рабочие руки, трудности работ, подъемов и спадов революционного движения и т. д.

¹⁸ Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области фабрично-заводской промышленности. СПб., 1908, с. 72.

¹⁹ ГАТО, ф. 428, оп. 1, д. 786, л. 13; ГАКК, ф. 16, оп. 1, д. 3, л. 22; ЦГА КазССР, ф. 10, оп. 1, д. 1502, л. 99; ф. 14, оп. 1, д. 308, л. 7.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1418, оп. 1, д. 2970, л. 134; ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 190, л. 529; д. 218, л. 76; ф. 328, оп. 3, д. 38, л. 3.

²¹ ГАИО, ф. 138, оп. 1, д. 35, л. 232; ГАТО, ф. 428, оп. 3, д. 2369, л. 159; оп. 4, д. 2729, лл. 182—184.

²² ГАИО, ф. 25, оп. 75, д. 301, л. 138; ф. 135, оп. 1, д. 290, л. 10; ф. 328, оп. 3, д. 34, л. 18; ГАТО, ф. 428, оп. 3, д. 1932, л. 153.

²³ Ленские прииски, с. 252.

В годы первой русской революции рабочие добились резкого повышения зарплаты. В годы реакции предприниматели понизили плату. Тюменские матросы вместо 15 руб. стали получать 12 руб. в месяц²⁴. В 1898 г. строительный рабочий в Томске в среднем зарабатывал 1 р. 27 к. в день, в 1906 г. — 1 р. 94 к., а в 1909 г. — 1 р. 28 к.²⁵ В годы нового революционного подъема зарплата опять увеличилась. В Ленском золотопромышленном товариществе в 1912/13 операционном году (после забастовки 1912 г.) стоимость поденщины возросла сравнительно с 1910/11 г. на 14,6%²⁶.

В целом по Сибири заработки рабочих с 1900 по 1913 г. увеличились примерно на 16%, а цены на продукты — на 23%²⁷. Рост заработной платы отставал от роста производительности труда, товарных цен, стоимости услуг, в частности квартплаты. С 1904 по 1911 г. зарплата чернорабочего в городах Сибири увеличилась на 13,4%, квартирная плата — на 30%²⁸. Снижение реальной заработной платы сибирских рабочих сопровождалось ростом прибылей капиталистов, Кабинета, казны. По сведениям Иркутской казенной палаты, чистая прибыль Ленского золотопромышленного товарищества возросла с 4,3% в 1903/4 операционном году до 70,7% в 1908/9 г.²⁹

Низкая реальная заработная плата, отсутствие действенной системы социального страхования обуславливали тяжелый быт рабочих. Бюджет рабочей семьи отличался более быстрым ростом расходов по сравнению с доходами и удовлетворял лишь самые необходимые потребности. Приводим выписки из документов:

Кузнецкий № 8 винный склад. 1907 г. Столяр Филиппов. Жена и двое детей. Годовой заработок — 300 руб. Расходы: на питание в год — 240 руб. (по 5 руб. на человека в месяц); на квартиру (отопление, освещение, налог за собственный дом — 4 руб., ремонт дома — 10 руб., дрова — 12 саж. по 2 р. 50 к. — 30 руб., керосин — 1,5 пуда по 3 руб. — 4 р. 50 к.) — 48 р. 50 к.; на одежду и обувь только для главы семьи — 57 руб. Нехватка зарплаты восполняется доходами от огорода и коровы.

Новониколаевский № 5 винный склад. 1907 г. Чернорабочий Комиссаров. Жена и четверо детей. Годовой заработок отца и сына-подростка — 348 руб. Расходы: квартира (отопление, освещение) — 76 руб.; питание — 216 руб. (по 3 руб. в месяц на человека: «мясо только по праздникам»); обувь, одежда — 150 руб.

Овчинникова Н. Семья 6 человек, заработок 14 руб. в месяц. После складских работ работает по домам, кормит одна всю семью. Муж — инвалид, не работает. На питание расходуется 10 руб. (по 1 р. 66 к. в месяц на человека). Свой дом, но не на что сложить печь.

Кочегар (фамилия не указана). Одинокий. Годовой заработок — 300 руб. Расходы: на пищу — 112 руб.; на одежду и обувь (при казенном фартуке) — 62 руб.; на стирку — 12 руб.; за «угол», отопление, свет и приготовление пищи — 30 руб. На прочие расходы остается 84 руб. (28% годового заработка).

²⁴ Самосудов В. М. Из истории революционного движения в Западной Сибири (1907—1910 гг.). Вопросы истории и философии. — «Научные труды» Омской высшей школы милиции МВД СССР, вып. 4, 1970, с. 115.

²⁵ ГАТО, ф. 3, оп. 42, д. 2132, л. 68; оп. 52, д. 2, л. 10.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1418, оп. 1, д. 798, л. 4.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 75, д. 23, лл. 20—24; д. 40, лл. 1—110; д. 375, лл. 1—10; д. 404, лл. 1—20; ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 284, л. 8; д. 285, лл. 1, 34; Гос. архив Омской обл. (далее — ГАОО), ф. 199, оп. 1, д. 90, л. 70; ГАКК, ф. 31, оп. 90, л. 46; д. 229, л. 143.

²⁸ Города России в 1904 г. СПб, 1906, с. 329; Города России в 1910 г. СПб., 1914, с. 1042.

²⁹ Ленские прииски, с. 228.

Барнаульский № 2 винный склад. 1907 г. После траты расходов на питание, квартиру, освещение, одежду из годовой зарплаты у 44 человек (из 95) денег не осталось. У 51 рабочего (10 из них бессемейных) общая сумма остатка составила 1441 руб. (в среднем по 28 р. 25 к. на человека)³⁰.

В 1908 г. на приисках Алтайского округа (по трем компаниям сведений нет) «додачу» получили 355 человек (в среднем по 74 р. 56 к.), а 171 рабочий остался должен золотопромышленникам 4616 р. 98 к. (в среднем по 26 р. 99 к.)³¹.

Ленские прииски. 1912 г. Рабочий С. К. Вавилов: «На поторжных работах я получал 1 руб. 35 коп. Плата эта крайне недостаточная. Я человек семейный. У меня жена и дочь. На харчи надо истратить 18 руб. в месяц, да на выпивку уйдет рублей 13. А надо справить еще одежду, так что случалось и в долгу быть»³².

Приведенные выше и имеющиеся в нашем распоряжении другие материалы свидетельствуют о том, что нередко расходы рабочего превышали доходы (например, приход — 348 руб., расход — 442 руб.). Затраты на питание составляли от 20 до 58% всех расходов у одиноких рабочих и от 62 до 80% — у семейных. Заработки в Сибири были выше, чем в большинстве районов страны, но вместе с тем значительно дороже стоили продукты питания. Ассортимент продуктов не отличался разнообразием. В структуре питания малый удельный вес занимали жиры животного происхождения. Питались рабочие главным образом ржаным хлебом, чаем, картофелем. О потреблении мяса рабочими одного из предприятий сохранились следующие записи: «мясо редко, каша к праздникам», «чай и хлеб, мяса почти не бывает», «мясо по праздникам, молоко только для ребенка» и т. д.³³

Второе место после питания в расходной части бюджета рабочих семей Сибири ввиду сурового климата занимали затраты на одежду и обувь (22—30%)³⁴. Из-за недостатка средств многие рабочие одевались плохо. Томский врачебный инспектор писал о приисковых рабочих в 1895 г.: «На рабочих ничего нет, кроме драной рубахи, прикрытой сверху кой-какими лохмотьями, причем как последние, так и первая носятся до окончательного истлевания без перемены»³⁵.

Затраты на алкоголь в расходной части бюджета рабочих определить точно затруднительно. В среднем рабочий Ленских приисков ежегодно выпивал 7 ведер водки³⁶. И в то же время в бюджетах ряда рабочих затраты на культурные потребности составляли ничтожную величину. В 1907 г. из 55 рабочих Бийского № 4 винного склада только один выписывал газету. Большинство не посещало концертов и спектаклей из-за недостатка средств. «Четыре раза по 20 коп.— входная плата — вот и пуд хлеба», — говорили рабочие помощнику надзирателя 6-го акцизного округа Томской губернии³⁷.

В годы первой мировой войны рабочие лишились ряда завоеваний в экономической и социальной областях. Более широко стал использоваться малооплачиваемый женский труд. В условиях войны интенсифи-

³⁰ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 414, лл. 4, 8, 42—48, 54—63.

³¹ Там же, ф. 234, оп. 1, д. 304, л. 18.

³² ГАИО, ф. 26, оп. 1, д. 4, лл. 48, 61.

³³ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 414, л. 4.

³⁴ В Европейской России расходы рабочих на одежду и обувь были значительно меньше. См. Условия быта рабочих в дореволюционной России. М., 1958, с. 15.

³⁵ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 223, л. 153.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1418, оп. 1, д. 926, л. 107.

³⁷ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 414, л. 48.

кация труда обгоняла обновление основных фондов. Сложившаяся конъюнктура и стремление капиталистов к экономии на постоянном капитале способствовали повышению издержек производства за счет зарплаты. И. В. Маевский считает, что в Сибири в этот период упала номинальная заработная плата в связи с безработицей³⁸. С этим утверждением нельзя согласиться. Во-первых, в Сибири безработица отсутствовала; во-вторых, среднегодовой номинальный заработок сибирских рабочих на протяжении всех лет войны увеличивался. Так, в горной промышленности Сибири с начала войны до середины 1916 г. зарплата рабочих возросла на 40%³⁹. На предприятиях каменноугольной промышленности в июне 1914 г. дневной заработок до 1 руб. имели 39% общего числа рабочих, от 1 до 2 руб. — 50,1%, от 2 до 3 руб. — 10,7%, свыше 3 руб. — 0,26%; в июне 1916 г. соответственно — 20,9%, 52,8%, 3,9%. Рост заработной платы сопровождался увеличением в составе рабочих в 2,5 раза количества женщин и детей, получавших зарплату ниже среднего уровня⁴⁰.

Рост зарплаты в Сибири шел медленнее, чем в Европейской России, но заработки сибирских рабочих были по-прежнему выше заработков рабочих других губерний страны, исключая Петроградскую, Бакинскую, Екатеринославскую, Московскую. В целом по стране зарплата рабочего фабрично-заводской промышленности с 1913 по 1916 г. возросла на 86,2% (с 218 руб. в 1913 г. до 406 руб. в 1916 г.), в Томске — на 84,4% (с 329 до 608 руб.)⁴¹. Средний заработок был ниже на тех предприятиях, где в составе рабочих преобладали женщины и дети. Старший фабричный инспектор Енисейской губернии отмечал в 1915 г., что средняя поденная плата ниже всего в типографиях, где широко применялся труд малолетних и женщин⁴². На динамику номинальной заработной платы оказывал влияние ряд факторов. Борьба за повышение оплаты труда в связи с ростом товарных цен, удлинение рабочего времени за счет праздников и сверхурочных работ, оплачивавшихся в полуторном размере, способствовали росту заработной платы. Износ оборудования, ухудшение продовольственного снабжения, трудности в обеспечении предприятий сырьем и т. п. снижали производительность труда, что неизбежно вело к снижению заработков рабочих⁴³.

В обстановке военного времени предприниматели получили широкие возможности снижения реальной заработной платы рабочих. В Сибири, как и в других районах страны, усилилась тенденция к уравнительной оплате труда квалифицированного и неквалифицированного. Зарботки забойщиков на приисках составляли в довоенное время 168%, плотников — 160%, драгеров — 300% по отношению к заработкам поторжных (чernорabочих). К июню 1916 г. этот процент упал у забойщиков до 150, у плотников — до 138, у драгеров — до 245⁴⁴. Ссылаясь на изменения экономической конъюнктуры, предприниматели увеличивали размеры всевозможных вычетов из зарплаты, что, естественно, вызывало недовольство рабочих. 24 октября 1914 г., например, забастовали рабочие всех шахт Михельсона в ответ на объявление шахто-

³⁸ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, с. 360.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 592, л. 20; д. 600, лл. 4, 14; д. 605, лл. 7—16; д. 618, лл. 11, 19, 35; д. 633, л. 5; д. 638, лл. 23, 40, 116; д. 642, л. 15.

⁴⁰ Там же, ф. 37, оп. 67, д. 592, лл. 5, 20; д. 695, л. 1; д. 618, лл. 17, 35.

⁴¹ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 766, л. 309; «Статистика труда», 1919, № 5—7, с. 16.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 142, л. 155.

⁴³ ГАНУ, ф. 328, оп. 3, д. 286, лл. 1—200; д. 358, л. 21; ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 766, л. 310.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 1232, л. 4; д. 1251, л. 4; оп. 75, д. 612, л. 2.

владельца о том, что с 1 ноября у рабочих будет удерживаться квартирная плата вместо 20 коп. 1 руб. в месяц, что вода, уголь, дрова, доставлявшиеся раньше бесплатно, будут выдаваться по норме и с оплатой за доставку. По подсчетам рабочих, расходы семьи в связи с этими нововведениями возрастали с 2 р. 40 к. до 30 руб. в год. Михельсон объявил также о введении работ в ночь на воскресенье. В результате трехдневной забастовки рабочие добились временной отмены повышения квартплаты и сохранения прежних условий пользования водой и топливом. Но работы в ночь на воскресенье были введены⁴⁵.

В годы войны усилилась дискриминация в оплате женского и детского труда. Потребность в рабочей силе заставила руководителей казенных предприятий и предпринимателей прибегнуть к использованию труда военнопленных, которых к началу 1917 г. насчитывалось в Сибири 380 тыс. человек. Труд военнопленных оплачивался по заниженным расценкам. В январе 1916 г. начальник 13-го участка пути Омской железной дороги, обратившись с просьбой о выделении военнопленных для очистки путей от снега, мотивировал ее главным образом тем, что местным рабочим приходится платить поденную плату 1 р. 50 к., в то время как плата пленному не превышает 60—80 коп.⁴⁶ Низкие заработки военнопленных были результатом не только заниженных расценок, но и материальной незаинтересованности в результатах труда: четвертая часть заработка военнопленных отчислялась в казну, на руки выдавалась ничтожно малая сумма. Пользуясь дешевым трудом военнопленных, капиталисты держали на низком уровне зарплату и других категорий рабочих.

Решающее влияние на уровень и динамику реальной заработной платы в годы войны оказало резкое повышение товарных цен и падение курса рубля, которое было вызвано эмиссией бумажных денег при одновременном сокращении производства товаров народного потребления. Рост эмиссии бумажных денег и номинальной заработной платы отставал от роста товарных цен и стоимости услуг. На предприятиях Томского горного округа к февралю 1916 г. заработки рабочих повысились на 29,5%, цены на продукты питания — на 84%, цены на товары — на 100%⁴⁷. Зарплата рабочих Экибастузских каменноугольных копей к маю 1917 г. возросла на 40%, а продукты и товары вздорожали на 150% (мясо на 300%, хлеб — 100%, обувь, одежда — 150%)⁴⁸. Вследствие дороговизны и падения покупательной силы рубля потребление рабочих в годы войны сократилось, ухудшилась его структура. В бюджете рабочих семей возрос дефицит. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы рабочей статистики.

В конце июня 1917 г. рабочие Новониколаевского казенного винного склада № 1 составили сравнительный прожиточный минимум, цифровые данные которого свидетельствуют о том, что при абсолютно точном равенстве величин отдельных компонентов стоимость всего бюджетного набора одинокого рабочего с 1913 г. по июнь 1917 г. увеличилась на 190,6% (с 29 р. 72 к. до 88 р. 45 к. в месяц). Стоимость квартиры возросла на 100%, предметов одежды и обуви — на 178%, набора продуктов питания — на 279%, табака, спичек и бумаги — на 600% (см. табл.). Среднемесячный заработок в июне 1917 г. составил у мужчин 50 руб., у женщин — 25 руб.⁴⁹ Следовательно, номинальная заработная

⁴⁵ Сибирь и торговля, 1914 г., 24 ноября.

⁴⁶ ГАОО, ф. 90, оп. 1, д. 34, л. 88.

⁴⁷ ГАТО, ф. 428, оп. 4, д. 3035, л. 34.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1423, оп. 1, д. 23, лл. 29—31.

⁴⁹ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 766, л. 372.

Прожиточный минимум одинокого рабочего Новониколаевского казенного винного склада № 1* (в руб. и коп.)

Компоненты бюджетного набора	Накануне войны		Июнь 1917 г.	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Вещи на 2 года				
Пальто зимнее (барнаулка)	20		65	
Шапка и фуражка	5		15	
Итого . . .	25 руб.	00 коп.	80 руб.	00 коп.
Вещи на 1 год				
Обувь (сапоги)	40		40	
Рабочий костюм	10		25	
Костюм вне работы	20		60	
Белья 3 смены	7	50	15	
Верхних рубашек — 3 шт.	7		12	
Постельное белье (3 простыни и 3 наволочки)	8		20	
Носки и портянки	3		9	
Рукавицы рабочие	1	50	3	50
Итого . . .	67 руб.	00 коп.	184 руб.	50 коп.
Месячные расходы				
Починка обуви	2		10	
Стирка белья и баня	2	50	5	
Квартира	5		10	
Освещение и вода	1		2	
Отопление (8 саж. дров в год)	5		12	
Мука (30 ф. в месяц)		90	2	85
Мясо (1 ф. в день)	3		15	
Крупа, соль	2	50	7	50
Чай и сахар		60	1	20
Табак (1 ф.), спички и бумага		60	4	20
Итого . . .	23 руб.	10 коп.	69 руб.	75 коп.

* ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 766, л. 372.

плата одинокого рабочего — мужчины была меньше прожиточного минимума в 1,7 раза, женщины — в 3,4 раза. По подсчетам омских печатников, стоимость бюджетного набора семьи из двух человек с начала войны до середины сентября 1917 г. возросла на 446%⁵⁰.

Согласно исчислениям рабочих Богодарованного рудника Российского золотопромышленного общества, стоимость бюджетного набора в сентябре 1917 г. для семьи, состоящей из 4 человек (рабочий, жена, двое детей), равнялась 124 р. 85 к., а зарабатывал рабочий в среднем 57 р. 60 к.⁵¹ Значит, зарплата семейного рабочего была в 2,2 раза ниже прожиточного минимума. «Семейство хотя из 5 душ (ведь у нас, рабочих, всегда много душ) — муки надо по 30 ф. (рабочим это так дают) — выходит за 3 пуда 30 ф. заплатить надо 31 руб. 87 коп., за сахар по 1,5 ф. (7,5 ф. по 1 руб. 50 коп.) — 11 руб. 25 коп., уголь для квартиры 8 руб. — и вот уже 51 руб. 12 коп. без всякой прихоти, а получаем 65 руб.

⁵⁰ ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 10, л. 438.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 107, оп. 1, д. 79, лл. 8—11.

лей. Остается 13 руб. 88 коп. Что можно на эти деньги сделать, если дрова с доставкой 30 руб. сажень, керосин 20 коп. фунт, а о мясе и молоке, хотя бы для детей, нечего и думать», — писали рабочие одного из предприятий Сибири в октябре 1917 г.⁵² Процесс удешевления стоимости рабочей силы, в чем проявлялась одна из основных особенностей всеобщего закона капиталистического накопления, шел параллельно с ростом прибылей буржуазии. За 1916 г. владельцы копей Читинского товарищества, исполнившего заказ на 182 742 руб. 2 коп., получили чистой прибыли 77 012 р. 8 к.⁵³

В обстановке повышения стоимости услуг, цен на предметы первой необходимости сибирским предпринимателям и казне удавалось сдерживать повышение реальной заработной платы рабочих. Единственным действенным средством повышения реальной заработной платы были забастовки рабочих, проходившие под руководством большевиков при активном участии профессиональных союзов. Рабочие требовали: повышения расценок на все виды труда, полного уничтожения штрафов и других «карательных» вычетов, отмены всевозможных «потогонных» приемов оплаты труда (выдача надбавок, премий и т. п.), выдачи призванным в армию единовременного пособия в размере месячного заработка, установления равной оплаты за равный труд рабочим различных национальностей, включая военнопленных⁵⁴.

В конце XIX — начале XX в. номинальная заработная плата рабочих Сибири была выше, чем в среднем по стране, реальная — почти равновеликой. Здесь, как и в других районах страны, разрыв в соотношении между стоимостью рабочей силы и заработной платой в период империализма увеличился. Рост зарплаты отставал от роста производительности труда, товарных цен и стоимости услуг. Коэффициент опережения темпа роста цен на продукты по сравнению с темпом роста зарплаты в 1900—1913 гг. составлял 1,5. Кроме понижения реальной заработной платы, на уровень экономического положения рабочих влияла интенсификация труда, требовавшая более значительных средств для воспроизводства рабочей силы.

Во время первой мировой войны выросли прямые и косвенные налоги, повинности, сборы, цены на продукты и товары первой необходимости; увеличился разрыв между величинами необходимых издержек производства рабочей силы и цен издержек при падении покупательной способности рубля. Усилилось обнищание пролетариата. В ходе забастовок рабочие Сибири добивались улучшения своего материального положения. Но оно носило временный характер и не могло радикально изменить их жизнь и быт.

⁵² ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 766, л. 429.

⁵³ ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 1866, л. 22.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 873, лл. 314, 3335; ф. 107, оп. 1, д. 79, лл. 8—11; ГАТО, ф. 214, оп. 1, д. 32, л. 10; ф. 428, оп. 4, д. 2999, лл. 26, 96; ГАОО, ф. 662, оп. 3, д. 86, л. 67; ЦГА КазССР, ф. 444, оп. 1, д. 8, л. 268. «Единица труда рабочих, к какой бы национальности они ни принадлежали, должна иметь одинаковую норму оплаты», — требовали рабочие Арбагарских копей в 1917 г. ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 1866, л. 27.

В. С. РУМЯНЦЕВА

СЫСКОЕ ДЕЛО ТАЙНОГО ПРИКАЗА О ВОЛОГОДСКИХ КАПИТОНАХ

В последнее время в советской и зарубежной историографии отмечается рост интереса к религиозным движениям XVII в.¹ Учение Капитона и так называемая «капитоновщина» — один из узловых вопросов начальной истории раскола.

Противоцерковное учение Капитона, возникшее задолго до реформы Никона, явилось одним из истоков старообрядческого и сектантского движения второй половины XVII в. Пролливающие свет на его содержание источники сохранились в виде официальных документов (царские грамоты, отписки воевод и духовных лиц, сыские дела); рассказов и свидетельств очевидцев, а также лиц, живших в конце XVII — первой половине XVIII в. и принадлежавших к господствующей церкви (тобольский митрополит Игнатий, представитель единоверческой церкви Андрей Журавлев и др.) либо к раскольническому движению разных периодов (инок Ефросин, выговский писатель второй четверти XVIII в. Симеон Денисов и др.).

Капитон, родом из дворцового села Даниловского Костромского уезда, постригся «яко бяше убог сый и не имяше чим в мире питатися», пишет Игнатий. А. Журавлев (Иоаннов) также указывает на его крестьянское происхождение². В 1634 г. Капитон становится устроителем Троицкого монастыря вблизи с. Даниловского. В приказе Большого двorca ему дана выпись из межевых книг на владение дворцовыми пустошами Колесниково и Маремьянин починок. Практика монастырской жизни в Колесниковской пустыни отличалась своей нетрадиционностью. Капитон поддерживал тесные контакты с окрестным населением, предоставляя, по-видимому, безвозмездно крестьянам в пользование монастырские земли. В 1639 г. на него поступил патриарху Иоасафу извет с обвинением в распространении среди мирских людей неправославного учения. В связи с чем ярославскому воеводе П. Секирину царской грамотой от 22 августа 1639 г. было предписано поместить Капитона в Ярославский Спасский монастырь. А «капитоново ученье и уставство» монахам Троицкого монастыря было велено оставить и жить «по правилам святых отец»³.

Основой поведения Капитона являлся суровейший аскетизм. Игнатий и Ефросин видели именно в этом начало отступления от православия. Действительно, аскетическая жизнь капитоновской братии привлекала внимание простых людей и вселяла доверие к его учению. «Христи-

¹ Шульгин В. С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в.— «История СССР», 1969, № 4; Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России, чч. 1—2. Калинин, 1971; Рогов А. И. Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII века.— «Вопросы истории», 1973, № 4; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1971 и др.; Смиттеу О. Robert. The Old Believers. The World of Antichrist. L., 1970; Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970.

² Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Tobольского, изданные в Православном собеседнике. Казань, 1855, с. 98; Журавлев А. И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем церкви Сошествия св. духа, что на Большой Охте. М., 1890, с. 83.

³ «Ярославские губернские ведомости», 1852 г., № 18, 26, 30, 32, 46, 49; 1890 г., № 11, 12.

ане же,— заявляет Игнатий,— видевше его врага божия в житии жесточество, мняху его свята суща... и мнози юнейшии последоваша ему»⁴.

Главные черты ереси Капитона — отрицание священства и церковных таинств. Поскольку сохранялись основные положения христианского вероучения, целью было стремление вернуть церкви простоту и строгость «апостольских времен». Источники молчат об эсхатологических чаяниях Капитона в дониконовский период. Не располагаем мы и прямыми свидетельствами о влиянии на него реформационных идей, хотя решительно отрицать последнее нет оснований. В Ярославском и Вологодском уездах в то время, когда действовал Капитон, исломещались «новокрещенные иноземцы». Из их числа мог быть и лютеранин Вавила, упоминаемый Симеоном Денисовым⁵.

«Первым за веру стоятелем» изображает Капитона инок Евфросин. «Муж праведен и благ,— пишет он,— воздержен в посте, вериги на себе носил каменные». Однако в силу религиозно-исторической ограниченности старообрядческих представлений автор относит всех отступивших от догматов православия к «врагам христиан», в среде которых имела место и проповедь «самоубийственных смертей». Евфросин обвиняет Капитона в том, что он «дерзнул» устав церковный «колебати», «жидовство введе... и иная, якобы от вышняи святости». В числе последователей Капитона, наряду с «верными», он называет «лжехристоверов» в Костромском уезде, «иконоборцев» — в Нижегородском, «непоповцев» — в вязниковских лесах. Все они, по его словам, «таинства и старыя веры бегут и всякова священнодейства отбегают»⁶.

Капитоновские проповедники, обосновавшиеся под Вязниками, в 50-х годах XVII в. действовали в пределах и Вологодского уезда.

В Центральном государственном архиве древних актов сохранилось дело о сыске капитонов в Вологодском уезде. В его составе дошли: царская грамота из Москвы от 20 марта 1666 г., положившая начало всему делопроизводству, отписки воеводы С. А. Зубова в Приказ тайных дел; именные «росписи» и расспросные речи крестьян, а также «сказки» попов, в приходах которых жили уличенные в «капитонстве» крестьяне⁷. Вместе с материалами ростовских, вязниковских, нижегородских, гороховецких, вятских «церковных мятежников» 1662—1672 гг. столбцы дела составляют единый комплекс документов, раскрывающих деятельность Приказа тайных дел в борьбе с народными движениями.

В конце 1665—начале 1666 г. в Вязники были направлены стрелецкий полк и специальная комиссия во главе с князем И. С. Прозоровским (в ее составе также А. С. Матвеев и дьяк Тайного приказа Ф. Михайлов) для проведения следствия над церковными мятежниками, в том числе и вологодскими капитонами⁸. Вскоре был осуществлен повторный сыск. Он проводился вологодским воеводой стольником С. А. Зубовым

⁴ «Послания... Игнатия», с. 97.

⁵ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Новгородский стол, д. 96, л. 310; Денисов С. Виноград российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906, лл. 46—47.

⁶ [Евфросин]. Отразительное писание в новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный трактат против самоубийств 1691 годз. Сообщение Х. Лопарева.— «Памятники древней письменности», т. CVIII, СПб., 1895, с. 96.

⁷ Эти материалы остались неизвестными Я. Л. Барскову, полагавшему весь комплекс документов погибшим,— им пересказано и опубликовано лишь несколько отрывков (Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. Примеч., с. 331—334). По документам вязниковского сыска см. Румянцев В. С. О крестьянах-раскольниках кануна восстания Степана Разина. В кн. Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 270—286.

⁸ РИБ, т. 21, стб. 1143; ЦГАДА. Госархив, разряд XXVII, д. 258, ч. VI, л. 48. Результатов первого сыска мы не знаем.

с 20 по 31 марта 1666 г. Крестьяне, уличенные в капитонстве, на этот раз «тотчас без мешкоты» доставлялись в Вологду в съезжую избу для расспросов. Извечниками выступали монастырские власти, стрелецкие голыбы, помещики, приходские попы.

В извете игумена Павлова-Обнорского монастыря Иосифа сообщалось, что в вологодской вотчине боярина И. Д. Милославского в сельце Плещеево д. Стеблево «крестьянин Фомка Артемьев з женою и детми капитонят и к церкви божии не ходят и отца духовного не бывают и умерли ис семьи ево четыре человека без покаяния». Царская грамота наказывает воеводе: «Того крестьянина Фомку Артемьева з женою и з детми взять на Вологду и роспросить их подлинно... От кого они такое учение и скол давно приняли и с ними иных в том учение ест [ли]. И к церкви божии для чево не х[одят] и пречистых и животворящих тани не причащаюгца и помирают без покаяния». Властям важно прежде всего выяснить, насколько широко распространилось «учение» среди крестьян, и поэтому следует указание: «буде они в роспросе про иных таких же про кого скажут и по них потому ж велено посылать и спрашивать».

При рассылке грамот о поимке капитонов, лжелустьинников и других «церковных развратников» дается распоряжение сыскивать и о старце Капитоне: «велеть [роспраши]вать старца Ка[питона] знают ли и где он ныне ж[ивет] и у Капитона бывали [ль] и учение [от не]го принимали ль. Да буде скажут ч[то] тот старец Капитон умер, и их велеть распросить, скол давно и в которых местах умер». О важности грамоты свидетельствует то, что она была доставлена в Вологду в день отправки, 20 марта, «с нарочными гонцы». На следующий же день к воеводе С. А. Зубову привели крестьянина Фомку Артемьева «з детми и иных капитонов»⁹.

Весть о повторном правительственном сыске быстро распространилась среди окрестных крестьян и вызвала ряд самосожжений. Так, уже 21 марта 1666 г. крестьяне иноземца Ф. Довларова в Лежском волоке в д. Мишутино «сведав ...великого государя указ о сыску капитонов на дворе своем, натаскав в ызбу свою соломы да бересты и запершись в ызбе, ночью избу зажгли и в той ызбе згорели четыре человека». Посланный на место происшествия рассыльщик Логинка Анофреев зафиксировал факт самосожжения и привел в Вологду из разных деревень поместья Довларова «крестьян десять человек и в том числе пять человек мужчин да дв[ое] баб да трое девок». По сообщению старца Селивестра, капитоны имелись и в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря, откуда стряпчий Леонтий Петров доставил 23 марта в съезжую избу в Вологду группу крестьян. Вслед за тем поступил извет от Федора Коннищева: «В Комельской волости в Николском приходе на Комье капитоны есть. А слышал де он про тех капитонов того же приходу от попа Антония ...»¹⁰.

В разгар сыска, когда подьячие, приставы, рассыльщики, стрельцы вылавливали капитонов, произошло новое самосожжение. 26 марта игумен Павлова монастыря писал вологодскому воеводе: «Извещал де ему их же монастырские вотчины деревни Заречной крестьянин Полуныка Назаров. Тое ж деревни Заречной Вахрушка Павлов капитон с женою с Опракською и с сестрою девкою Марьицею да з дочерми з девками ж с Катюшкою да с Капкою, да с Танькою, да з сыном Демкою, всего семь человек, утаясь ночью марта против 24-го числа нанешняго ж 174-го году вышли в поле [и сели] в дехтарном струбе. И тот струб зажгли сами

⁹ ЦГАДА. Госархив, разряд XXVII, д. 258, ч. III, лл. 13—14, 23—24. Здесь и далее в квадратных скобках вписаны утраченные слова, если они восстанавливаются по смыслу. В случае невозможности это сделать, дается отточие.

¹⁰ Там же, лл. 26—28, 36.

и в том струбе згорели»¹¹. Здесь же игумен сообщал о капитонах в Обнорской волости в вотчине Павлова монастыря — «крестьяне их Степка Васильев с товарищи». Степка Васильев с семьей и единомышленниками были доставлены в съезжую избу. 29 марта объявились еще «четыре человека вновь в капитонстве». И снова «в розные волости для сыску тех людей, которые капитонят», были посланы стрельцы.

30 марта произошло очередное самосожжение — погибло 6 человек. Причем это случилось опять в д. Мишутино в поместье Ф. Довларова, где крестьянин «Гришка Титов з женою и з детми... запершися в житнице своеи неведомо каким своим умыслом зажегши тое житницу все згорели». Из произведенного расследования (текст в плохой сохранности) узнаем: «А Гришка де з женою и з детми не капитонили... скоромную всякую ядь ели»¹².

Распросы крестьян «про старца Капитона и про ево учение и про... всякое неистовство» производились «накрепко», «з большим пристрастием». Затем всех капитонов разослали в вологодские монастыри под «крепкий начал», где держали «в чеши и железах», заставляя исполнять «монастырскую всякую работу» и ходить в церковь. Примерно через месяц, как сообщает вологодский воевода в Приказ тайных дел, «те капитоны от капитонства отст[ают]... приходят... причащатца, а иные и последние, государь, благословлялись у отцов духовных»¹³. Следует учесть — начиналась посевная пора и крестьяне, очевидно, под любым предлогом стремились вырваться из монастырского заточения.

По имеющимся данным, вологодские капитоны — крепостные крестьяне. Сведения о приверженности к капитонству представителей других сословий отсутствуют. Среди владельцев пойманных крестьян упоминаются Павлов-Обнорский, Корнильев и Спасо-Прилуцкий монастыри, боярин И. Д. Милославский, князь Шаховской, помещики Ф. Довларов, В. Хвостов, С. Бренчанинов и другие. Большинство крестьян принадлежали Павлову монастырю. Это, видимо, можно объяснить тем, что постоянным извечником выступал его игумен Иосиф, взявший на себя роль блюстителя церковного и нравственного поведения паствы не только в вотчинах своего монастыря, но и в уезде. Приходские попы подавали ему сказки о всех церковных противниках на местах.

Территория, откуда стрельцы и приставы приводили уличенных в капитонстве крестьян, расположена южнее Вологды. Это наиболее плодородные и густонаселенные земли Вологодского уезда — Лежский волок, Комельская и Обнорская волости, граничащие с Ярославским, Костромским уездами. Сведения о численности доставленных в Вологду крестьян содержатся в отписке воеводы С. А. Зубова от 31 марта 1666 г.¹⁴ и расспросных речах. Их число, по нашим подсчетам, достигает 71, из них 40 мужчин, 17 женщин и 11 «девок»; 8 человек (6 «девок» и 2 парней) ранее сошли в вязниковские пустыни, 8 же (7 мужчин и одна «жонка») сбежали «безвесно» и 17 человек сожгли себя во время сыска.

Распросные речи капитонов представляют для исследователя наибольший интерес. Хотя допросы производились под угрозой наказаний и пыток, а в ответах на заранее заготовленные вопросные пункты неизбежно отражались черты приказного делопроизводства, тем не менее конкретные факты, содержащиеся в ответах крестьян, проливают свет на их антицерковные представления. В основе расспросов вологодских

¹¹ Там же, лл. 24—24 об.; ч. I, л. 33.

¹² Там же, ч. II, лл. 25—26, 29.

¹³ Там же, л. 33.

¹⁴ Там же, лл. 49—53. В отписке С. А. Зубова приводятся итоги сыска и сообщается о 58 чел.

капитонов лежало желание властей выяснить их отношение к православно́й церкви с ее институтом духовничества, обязательным для всех признанием таинств, почитанием религиозных праздников, святынь, обрядов и других символов, посещением литургии.

Уличенных в капитонстве крестьян приводили с семьями, но встречались одинокие и овдовевшие с детьми. Показания брались у всех, в том числе и у подростков, расспросные речи которых передаются по шаблону: «сказала те ж речи что и отец ея и мать»; «сказал те ж речи, что и братья ево» и т. д. В ответах обращает на себя внимание причудливое переплетение еретических черт с чисто раскольническими убеждениями (неприятие новых служебников, обрядов, нового пения и пр.). Наиболее ярко это выявляется в расспросных речах Ивашки Омельянина, взятого с группой крепостных вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря из д. Киселевой, единственного кто «умел грамоте» из числа привлеченных к следствию. В ходе следствия выяснилось, что «он к церкви... не хаживал тому лет с шесть для того что в церкви божии ныне поют и говорят по новому, не против прежнего. На литоргии де поют едиnorodный сын сло[во] ...а Иисову де ныне молитву творят: господи Иисусе Христе боже наш помилуй, а преж сего говорили сию молитву: господи Иисусе Христе сыне боже помилуй нас. От того он Ивашко и к отцу своему духовному на покаяние и к благословению не ходит и в мясоед скоромного ничего не ест годов с шесть. А никто [его] тому не учил, самовольством своим дела[ет]»¹⁵. «Отпадение» от церкви мыслится этим крестьянином через неприятие новшеств в церковной практике. Вместе с тем ему присущ суровый аскетизм, дававший как бы моральное право противопоставлять себя господствующей церковной организации в феодальном обществе.

Из поместья Ф. Довларова была взята группа крестьян во главе с Артюшкой Титовым, семья которого погибла в первый же день сыска в результате самоожжения. Титов открыто заявил о своей приверженности капитонству: «А в прошлом году в светлое христово воскресение скоромною ядью не розговлялся опрочь посної яди, хрену да ретки. И... к церкви божии к пению не ходил, а у исповеди у отца своего духовного не бывал... и не причащался. И со святынею в дом свои отца своего духовнаго попа Ивана не пускал тому года с два... И жена ево Офимьица ничего скоромного не ела, капитонили ж. А дети ево, которые згорели... мясо ели». Как и все пойманные, Артюшка сказал, что с Капитоном никогда не встречался, учения от него не принимал, где и когда он умер не знает. Но, в отличие от товарищей, в его расспросе записано: «А слышал от многих людей про капитонску веру, а от кого слышал, того не ска- зал»¹⁶.

Терешка Константинов из той же д. Мишутиной, взятый с отцом и матерью, женою Феонкою, дочерьми «девками» Пелагейкой и Ульяновкой, малолетними сыновьями Макаркою и Пронькой, как и Титов, показал: «К благословению к попу [не ходит], мяса де и молока и яиц не ест и з женою своею и з дочерьми с а м о в о л ь с т в о м тому года з два и в светлое де воскресение Христово в прошлом году скоромною ядью не розговлялся и к церкви божии... к пению не ходили. А в дому своем будучи он Терешка и з женою в то время Христос воскресе говорили, а яиц у них в то время не было ж...» Частично сохранилась запись: «Приезжал к отцу Терешкину мужик тому времени с год. А приезжал де учить капитонству. А как тово мужика зовут и чеи крестьянин, тово не ведает». Допра-

¹⁵ ЦГАДА. Госархив, разряд XXVII, д. 258, ч. II, лл. 102—103; ч. I, л. 32.

¹⁶ Там же, ч. II, лл. 72—76.

шивали Терешку «про тот мужика приезд и про учение капитонству... с великим пристрастием», но он во всем «заперся»¹⁷.

Ссылки на «самовольство» как причину антицерковного и аскетического поведения, нежелание назвать учителей и единомышленников прослеживаются почти во всех ответах. Если же приведенные указывали на такого же, как они, крепостного — проповедника капитоновой веры, то заведомо было известно, что он находится в бегах. Судя по нашим документам, односельчане не извещали властей о капитонах.

Со Степкой Васильевым во главе стрельцами была приведена в Вологду группа крестьян вотчины Павлова-Обнорского монастыря. Как выяснилось, в 1664—1665 гг. Степка вместе с товарищем Тимошкой Трофимовым был «в капитонстве с полгода». У отдельных крестьян этой группы, находившихся под надзором игумена Павлова монастыря Иосифа, подвергавшихся ранее увещаниям вологодского архиепископа Симона, проявляется стремление скрыть приверженность капитонству. Однако приходской поп Григорий Львов охарактеризовал всех их как церковных противников. Степка Васильев дал в расспросе дополнительные сведения: «Капитонству учил ево Степку деревни Перековы Михайлов крестьянин Грибанова Алешка... И мяса де и молока и яиц [есть] не велел и з женою спать не велел же, а велел он молитца в дому. И тот человек Алешка Еремеев из деревни Перековы сбежал безвесно». Тимошка Трофимов, взятый вместе с женою Офимьицей, дал такие же показания, но сказал, что «Михайлова [человека] Грибанова Алешки он Тимошка не ведает»¹⁸.

Из вотчины Павлова монастыря д. Заречной (где произошло самоожжение) к расспросу была привлечена семья Перфильевых-Неусыпаевых — вдова Анютка с дочерью и четырьмя сыновьями, а также «девкой» подворницей Аленкой. Из расспросных речей вдовы и ее сына Кирилки выясняется церковная «противность» семьи в течение нескольких лет. В 173-м году известный уже нам Алешка Еремеев «приходил к неи... и учил ее Анютку с сыном Кирилкою... к церкви не ходить, а мяса не есть». Сын также не пытался скрывать своих убеждений: «А мяса он Кирилко ни рыбы, ни молока не ест. А учил де ево... Олешка Еремеев... тому годы з два и тот Олешка... съехал в Костромской уезд, а х кому съехал, того он не ведает. Мать, правда, хотела утаить от властей приверженность капитонству своего покойного мужа, сын, напротив, заявил: «А отец ево умер без покаяния, а лежа[ло тело] ево недели с три, а погребен у церкви»¹⁹. Это был не единственный случай смерти без церковного освящения и погребения не по церковному уставу среди вологодских капитонов²⁰.

С очередной партией монастырских и частновладельческих крестьян в Вологду был доставлен Фомка Артемьев — крепостной крестьянин боярина И. Д. Милославского. Вместе с ним под стражею находились сын и две незамужние дочери, а также замужняя дочь с мужем дьячком Васькой Львовым. Главная черта показаний Фомки — скрыть во что бы то ни стало свою приверженность капитонству: «И к церкви божиин он Фомка ходит по вся дни и... христовых таин причащался... по се число годы з два и скоромную ядь в мясоед ест. А отец у него духовной был никольской поп Макарей, что на Комье и тот ево отец духовной... умер тому годы з два ж. [А] он Фомка не капитонит. А жена ево умерла тому годы полтора и при смерти она у отца своево духовного по[па Сергия] Ма-

¹⁷ ЦГАДА. Госархив, разряд XXVII, д. 258, ч. II, лл. 77, 81—82.

¹⁸ Там же, лл. 57, 65.

¹⁹ Там же, лл. 68—70, ч. III, л. 1.

²⁰ См. там же, ч. III, л. 4.

карьева поновлялась и причащалась...» На вопрос, каких он знает капитонов, Фомка уклончиво ответил: «Живет Корнильева монастыря в вотчине в деревне Климове крестьянин Ермолка, а чей сын того он Фомка не ведает, а зовут ево капитоном, а где ныне тот Ермолка живет, того он не ведает. А иных капитонов никого не знает»²¹.

Для «подлинного сыску» про Фомку с детьми допрашивали приходских попов. Один из них сказал: «Он поп у церкви Николы Чюдотворца служит тому годы с четыре. А к нему попу тот Фомка и з дочерми и к товарищу ево к попу Петру к исповеди не бывали. А мяса де он Фомка с сыном Ефтюшкою не едят. А в светлое воскресенье разговляютца толко молоком и яицы. А жена де ево Фомкина и дети все четыре человека померли без покаяния и бес причастия». Другой поп, Антипий, показал противоположное: «... тот Фомка к церкви божи и ко кресту ходит и у обедни стоит. А сноха де ево Фомкина Матренка к церкви не ходит... и со святынею в ызбу ево с церковным причетник она не пускает»²².

Распросы детей Фомки раскрывают приверженность семьи капитонову учению. Дьячок Васька Львов, не разделявший убеждений жены, выдал ее властям: «К церкви де она не бывала тому годы с три и молится у себя в избе и поститца. В мясоед скоромного ничего не ела, а все она посную ядь ест своево судна и с ним ни пьет, ни ест, и не [спит] годы с три ж»²³. В показаниях Степанидки признание в приверженности капитонству выражено с дерзостью, поразившей воеводу: «А к церкви божи она не ходила и христовых таин не причащалась по се число годы с три. И в мясоед как она к церкви не хо[дила скором]ного ничево не ела, а ела посную ядь и молилась господу богу у себя [в избе] и с [мужем] своим для того посту вместе... не спала. И к попу к благословению не ходила годы с три и ныне итти не хочет. А сказала есть де у нее и своя рука и опроче попа, чем крестят. А и для того де она к церкви не ходила, что ныне по новому служебнику служат»²⁴. В этих «речах», как видим, достаточно четко прослеживаются старообрядческие убеждения. У большинства же привлеченных к следствию лиц не обнаруживается их принадлежность к расколу. По-видимому, обрядовые и догматические вопросы не являлись основой учения Капитона.

В группе крестьян, взятых с Фомкой Артемьевым, находился Федька Никитин — крестьянин из д. Новоселки, принадлежавшей Павлову монастырю. Год назад Никитин с двумя дочерьми и тремя другими монастырскими крестьянами Корнильева и Павлова монастырей побывали в лесах под Вязниками. Это выяснилось из показаний его жены Агафьицы: «В прошлом де во 173-м году зимою съезжал муж ее... неведомо куда, а взял с собою дочери двух девок Федосьицу и Натальицу. И назад муж ея домом приехал вскоре, а дочерей своих не привез. А сказал ей: оставил де их в Вязниковском уезде в пустыне... А те дочери ея девки которые остались в той пустыне одна 16 лет, а другая 14 лет»²⁵. В связи с этим делом, к расспросу была привлечена и «жонка» Авдотьица вотчины Павлова монастыря, так как по ходу разбирательства выяснилось, что «сын Власко» и четыре ее дочери «в прошлом во 173-м году зимою» также «съехали» в Вязники с тем же Никитиным. В расспросах Ф. Никитин и бывший вместе с ним крестьянин Ларка Антропов показали, что во время своей поездки ночевали они в пустыни в лесу под Вязниками одну ночь, где чернец Вавила учил их молиться «образам» («а икон бо-

²¹ ШГАДА. Госархив, разряд XXVII, д. 258, ч. III, л. 10.

²² Там же, л. 12.

²³ Там же, л. 8.

²⁴ Там же, л. 7.

²⁵ Там же, ч. II, л. 92; ч. III, лл. 5—6.

жих у них нет»), а также «к церкви божии приходить не велел, та пречистых... таин принимать и к отцу духовному к благословению и к покаянию ходить не велел же, потому что де ныне пенье по новому служебнику да запрещал [утрачено 5—6 букв], чтоб в мясоед скоромного не ели. А благословляет он, чернец, медным поклонным крестом» и т. д.²⁶

Обращает на себя внимание противопоставление «икон божиих» и «образов». Эта же черта выявляется и в расспросных речах других лиц. Так, племянница Ларки Антропова «девка» Наталья сказала: «Отец ея и дядя Ларка образом учат своем молитца и они де образы Димияна кадят». Из расспросных речей отца Натальи узнаем: «А у себя де в избе... как господу богу учит (Ларка.— В. Р.) молитись и они образы Демияна кадят»²⁷.

В конце 1665—начале 1666 г. в лесах под Вязниками московские стрельцы сожгли свыше 30 келей и выловили около 100 человек «церковных развратников и мятежников», но многие сумели скрыться, получив известие о правительственном сыске. Среди пойманных двое оказались с именем Вавила: один, старец Вавила с озера Юхра, назван наставником «лжепустынников», другой — Вавила Молодой из пустыни на озере Кшара.

Старец Вавила оказался крепостным человеком Родиона Уварова из с. Карабутова Рязанского уезда, ранее живший при дворе феодала в Москве, «женат не бывал», в грамоте «умеет небольшое». Несмотря на многократные попытки, он остался верен своим убеждениям, откровенно враждебным официальной церкви и «высочайшей» власти. За «неистовые слова», «непристойные и страшные (о царе — В. Р.) речи» был сожжен 11 января 1666 г. Он показал, что в пустыни под Вязники пришел, «как де почали петь по новым книгам, и он де почаел, что то дело церковной раскол... и в тех де пустынях в то время был пустыльник Селиверст...»²⁸. Вавила «с товарищи», как впоследствии извещал царя рязанский архиепископ Иларион, ходили по городам и по уездам и проповедовали, что «де предтеча и антихрист уже ныне есть и церкви божии осквернены де и не достоин де к ним приходить] и крещения принимать...» Вавила не отвергал предъявленных ему по отписке Илариона обвинений и при расспросах подтвердил, что «кто де переменяет божественное писание и тот де предтеча и антихрист», при этом «на царское величество хулы износил», «чево и писать невозможно». Когда же кн. И. С. Прозоровский попытался остановить его и вразумить, что он все это говорит «вне ума своео прельщением дьявольским и велел ему крестное христово знамение [положить] на себя по достоинству», последовал ответ: «Я де на тот крест плюю и учал плевать»²⁹.

Старец Серапион из Борисоглебского монастыря в Вязниках в извете царю Алексею Михайловичу, поданном через год после разгрома лжепустынников, упоминает именно этого Вавилу, сожженного «за свою глупость». Учение его последователей он характеризует как опасное не только для церкви, но и престолу: «А которая... хула идет от них на святая божия церкви и святая пречистая тайны и на... крещение и твоему царскому величеству... того государь нельзя писать, ни усты человеческими глаголити»³⁰.

²⁶ ЦГАДА. Госархив, разряд XXVII, д. 258, ч. II, лл. 92—93.

²⁷ Там же, ч. III, лл. 1, 3.

²⁸ Там же, ч. V, лл. 24, 26. Вавила показал, что старца Капитона «не видел», только «слышал... что он в тех [де] их пустынях живал и умер».

²⁹ Там же, ч. VI, л. 41.

³⁰ Барсков Я. Л. Указ. соч., с. 83.

Хотя протест Вавилы против церкви и властей выражался в традиционных идеологических формах, он сопровождался мистическим учением об антихристе, отличном от ортодоксально-церковной эсхатологии, раскольническими и еретическими чертами.

Данные биографии Вавилы позволяют вскрыть социальные и политические корни его представлений, сформировавшихся не только под воздействием реформы Никона, но и других важных жизненных событий. В 1654 г. Вавила «сошел», по его словам, со двора своего владельца и через полгода принял постриг в Суздальском уезде в Золотниковской пустыни. В 1659—1660 гг., когда по всей стране проводился сыск беглых, Вавила уходит в лес под Вязники к пустыннику Селивестру. Во время восстания 1662 г. в Москве Вавила находился в Суздале и проявлял живой интерес к этим событиям. Он специально встречался с царским шутом карлой Михайлом и «говорил ему Михайлу про учение учителя своего пустынника Селиверста... и спросил де ево Михаила, каково де у великого государя вверху. И Михаила де ему молвил: не хорошо де у нас на Москве делаетца. И он де Вавило спросил, что... нехорошо делаетца и Михаила... сказал против чего, а что сказал... написать нелзе»³¹.

Личность и происхождение Вавилы Молодого невозможно установить по документам вязниковского сыска. Биографических фактов в его показаниях не содержится, за одним, пожалуй, исключением: признанием в том, что он общался со старцем Капитоном до никоновской реформы. «А у старца де Капитона он Вавило жил Костромского уезда на Се... лето одно, тому де ныне лет пятнадцать. А пришел к нему ... и черное де пла[тье] положил на него Вавило прохожеи чернец в лесу просто без молитв. Да и после де того он Вавило Капитона видел Шуйского уезду в селе Калбацком болши десяти лет. А ныне где тот Капитон, того он подлинно не ведает. А слухом слышал, что он умер. А чернца де Леонида он Вавило знает»³².

Чернецом Леонидом оказался беглый крепостной И. В. Морозова Суздальского уезда с. Горниц, по его словам, «был отпущен з женою и з [де]тми тому лет с одинатцать... и отпускная де у меня утерялась. А жена и дети померли, а постригся... за Волгою... а чорнова де священника х[то] меня стриг того не упомню». Среди пустынников, взятых с озера Юхра, Леонид занимался наставничеством. «Грамоте... не умеет»,— свидетельствует запись. Книги ему читал мальчик Степка, живший в одной келье с ним со своим отцом чернецом Яковом.

Леонид заявил, что он и пойманные с ним пустынники «учением» не сходились с теми, кто жил на озере Кшара. «А учение де у мен[я] от] отца Капитона, а Капитон де давно умер... а исповедовались де Леонид и иные старцы, которые в лесах жили друг другу... а которые люди в тех лесах помирали, и они во гроб клали их и погребали просто бес ления, а живых во гроб не кладывали... к церквам ходить... и христовых таин причащатца и святым иконам, которые писаны вновь, и которые и древяго писма, а не у них в ке[льях] поклонятца не велел, для того что почали петь по новым кни[гам]»³³. Под пытками он затем показал, что «Вавило де ему сказал, что Капитон умер, [а] учение де свое приказал хранить [ему] Вавиле Тот Капитон всяким людям сказывал, которые де... живут в пустынях и они б де себя для своего душевного спасения заморяли гладом. И он де Леонид, поверя ево Вавиловым словам, взяв

³¹ ЦГАДА. Госархив, разряд XXVIII, л. 258, ч. IV, л. 42.

³² Там же, л. 125.

³³ Там же, лл. 110, 122.

из своей пустыни посестрее и сына своего и тещу и отдал ему Вавиле, и Вавило де взял их и посадя в келью з голоду уморил».

На очной ставке с Леонидом Вавила Молодой «у пытки во всем винылся», не ссылаясь на Капитона как на своего учителя. «А сказал, которые де люди приходили к ним [и он де] их в кельи запирали и з голоду уморяли и в лесах похороняли просто. А сколько человек умерло, того он не помнит. А Леонидову де посестрию и сына и тещу, заперши в келье з голоду уморил он Вавило с ним Леонидом вместе»³⁴. За «многохульные и человекоубивственные дела» Вавила Молодой и Леонид по приказу боярина И. С. Прозоровского были сожжены 14 января 1666 г. во Владимире.

В облике Вавилы Молодого обнаруживаются черты жестокости. Даже идейный противник капитоновщины сибирский митрополит Игнатий и Евфросин, неутомимый обличитель проповедников «самоубийственных смертей», не приписывали старцу Капитону учения о самоистреблении. Вавила мог преднамеренно выдавать себя за хранителя и продолжателя учения Капитона, поскольку имя последнего было популярно в среде беглых (лжепустынников) и крепостных крестьян.

Симеон Денисов в сочинении первой трети XVIII в. называет в числе «взятниковских страдальцов» отца Вавилу «рода иноземческа, веры люторския», сожженного вместе с Леонидом³⁵. Так как личность старца Вавилы с о. Юхра устанавливается вполне определенно, то можно предположить, что упоминаемый С. Денисовым отец Вавила и чернец Вавила Молодой одно лицо. Однако вряд ли стоит доверять сообщениям выговского автора о том, что Вавила учился в Парижской академии, знал европейские науки, владел греческим, латинским, еврейским и немецкими языками. Пришел он якобы в Россию в царствование Михаила Федоровича, выучил здесь русский язык и принял православие³⁶.

При разгроме взятниковских пустынников стрельцы захватили более 20 печатных и рукописных книг, около 16 икон или образов. В описи названы сочинения «отцов» греческой церкви Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина (2 книги), Нила Синайского (Сорского?), Житие Сергия Радонежского, «Евангелие печатное», «два Цветника печатные», «Апостол» — большинство книг печатные. В описи значатся и «Псалтырь печать киевская» с пометой «ветхая» и какие-то «тетратки писменные рознь». Наличие учебных псалтырей, часовника свидетельствует о том, что в среде лжепустынников не только интересовались учением христианской церкви, но и обучали грамоте. Из показаний явствует, что при общении с окрестным крестьянским и посадским населением они обменивались книгами. Так, Леонид передал крестьянину д. Пострекаловы накануне сыска «Толковое евангелие».

В целом из сыскных материалов Приказа тайных дел 1665—1666 гг. мы черпаем сведения об оппозиционных воззрениях, распространявшихся в этот период в среде крепостных крестьян. Характерная особенность расспросных речей состоит в том, что в показаниях рядовых ответчиков отсутствуют раскольнические и эсхатологические моменты, а социальные и политические мотивы скрыты под религиозной оболочкой.

Из показаний привлеченных к следствию лиц можно представить картину сурового аскетического образа жизни вологодских капитонов. «Плебейский» по своей сущности аскетизм, а иным он и не может быть у лю-

³⁴ Там же, лл. 110, 115, 128.

³⁵ Денисов С. Виноград российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, л. 47 об.

³⁶ Там же, лл. 47—47 об. В рассказе С. Денисова о Вавиле взятниковском скорее всего слились обрывочные известия о двух разных людях.

дей труда, в сочетании с антицерковным поведением (отказом от духовничества, посещения литургии и т. д.) содержал мощный заряд социальной направленности против официальной церкви как господствующего идеологического института.

На материалах сыска достаточно четко прослеживаются связи вологодских капитонов с вязниковскими «церковными мятежниками». Истоки крестьянских воззрений и в том и в другом случае восходят к «учению» старца Капитона, действовавшего задолго до реформы Никона, к стихийному бунтарству старца Вавилы, сожженного в Вязниках. На характер же самого капитоновского учения, возможно, оказали влияние отголоски реформационных идей, распространявшихся в юго-западной России.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. И. ПЛАТУНОВ. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В СССР (1917 — июнь 1941 гг.).
Изд-во Томского ун-та, 1976, 282 с., тир. 1500 экз.

Анализ социально-экономических факторов переселений на различных этапах социалистического строительства, раскрытие содержания и организационных форм государственного руководства переселенческим движением, исследование тесной взаимосвязи переселенческих мероприятий с социальной, экономической и национальной политикой Советской власти — важные задачи, стоящие перед историками. И хотя уже в 20—30-е годы появились брошюры, журнальные и газетные статьи, освещающие отдельные сюжеты темы (многие из них нуждаются в критическом анализе и теоретическом обобщении) и заметное оживление в разработке этой проблемы наблюдается в послевоенный период, все же литература по проблеме невелика.

В рецензируемой книге анализируются основные закономерности миграционных процессов в восстановительный период, в годы развернутого социалистического строительства, показывается государственное регулирование переселений. Хронологические рамки работы ограничены довоенным периодом, так как именно в эти годы происходила ломка старых и утверждение новых социалистических начал в переселенческом движении.

Монография написана на большом документальном материале, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. Среди важнейших источников — партийные решения, законодательно-распорядительные акты Советского государства. Кроме того, автор использует различные справочники по сельскохозяйственному переселению, организованному набору рабочей силы, журнальные и газетные материалы, документы 75 фондов партийных и государственных архивов 14 городов. Им привлечены также статистические материалы, в том числе публикации переписей населения 1926 и 1939 гг.

В первой главе рассматривается плаковое переселение крестьян из аграрно-промышленных районов европейской части СССР на специально выделенные Советским государством земли. Здесь показывается участие В. И. Ленина в разработке основ переселенческой политики и организации первых переселенческих мероприятий Советской власти.

Автор характеризует социально-экономические предпосылки, ход переселения, устройство крестьян на заселяемых землях. Он раскрывает подготовку и конкретные проблемы организации планового переселения. Здесь приводится ряд интересных законодательно-распорядительных актов Советского государства, статистических данных, показывающих возрастающую роль плановых переселений по мере улучшения организации переселенческого дела.

Анализируя плановое переселение 1924—1929 гг., автор недостаточно осветил вопрос о социально-экономическом механизме и исторически ограниченных функциях основных в то время форм миграции (на постоянное место жительства в города, в отхожие промыслы и переселение крестьян в малонаселенные районы). Отсюда встречающиеся в работе противоречия в оценке роли переселений в 20-е годы. Так, переселение

крестьян в малонаселенные районы рассматривается как важнейший путь разрешения аграрного перенаселения (с. 58) и вместе с тем отмечается, что в условиях бурного промышленного развития ряда европейских районов механическая переброска сельского населения на восточные окраины страны не отвечала интересам их экономического развития (с. 116).

В монографии, на наш взгляд, слабо раскрыты большие трудности в осуществлении переселенческой политики в 20-е годы. Эффективность ее проведения снижалась не только из-за некоторых недостатков в организации переселений (о чем коротко пишет автор), но, прежде всего, из-за многоукладности экономики.

Во второй главе монографии исследуются причины, государственное регулирование и ход промышленного переселения в северные и восточные районы СССР. Автор выделяет периоды 20-х и 30-х годов. Для последнего характерны коренным образом изменившиеся социально-экономические условия. Высокие темпы индустриализации, ликвидация безработицы, коллективизация сельского хозяйства, рациональное размещение производительных сил по территории страны увеличили роль миграции в общественном развитии, повысили подвижность населения. В этой связи следовало бы подчеркнуть, что в условиях, когда социалистический сектор стал единственным и всеохватывающим, в руках государства оказались сосредоточенными важнейшие рычаги регулирования миграцией — капиталовложения, заработная плата, жилищная политика, подготовка кадров и др. А отсюда и совершенствование организационных форм промышленных переселений, о котором пишет автор. Н. И. Платунов показывает, что с принятием первого пятилетнего плана усилилось государственное регулирование отходничества из деревни, выразившееся с 1930 г. в организованном наборе рабочих органами Наркомтруда СССР.

Более подробно формы промышленного переселения в довоенный период были изучены автором на примере Карело-Мурманского края и Северо-Востока европейской части и промышленных центров восточных районов страны. Автор определяет соотношение местных и внешних источников пополнения рабочего класса новых промышленных районов страны. Он предпринимает также попытку определить с помощью материалов переписей населения 1926 и 1939 гг. роль миграции в формировании населения. Н. И. Платунов подчеркивает огромное влияние индустриализации на масштабы и направления движения населения.

Вместе с тем в главе несколько схематично изложен процесс совершенствования форм промышленных переселений. Для современного читателя этот аспект особенно важен, поскольку некоторые из этих форм сохранили свое значение и поныне (например, организованный набор рабочей силы). Кроме того, актуален и вопрос совершенствования организационного воздействия на миграцию. В этой части работы можно было бы разностороннее показать также цели государственного регулирования миграцией. Автор отмечает экономические цели — обеспечение количественного и качественного соответствия между требуемым и наличным составом рабочей силы в различных районах СССР (с. 150). Но заинтересованность хозяйственных органов в совершенствовании профессиональной подготовки прибывших в города крестьян, в улучшении их бытовых условий свидетельствуют и о важных социальных функциях миграции.

В третьей главе автор исследует красноармейское сельскохозяйственное переселение, новое сельскохозяйственное переселение крестьян-колхозников, переселение кулаков. Он показывает сложную структуру миграционных потоков в довоенный период, обращает внимание на различные принципы их организации. Так, перед красноармейским переселением ставились следующие задачи: оказание помощи колхозной деревне квалифицированными кадрами, укрепление местных органов Советской власти, интенсивное сельскохозяйственное освоение территории районов красноармейских поселений (с. 199). Основными районами планового переселения красноармейцев был Дальний Восток и Северный Кавказ. Красноармейские переселения сыграли большую роль в претворении в жизнь решений партии о социалистическом преобразовании и подъеме сельского хозяйства на наиболее ответственных участках колхозного строительства начала 30-х годов.

Характеризуя переселение кулачества, вызванное ликвидацией кулачества как «класса, автор подчеркивает, что эта мера была предпринята в следующих целях: социальной защиты, трудового воспитания бывших кулаков в сознательных строителей социалистического общества, производительного использования трудовых сил выселенных кулацких семей, промышленно-промыслового и сельскохозяйственного освоения новых территорий (с. 216). В дополнение к опубликованным по этой теме материалам в книге приводятся интересные данные Наркомзема СССР о территориальном размещении этих переселенцев.

Автор обращает внимание и на задачи переселения крестьян-колхозников. Он рассматривает его «как важнейшее государственное мероприятие по организационному укреплению колхозов и сельскохозяйственному освоению многоземельных районов СССР» (с. 222). Переселенческие мероприятия 30-х годов были обусловлены необходимостью расширения промышленной и продовольственной базы в восточных районах СССР.

В главе «Переселенческая политика в национальных районах СССР» переселение исследуется в тесной связи с социалистическим переустройством образа жизни отдельных народов. На примерах перевода кочевников на оседлость, приобщения кочующих цыган к производительному труду, землеустройства и свободного расселения евреев показывается практическое воплощение в жизнь ленинской национальной политики.

Н. И. Платунов провел многоплановое исследование, впервые обобщающее сложные переселенческие процессы, имевшие место в 20—30-е годы. Автору в целом удалось дать разносторонний анализ переселенческого движения в СССР, оценить его роль в решении ряда экономических, социальных, политических вопросов.

В. М. Моисеенко

Д. А. КОВАЛЕНКО. ЛЕНИН И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1917—1920 гг. М., «Мысль», 1976, 368 с., тир. 12 000 экз.

Ленинское теоретическое наследие является непревзойденным образцом марксистского подхода к руководству процессом коммунистического преобразования общества. В основе ленинского плана построения нового общества лежала идея социалистического преобразования промышленности. Первый период жизни Советского государства (1917—1920 гг.), характеризовавшийся процессом становления и утверждения социалистической экономики, совпал с ожесточенной борьбой за самое существование народной власти. Это наложило свой отпечаток на ход социалистических преобразований в народном хозяйстве, в частности, в промышленности.

Автор рецензируемой монографии поставил перед собой задачу исследовать роль Ленина в разработке и практическом проведении социалистических преобразований в промышленности нашей страны в 1917—1920 гг. Автор дает источниковедческий анализ важнейших ленинских документов, а также законодательных актов, в разработке которых Ленин принимал активное участие.

Исследуя формы и методы социалистических преобразований, автор показывает, как они менялись в ходе революционного процесса на протяжении всего периода. Первая глава работы содержит источниковедческий анализ «Положения о рабочем контроле» от 14 ноября 1917 г., а также основательное освещение практики проведения рабочего контроля в масштабе всей страны. В соответствии с программой социалисти-

ческих преобразований Советская власть осуществила конфискацию, секвестр, национализацию отдельных предприятий (см. табл. на с. 72).

В книге исследован процесс создания новых органов управления промышленностью — ВСНХ, его центров и главков, совнархозов на местах (с. 89—112). Хорошо показана роль В. И. Ленина, ЦК РКП(б) в разработке конкретных форм организации хозяйственного аппарата, в налаживании его работы, раскрыто участие профсоюзов в его строительстве, освещен сложный и сравнительно малоизученный процесс демобилизации военной промышленности.

Весной 1918 г. в Советской России широким фронтом развернулась национализация основных отраслей промышленности. В этот период началось претворение в жизнь плана создания основ социалистической экономики, изложенного В. И. Лениным в работах «Очередные задачи Советской власти» и «О „левом“ ребячестве и мелкобуржуазности». Характеристика этого плана в области промышленности, претворение его в жизнь, разработка Советом Народных Комиссаров под руководством В. И. Ленина Декрета о национализации основных отраслей тяжелой промышленности от 28 июня 1918 г., наконец, первые шаги в осуществлении его во второй половине 1918 г. — все это составляет основное содержание второй главы монографии. Декрет от 28 июня 1918 г. автор ставит в один ряд с декретами о мире, о земле, о рабочем контроле (с. 153).

Третья, заключительная глава монографии посвящена завершению национализации крупной и средней промышленности в период гражданской войны. В ней освещаются такие сложные проблемы, как осуществление национализации основных отраслей промышленности, выявление особенностей обобществления промышленности в связи с переходом к политике военного коммунизма, социалистические преобразования в мелкой и кустарной промышленности, дальнейшее совершенствование системы управления промышленностью, а также итоги преобразования к концу гражданской войны.

Принятый автором план работы позволил ему последовательно и основательно рассмотреть важнейшие стороны и звенья процесса социалистического преобразования промышленности. К сожалению, за ее пределами оказались такие важные вопросы, как поиск новых форм приобщения к труду миллионов масс, первые шаги в разработке экономической стратегии партии, имеющие непосредственное отношение к теме. Между тем к концу рассматриваемого периода они вполне определились как важные составные части процесса социалистического преобразования народного хозяйства. Приходится заметить также, что для исследования генезиса ленинских взглядов на социалистические преобразования экономики важно было детальнее рассмотреть теоретические положения Ленина о важнейших проблемах переходного периода, скажем, о роли и месте денег в системе социалистического хозяйства, что имеет непосредственное отношение к натурализации хозяйственных отношений в период «военного коммунизма». Такое рассмотрение дополнило бы ту часть введения, где говорится о ленинском учении об объективных материально-технических предпосылках социалистического строительства (с. 19—31). Представляется, что автору, поскольку он касается «военного коммунизма», следовало бы обратить внимание на накопление элементов нового подхода к решению экономических вопросов на последнем, четвертом этапе социалистических преобразований в промышленности, выражающихся в ослаблении чрезмерной централизации, повышении материального стимулирования труда и т. д.

Книга Д. А. Коваленко достаточно убедительно свидетельствует о том, что осуществленные в первые годы Советской власти социалистические преобразования имеют непреходящее значение, интерес к ним не ослабевает среди историков и экономистов. Ленинские идеи о социалистическом соревновании, о путях неуклонного повышения производительности труда, о совершенствовании управления экономикой на основе принципа демократического централизма и многие другие имеют актуальное значение и поныне, когда проводятся в жизнь грандиозные задачи строительства коммунизма в нашей стране.

Н. А. Кравчук, Е. В. Олесюк

В. В. АЛЕКСЕЕВ. ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СИБИРИ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, ч. I. 1885—1950 гг. Новосибирск, «Наука», 1973, 311 с., тир. 1550 экз., и ч. II. 1951—1970 гг. Новосибирск, «Наука», 1976, 272 с., тир. 1400 экз.

Составленный по указанию В. И. Ленина Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО) стал перспективным планом развития народного хозяйства, положившим начало истории «...научно обоснованного, планового, комплексного развития экономики»*. Ленинские идеи электрификации получили свое дальнейшее развитие в документах Коммунистической партии.

Обширна историография проблемы электрификации. Интерес к ней проявляют не только историки, но и экономисты, и энергетики. Большое число работ, ставших серьезным вкладом в разработку проблемы, принадлежит перу энергетиков-практиков, принимавших непосредственное участие в осуществлении плана ГОЭЛРО. Значительная часть исследований историков посвящена истории разработки ГОЭЛРО и его осуществления. Они рассматривают электрификацию в тесной взаимосвязи с осуществлением ленинского плана социалистического преобразования России. Развитие электрификации во второй и третьей пятилетках, а также в годы Великой Отечественной войны изучено слабее, хотя отдельные сведения относительно 1938—1945 гг. содержатся в обобщающих исследованиях и крупных монографиях. Совершенно недостаточно исследована электрификация страны в 40—50-е годы. Имеющиеся работы посвящены главным образом деятельности КПСС по осуществлению электрификации сельского хозяйства, сооружению отдельных гидроэлектростанций и развитию промышленности в годы четвертой пятилетки.

Требуют дополнительного изучения многие вопросы развития электрификации отдельных регионов, такие, как ее влияние на демографические, экологические, социально-экономические и культурные преобразования.

Рецензируемое исследование, посвященное электрификации Сибири, имеет широкую источниковую основу: постановления ЦК партии и правительства, местных партийных и советских органов; архивные и опубликованные источники делопроизводственного характера, связанные с работой государственных, партийных, общественных организаций и отражающие решение проблем электрификации; социально-экономическая статистика; периодическая печать.

В первой книге рассматриваемой работы (1885—1950 гг.) характеризуется развитие электроэнергетики дореволюционной Сибири, план ГОЭЛРО и его значение для Сибири и энергетика Сибири в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. В ней приводятся интересные данные из истории изучения энергетических ресурсов Сибири, названы имена первых его энтузиастов: А. А. Вельнера, В. М. Малышева, И. Г. Александрова, Н. Н. Колосовского и др. На большом фактическом материале автор показал специфику развития электрификации дореволюционной Сибири — анархичность и бессистемность работ по электрификации, полную зависимость их проведения от купцов и промышленников. Он подчеркнул значение ленинского плана ГОЭЛРО для развития этого богатого природными ресурсами края. Большое внимание уделил автор раскрытию роли местных партийных и советских организаций в определении путей развития электрификации городов Сибири, отдельных промышленных районов, сельских местностей. Причем он подчеркнул связь индустриализации сельского хозяйства с его электрификацией.

Вторая часть рецензируемой работы посвящена истории электрификации Сибири в период, когда этот регион становится ведущим в энергетическом строительстве. Наличие в Сибири половины гидроэнергетических ресурсов, большей части запасов угля, нефти и газовых месторождений страны определяют ее особое место в развитии совет-

* Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 2. М., 1973, с. 85.

ской экономики. В книге подчеркивается возрастающая роль сибирской энергетики в условиях развитого социализма, анализируется количественный и качественный рост кадров энергостроителей и энергетиков на современном этапе. Большое внимание уделяет автор техническому прогрессу в энергостроительстве и развитии энергетики, а также вопросам технического перевооружения промышленности, сельского хозяйства, транспорта и быта.

Автор убедительно показывает, что успехи электрификации заложили основу для создания и развития территориально-промышленных комплексов в Сибири, более широкой электрификации сельского хозяйства, железнодорожного транспорта и быта. Он отметил, что сооружение мощных ГЭС с огромными водохранилищами оказало заметное влияние на изменение окружающей среды.

Интересной является попытка автора комплексно показать кадры сибирских энергетиков — энергостроителей и эксплуатационников. Однако заметим, что наиболее удачной оказалась она в отношении энергостроителей. Изучая вопросы формирования, численности и состава энергостроителей, автор активно использовал материалы текущих архивов строек, строительных трестов и т. п. Он проследил динамику развития отдельных строительных отрядов, а также энергостроителей Сибири в целом. Автор исследовал качественный состав ИТР.

Подробное изучение отряда сибирских энергетиков — весомый вклад в изучение советского рабочего класса. В рецензируемой книге подтверждается, что в условиях научно-технической революции важное значение приобретает техническое перевооружение промышленности на базе электрификации. На первый план выдвигается комплексная автоматизация на основе широкого использования электрической энергии, что содействует интенсификации производства, росту производительности труда, улучшению его условий, стиранию различий между умственным и физическим трудом. Электрификация в период развитого социализма становится неотъемлемым компонентом не только технико-экономических, но и социальных преобразований советского общества.

И. М. Некрасова

УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ И МИФЫ АНТИКОММУНИЗМА. Кишинев, изд-во «Штиинца», 1976, 182 с., тир. 10 000 экз.

Рецензируемая книга разоблачает концепции и взгляды современных антикоммунистов и «советологов»; на богатом фактическом материале в работе убедительно показано, как после Великой Октябрьской социалистической революции была создана и совершенствовалась молдавская государственность, сформировалась и достигла подлинного расцвета молдавская нация. Благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии, всесторонней и бескорыстной помощи братских народов Советского Союза, самоотверженному труду граждан Молдавской ССР республика добилась огромных успехов за годы Советской власти.

На Западе выпускаются в свет книги, фальсифицирующие прошлое и настоящее молдавского народа. Оголтелую пропаганду ведут против Советской Молдавии лидеры контрреволюционных и националистических организаций, члены бывших фашистских и профашистских партий и другие враги молдавского народа, бежавшие из Бессарабии при ее освобождении. В книге последовательно и аргументированно разоблачаются фальсификации этих реакционеров.

Авторы монографии, приводя многочисленные конкретные факты и примеры, развенчивают буржуазный миф о якобы принудительном объединении советских республик, в том числе и Молдавской ССР, в единое многонациональное Советское государство, показывают небывалые достижения молдавского народа в советское время.

Многочисленные данные, приведенные в работе, подтверждают огромные экономические достижения Молдавской ССР и опровергают утверждения буржуазных идеологов, будто Молдавия является аграрной республикой и сельское хозяйство служит «главной отраслью ее экономики». В книге содержится большой перечень новых отраслей промышленности, появившихся в республике за последние годы. В монографии дан анализ роста различных отраслей промышленности, охарактеризованы достижения в области индустриализации республики.

Стремясь нейтрализовать влияние огромных достижений советских республик, в частности, Молдавской ССР, в экономическом и культурном строительстве на общественное мнение за рубежом, реакционеры на Западе пропагандируют тезис о том, что «материальный прогресс» социалистических наций якобы сопровождается «потерей их национальной независимости». Этот вымысел не имеет ничего общего с действительностью.

Опыт экономического развития СССР как многонационального государства привлекает внимание буржуазных идеологов; одна из причин этого, по мнению американского профессора Л. Дэниса, заключается в том, что «территориальное планирование экономической активности является жизненно важным делом для СССР. Обширная территория, неравномерное распределение ресурсов и многонациональное население неизбежно предопределяют необходимость учета регионального аспекта». Именно поэтому антикоммунисты пытаются противопоставить интересы Союза ССР в целом интересам национальных республик и наоборот. Так, американский идеолог А. Лоу утверждает, что наша партия будто бы осуществляет «подчинение интересов союзных республик тем интересам, которые она считает общесоюзными». Разоблачая эти домыслы буржуазных идеологов, авторы книги отмечают, что развитому социализму присущи неизмеримо возросшие масштабы производства, быстрые темпы роста и прогрессивная структура общесоюзной экономики, все большая специализация и разделение труда, в том числе и межреспубликанское. Ныне в нашей стране достигнута высокая степень зрелости социалистических производственных отношений. Сложилась новая историческая общность людей — советский народ. И поэтому наш советский опыт служит наглядным подтверждением ленинских идей о преимуществах, которые дает крупное централизованное народное хозяйство в сравнении с раздробленным. Слияние хозяйственных возможностей и ресурсов всех республик ускоряет развитие каждой из них.

Большое место в работе уделено разоблачению буржуазных извращений истории развития культуры, народного образования, искусства Молдавии. Буржуазные идеологи до сих пор не хотят признать того факта, что огромных достижений в развитии культуры и в других областях жизни Молдавия достигла в результате победы Великого Октября, установления Советской власти в нашей стране. Пытаясь умалить успехи молдавского народа в культурном строительстве, буржуазные авторы искажают действительное состояние культуры в республике. На самом же деле, как отмечается в книге, молдавский народ за годы Советской власти добился невиданных результатов в культурном строительстве (с. 169). Так, в Бессарабии в школах всех типов до установления Советской власти обучалось менее 50% детей школьного возраста. С каждым годом в крае сокращалось количество средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. Введенный в 1921 г. так называемый закон об обязательном начальном обучении остался на бумаге. Статистика свидетельствует, что в 1939 г. в Бессарабии было 65% неграмотного населения, а среди женщины — до 85% неграмотных.

За годы Советской власти в республике создана широкая сеть школ, институтов и техникумов. Ныне в республике, например, нет ни одной деревни, которая не имела бы своих агрономов, инженеров, учителей, врачей, техников-специалистов различных отраслей. В Молдавии, насчитывающей 3,8 млн. человек, сейчас имеется 210 тыс. специалистов с высшим и средним образованием, из них больше половины трудится в сельской местности (с. 181).

Английский «специалист по советским исследованиям» Хатчингз утверждает, что до сих пор якобы существуют значительные различия между советскими республиками

по такому показателю, как высшее образование, а в Молдавии по сравнению с другими республиками еще якобы мало людей с высшим образованием приходится на каждую тысячу населения (с. 172). В действительности же по числу студентов на 10 тыс. человек она не уступает ни одной союзной республике. По этому важнейшему показателю уровня народного образования Молдавия значительно опережает Англию, Францию, Италию, ФРГ и другие высокоразвитые капиталистические страны (с. 173).

Раскрывая несостоятельность буржуазных измышлений относительно истории развития Молдавской ССР, книга знакомит читателей с яркими фактами о социалистическом и коммунистическом строительстве в Советской Молдавии.

Л. А. Брутяк

**М. ИСКАНДАРОВ. ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В ТАДЖИКИСТАНЕ (1924—1929 гг.). Душанбе, изд-во «Ирфон», 1976,
210 с., тир. 1000 экз.**

В последнее время советские историки все чаще обращаются к проблемам национально-государственного строительства. Из целого ряда исследований на эту тему в данном случае следует отметить работы Н. Г. Дегтяренко и С. А. Раджабова*. Большое внимание вопросам советского строительства уделено в третьем томе «Истории таджикского народа» (М., 1964). Книга М. Искандарова является первым монографическим исследованием, специально посвященным проблеме советского строительства в Таджикистане. В рассматриваемые годы Таджикистан был автономной республикой в составе Узбекской ССР.

После национально-государственного размежевания Средней Азии и образования Таджикской АССР, отмечается в книге, необходимо было «создать как в центре, так и на местах вплоть до кишлака, маленький, гибкий, дешевой советский аппарат, способный действительно служить беднейшему дехканству и защищать его интересы» (с. 26). К концу восстановительного периода эта задача не была еще решена. Автор обращает внимание в этой связи на просачивание в органы народной власти классово чуждых элементов, отдаленность Восточной Бухары от пролетарских центров, крайнюю экономическую и культурную отсталость края.

На выборах в Советы 1925—1926 гг. выдвижение и избрание депутатов проходили в условиях острой классовой борьбы. Бая, кулаки и духовенство всеми путями пытались сорвать выборы или протаскать в органы власти своих ставленников. М. Искандаров анализирует большую организационно-массовую работу по улучшению деятельности Советов, проводившуюся партийными и государственными органами Таджикистана. Он подчеркивает важность проведения в республике земельно-водной реформы, которая, в частности, была призвана «...создать действительно свободные от классово чуждых элементов Советы и оживить их деятельность ...ибо без ликвидации остатков феодальных и полуфеодальных отношений в кишлаках невозможно было покончить с зависимостью дехкан от бая, поднять их политическую активность и широко привлечь их к участию в работе Советов» (с. 70).

Оживлению работы Советов способствовало районирование, т. е. коренное изменение административно-территориального устройства Таджикистана, как и Средней Азии в целом. В соответствии с национальными интересами народа были созданы районы и округа, возглавляемые вновь созданными советскими органами.

* Дегтяренко Н. Г. Развитие советской государственности в Таджикистане. М., 1960; Раджабов С. А. В. И. Ленин и советская многонациональная государственность. Душанбе, 1970.

Большое внимание в книге уделяется борьбе за раскрепощение женщин и вовлечение их в социалистическое строительство. Уже к 1928—1929 г. благодаря целому комплексу экономических и социально-политических мероприятий партии и государства в Таджикской АССР по 285 джамогатам было проведено 458 предвыборных отдельных женских собраний (около 40% всех проведенных предвыборных кампаний) с участием 29 908 женщин (13,2% всех избирательниц) (с. 181).

Значительное место в своей работе М. Искандаров уделяет рассмотрению такой важной проблемы, как коренизация государственного аппарата. «Коренизация,— пишет автор,— являлась комплексом специальных государственных мероприятий, включающих и подготовку национальных кадров для государственного аппарата, и перевод делопроизводства на языки населения, и вовлечение трудящихся масс различных национальностей в государственное строительство» (с. 165).

Автор основательно использовал материалы центральных и местных партийных и государственных архивов, периодическую печать, учел также отдельные исследования по этой теме. Однако проблемам историографии он не уделил должного внимания, ограничившись по существу простым перечислением работ своих предшественников. В книге недостаточно полно и четко раскрыты особенности советской избирательной системы 20-х годов (с. 48—49, 104).

А. Н. Новиков, О. И. Чистяков

Р. ПУЛЛАТ. ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЭСТОНИИ С КОНЦА XVIII ВЕКА ДО 1940 ГОДА. ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. Таллин, изд-во «Ээсти раамат», 1976, 224 с., тир. 800 экз.

Необходимость и актуальность работ по исторической демографии нашей страны в целом и отдельных республик не вызывает сомнений. Важное место в этой области занимает изучение населения городов. В этом направлении пока предпринимаются лишь первые шаги. Далеко еще не завершен сбор и обработка архивных материалов даже за пореформенные годы, не говоря уже о более ранних периодах. Все еще нет единого мнения о том, что следует считать городом в научном понимании в различные исторические периоды. Не установлено, каков был сословно-классовый состав населения городов, каково было соотношение уровней естественного и механического прироста в общем движении городского населения, не выяснена специфика развития городской жизни в различных регионах страны. Еще не вовлечены в оборот материалы переписи городского населения России 1917 г. К сожалению, перечень неразрешенных или недостаточно глубоко решенных проблем по истории городов России можно было бы продолжить.

В рецензируемой книге на основе широкого круга источников предпринята попытка изучения развития городов Прибалтийского региона за большой отрезок времени. Р. Н. Пуллат на конкретных примерах демонстрирует методику анализа и использования комплексов сохранившихся источников (ревизских, полицейских, научно организованных переписей), позволяющую получить наиболее убедительные результаты. Это тем более важно, что демографические статистические источники XVIII—XIX вв. страдают несовершенством. Применение методики исследования, разработанной автором на материалах, относящихся к Эстонии, имеет важное научное и практическое значение для развертывания подобных работ по другим регионам.

Р. Н. Пуллат не ограничивает своих задач анализом чисто демографических сюжетов, но затрагивает ряд социально-экономических и урбанистических проблем. В работе рассмотрены развитие экономики, торговли, ремесла, городское строительство в позднефеодальных и капиталистических городах Эстонии. Автор обращает внимание

на общий рост народонаселения городов (естественное и механическое движение), его национальный и социальный состав.

Р. Н. Пуллат показывает, как средневековые феодальные города постепенно преобразовывались в города капиталистические, города в современном смысле слова. Если в конце XVIII в. в городах преобладали немцы и был довольно высок удельный вес земледельческого населения, то к концу исследуемого периода основную часть жителей городов Эстонии составляли эстонцы и сами города превратились в экономические центры для довольно обширной сельскохозяйственной периферии. Завершение преобразования прибалтийского феодального города в буржуазный автор относит к 70—80-м годам XIX в.

Исследуя развитие буржуазного города Эстонии, Р. Н. Пуллат приходит к выводу, что в кризисных 1930—1934 годах уровень рождаемости в городах определялся численностью их населения, то есть находился в прямой связи с масштабами проявления этого кризиса. Наименьшая рождаемость наблюдалась в самых крупных городах, наивысшая — в самых небольших, менее затронутых кризисом. Решающее значение в общем снижении рождаемости в городах буржуазной Эстонии 20—30-х годов XX в. сыграл экономический фактор.

Городское население буржуазного периода автор рассматривает как совокупность трех социально-классовых образований — пролетариата, мелкобуржуазных слоев и буржуазии — и определяет отношение между ними соответственно в 60, 30 и 10%. При этом мелкобуржуазные слои капиталистического общества характеризуются им как самостоятельный промежуточный класс, что, с нашей точки зрения, является спорным.

Положительно оценивая монографию, следует, однако, отметить, что для анализа феодального периода автор привлек далеко не все сохранившиеся источники и не дал анализа социально-классового и национального состава городов Эстонии в такой мере, как это сделано для капиталистического периода. Рост городского населения Эстонии недостаточно увязан с общим процессом развития городов Российского государства конца XVIII — начала XX в. и городов СССР 20—30-х годов XX в. Поэтому в работе не всегда устанавливается общее для всей России и специфическое особенное, присущее только городам Прибалтийского региона. Решению этого вопроса могло бы способствовать использование материалов исследования А. Г. Рашина «Население России за 100 лет» (М., 1956). Р. Н. Пуллат не остановился специально на научном определении самого понятия «город», упоминая города «аграрные», «руральные» и т. д., а вместе с тем, при изучении городов решить этот вопрос чрезвычайно важно. Но тем не менее, несмотря на то, что еще многие демографические сюжеты, в том числе связанные с историей городов, ждут своего исследования, рецензируемая работа продвинула нас вперед в изучении исторической географии и демографии.

С. И. Брук, Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан

Л. А. ГОРДОН, Э. В. КЛОПОВ, Л. А. ОНИКОВ. ЧЕРТЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: БЫТ ГОРОДСКИХ РАБОЧИХ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. М., «Знание», 1977, 159 с., тир. 30 350 экз.

Советскому рабочему классу посвящена обширная литература, однако не все стороны его жизни получили одинаковое освещение. Абсолютное большинство исторических, социологических, философских работ посвящено производственной и общественно-политической деятельности рабочих. Интерес к непродуцированной жизни про-

является все больше в связи с изучением советского образа жизни как комплексной социальной проблемы¹.

Рецензируемая книга дает читателю представление о быте как составной части образа жизни, о самом социалистическом образе жизни как концентрированном выражении политического, социально-экономического и культурного развития советского общества (с. 3). Понятие «быт» авторы рассматривают широко, относя к нему и досуг, считая, что эти области повседневной жизни имеют характерную особенность: «деятельность здесь организуется обществом не столь прямо и непосредственно как труд или политическая жизнь, а скорее косвенно», сфера быта и досуга «менее формализована, больше зависит от индивидуальных свойств, желаний, устремлений людей» (с. 4). Различным областям непродуцированной жизни посвящены специальные разделы книги, в которых анализируются изменения во всех ее компонентах. Заслугой авторов является то, что они дают теоретическое обоснование критериев выделения сфер непродуцированной жизни.

Книгу отличают историзм, комплексный подход к рассматриваемым проблемам и актуальность поставленных вопросов. Исторический ракурс выдерживается авторами и в целях анализа изменений в быту, и для показа особенностей социалистических черт быта в условиях развитого социализма.

В книге подчеркивается существенная черта социалистического образа жизни в условиях зрелого социализма. «Развитие, совершенствование личности становится одной из объективных функций непродуцированной жизнедеятельности; повышение роли этой функции будет во многом определять дальнейшие сдвиги в сфере быта» (с. 25).

Исторически прослеживаются изменения в домашнем труде, факторы, которые привели к его сокращению в 20—40-е и 50—70-е годы. На первом этапе наибольшее значение имели развитие пищевой и легкой промышленности, позволившее отказаться от домашнего производства многих предметов бытового потребления, снижение рождаемости в городах, налаживание коммунального обслуживания, организация системы общественного питания и детского дошкольного воспитания. В 50—70-е годы значительное сокращение роли домашнего труда произошло благодаря совершенствованию системы коммунально-бытовых услуг, грандиозному жилищному строительству, развертыванию сферы обслуживания, в том числе системы общественного питания, а также новым, массовым масштабам детского и дошкольного воспитания. Сокращение домашнего труда и социально-культурный рост рабочих привели к тому, что продолжительность культурных занятий городских рабочих выросла в современных условиях по сравнению с первой половиной 20-х годов в два с половиной раза (с 7 до 17 часов в неделю). В структуре нерабочего времени культурная деятельность занимает столько же времени, сколько непреложные домашние дела (с. 47). Исторически прослежены в книге изменения в подходе к воспитанию детей и в других сферах быта.

Существенной частью источниковой базы работы явилась государственная статистика учреждений о развитии сферы быта и культуры, а также результаты социологических обследований, проведенных Институтом международного рабочего движения. Привлечение разнообразного круга источников позволило авторам осуществить комплексный подход к изучению быта городских рабочих. Он состоит прежде всего во взаимосвязанном рассмотрении всех компонентов быта. Так, авторы показывают, что сокращение домашних дел способствовало увеличению культурного досуга. И в то же время духовный рост коренным образом влияет на отношение к домашнему труду, к быту вообще. Это показано в книге на примере более образованной группы рабочих (с. 46). Авторы делают вывод: в отличие от начальных стадий социалистического переустройства быта, когда сокращение домашнего труда влияло на содержание и увеличение досуга, в современных условиях возросшие культурные потребности занимают ведущее место в ряду факторов, определяющих соотношение бытовых занятий (с. 46).

¹ См. Труфанов И. П. Об историографии быта рабочего класса периода развитого социалистического общества. В кн. Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. IV. Л., 1976.

Комплексный подход к рассмотрению быта в рецензируемой книге состоит и в том, что явления непродушенной сферы деятельности людей анализируются во взаимодействии с общими социально-экономическими изменениями в стране. Это и дает возможность авторам убедительно вскрыть причины перемен в быту, которые обусловлены общими изменениями направленности производства в условиях социализма.

Объективной целью производства становится обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества². Если в силу ряда причин на ранних этапах социалистического строительства осуществление этой цели было серьезно затруднено, то тем заметнее, реальнее сказывается ускоренный рост уровня жизни в 60—70-е годы, который произошел в результате глубокого поворота экономики к решению задач повышения благосостояния народа. В свою очередь, рост благосостояния трудящихся, расширение материальной базы культуры приводят к повышению культурного уровня населения. Как гласит статья 20 новой Конституции, «государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

В силу характера работы авторы сосредоточивают внимание на материальных и культурно-бытовых проблемах, но многие вопросы рассматриваются и с точки зрения социально-психологических аспектов жизнедеятельности.

В сравнении с предшествующими работами авторы большее внимание уделяют социальным факторам, влияющим на быт советских людей. Так, многие изменения в быту рабочих в 60—70-е годы в сравнении с 20—30-ми годами объясняются качественно иным составом рабочего класса (с. 50—51). В значительной мере разнообразие культурного потребления среди рабочих объясняется уровнем образования. И все же думается, что конкретизация особенностей быта рабочих различных квалификационных групп значительно дополнила бы картину непродушенной жизни рабочих. Ведь дифференциация рабочих по уровню образования, широко применяемая в книге, не совпадает целиком с дифференциацией рабочих по квалификации.

В книге поставлены общественно значимые проблемы, дается ряд рекомендаций по совершенствованию быта, досуга. Так, рассмотрены вопросы о неравномерности распределения домашнего труда между мужчиной и женщиной (загруженность домашними делами семейных женщин, имеющих несовершеннолетних детей, превышает в 2—3 раза занятость мужчин, — с. 41), и возможности использования различных рычагов для решения этой важной социальной проблемы.

В работе ставится вопрос о необходимости стимулирования более «возвышенных», по выражению К. Маркса³, форм культурного творчества. Авторы книги обращают внимание на быстрый рост числа трудящихся — участников художественной самодеятельности. В 60—70-х годах участников кружков художественной самодеятельности клубных учреждений, профсоюзов и Министерства культуры СССР стало больше примерно в 2—2½ раза (с. 68). И все же недостаточное развитие самодеятельного, непрофессионального творчества составляет одну из главных, как отмечается в исследовании, диспропорций нынешнего развития культурной и бытовой сферы жизни (с. 69). Между тем самодеятельное творчество в условиях, когда социально необходимый уровень образования в советском обществе заметно выше, чем нужный для выполнения производственной деятельности, имеет существенное значение: оно позволяет избавить работников от ощущения недостатка творческих элементов в их жизни. Авторы считают, что для «развивающей» направленности быта расширение культурного творчества необходимо.

Авторы не стремятся резко противопоставить так называемые творческие виды досуга времени, которое отводится на приобщение к культуре (например, чтению, посещению выставок, концертов, театров, кино), что, на наш взгляд, верно. Само

² См. Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 232.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 221.

восприимчивости духовных ценностей есть творческий процесс. У заинтересованного и, тем более, подготовленного читателя, зрителя, слушателя оно вызывает размышления, ассоциации и часто приводит к формированию взглядов, убеждений, ориентаций, что в общем тоже является проявлением творчества. Так что приобщение к культуре лишь с достаточной степенью условности можно назвать потребительскими формами повседневной культурной жизни, как это нередко делается в литературе.

Книга завершается разделом о преодолении остатков бескультурья как условия дальнейшего совершенствования быта. Возможно этот раздел более уместно было бы поместить перед главой о совершенствовании быта в свете общественного идеала. Но важно подчеркнуть, что на общественное обсуждение выносятся вопросы преодоления тех негативных сторон быта, которые мешают оптимальному социальному развитию трудящихся.

Для еще более конкретного и глубокого анализа культурно-бытовых явлений образа жизни в книге недостает, в известной мере, национального аспекта. В нашей стране с громадным разнообразием условий культурно-бытовой жизни и национальных традиций этот аспект особо важен. Национальные особенности в современных условиях наиболее отчетливо проявляются именно в быту, в семейных отношениях, в культурных традициях. Достаточно вспомнить, например, о национальных особенностях состава семей у народов Средней Азии и Прибалтики, традиций родственных связей у русских, украинцев, белорусов, народов Прибалтики, Кавказа и Средней Азии. Разнообразна палитра культурного досуга у различных народов. Например, число театральных зрителей, по выводам авторов книги, не увеличивается в целом по стране, но в Эстонии театр традиционно является широко распространенным видом досуга среди самых различных слоев населения (на 1000 жителей в 1960 г. в Эстонии приходилось 914 посещений театра в год, в 1972—973, в 1974—1000; в СССР в целом в эти же годы число посещений на 1000 жителей составило соответственно — 436, 460, 458)⁴. К тому же культурная жизнь характеризуется главным образом ее содержанием. Конечно, соединение анализа на общесоюзном и региональном уровнях с учетом национальной специфики — дело трудновыполнимое, но уйти от освещения этого аспекта нет основания.

Книга Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Л. А. Ониква посвящена быту городских рабочих, но по материалам, изложенным в ней, она значительно шире и дает представление о тенденциях развития быта в советском обществе в целом. Это, несомненно, сильная сторона работы. Однако иногда за средними статистическими данными по городскому населению не видны особенности быта рабочих (с. 57—58). В целом же рецензируемая книга представляет несомненный интерес для историков, занимающихся периодом строительства социализма, и тех, кто изучает современное советское общество; в ней содержится убедительный материал о важнейших чертах социалистического образа жизни.

Л. М. Дробичева

⁴ См. Народное хозяйство в СССР в 1975 г. М., 1976, с. 10—703.

В. А. ЕМЕЦ. ОЧЕРКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С СОЮЗНИКАМИ ПО ВОПРОСАМ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ. М., «Наука», 1977, 367 с., тир. 5700 экз.

Рецензируемая книга посвящена важной теме, которая продолжает привлекать внимание исследователей. За 60 с лишним лет, минувших после начала первой мировой войны, о драматических событиях того времени написано множество работ, издана обширная документация; в различных странах историками ведется интенсивная работа по выявлению в архивах новых источников о войне.

Заметным вкладом в науку является и книга В. А. Емеца. Она отвечает двум главным требованиям современного уровня исследований: монография основана на широком круге источников и поднимает кардинальные проблемы. В работе использованы источники и литература на многих языках, это прежде всего публикации документов и архивные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Автор привлек также мемуарную литературу, русскую и зарубежную периодику, стенограммы заседаний Государственной думы, дневники военных и политических деятелей, сделал критический анализ трудов своих предшественников.

Монография раскрывает интересную и сравнительно малозученную проблему взаимоотношений России с союзниками по вопросам ведения коалиционной войны с августа 1914 по февраль 1917 г. Последний, заключительный для России этап войны — период Временного правительства — освещен в советской историографии более обстоятельно¹, чем, по-видимому, и объясняется то, что автор в своем исследовании остановился на этом рубеже, не затронув последующие события. С такой постановкой вопроса, по нашему мнению, можно согласиться лишь отчасти. Как известно, Россия участвовала в коалиционной войне и после февраля 1917 г., и Временное правительство, формально отмежевавшееся от царизма, по существу продолжало проводить в жизнь его внешнюю политику, объявив доктрину борьбы «до победного конца» и оставаясь верным принятым обязательствам по отношению к союзникам.

Раскрытие этих обязательств — одна из главных тем рецензируемой работы. Опираясь на высказывания В. И. Ленина о первой мировой войне, автор проследил развитие отношений трех империалистических хищников с момента ее возникновения и до крушения царского режима. Аналогичная тема была предметом исследования Н. Валентинова, А. Л. Сидорова, Р. Ш. Ганелина, В. И. Бовыкина, Т. Д. Крупинной² и других. Однако в их работах освещены либо двусторонние взаимоотношения того или иного государства с Россией, либо их отдельные аспекты. В. А. Емец предпринял попытку обобщения проблемы в целом, сосредоточив внимание преимущественно на раскрытии стратегических планов союзников. Ему удалось воссоздать картину событий того времени и показать, что у союзников была не только общая цель — нанести по-

¹ Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967; Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль — октябрь). М., 1958; Васюков В. С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966; Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976; Лебедев В. В. Международное положение России накануне Октябрьской революции. М., 1967.

² Валентинов Н. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг., ч. 1. М., 1920; Сидоров А. Л. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг. — «Исторические записки», т. 15; Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969; Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. М., 1961; Крупина Т. Д. Россия и Франция и межсоюзнические военно-экономические отношения в годы первой мировой войны (1914 — начало 1917 г.) — в кн. Франко-русские экономические связи. М., 1970.

ражение коалиции центральных держав, но между ними существовали и непримиримые противоречия, в основе которых лежали своекорыстные империалистические интересы.

Франция и Англия, ведя войну «на истощение противника», стремились сохранить свои армии, чтобы сказать решающее слово на заключительном этапе войны, и игнорировали людские потери России, пытаясь за проданное ей оружие получить новые партии «лушечного мяса». Так, французский Генеральный штаб 6 декабря 1915 г. в «Записке для союзнической конференции» следующим образом сформулировал задачи использования союзных армий в кампании 1916 г.: «Французская армия должна быть «сохранена до начала решающего наступления», а истощение германских должно быть продолжено теми союзными армиями, которые обладают избыточными людскими ресурсами (Италия, Англия) или же неограниченными (Россия)» (с. 255).

Союзники, используя в своих целях вооруженные силы России, пытались вместе с тем ограничить осуществление планов царизма на Балканах и на Ближнем Востоке, помешать установлению Россией гегемонии на Балканском полуострове и контроля над черноморскими проливами. Царская дипломатия, в свою очередь, «вставляла палки в колеса» деятельности дипломатии союзников, а у русской Ставки было немало противоречий с командованием вооруженных сил Англии, Франции и Италии. В книге — что является ее достоинством — преодолена односторонность освещения взаимоотношений России с союзниками, как отношений «диктата» и «младшего партнерства», чем, подчас, грешили авторы 30-х годов, и показано, что внешнеполитическое ведомство на Дворцовой площади в Петрограде в ряде случаев придерживалось курса, который расходился с курсом Форин Оффис и Кэ д'Орсе.

Интересны материалы книги о противоречиях между дипломатическим и военным ведомствами в самой России. Автор показывает, что по некоторым вопросам Ставка и Министерство иностранных дел занимали несхожие позиции, что являлось отражением борьбы отдельных политических группировок в стране. Одним из таких вопросов был вопрос о балканской политике. Автор иллюстрирует это на примере привлечения к войне на стороне Антанты Италии, показывая, что Министерство иностранных дел и Ставка придерживались разных взглядов относительно территориальных компенсаций Италии за ее вступление в войну; Ставка, исходя из военно-стратегических соображений высказывалась за удовлетворение требований Италии, Министерство иностранных дел проводило более сдержанную политику.

Соглашаясь со сказанным, внесем все же некоторые коррективы. Новые югославские документы по итальянскому вопросу³ позволяют более полно раскрыть позицию России на Лондонской конференции 1915 г., когда решался вопрос о привлечении Италии к войне на стороне Антанты. Русское правительство (в том числе и Ставка) выступало против итальянских притязаний на югославянские земли в бассейне Адриатики и поставило свою подпись под Лондонским пактом только под нажимом Англии и Франции. Начальник канцелярии МИД М. Ф. Шиллинг накануне Лондонской конференции в беседе с итальянским послом в Петрограде А. Карлотти указал на «недопустимость принесения в жертву итальянским притязаниям жизненных интересов Сербии, а также хорватского населения Северной Далмации и Приморья»⁴. Ставка не высказывалась за предоставление Италии компенсаций, ограничиваясь чисто военными вопросами.

В книге В. А. Емеца освещается вопрос о военной помощи России Сербии в 1915 г., во время нового наступления войск держав Центральной коалиции на Сербию⁵. В Ставке был разработан так называемый «план Алексева», рассчитанный на вторжение русских войск в Австро-Венгрию при одновременном наступлении союзников на Западном и Балканском фронтах, что могло сорвать операцию противника против Сербии. Изложение этого вопроса вносит существенные поправки в зарубежную

³ Sepić D. Italija, saveznici i jugoslavensko pitanje 1914—1918. Zagreb, 1970.

⁴ МОЭИ, сер. 3, т. VII, ч. 1, № 409.

⁵ См. также Емец В. А. Позиция России и ее союзников в вопросе о помощи Сербии осенью 1915 г. — «Исторические записки», т. 75.

историографию, недооценивающую роль России в военной кампании 1915 г. на Балканах.

Рецензируемая монография не лишена некоторых недостатков, которые допущены главным образом при рассмотрении частных вопросов, требующих специального исследования (отношения России с отдельными Балканскими странами и др.). Вызывает сожаление, что книга по вине издательства не имеет общепринятых в науке приложений: списка источников и литературы, развернутого именованного указателя, географического указателя. В целом же монография является, несомненно, новым словом в советской историографии по истории первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

Ю. А. Писарев

М. И. ИОСЬКО. НИКОЛАЙ СУДЗИЛОВСКИЙ-РУССЕЛЬ. ЖИЗНЬ, РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ. Минск, изд-во БГУ им В. И. Ленина, 1976, 334 с., тир. 1900 экз.

Монография М. И. Иосько посвящена деятельности народника Николая Константиновича Судзиловского, более известного под фамилией Руссель. Автор рассказывает о человеке яркой и поразительной своими перипетиями биография — враче по профессии, революционном демократе по убеждениям, крупном ученом, интересы которого были весьма многообразны. Он прославился как географ — путешественник, этнограф, энтимолог, химик и биолог. Признанием заслуг Судзиловского-Русселя явилось избрание его членом многих научных обществ США, Японии и Китая. Но прежде всего Судзиловский-Руссель был, как он сам о себе говорил, «практическим революционером». Начав свою революционную деятельность в 70-х годах XIX в. в России, он не прекращал ее в эмиграции — в Румынии, Швейцарии, Англии, США, и, наконец, в течение второй половины своей восьмидесятилетней жизни — на Гавайских островах и Филиппинах, в Японии и Китае. Он был верным другом угнетенных народов Востока, искренне сочувствовал их страданиям, страстно боролся против их собственных и иноземных эксплуататоров и многое сделал для установления прочных связей между русскими революционерами и передовыми людьми Китая и Японии.

Помимо множества статей и заметок, посвященных Н. К. Судзиловскому-Русселю и публиковавшихся в течение последних семидесяти лет в самых различных изданиях, рецензируемая книга пока единственная и, на наш взгляд, удачная попытка обстоятельного исследования мировоззрения этого человека и его революционной деятельности.

Задача автора облегчалась наличием обширного и хорошо сохранившегося личного архива Н. К. Судзиловского-Русселя¹. К написанию монографии им привлечены и материалы других советских архивов. Несомненную трудность представлял поиск многочисленных печатных работ, принадлежащих перу Н. К. Судзиловского и публиковавшихся, начиная с 1875 г., в России, а также в Англии, США, Румынии, Японии, Китае, на Гавайских островах и Филиппинах.

Первая глава исследования рассказывает о том, как Николай Судзиловский, сын коллежского ассессора, секретаря Могилевской палаты гражданского и уголовного суда, еще в гимназические годы познакомился с народнической идеологией, а в годы учебы в Петербургском и Киевском университетах включился в начале 70-х годов в актив-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 5825.

ную борьбу революционно-демократического лагеря против самодержавия. В Киеве и в Поволжье он принимает деятельное участие в народническом движении. Но после неудачи «хождения в народ» Судзиловский покидает в конце 1874 г. Россию, в которую ему уже не суждено было вернуться.

В следующем разделе книги характеризуется насыщенный бурными событиями период жизни Н. К. Судзиловского в эмиграции в 1874—1887 гг.: встречи в Лондоне с П. Л. Лавровым и с видными участниками Парижской коммуны. На митинге, посвященном 12-й годовщине восстания 1863 г. в Польше, молодому русскому эмигранту выпала честь выступить с одной трибуны с крупнейшими деятелями революционной Европы. Ему довелось встретиться и беседовать с К. Марксом. Однако, как отмечает автор, идеи гениального основоположника научного социализма не оказали решающего воздействия на мировоззрение русского народника (с. 78).

Вскоре Н. К. Судзиловский становится посредником между группой «Вперед», руководимой П. Л. Лавровым, и болгарскими революционерами, возглавляемыми Христо Ботевым. Под влиянием Герцеговинского восстания 1875—1876 гг., давшего толчок подъему национально-освободительного движения южных славян, он уезжает на Балканы. В Бухаресте и Яссах Судзиловский совместно с другими народниками-эмигрантами принимает активное участие в подготовке Апрельского восстания 1876 г., имевшего своей целью освобождение Болгарии от османского гнета. В Румынии, в 1877 г. Николай Судзиловский защищает докторскую диссертацию по медицине и издает ее на румынском языке под фамилией — Руссель (Русский). Молодой хирург, являясь членом Бухарестского революционного центра, ведет в царских войсках революционную пропаганду. Вскоре он возглавил кружок социалистов в Яссах, где печатает серию статей по проблемам социалистического движения в Румынии. Автор отмечает, что идейно-политическая деятельность Н. К. Судзиловского-Русселя в эти годы способствовала созданию в Румынии социалистической партии (с. 114—116, 128).

В 1881 г. Н. К. Судзиловский-Руссель по требованию царского правительства был выслан из Румынии. После кратковременного пребывания в Швейцарии, где он познакомился и сблизился с Г. В. Плехановым, и во Франции, Н. К. Судзиловский обосновался в тогдашней автономной области в составе Турции — Восточной Румелии. Здесь, в Филиппополе (Пловдив), он занялся распространением социалистической литературы, в том числе произведений Г. В. Плеханова, и тем самым оказал большую помощь развитию социал-демократии в Болгарии (с. 128).

Особо рассматривается в книге новый этап в жизни Н. К. Судзиловского-Русселя, охватывающий 1887—1892 гг., когда русский эмигрант обосновался в Сан-Франциско и, став во главе лечебного заведения, быстро завоевал популярность среди местных жителей и особенно в кругах обширной русской колонии. Здесь он был избран одним из руководителей Греко-русско-славянского благотворительного общества и использовал свое влияние для развертывания широкой пропаганды социалистических идей.

Критика капиталистических порядков заокеанской державы русским, получившим к этому времени гражданство США, вызвала неприкрытую к нему неприязнь со стороны властей Калифорнии. В 1892 г. он покидает США и переезжает на Гавайские острова, решив поселиться среди аборигенов — канаков.

Почти двенадцатилетнее пребывание на Гавайях было примечательным этапом на жизненном пути Н. К. Судзиловского. Здесь, на острове Оаху он выступил не только на привычном ему поприще глазного врача, но стал крупным специалистом по выращиванию тропических культур — агрономом и энтомологом, статьи которого по почвоведению, селекции растений, борьбе с сельскохозяйственными вредителями печатались в различных изданиях Полинезии и США. Однако вскоре его поглотила длительная и трудная борьба с североамериканскими колонизаторами, под прикрытием миссионерской деятельности настойчиво добивавшимися захвата Гавайских островов.

Признанием заслуг и безграничного доверия аборигенов к Н. К. Судзиловскому Русселю явилось избрание его президентом Гавайского сената. На этом посту Н. К. Судзиловский упорно боролся с жестокой расистской политикой американских

плантаторов, захвативших на Гавайях большую часть обрабатываемых земель и беспощадно притеснявших местных уроженцев, обреченных на нищету и вымирание. Он добивался осуществления своей обширной программы коренных преобразований, призванных облегчить жизнь гавайцев и спасти их от болезней и алкоголизма, занесенных на архипелаг американскими колонизаторами.

Но использовавшиеся Н. К. Судзиловским парламентские методы борьбы были бессильны против притеснений промышленных и финансовых тузов США, широко прибегавших к подкупам, демагогии, коварным интригам и заговорам, чтобы сокрушить ненавистного им защитника канаков. В знак протеста он подал в отставку с поста президента, а несколько позднее, когда были отклонены предложенные им законопроекты, покинул сенат.

Вторая половина книги посвящена последнему периоду жизни Н. К. Судзиловского — его пребыванию в Японии и Китае. Автор рассказывает о смелом плане освобождения политзаключенных из сибирских тюрем, который Н. К. Судзиловский разрабатывал в 1903—1904 гг. Но вспыхнувшая вскоре русско-японская война сорвала осуществление этого замысла. Начавшаяся в России революция и пребывание в Японии 70 000 русских военнопленных побудили Судзиловского к ведению среди них революционной пропаганды². Этой цели служил организованный им журнал «Япония и Россия», получивший широкое распространение в лагерях для военнопленных.

В этой части книги сообщаются интересные факты о связи Н. К. Судзиловского с большевиками, в частности, об организации В. Д. Бонч-Бруевичем по поручению Заграничного отдела ЦК РСДРП снабжения пленных через посредство Н. К. Судзиловского политической литературой. В. И. Ленин лично одобрил тогда эту важную пропагандистскую акцию. Одним из агентов по распространению среди военнопленных нелегальной литературы был баталер с бронеосца «Орел», будущий писатель А. С. Новиков-Прибой (с. 193).

Опираясь на материалы предшественников, автор указывает на контакты, установленные в 1902—1906 гг. Н. К. Судзиловским с японскими социалистами-интернационалистами. Нам представляется, что дальнейшие изыскания, особенно в японской публицистике и периодической печати тех лет, могли бы многое добавить к тому, что нам уже известно о связях русского политэмигранта с рабочим движением в Японии³.

В специальном параграфе освещена кипучая деятельность Н. К. Судзиловского по организации в 1906 г. в г. Нагасаки группы русских политэмигрантов и выпуску ежедневной газеты «Воля». М. И. Иосько анализирует содержание более двадцати статей Н. К. Судзиловского, напечатанных в этом органе, отмечает идейную эволюцию их автора в направлении научного социализма, постепенное, хотя, в конечном счете, далеко не полное преодоление им народнических иллюзий (с. 230—243).

Именно в эти годы Н. К. Судзиловский впервые налаживает связи с китайской революционной эмиграцией в Японии и вступает в переписку с ее крупнейшим представителем — доктором Сунь Ят-сеном. Автор сообщает в книге новые данные о поддержке, оказанной Н. К. Судзиловским китайским революционерам, его горячем сочувствии революции в Китае 1911—1913 гг. (с. 251—255).

В завершающей части монографии рассматриваются философские, политико-экономические и исторические труды Н. К. Судзиловского, а также характеризуется его отношение к мировой войне 1914—1918 гг. Переехавший к этому времени в Китай, старый русский революционер горячо выступал на митингах и собраниях, организованных им в различных городах с целью объединения друзей Советской России. Он гневно бичевал иностранных интервентов и белогвардейских эмигрантов, оковавшихся в Китае. В 1921—1922 гг. Н. К. Судзиловский провел широкую кампанию по оказанию

² См. также Силин А. С. Революционная пропаганда среди русских военнопленных в Японии (1905—1906 гг.). — «Вопросы истории», 1976, № 5.

³ См., напр., публикацию, подготовленную Гольдбергом Д. И. Из переписки Котоку Дэндзиро (Сюсуй) с А. Джонсоном и П. А. Кропоткиным. — «Народы Азии и Африки», 1976, № 3, с. 153, 162.

помощи голодающим Поволжья. Признанием заслуг Н. К. Судзиловского-Русселя перед родиной явилось назначение ему Советским правительством в 1923 г. персональной пенсии по ходатайству Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Много времени уделял тогда Н. К. Судзиловский публицистике. В монографии рассказывается о содержании многочисленных статей и брошюр Н. К. Судзиловского, печатавшихся в 20-х годах в Китае, странах Европы и Америки, в которых он страстно призывал к созданию союза всех левых сил мира. Последние годы жизни он провел в Тяньцзине, ведя медицинскую практику в кварталах, населенных беднотой. Судзиловский всей душой стремился к возвращению на родину, чтобы быть ей, по его словам, «общественно полезным»⁴ и тем самым завершить начатое более полувека тому назад кругосветное путешествие. Но преклонный возраст и тяготы, связанные с содержанием большой семьи, помешали осуществлению этого желания. Он скончался в 1930 г. 80 лет от роду. Тщетно автор этих строк, будучи в Тяньцзине, разыскивал могилу выдающегося соотечественника. Выяснилось, что по местному обычаю его останки были сожжены на кремационном костре.

Книга М. И. Иосько, глубоко и интересно повествующая о деятельности и взглядах замечательного русского революционера Н. К. Судзиловского-Русселя, человека яркой и редкой судьбы, найдет благодарных читателей.

А. С. Силин

⁴ Попов И. И. Николай Константинович Руссель-Судзиловский (некролог).— «Каторга и ссылка», 1930, № 6 (67), с. 169.

Н. А. ГОРСКАЯ. МОНАСТЫРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., «Наука», 1977, 340 с., тир. 2750 экз.

Монографию Н. А. Горской отличает теоретическая глубина, достигнутая в результате продуманного, глубокого анализа произведений К. Маркса и В. И. Ленина, посвященных аграрным проблемам феодальной и капиталистической эпох. Книге свойственна конкретность, своего рода плотность исследовательского анализа, осуществленного методом комплексного изучения монастырских вотчин центральной России. Автором были изучены архивные материалы монастырей Новодевичьего и Знаменского московских, Покровского суздальского, Солотчинского рязанского, Иосифова волоколамского и в значительной степени московского Донского и приписанных к нему Медведовой и Тихоновой пустынь, Видогишинского, Жиздренского и Шаровкина монастырей. Материал не подгоняется под задуманные программой рубрики, а исследуется в своем, так сказать, естественном положении, он не вынимается из своих «ячеек», дабы быть сведенным воедино под каким-либо углом зрения, например, той или иной формы ренты, а, наоборот, намеченные вопросы задаются всякий раз материалу, находящемуся в своем естественном окружении всех тех обстоятельств, в которых возникали интересующие исследователя явления в данное конкретное время, в данной конкретной вотчине, в данной временной или иной связи. Так, формы и нормы эксплуатации крестьянства изучаются не сами по себе (одна форма ренты, затем другая и т. п.), а в теснейшей связи со всем комплексом обстоятельств, определяющих положение крестьян, внеадельное землевладение, общину и ее деятельность.

Получились отделанные во всех деталях микромонографии по каждому монастырю, состоящие из скрупулезно прокомментированных свидетельств всех отработанных источников. Выводы строятся на полностью предъявляемой читателю основе, тут нет

и тени иллюстративного метода. Здесь все «открыто», все на глазах, все цифры взяты из источников, сведены в подробнейшие таблицы, а сами источники всякий раз подробнейше проанализированы и оценены.

Этому способствуют современные методики анализа массового материала — так, например, степень зависимости населенности двора и величины тягла определена путем вычисления парных коэффициентов корреляции на материале 543 дворов в одной группе монастырских владений, 271 двора в другой и 91 в третьей. Уже в самом делении владений на группы заключено стремление к максимальному учету конкретно-исторических условий, в которых находится изучаемое явление. А далее полученная методом корреляции довольно пестрая картина приобретает внутреннюю закономерность в результате сопоставления результатов с временем установления данных норм тягла. Оказывается, что высокие коэффициенты детерминации свойственны времени после переписи, когда только что произошло «поравнение тяглов» и «жизнь еще не успела внести коррективы в произведенный расклад. И, наоборот, низкий коэффициент детерминации — показатель необходимости «поравняться тяглом и землей» (с. 27). Методом корреляции решен и другой важнейший вопрос — о соотношении надельных и вненадельных земель в крестьянском хозяйстве.

Классовый антагонизм в его повседневности и в его воздействии на функционирование феодально-крепостнического социально-экономического механизма предстает в работе Н. А. Горской с полной отчетливостью. Мы видим, как упорно сопротивляется мир новым перемерам тяглой земли, как всеми правдами и неправдами отстаивает свою «захребетную» и «лишнюю за тяглом» землю, как допускает к обмерам только своих выборных и только своей меркой — веревкой. Архимандрит Солотчинского монастыря Игнатий однажды сам освидетельствовал такую веревку — оказалось, что она в два с половиной раза уменьшала количество десятин, подлежащих обложению (в крестьянской десятине по этой веревке получалось целых 6272 квадратные сажени вместо положенных 2400!). «Сделав скидку на преувеличения, без сомнения, допускаемые архимандритом, — пишет Н. А. Горская, — мы все равно должны признать, что в руках крестьянского мира была всегда практическая возможность безвозмездно увеличить действительные размеры своих тяглых наделов без ведома властей» (с. 82). Тем более, что даже в тех случаях, когда власти измеряли землю по-своему, крестьяне заявляли, как это было в 1693 г. в с. Новоселки: «хотя вы нашу землю и в нивы станете мерять, а нам де ея пахать по старым межам» (с. 81), при первой же возможности добивались уменьшения обязательств, как только тяглый надел переставал соответствовать установленному числу взрослых полноценных работников.

Изучив землевладение монастырских крестьян, Н. А. Горская пришла к хорошо аргументированному и важному выводу о том, что тяглый надел в условиях фиксированной ренты обеспечивал лишь простое воспроизводство крестьянского хозяйства и ренту монастырю-вотчиннику, но не покрывал собою всего крестьянского землевладения. У крестьян были иные, возрастающие на протяжении века хозяйственные возможности, которые реализовывались в повсеместно распространенном вненадельном землевладении. Феодальные землевладельцы стремились извлечь доходы не только с тяглой земли, но и с прочей своей земли, в том числе пустошей, которые отдавались на оброк крестьянам, причем во второй половине XVII в. эта отдача стала даже обязательной — крестьяне принуждались брать землю на оброк, размеры которого повышались. Мы отчетливо видим, как шла борьба между крестьянами и феодалами в сфере крестьянского хозяйства, как феодальная земельная собственность обеспечивала возможность присвоения прибавочного продукта крестьянского труда, а крестьянство настойчиво изыскивало дополнительные ресурсы производительности своих хозяйств, отстаивало возможность расширенного воспроизводства.

И здесь мы подходим к самому важному вопросу всей проблемы — что же означало собою вненадельное землепользование. Начало выхода за пределы феодальной социально-экономической системы, расслоение крестьянства, формирование элементов буржуазных отношений в его среде? Нет, отвечает Н. А. Горская, обстоятельно изучившая территориальную распространенность оброчной формы землепользования, контингенты крестьян, берущих землю из оброка, формы, масштабы, динамику оброчного

землепользования, соотношение надельной и вненадельной земли, типы оброчных угодий, переход оброчных земель в тягло и, наконец, оброчные съемы крестьян у других землевладельцев, «данная форма землепользования являлась органической частью феодальной системы земельных отношений в монастырской деревне на этом этапе ее развития» (с. 205), «вненадельное землепользование в феодальной монастырской деревне традиционно дополняло надельное, служило средством наиболее полного использования меняющихся ресурсов крестьянского хозяйства, способом доведения в каждый данный год размеров землепользования крестьян до уровня достигнутых ими производственных (трудовые ресурсы) и хозяйственных (живой и мертвый инвентарь) возможностей» (с. 192), коэффициент корреляции между надельной и оброчной землей весьма низок, а «из этого со всей очевидностью вытекает вывод об отсутствии... тенденции как к предпринимательскому съему земли, так и к съему из нужды. Следовательно, съем крестьянами оброчной земли не был связан с теми характерными чертами, которые присущи крестьянской аренде более позднего времени» (с. 189), «превалировали коллективные формы съема крестьянами оброчной земли, осуществляемые главным образом товариществами крестьян» (с. 150), так как «возможности крестьянского двора вести расширенное хозяйство в течение длительных отрезков времени были ограничены не только формами и размерами ренты, но и неустойчивостью его экономики, свойственной натуральным хозяйствам» (с. 185), когда «малейшая случайность лишала крестьянина возможности обрабатывать вненадельную землю и платить свой „пай“» (с. 184). Само слово «аренда», «модернизирующее социально-экономическую характеристику изучаемого явления», исследователь берет в кавычки, предпочитая употреблять гораздо более соответствующий существу явления термин «вненадельное землепользование».

Обработка вненадельной земли приводила к расчистке земли из-под леса и поднятию целины, часто начиналась по инициативе самих крестьян и лишь затем облагалась оброком со стороны монастырских властей; таким образом, вненадельное землепользование представляло собою развитие сельскохозяйственного производства за счет ресурсов крестьянского хозяйства, оно создавало основу движения аграрной экономики страны, увеличивало ее материальные ресурсы.

Объективная возможность такого именно типа развития экономики заключалась в наличии еще неисчерпанного фонда пригодных для расширения пашни земель. Н. А. Горская убедительно показывает, что земельной «тесноты» в этом отношении еще не было, по крайней мере, до конца XVII в. А это давало возможность сохранять формы хозяйствования, свойственные феодальному способу производства, еще не возникало нужды в переходе к более сложным и интенсивным формам землепользования, связанным с возникновением уже действительной аренды.

Система вненадельного землепользования широко распространилась не только в монастырских, но также и в помещичьих и дворцовых владениях, как показывают исследования Г. В. Абрамовича, Н. Н. Масленниковой, З. В. Тимошенко. Господствующий класс стремился извлечь из этой утвердившейся повсюду системы максимальный доход, увеличивая оброки и не переводя вненадельные земли в тягло. Исследование Н. А. Горской показало «экономическую заинтересованность землевладельцев в значительном резерве вненадельных оброчных земель, которые не было никакого смысла переводить в разряд тяглых — десятина вненадельной оброчной земли приносила корпоративным собственникам... как правило, больший доход, чем десятина надельная» (с. 325).

Принципиально важной является глава исследования, посвященная крестьянскому «миру», раскрывающая во всей конкретности положение монастырских крестьян в их взаимоотношениях с феодальным собственником земли. Этот материал свеж и интересен, он расширяет ставшие чуть ли не каноническими конструкции работ, посвященных крестьянству и говорящих только о формах и размерах ренты, с одной стороны, и о формах и масштабах сопротивления крестьян нажиму феодалов — с другой. Собственно, Н. А. Горская изучает эти же вопросы, но представляет нам их не в абстрактных суммированных цифрах и примерах, а в реальной жизни крестьянского «мира». «Во

всех случаях, когда дело касалось земли, „мир“ проявлял максимум активности», — пишет автор (с. 207), — показывая действительно решающую роль «мира» в распределении земель между тяглецами, взятки земель на оброк, в сохранении массива тяжелых земель от посягательств чужих и «своих» землевладельцев.

«Мир» упорно сопротивлялся полным переделам земли, потому что в этих случаях основные угодья перемеривались представителями монастырских властей, происходило увеличение тягла. В этих случаях обнаруживались противоречия между разными по имущественному положению группами. Крестьяне не мирясь с уравнильным переделом, сами «лучшую и навозную землю подмеривают под себя, а худую и не навозную отдают скудным и маломочным крестьянам» (с. 210). В других случаях «мир» еще сильнее, чтобы отстоять полный передел. Обычно же «мир» ежегодно осуществлял частичные поравнения тягла, распределял пустые тягла и перераспределял части тягол или целые части в интересах сохранения уравнильного землепользования. На введение же государственного подворного обложения в 1679 г. крестьянство ответило сведением нескольких дворов в один, чему не препятствовали и монастырские власти, не желавшие увеличивать сумму государственного обложения принадлежавших им земель. Если «мир» не справлялся с выполнением обязанностей, ему грозил передел, чрезвычайный выявление резервов земли и необложенных тяглом земель. До конца XVII в. община в общем удерживала, хотя и под контролем властей свои принципы, однако чем дальше, тем больше феодальные землевладельцы усиливали свой нажим на «мир», узурпировали его права, меняли принципы обложения, ориентируясь все более на тягла и отдельных тяглецов. Наступал конец феодальной традиции, приходило время качественно нового уровня эксплуатации — признак перехода всей общественно-экономической системы в новую стадию.

Об этом свидетельствует произведенный Н. А. Горской анализ ренты в монастырской деревне. При общей стабильности владельческих повинностей отмечается возрастание денежных платежей, на которые переводилась значительная часть оброков, а в последнее двадцатилетие XVII в. произошел резкий скачок — например, в Донском монастыре за время с 1685 по 1698 г. денежные платежи крестьян возросли более чем в 8 раз, с 8 коп. до 1 руб., причем «все владельческие денежные поборы уже в середине 80-х годов производились здесь монастырем в расчете не на тягло, а на двор. Этот факт означал полное отрицание «старинности» и традиции, с одной стороны, и резко, сразу повышал уровень оброка — с другой» (с. 316). Если до 70—80-х годов уровень оброчной платы за внеадельные земли сохранял благоприятные условия для расширенного воспроизводства в монастырской деревне, то в конце столетия отмечается столь же «резкий повсеместный рост оброчных ставок за внеадельные десятины». И все это — «отражение общего процесса: феодальная рента утрачивала фиксированный характер и в этой своей форме» (с. 325).

Характерной чертой XVII в. явилось значительное возрастание государственных повинностей в монастырских вотчинах (как и во всех других) — к исходу XVII в. средние государственные поборы выросли по сравнению с 70-ми годами с 2 р. 08 к. до 2 р. 20 к., а вместе с подводной повинностью, наиболее тяжелой, для выполнения которой крестьянам приходилось занимать и покупать в долг лошадей, — примерно до 4 р. 90 к., что составляло свыше 90% всех денежных платежей (расчет сделан автором по материалам Иосифова волоколамского монастыря, в других положении было сходным). Н. А. Горская пришла к хорошо аргументированным выводам о том, что «основной рост денежных платежей монастырских крестьян происходил за счет ренты, шедшей в пользу феодального государства» и что «рост эксплуатации со стороны феодального государства значительно опережал рост владельческой эксплуатации во владениях духовных собственников» (с. 339).

В результате исследования Н. А. Горской мы получаем новый, чрезвычайно важный аспект проблемы происхождения государственной системы крепостного права, утвердившейся в России XVII в. В это время росла барщина, но, по крайней мере, во владениях монастырей она не рассчитывалась на производство для рынка, нормы барщинных повинностей остаются довольно стабильными, и если в конце XVI — первой

половине XVII в. монастырское землевладение по степени тяжести барщины шло впереди владений светских феодалов, то в дальнейшем, «в течение второй половины XVII в. монастырские вотчины по темпам роста норм полевой барщины значительно отстают от помещичьих владений, а центр тяжести в эксплуатации монастырских крестьян в значительной степени перемещается на оброчные формы ренты, в том числе на оброчную плату за вненадельные земли» (с. 342—343). Главным был рост денежной ренты во всех формах, в том числе и в форме оброков с вненадельных земель. Сама эта система комбинации надельного и вненадельного землепользования, наблюдаемая с конца XVI в., «должна была в значительной степени стимулировать процесс окончательного закрепощения крестьян», потому что «надел уже не являлся единственным источником существования для большинства крестьянских сельскохозяйственных хозяйств, пользующихся вненадельной землей, которая могла быть получена из рук любого земельного собственника» (с. 343).

Таким образом, причины оформления государственной системы крепостного права в России XVII в. связываются в данном их аспекте с развитием феодальных социально-экономических процессов и отношений, с ростом производительных сил в ходе освоения новых площадей обрабатываемой земли не только за пределами феодальных вотчин (на что внимание обращалось в литературе давно), но и внутри них самих (на что Н. А. Горская обращает внимание впервые) — в условиях резко возрастающей эксплуатации со стороны феодального государства.

Мы яснее понимаем, почему система государственного прикрепления непосредственных производителей к земле распространилась не только на владельческих, но и на дворцовых и «черных» крестьян, и не только на них, но и на тяглое население городов (в специфических формах «посадского строения») — дело было прежде всего в движении самой феодальной экономики, протекавшем в условиях нарастающего классового антагонизма, усилении как производительности крестьянского и посадского хозяйства, так и господствующего положения феодальной собственности в социально-экономической структуре общества. Система государственного крепостного права выростала в конце XVI—XVII в. еще не из потребностей рыночных отношений — в этом случае она должна была бы предоставить всю полноту власти над непосредственным производителем феодальному собственнику, как это было в Речи Посполитой, пережившей процесс «вторичного закрепощения» именно в связи с ростом товарного производства феодального поместья, или в России второй половины XVIII — первой половины XIX в., когда крепостное право на практике «ничем не отличалось от рабства»¹. В России же по Соборному уложению 1649 г. при оформлении прикрепления крестьян к земле на первый план выдвигались общие интересы господствующего класса, воплощаемые феодальным государством. Непосредственные интересы феодальных землевладельцев также удовлетворялись новой системой, но с ограничениями — не только что продавать, но даже переводить крестьян со своей поместной земли на свою же вотчинную землю землевладелец права тогда не имел.

Сама по себе система государственного закрепощения крестьян еще не выходила за рамки данного способа производства, она ему соответствовала и не свидетельствовала о кризисных явлениях внутри самого феодального хозяйства. Она была связана, тем не менее, с общеевропейским процессом развития капиталистических отношений, но не через потребности феодалов в хлебном вывозе на Запад, как это было в ряде стран к востоку от Эльбы, а через возрастание потребностей феодального государства в деньгах в условиях борьбы за сохранение независимости в системе прогрессирующих по капиталистическому пути европейских держав. Отсюда небывалый рост денежных повинностей, установление системы крепостного права дало господствующему классу и его государству реальную возможность «коренного нарушения... принципа фиксированности ренты» с 80-х годов XVII в., которое хорошо установлено Н. А. Горской и которое дало ей основание увидеть в этом развитии в феодальной деревне новых тенденций, свойственных уже «новому периоду русской истории (примерно с

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 70.

XVII в.)» — периоду формирования буржуазных связей, периоду гегемонии и утверждения капитализма. Несомненно, что в разных сферах социально-экономической структуры этот процесс проявлялся не одновременно. Его важнейшим фактором было появление «капиталистов-купцов», ставших «руководителями и хозяевами этого процесса»², что имело место на протяжении всего XVII в., уходя своими корнями, возможно, и в более раннее время. В монастырской деревне процессы разрушения традиционного механизма функционирования феодального хозяйства реально обозначились лишь в конце этого столетия под давлением возросших потребностей господствующего класса и на базе роста производительности крестьянских хозяйств. «Быстрый рост платежей монастырских крестьян в пользу феодального государства, особенно в последней четверти XVII в. (аналогичное явление констатируется и в отношении владельческой деревни Ю. А. Тихоным), когда уже начали разворачиваться основные события реорганизаторской и военной деятельности правительства Петра I, оказался возможным именно благодаря тому экономическому потенциалу, который был накоплен крестьянством в течение XVII в.» — пишет в заключение своего исследования Н. А. Горская (с. 346).

После работы Н. А. Горской изучение коренных проблем докапиталистической аграрной истории нашей страны значительно обогащено и продвинуто вперед. Рецензируемая книга по праву должна быть отнесена к числу серьезных достижений советской историографии последних лет, посвященной аграрной истории досоветского периода.

А. М. Сахаров

² Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 153—154.

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЖЕСКИЕ УСТАВЫ XI—XV вв. М., «Наука», 1976, 239 с., тир. 10 400 экз. *

Эта небольшая по объему книга насыщена материалом первоклассного научного значения. Состав издания хорошо продуман: все включенные в него 24 документа связаны внутренним единством. Уставы князей Владимира и Ярослава, составляющие первые два раздела, имеют несомненную сюжетную и историческую преемственность с уставными грамотами и уставами князей XII — первой половины XV в., образующими третий раздел; с этими же документами связаны и подтвердительные грамоты, входящие в четвертый раздел. Анонимные уставы и уставные записи (раздел пятый) — разнообразные по составу материалы, объединенные, однако, сюжетной близостью к уставам первых двух разделов. Перед нами — первое действительно полное издание памятников такого типа. Но, на наш взгляд, неубедительны мотивы, по которым в сборник не попало «Правило Законо о церковных людях», тесно связанное с Уставом Владимира. В издании использованы списки, хранящиеся не только в советских, но и зарубежных архивах; приведены польские и латинские тексты переводов древнерусских уставов и подтверждений их.

Рецензируемый сборник по своим целям, задачам и методам является фактически продолжением корпуса законодательных памятников Древней Руси, куда входят Правда Русская и Судебники XV—XVI вв.¹ Основное отличие рецензируемого издания

* Издание подготовил Шапов Я. Н.

¹ Правда Русская, т. I. Тексты. М.—Л., 1940. т. II. Комментарии. М.—Л., 1947, т. III. Факсимильное воспроизведение текстов. М., 1963. Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952.

от этих публикаций — отсутствие научного комментария (есть только краткое археологическое введение к каждому тексту). Однако этот существенный для академического издания недостаток в значительной мере компенсируется наличием монографии Я. Н. Шапова, которая в сущности представляет собой развернутый исследовательский комментарий большей части публикуемых ныне документов². В свою очередь, сборник является реализацией источниковедческих результатов, достигнутых Я. Н. Шаповым в его монографии. Такое соотношение между изданием и монографией — двумя частями одного целого — делает необходимым их совместное рассмотрение в настоящей рецензии.

Издание уставов — плод многолетней источниковедческой работы, в которой Я. Н. Шапов выступил продолжателем научных трудов В. Н. Бенешевича, С. В. Юшкова, А. А. Зимина и др. Для его исследовательского метода характерно рассмотрение памятников не как изолированных феноменов, а комплексно, с учетом их многосторонней связанности. Привлекая большое число новых списков, автор по-новому ставит и решает ряд источниковедческих вопросов. Для издания Устава Владимира им привлечено около 220 списков, подавляющее большинство которых вводится в научный оборот впервые (наиболее полное из предшествующих изданий было выполнено В. Н. Бенешевичем по 97 спискам). Устав Ярослава задается с привлечением около 90 списков (в лучшем из предшествующих изданий А. А. Зимин использовал 22 списка). Однако особое значение имеет не только увеличение числа списков, привлекаемых к изданию, но прежде всего их классификация, приводящая к выделению редакций и изводов и в конечном счете дающая возможность в какой-то мере реконструировать историю текста памятника.

Применяя методику, выработанную советской исторической текстологией, Я. Н. Шапов делит списки Устава Владимира на 7 редакций, две из которых (Оленинская и Синодальная) подразделяются на 11 изводов. Ознакомление с текстами Устава по новому изданию позволяет согласиться с основными положениями Я. Н. Шапова относительно истории текста этого памятника и принять реконструкцию архетипа Устава как общего архетипа Оленинской редакции, с одной стороны, и Синодально-Волынской группы — с другой³. Реконструируемый таким образом памятник мог сложиться ранее середины XII в. (убедительно сравнение Устава с уставной грамотой Ростислава Мстиславича) на более древней основе, восходящей ко времени основания Десятинной церкви в Киеве. В дальнейшем происходит доработка архетипа и его редактирование в зависимости от условий места и времени, что и приводит к появлению известных нам редакций и изводов.

Менее доказательными представляются некоторые соображения автора о происхождении конкретных редакций. Не бесспорен тезис о том, что Синодальная редакция отражает «значительное изменение в положении церкви в Новгороде в XII—XIII вв.»⁴ Как показывают изданные тексты, в списках Синодальной редакции трудно найти специфически новгородские черты. Упоминание в ст. 3 «сборной церкви» едва ли ведет непременно к Новгороду с его культом св. Софии. Тиун князя, фигурирующий в статьях Синодальной редакции, характерен не только для Новгорода и даже в первую очередь не для Новгорода. В XII—XIII вв. это — повсеместно встречающаяся фигура, отражающая развитие княжеского административно-судебного аппарата и ярко запечатленная в русских статьях Мерила Праведного — памятника не новгородского, а скорее московского происхождения. Не специфичен для Новгорода и владычный наместник — он всюду, где нет самого владыки. Новые казусы церковного суда в ст. 9 отражают не столько пережитки язычества, сколько знакомство с «Законом Судным Людем» (как это и указывает в другом месте автор)⁵. Наконец, ст. 15, предоставляющая епископу контроль за городскими «мерилами», по содержанию прямо противоречит соответствующим статьям Уставной грамоты Всеволода Мстиславича — памятника новгородского

² Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церкви в Древней Руси. М., 1972.

³ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 120—121.

⁴ Там же, с. 44.

⁵ Там же, с. 78.

происхождения, возникшего, по гипотезе автора, в конце XIII в., т. е. как раз в период оформления Синодальной редакции. Итак, нет бесспорных оснований связывать Синодальную редакцию с Новгородом — она могла возникнуть и в других центрах.

Точно так же едва ли можно согласиться с Я. Н. Щаповым, что пропуск в перечне церковных людей в Архангельском изводе Оленинской редакции такого «объема владычного суда, как поп», есть «свидетельство особого соотношения юрисдикции церковной и светской власти», характерного для земель, захваченных Литвой⁶. Издание текстов показывает, что в ст. 10 Архангельского извода есть «поповичеве», а также «дьякон», «проскуриница», «пономарь» и «все причетники церковныи» (с. 16): пропуск попа и попадьи в этих условиях носит, скорее всего, случайный характер и не может иметь существенного значения для подкрепления возможного, но не бесспорного предположения автора о западнорусском происхождении Оленинской редакции.

Устав Ярослава привлекал внимание исследователей в гораздо меньшей мере, чем Устав Владимира, ввиду чего издание этого памятника имеет особое значение. Привлечение большого числа новых списков дало Я. Н. Щапову возможность принципиально пересмотреть состав и соотношение редакций и вопросы истории текста Устава. Вместо обычно выделяемой двух или трех редакций он установил наличие шести редакций памятника. Изданные тексты подтверждают вывод исследователя, что первичные редакции — Пространная и Краткая, охватывающие основную массу списков, не зависят друг от друга и могут быть выведены из общего архетипа⁷. Тексты свидетельствуют, что Я. Н. Щапов прав, видя в Краткой редакции более позднюю обработку Устава, чем в архетипе списков Пространной⁸. Можно согласиться с принципиально важным выводом автора, что архетип обеих основных редакций сложился уже к середине XII в.⁹ и, в свою очередь, восходит к более древней основе, появившейся во времена Ярослава Мудрого и митрополита Иллариона¹⁰.

Однако не все положения автора обоснованы в одинаковой мере. Так, хотя отмечаемая Я. Н. Щаповым связь археографической традиции Краткой редакции с Московской несомненна — основной извод этой редакции дошел в составе Кормчей в соединении с «Мерилом Праведным» (т. е. Чудовской редакции Кормчей, имеющей московское происхождение), однако несомненно и другое — сам состав этой редакции Устава не носит заметных следов московского происхождения. Напротив, постоянное упоминание в статьях этой редакции епископа (а не митрополита, как в Пространной) свидетельствует скорее о переработке текста, сделанной не в центре митрополии, а там, где рядом с князем стоял епископ. В ст. 29 извода Кормчих епископ назван владыкой (с. 113) — это название характерно для Новгорода. Поэтому нет оснований решительно исключать возможность появления Краткой редакции не в Москве, а, например, в Новгороде. Упоминание князя в статьях Краткой редакции не противоречит этой возможности — ограничение власти князя в вечевом городе означало не сужение функций светской государственной власти (княжеского суда), а другую организацию этой власти (рядом с князем — посадник и сотские).

Не представляется бесспорным и отнесение основных изводов Пространной редакции к Западной или Южной Руси¹¹: исторических реалий, связанных с Западной Русью, тексты не содержат. (Упоминание мыта и осминого не ведет к Литве: они хорошо известны и в Северо-Восточной Руси.) Нельзя не согласиться с автором, что Пространная редакция не возникла в Новгороде, но нет достаточных оснований и относить Основной извод к Полоцкой архиепископии, как это делает автор¹².

Наиболее сложным является вопрос о составе архетипа Устава, сложившегося в XII в. Есть достаточные основания присоединиться к общему положению Я. Н. Ща-

⁶ Там же, с. 107.

⁷ Там же, с. 233—235.

⁸ Там же, с. 235—238.

⁹ Там же, с. 290.

¹⁰ Там же, с. 305—306.

¹¹ Там же, с. 211—219.

¹² Там же, с. 219.

пова: Устав Ярослава и Правда Русская в своих основных частях появились одновременно. Весь вопрос в том, какие части Устава можно отнести к основным и первичным. Сравнение ст. 3 Устава с Договором 1189—1199 гг. показывает, что эта статья позднейшего происхождения, она отражает другую, более развитую структуру общества. Аналогичная структура отражена в статьях 2, 4, 7, 30 Пространной редакции. Чем же это может объясниться при несомненной архаичности других статей, относимых к архетипу Устава и действительно похожих на статьи Правды Русской? Вероятно, только тем, что статьи, отражающие развитую социальную дифференциацию, подверглись позднейшей переработке на старой основе и, следовательно, входили в архетип XII в. в другом виде. Если это так, то история текста Устава Ярослава в конце XII—XIII вв. является более сложной, чем представляет Я. Н. Шапов, и включает, по крайней мере, еще одно звено.

Уставные грамоты князей Ростислава Мстиславича и Святослава Олеговича, исследованные Я. Н. Шаповым в его монографии и включенные в настоящее издание, содержат ценный материал по истории развития феодальной государственности и феодального землевладения и по существу своему тесно связаны с древнейшими уставами.

Большой интерес вызывают Устав и «Рукописание» князя Всеволода, относящиеся к наиболее спорным памятникам древнерусского права. У исследователей нет единого мнения о времени и обстоятельствах появления этих документов; сам издатель видит в Уставе Всеволода «фальсификацию, возникшую в конце XIII в. в ходе борьбы республиканских органов Новгорода с князьями» (с. 153). Однако аргументация Я. Н. Шапова, подробно развернутая им в его монографии, уязвима. Недостаточно убедительной кажется попытка автора прежде всего различать двух князей Всеволодов, которым приписываются два памятника — Устав и «Рукописание»¹³. Оба памятника, как это еще раз показывают изданные тексты, имеют несомненную тематическую и предметную общность. Их связывает большое внимание к церкви Ивана на Опоках, она поставлена в один ряд с главной новгородской святыней — домом св. Софии. Отсюда возникает возможность видеть в титульных авторах Устава и «Рукописания», в обоих случаях названных Всеволодами (хотя и в разных контекстах), одного и того же князя — Всеволода-Гавриила, который был основателем церкви Ивана на Опоках. Признавая «Рукописание» подделкой XIII—XIV вв. (как это делают А. А. Зимин и В. Л. Янин), необходимо объяснить, почему этот без сомнения важный документ приписывался новгородской традицией малозначительному и непопулярному князю, изгнанному из Новгорода в результате народного восстания. Таким образом, нет оснований безоговорочно отвергать идею С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, видевших в Уставе и «Рукописании» памятники времени Всеволода Мстиславича, осложненные в ходе дальнейших переработок анахронизмами. Сам по себе Устав и «Рукописание» — первоклассные источники, показывающие эволюцию важнейших функций феодального государства и церкви, нуждающиеся во всестороннем монографическом исследовании.

Издание завершается «Правосудием Митрополичьим» — интереснейшим, но малоисследованным памятником, привлечшим внимание ученых в сравнительно недавнее время. В отличие от большинства других публикуемых документов, «Правосудие» не подверглось специальному изучению в монографии Я. Н. Шапова. В своем кратком издательском комментарии он в основном поддерживает гипотезу М. Н. Тихомирова о происхождении памятника из Пермской земли (с. 208). Однако ознакомление с текстом «Правосудия», а также и со сборником «Цветник», в котором оно сохранилось, не подкрепляет этой гипотезы. За исключением одного упоминания о «пермской грамоте» в «Сказании о первых князьях русских», в сборнике нет никаких пермских реалий, нет их и в самом «Правосудии». Сборник ни в чем не проявляет провинциализма, т. е. интереса к узкоместным сюжетам; особенно показательно отсутствие интереса к вопросам борьбы с язычеством и его пережитками, казалось бы, естественного в но-вообращенном крае. Многие статьи «Правосудия» близки к Уставу Ярослава, но одна

¹³ Там же, с. 168.

из таких статей (ст. 9) опускает упоминание епископа, что также противоречит гипотезе о связи с пермской епископской кафедрой. Вопрос о месте и времени составления «Правосудия» заслуживает специального исследования.

Рецензируемое издание тщательно подготовлено в археографическом отношении. Тексты переданы с учетом интересов не только историков, но и лингвистов, что повышает ценность издания, расширяя сферу его применения. Оно снабжено библиографией и подробными указателями. Давая в руки исследователя ценный материал, издание уставов и грамот будет несомненно способствовать углубленному изучению прежде всего самих опубликованных документов, а также связанных с ними памятников — Русской Правды, актов и др. Документы сборника могут быть использованы в исследовании практически всех крупных проблем истории XI—XV вв.: истории социально-экономических и политических отношений, государства и права, культуры и языка Древней Руси. На очереди — публикация законодательных актов XIV—XV вв., завершающая корпус памятников русского права от Русской Правды до Судебников.

Ю. Г. Алексеев

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

В. С. РЫКАЛОВ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Огромно значение опыта Великой Октябрьской социалистической революции для современности. «Сегодняшние свершения советского народа,— указывал Л. И. Брежнев в отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— есть прямое продолжение дела Октября. Это есть практическое воплощение идей великого Ленина. Этому делу, этим идеям наша партия и будет верна всегда»¹.

Советской исторической наукой ведется большая плодотворная работа по исследованию опыта Великого Октября². Важное место занимает критический анализ трудов буржуазных авторов, посвященных этой теме³, в том числе и работ французских историков⁴.

Среди опубликованных за последние годы исследований следует отметить монографию Н. В. Наумова и статью Ю. Н. Афанасьева⁵. В них рассмотрены труды, опубликованные во Франции в 50-х — начале 70-х годов. Н. В. Наумов охарактеризовал историографические традиции в анализе буржуазными авторами предпосылок Октября, влияние, оказанное на их концепции эмигрантской литературой, подверг критиче-

¹ XXV съезд КПСС. Стеногр. отчет, т. I. М., 1976, с. 28.

² См., напр., Мияц И. И. История Великого Октября, т. I. М., 1967; т. 2, 1968; т. 3, 1973; Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970; Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; Исторический опыт Великого Октября. М., 1975 и др.

³ См., напр., Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968; Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972; Марушкин Б. И. История в современной идеологической борьбе. М., 1972; Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Критика современной буржуазной и реформистской историографии. М., 1974; Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922. М., 1974; Зародов К. И. Три революции в России и наше время. М., 1975; Борьба идей в современном мире. Основные линии и коренные проблемы идеологической борьбы, т. 1—2. М., 1975; Игрицкий Ю. И., Романовский Н. В. Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975 и др.

⁴ См., напр., Афанасьев Ю. Н. Современная французская буржуазная историография о предпосылках Октябрьской революции.— «История СССР», 1971, № 3; его же. Современная французская историография о предпосылках и характере Великой Октябрьской социалистической революции. В сб. Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков; его же. Фальсификация истории становления и защиты Советской власти в современной французской буржуазной литературе. В сб. Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922. М., 1974; Рыкалов В. С. Ленинский Декрет о мире во французской литературе.— «Вопросы истории», 1976, № 5.

⁵ Наумов Н. В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; Афанасьев Ю. Н. Характеристика современного этапа французской буржуазной историографии Октябрьской революции. В сб. История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976.

скому анализу такие типичные для современной буржуазной историографии положения, как версия о некоем полуколониальном характере экономики России, ее отсталости накануне революции, «незакономерности» и «недемократичности» Октября. В статье Ю. Н. Афанасьева основное внимание концентрируется на освещении буржуазными авторами вопросов взаимоотношения партии и масс, истории Советов в 1917 г. и Октябрьского вооруженного восстания. Отмечая появление во Франции за последнее время ряда работ по истории Октября мелкобуржуазных авторов и теоретиков лево-экстремистских группировок, Ю. Н. Афанасьев подробно разбирает труды представителей либерально-буржуазного направления (работы М. Ферро, Р. Портала, Ш. Карбонсля, Фр. Кокэна), опубликованные в 50—60-е годы.

Следует отметить, что в последние годы во Франции значительно возросло число трудов по интересующей нас тематике. Это вызывает необходимость продолжения работы по критическому осмыслению современной французской буржуазной историографии Октября. В данной статье основное внимание уделяется характеристике взглядов буржуазных историков на предпосылки, движущие силы, характер и значение революции, представленных в литературе 70-х годов.

Социально-экономические предпосылки социалистической революции в России по-прежнему тенденциозно освещаются большинством буржуазных историков Франции. Характерна в этой связи распространенная в советологии «теория модернизации», полностью отвергающая ленинскую концепцию социалистической революции, а саму Октябрьскую революцию трактующая как революцию, годную лишь для отсталых в экономическом отношении стран⁶. Несостоятельность подобных версий уже не раз аргументированно доказывалась в работах советских исследователей⁷. Тем не менее ряд авторов, заявляя об отсталости экономики дореволюционной России, полностью отрицают социалистический характер Октябрьской революции, трактуют ее, как некую «индустриальную революцию»⁸.

Сторонники так называемой «теории модернизации» игнорируют сложный комплекс социально-экономических факторов, который характеризовал Россию накануне социалистической революции. Она являлась страной монополистического капитализма. С конца 70-х — в начале 80-х годов XIX в. в России проходил процесс концентрации производства. В 80-х — 90-х годах монополизация уже достигла значительных размеров. А в 1913 г. на 5% промышленных предприятий работало 54% общего числа рабочих. Формировалась финансовая олигархия, тесно связанная с иностранным капиталом⁹, хотя отсталость сельского хозяйства, где господствовало помещичье землевладение, отрицательно сказывалась на промышленном развитии страны¹⁰.

Правда, отдельные авторы признают прогресс в экономике накануне Октября, отмечая в то же время противоречивость экономической и социальной жизни страны. Так, в книге Ф. Бона и М. Бюрнье «Рабочий класс и революция» отмечается, что в дореволюционной России сочетались «модернизм и архаизм», страна находилась «одно-временно в состоянии прогресса и отсталости»¹¹.

⁶ См., напр., Ropsayolo M. Histoire du monde contemporain, t. 1, De 1914 à 1939. P., 1973, p. 73; Coquin Fr. X. La révolution de 1917. P., 1974, p. 23; Panorama du XX-e siècle, t. 2. P., 1975, p. 594; Radjavi K. La dictature du prolétariat et le dépassement de l'Etat de Marx à Lenin. P., 1975, p. 362.

⁷ См. Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; Олгина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971. Из работ последних лет см. также Романовский Н. В. Буржуазная историография трех революций в России. — «История СССР», 1976, № 3; Милиц И. И. Октябрь и мировой революционный процесс. — «История СССР», 1977, № 5; Грицкий Ю. И. Октябрьская революция в новейшей буржуазной историографии. Там же; Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977 и др.

⁸ См., напр., «L'Ours» («L'Office Universitaire de recherche Socialiste»). P., 1973, février, p. 7.

⁹ Милиц И. И. История Великого Октября, т. 1, с. 33, 38, 81—89.

¹⁰ Там же, с. 51, 56—57.

¹¹ Bon F., Burnier M.-A. Classe ouvrier et révolution. P., 1972, p. 66.

А. Р. Жиро в работе «Русские займы и французские инвестиции в России в 1887—1914 гг.», освещая экономические, главным образом финансовые отношения между Францией и Россией, рисует достаточно полную картину состояния экономики последней, наличия в ней крупных монополистических и финансовых объединений, где тесно переплетались интересы русского и иностранного капитала¹². Отмечая большое влияние французского капитала в некоторых областях экономики России, в частности в банковском деле, проистекавшее из относительно слабой финансовой мощи России, автор в то же время отвергает точку зрения тех, кто характеризует Россию, как полуколониальную страну¹³.

Буржуазные советологи, как правило, дают искаженное представление об основных движущих силах Октябрьской революции. Они пытаются объяснить революционность российского пролетариата тем фактом, что он возник в якобы «отсталой» стране и не являлся будто бы пролетариатом, типичным для развитых капиталистических стран Запада. Тем самым отрицается значимость революционного опыта рабочего класса России для пролетариата стран Западной Европы. Так, К. Раджави утверждает, что в России затормозилось «образование пролетариата... отличного от крестьянства...», а Ж. Барро заявляет, будто «русский пролетариат был абсолютно отличен от пролетариата Европы»¹⁴. Подобные утверждения выдвигались и ранее Ж. Вальтером, Ж. Буйоном, П. Сорленом, Ж. Рюделем и другими французскими буржуазными авторами. Они характерны и для современной англо-американской буржуазной историографии и были уже подвергнуты обстоятельной критике в советской литературе¹⁵. В ряде работ, опубликованных во Франции в 70-е годы, российский рабочий класс трактуется лишь как пассивный инструмент в руках большевиков¹⁶.

Эти домыслы не имеют ничего общего с действительностью. В России накануне Октября выросли и окрепли социальные силы социалистической революции во главе с рабочим классом. В. И. Ленин писал, что «пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся»¹⁷. Партия большевиков организовала и сплотила рабочий класс страны «в единую и самостоятельную политическую силу»¹⁸.

На 1 января 1917 г. на предприятиях фабрично-заводской, горнозаводской и добывающей промышленности страны было занято 3 млн. 545 тыс. рабочих. По своей концентрации на крупных предприятиях российский рабочий класс не имел себе равных в мире. Пролетариат России был закален в многолетней борьбе против царизма, выступил вождем крестьянства и всех трудящихся масс в первой народной революции эпохи империализма (1905—1907 гг.). Он сыграл решающую роль в победе февральской революции, был во главе всенародного революционного подъема накануне Октября¹⁹, явился ведущей силой Октябрьского вооруженного восстания²⁰.

Многие авторы пытаются убедить читателя в том, что цели Октябрьской револю-

¹² Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie 1887—1914. Recherches sur l'investissement international. P., 1973.

¹³ Ibid., p. 593.

¹⁴ Radjavi K. Op. cit., p. 362; Barro J. Communisme et question russe. P., 1972, p. 38.

¹⁵ См., напр., Наумов Н. В. Указ. соч., с. 132—135; Зырянов П. Н., Шелухаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976, с. 27—31.

¹⁶ См., напр., Welter G. Histoire de Russie. P., 1970, p. 352.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 23.

¹⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 61.

¹⁹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3. Коммунистическая партия — организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской Республики. Март 1917—1920 гг. Кн. 1. (март 1917 — март 1918 гг.). М., 1967, с. 5—7; Гапоненко Л. С. Решающая сила Великого Октября. М., 1977, с. 27, 38—40, 61—73.

²⁰ См. об этом, напр., Гапоненко Л. С. Рабочий класс — ведущая сила Октябрьского вооруженного восстания. В сб. Исторический опыт Великого Октября, с. 128—136.

ции не имели ничего общего с интересами крестьянства, доказывая в то же время пассивность и даже враждебность крестьянства по отношению к революции и извращая политику большевиков по отношению к крестьянским массам, социалистический характер аграрной программы большевиков²¹.

Так, в работе Р. Жиро и М. Ферро «От России к СССР» утверждается, будто аграрная программа большевиков предусматривала раздел земли лишь из тактических соображений привлечения крестьян на свою сторону и была позаимствована полностью у эсеров²². Подобные утверждения являются лишь повторением измышлений противников большевиков на II Всероссийском съезде Советов²³. «Дело было не в том, — справедливо указывает крупнейший советский специалист по истории Великого Октября акад. И. И. Минц, — кто составил программу — составили ее сами народные массы — а в том, что прежде эта программа оставалась на бумаге, а большевики сразу превратили ее в закон. В условиях победившей пролетарской революции формулы крестьянского наказа наполнялись новым, реальным содержанием»²⁴.

Буржуазные идеологи сознательно затушевывают тот факт, что победа социалистической революции обеспечила осуществление аграрной программы большевиков, рассчитанной на доведение до конца задач буржуазно-демократической революции и революционных требований крестьянских наказов о земле, нашедших свое воплощение в Декрете о земле.

Важным рычагом перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую явилась национализация земли, выдвинутая в аграрной программе партии и осуществленная в ходе революции. «Национализация земли, — писал В. И. Ленин, — есть не только „последнее слово“ буржуазной революции, но и шаг к социализму»²⁵.

Исторический опыт Октябрьской революции убедительно подтвердил марксистско-ленинское положение о том, что главным условием победы социалистической революции является союз рабочего класса с непролетарскими массами трудящихся, в первую очередь с беднейшим крестьянством. «В этом союзе, — указывал В. И. Ленин, — вся главная сила и опора Советской власти, в этом союзе залог того, что дело социалистического преобразования, дело победы над капиталом, дело устранения всякой эксплуатации будет доведено нами до победного конца»²⁶. Последовательно проводимая Советской властью с первых дней победы революции политика в интересах крестьянства способствовала широкой поддержке ими дела революции²⁷. В. И. Ленин писал, подводя итоги политики большевиков по аграрно-крестьянскому вопросу, что в «крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще... Впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и пытался лучше горожанина»²⁸.

Следует отметить, что в некоторых работах французских историков, например, в книге Фр. Кокэна «Революция 1917 г.» признается, что накануне революции сложились благоприятные условия для того, чтобы воплотить в действительность диктатуру пролетариата и крестьянства — «прелюдию к европейской социалистической революции»²⁹. В качестве основной причины успеха революции автор отмечает то, что Ленин и большевики опирались на революционный порыв масс, требования которых содержались в программе партии³⁰.

²¹ См. Maschino M. Sept siècles de centralisme et de pouvoir totalitaire. Quand le passé de la Russie éclaire le présent de l'URSS. — «Le monde diplomatique», 1976, décembre, p. 13; Linhart R. Lenine, les paysans, Taylor, P., 1976, etc.

²² Girault R., Ferro M. De la Russie à URSS. L'Histoire de la Russie de 1850 à nos jours. P., 1974, p. 124.

²³ См. Минц И. И. История Великого Октября, т. 2, с. 1115.

²⁴ Там же.

²⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 413.

²⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 237.

²⁷ См., напр., Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1. М., 1974, с. 365, 371, 377.

²⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 276.

²⁹ Coquin Fr. X. Op. cit., p. 21.

³⁰ Ibid.

О поддержке крестьянскими массами большевиков пишет К. Раджави. Подчеркивая полное совпадение положений программы большевиков по аграрному вопросу с чаяниями широких крестьянских масс, он отмечает: «Многообещающей программе большевиков немедленного заключения мира, уничтожения феодализма, распределения земли их противники не могли противопоставить ни стройной программы, ни внутренней сплоченности. Ограниченных и поверхностных аграрных реформ, осуществленных царизмом, обещаний раздела земли, данных Временным правительством, было недостаточно, чтобы успокоить крестьян. Русские солдаты, в большинстве своем сельскохозяйственные работники требовали раздела земли, требование, которое большевики немедленно приняли в расчет в то время, как партии, находившиеся у власти, подчиняли свое обещание окончательной победе России и Антанты»³¹.

В современной буржуазной историографии Франции уделяется внимание и участию солдатских масс в Октябрьской революции. Этому сюжету посвящена работа М. Ферро «Русский солдат в 1917 г.»³², носящая весьма противоречивый характер. Положительной стороной работы является признание автором усиления классового расслоения в армии накануне революции, выразившегося в размежевании взглядов офицерства и солдатских масс прежде всего по вопросу о продолжении войны, поскольку «проблема мира была в центре всех проблем»³³. М. Ферро отмечает все расширяющуюся пропасть между офицерством и рядовыми солдатами, причиной которой была «враждебность большинства офицеров демократизации армии, либерализации военных институтов, — их кампания за войну до победного конца»³⁴.

Представляет определенный интерес и освещение автором проблемы большевизации армии. М. Ферро признает, что требования большевиков о немедленном заключении мира нашли широкий отклик в солдатских массах. «С середины июля, — указывает он, — особенно после краха корниловщины, началась молниеносная большевизация армии»³⁵. Большевизация солдатских масс, отмечает М. Ферро, привела к дальнейшему росту их политической сознательности, распространению идей социальной революции среди солдат, которые не только требовали мира, но «также уничтожения частной собственности, распределения земли, рабочего контроля над производством, работы и обязательной военной службы для всех»³⁶.

Вместе с тем автор пытается поставить под сомнение процесс большевизации армии в первые месяцы после победы Февральской революции³⁷. Это утверждение не соответствует исторической действительности. В исследованиях советских историков обстоятельно показано, как уже в первые месяцы после победы Февральской революции, в ожесточенной борьбе с соглашателями, проходила большевизация армии³⁸. Многочисленные солдатские комитеты, созданные в это время, проводили политику демократизации армии в тесном контакте с рабочими. Этому способствовало, в частности, создание 31 марта 1917 г. Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б), преобразованной вскоре в Бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП(б) во главе с Н. И. Подвойским. Сюда ежедневно приезжали сотни делегатов с фронта, здесь организовывались встречи фронтовиков с рабочими, читались лекции, проводились семинары. В солдатском клубе неоднократно выступал В. И. Ленин. В мае — июне такие организации были созданы в Москве, Туле, Воронеже и других городах. Большевизации армии способствовали и солдаты запасных

³¹ Radjavi K. Op. cit., pp. 279—280.

³² Ferro M. Le soldat russe en 1917. Indiscipline, patriotisme pacifisme et révolution. — «Annales», 1971, janvier — février.

³³ Ibid., p. 36.

³⁴ Ibid., pp. 36—37.

³⁵ Ibid., p. 37.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., p. 36.

³⁸ См. напр., Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

частей, которые, участвуя в многочисленных митингах и демонстрациях, прошли серьезную школу политической борьбы³⁹.

Нападки на большевистскую партию — авангард российского рабочего класса — продолжают оставаться излюбленным сюжетом многих трудов французских советологов. Цель этих нападок ясна — убедить читателей в неприемлемости опыта Октября для других стран. Апологеты антикоммунизма пытаются в связи с этим доказать, будто большевики отрицают другие формы борьбы, кроме насилия и заговора, обвиняют партию В. И. Ленина в бланкизме, волюнтаризме и т. д.⁴⁰. Эти антинаучные домыслы уже не раз выдвигались в 50—60-х годах К. Эмери, Д. Жамэ и другими авторами⁴¹.

Роль Коммунистической партии, как политического авангарда революционного пролетариата, извращается и в работах как левых, так и правых ревизионистов. Те и другие противопоставляют партию широким пролетарским массам, отрицают ее руководящую роль в революционной борьбе рабочего класса. Так, например, Ж. Барро заявляет, что большевики относились с «недоверием» к революционному порыву масс, а со стороны 1917 г. якобы «подтвердили этот разрыв с массами»⁴². Подобных взглядов придерживается и Р. Гароди, абсолютизирующий и фетишизирующий стихийность массового революционного движения и полностью отрицающий необходимость руководства им со стороны марксистско-ленинской партии⁴³.

Попытки представить большевистскую партию оторванной от пролетарских масс обречены на провал. В. И. Ленин еще в начале 900-х годов четко и ясно определил роль партии как политического авангарда пролетариата. «Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности»⁴⁴.

Анализ политической обстановки накануне Октября со всей убедительностью показывает, что массы пошли за большевиками, что идеи борьбы за социалистическую революцию овладели ими. Движение за рабочий контроль, охватившее промышленные центры России, рост забастовочного движения с требованием передачи власти в руки Советов, поддержка большевистской программы профсоюзами и фабрично-заводскими комитетами — все это свидетельствует о неразрывной связи большевиков с рабочим классом, широкими слоями трудящихся⁴⁵.

Этого не могут не признать и некоторые буржуазные историки. «Большевики имели поддержку пролетариата, — указывает, например, К. Башман, — опираясь на революционный порыв масс, когда движение масс было на подъеме, а классовый враг и поддерживающие его элементы находились в замешательстве»⁴⁶. К. Раджави также вынужден констатировать, что большевики одержали победу потому, что те партии и правительства, которые оказались у власти после Февральской революции, были неспособны осуществить революционные преобразования. «Их неспособность заключить мир, положить конец голоду, осуществить реформы была разоблачена в один прекрасный день Лениным...»⁴⁷. Аналогичных взглядов придерживается и И. Тротиньон,

³⁹ См., напр., История СССР с древнейших времен до наших дней, сер. 2, т. VII. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР. 1917—1920 гг. М., 1967, с. 68—69.

⁴⁰ См., напр., Touchard J. Histoire des idées politiques. P., 1973, p. 748. Besançon A. Courl traité de sovietologie à l'usage des autorités civiles militaires et religieuses. P., 1976, p. 11.

⁴¹ См. Наумов Н. В. Указ. соч., с. 156.

⁴² Vagot J. Communisme et question russe. P., 1972, p. 43.

⁴³ Gaudy R. Parole d'homme. P., 1975, pp. 203—204.

⁴⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 373.

⁴⁵ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1, с. 262—280.

⁴⁶ Bashman Ch. Lénine. P., 1970, p. 75.

⁴⁷ Radjavi K. Op. cit., p. 280.

отмечая, что лозунги большевиков о мире, передаче власти Советам, заводов рабочим, земли крестьянам отвечали насущным чаяниям трудящихся⁴⁸.

В современной французской буржуазной историографии, как правило, отрицается историческая закономерность Октябрьской революции. Антинаучные положения о «заговорщическом Октябре» имеются в работах С. Берстейна, М. Ларана и других авторов⁴⁹.

С первых дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции буржуазная историография пытается отрицать и всемирно-историческое значение Октября. Это характерно и для французской историографии 70-х годов. Типичной с этой точки зрения является дискуссия, материалы которой были опубликованы под броским заголовком «Революция без модели». Ее участники безуспешно пытались доказать, будто опыт Октябрьской революции «негативен для Запада»⁵⁰⁻⁵¹.

Анализируя воздействие Октябрьской революции на мировой революционный процесс, буржуазные авторы весьма противоречиво оценивают советскую внешнюю политику первых лет революции. Характерна с этой точки зрения книга профессора Р. Ремона «Введение в историю нашего времени». Автор приписывает большевикам методы «экспорта революции» как ответную меру на интервенцию держав Антанты и экспорт ими контрреволюции⁵², признавая в то же время, что «рабочие массы стран Запада внимательно наблюдали за тем, что происходит в России», и «советский пример был для них соблазнителен и убедителен»⁵³. Эта версия не выдерживает критики. Хорошо известно, что В. И. Ленин и большевики решительно выступали против методов экспортирования революции. Победа революции обеспечивается прежде всего наличием как объективных, так и субъективных ее предпосылок. «Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или иному моменту, а созревают в процессе исторического развития в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин», — указывал В. И. Ленин⁵⁴. Поддержка идей Октябрьской революции широкими массами трудящихся капиталистических государств была обусловлена их классовой солидарностью с первым в мире социалистическим государством. Об этом свидетельствуют многочисленные факты истории⁵⁵.

В заключение кратко остановимся на источниковой базе работ буржуазных авторов, посвященных Октябрю. Ныне подавляющее большинство западных историков, претендующих на объективность исследования Октябрьской революции, не может совершенно игнорировать работы В. И. Ленина, советские публикации документов, труды советских ученых. Однако в большинстве случаев буржуазные авторы в угоду своим концепциям тенденциозны в отборе источников. При этом они сознательно опускают некоторые положения документов, приводя отдельные, второстепенные сведения, игнорируя выводы тех советских исследователей, из работ которых они почерпнули фактический материал и т. д.

Так, в работе Ж. Лефевра и Ж. Жоржа «Современная эпоха» цитата из «Апрельских тезисов» приводится в сокращении⁵⁶. Приведем полностью ленинское положение: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки

⁴⁸ Trotignon I. Le XX-e siècle en URSS. P., 1976, p. 56.

⁴⁹ Weltère G. Op. cit., pp. 349, 352; Bernstein S. Lénine et la Révolution russe. P., 1971, p. 4; Laran M. Russie — URSS. 1870—1970. P., 1973, p. 92; Desprairies L. Consideration sur l'Occident européen. P., 1972, p. 430; Besançon A. Op. cit., pp. II—III.

⁵⁰⁻⁵¹ Chatelet Fr., Lapouge G., Revault d'Allones O. S. La révolution sans modèle. P., 1974, pp. 7—8, 117, 176—179.

⁵² Remond R. Introduction à l'histoire de notre temps, t. 3. Le XX-e siècle. De 1914 à nos jours. P., 1974, p. 59.

⁵³ Ibid., pp. 59—60.

⁵⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 531.

⁵⁵ См., напр., Ленин и международное рабочее движение 1914—1918 гг. М., 1968, с. 231, 232—238 и т. д.

⁵⁶ Lefevre L., Georges J. Les temps contemporains, t. 1, P., 1973, p. 295.

пролетариата и беднейших слоев крестьянства»⁵⁷. Авторы исключили слова: «даввшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата», а это указание весьма существенно, поскольку оно показывает огромную эволюцию, происшедшую в сознании масс в период с февраля по октябрь 1917 г. Подобное «сокращение» понадобилось авторам для того, чтобы подтвердить ссылками на В. И. Ленина свои домыслы о «заговорщическом» характере Октября. Фр. Кокэн в разделе, посвященном, согласно заголовку, «Апрельским тезисам», не цитирует ни одного ленинского положения, зато полностью приводит ряд материалов, направленных против ленинского курса на социалистическую революцию⁵⁸.

Буржуазные авторы, как правило, используют весьма ограниченное число советских документальных публикаций. Например, тот же Фр. Кокэн в основном привлекает документы партий меньшевиков и эсеров, а также материалы Временного правительства и почти не использует документы большевистской партии⁵⁹. Из советских документальных материалов автор под тенденциозным заголовком «К установлению монополюльной власти большевиков» помещает в своей работе лишь тексты Декрета о печати от 27 (9) ноября 1917 г., запрещавшего публикацию клеветнических материалов в буржуазной прессе и декрета о роспуске Учредительного собрания. Цель подобной подборки ясна — показать «ущемление» демократии, которое якобы осуществлялось с первых дней победы революции. В то же время из поля зрения автора «выпали» важнейшие декреты и декларации Советской власти и прежде всего декреты о мире, о земле, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа и др., убедительно свидетельствующие о подлинно демократическом характере Октябрьской революции.

Во многих работах современных советологов широко используются работы противников ленинизма, прежде всего троцкистов.

Разумеется, не все буржуазные историки столь тенденциозны в отборе источников. Примером этому может служить упоминавшаяся нами работа Р. Жиро «Русские займы и французские инвестиции в России». Автор не только ввел в научный оборот новые материалы из национальных архивов Франции, французского министерства иностранных дел, министерства финансов, частных архивов, архивов банков, но и привел много малозвестных документов из советских архивов Ленинграда и Москвы. Положительной стороной его книги является и использование исследований ряда советских ученых (Б. А. Романова, К. Ф. Шацилло, И. В. Бестужева, А. Л. Сидорова, В. И. Бovyкина и др.).

Подводя итоги, следует отметить, что проблемы, связанные с историей Октябрьской революции, находятся в центре идеологической борьбы современной эпохи. Буржуазные историки Франции, несмотря на некоторые отличия в трактовке отдельных проблем, сходятся в одном — в отрицании того, что Октябрьская революция явилась закономерным явлением, обусловленным всем ходом мирового исторического процесса, а ее опыт имеет всемирно-историческое значение.

В последние годы французская буржуазная историография все охотнее заимствует положения ревизионистских авторов, широко используя их в идеологической борьбе против марксизма. Это объясняется стремлением в условиях существенного укрепления влияния левых сил, наблюдаемого за последние годы во Франции, опорочить идеи марксизма-ленинизма, идеи Октября.

Все это лишний раз подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования форм и методов идеологической борьбы в соответствии с задачами, выдвинутыми XXV съездом КПСС.

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 114.

⁵⁸ Coquin Fr. X. Op. cit., pp. 41—42, 43.

⁵⁹ Ibid., pp. 59—63.

Л. И. БОРОДКИН, Н. Б. СЕЛУНСКАЯ

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

[По поводу «Проекта социальной истории Филадельфии»]

Активное освоение массовых источников, применение количественных методов их обработки и анализа является характерной чертой современных советских исследований по отечественной истории.

Роль и значение массовых источников, эффективность применения новейших методов их анализа убедительно показаны в целом ряде работ, которые существенно продвигают научную разработку многих кардинальных проблем истории СССР, прежде всего, в области социально-экономического развития нашей Родины¹.

Вовлечение массовых исторических источников в сферу исторического исследования вызвало необходимость постановки и решения многих методологических и источниковедческих проблем². Первостепенное значение среди них принадлежит вопросам общей методологии исследования, методологическим проблемам применения количественных методов анализа массовых исторических источников. Как известно, применение количественных методов в исторических исследованиях базируется в марксистской и буржуазной историографии на принципиально различных теоретической и методологической основах³. Вот почему разработка советскими историками общих проблем методологии применения количественных методов в исторических исследованиях вообще и при анализе массовых исторических источников, в частности, включает задачу критического осмысления опыта буржуазной историографии в данной области.

В этой связи представляется важным знакомство советских специалистов по отечественной истории с работами американских историков, посвященными изучению так называемого «количественного» источника в плане постановки и решения вопросов источниковедения, методологии и методов анализа массовой исторической информации по социальной истории.

Использование вычислительной техники и новейших методов обработки и анализа данных предоставляет широкие возможности обращения историков США к большим массивам исторической информации. Как отмечается в американской историографии, «компьютерная техника влияет на направление исторического исследования», что проявляется как в изменении объекта изучения (общности и целые народы, а не

¹ См., напр., Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок (XVIII — начало XIX века). М., 1974; Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977 и др.

² См., напр., Литвак Б. Г. Ленинские приемы источниковедческого анализа и методика исследования массовой документации. — «История СССР», 1970, № 2; его же. О путях развития источниковедения массовых источников. В сб. Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969; Кахк Ю. Ю., Ковальченко И. Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. — «История СССР», 1974, № 5. Вопросы использования массовых исторических источников, их роль и функции в историческом исследовании стали предметом обсуждения на конференции, посвященной проблемам источниковедения, проходившей в сентябре 1975 г. в Геленджике (см. «История СССР», 1976, № 3; «Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки, 1976, № 2).

³ См. об этом, напр., Кахк Ю. Ю., Ковальченко И. Д. Указ. соч.; Хвостова К. В. Методологические проблемы применения математических методов в исторических исследованиях. — «Вопросы истории», 1975, № 11; Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — «История СССР», 1976, № 5.

отдельные индивиды), так и в проблематике (повышенный интерес к социальной истории)⁴.

Сбор данных, формирование архивов машинной информации невозможны без определения общих принципов подхода к массовому источнику, его роли в историческом исследовании. Эти вопросы специально обсуждались в США. В многочисленных дискуссиях проявилась несостоятельность американских историков в решении вопросов теории источниковедения массового источника, выработке единых принципов его анализа⁵. Не случайно, «новое поколение историков сконцентрировало усилия более на сборе данных, розыске новых и разработке малоизученных источников, создании синтезированных данных», а также на «разработке единых программ обработки и хранения массивов исторической информации»⁶. В результате этих усилий в США созданы архивы машинной информации, крупнейшим из которых является коллекция в Анн-Арборе, представляющая собой хранилище источников преимущественно по политической истории США (списки голосования, данные итогов выборов и др.) и материалы по истории Западной Европы⁷.

Важным событием американской историографии в этой области является и создание «Проекта социальной истории Филадельфии»⁸, о котором и пойдет речь в данной работе. Этот проект оценивается в американской историографии не только как наиболее значительная по своему масштабу и характеру коллекция данных по социальной истории и набор эффективных программ их обработки и анализа, но и как попытка разработки некой новой методологии исследования социальной истории XIX в.

Для историков СССР проект представляет интерес прежде всего с точки зрения решения задач источниковедения массовых исторических источников, разработки методов их обработки и анализа, т. е. как попытка создания источникового комплекса для крупномасштабного динамического исследования социальной структуры и социальной мобильности определенной исторической общности в тот или иной исторический период на основе применения математико-статистических и машинных методов обработки массовых данных. Естественно, что разработка конкретной методики анализа массовых источников невозможна без определения методологических принципов предпринятого исследования. Поэтому предметом настоящего рассмотрения «Проекта социальной истории Филадельфии» является анализ методологических принципов изучения американскими исследователями массовых источников по социальной истории, а также постановка и решение проблем источниковедения массовых исторических источников, разработка методики и программ обработки содержащихся в них данных.

«Проект социальной истории Филадельфии» подтверждает то, насколько повысился интерес американских историков-количественников к социальной истории и исторической демографии. По наблюдениям американских авторов, половина работ по «количественной истории» в США посвящена этим проблемам. Сфера социальной истории оценивается ими как «наиболее продуктивная область „количественной истории“»⁹. Однако изучение социальной истории США, по словам авторов проекта, затрудняется

⁴ Swierenga R. Computers and American History.— «The Journal of American History», 1974, vol. LX, № 4, pp. 1060—1061.

⁵ Итоги этих дискуссий изложены в работе «The Dimensions of the Past». New Haven, L., 1972, подробнее см. Селунская Н. Б. Проблемы изучения массовых исторических источников в современной американской историографии.— «История СССР», 1975, № 4.

⁶ Swierenga R. Op. cit., p. 1061.

⁷ См. Clubb J. M. The Inter-University Consortium for Political Research, Progress and Prospects.— «Historical Methods Newsletter», June, 1969; Swierenga R. Op. cit., p. 1051.

⁸ Описание Проекта социальной истории Филадельфии см. «Historical Methods Newsletter», 1976, vol. 9, № 2, 3; Hershberg Th. «The Philadelphia Social History Project: An Overview and Progress Report».— «Review of Public Data Use», January, 1976.

⁹ Swierenga R. Op. cit., p. 1055. Об этом свидетельствует и содержание журналов прежде всего «Historical Methods Newsletter», а также нового периодического издания историков-количественников, посвященного проблемам социальной истории «Social Science History» (издание Ассоциации социальной истории, выходит с 1976 г.).

отсутствием или скудостью систематических данных. Попытку ликвидировать указанный пробел представляет «Проект социальной истории Филадельфии», составной частью которого является архив исторических данных, переведенных на язык ЭВМ, описывающих профессиональную карьеру 2,5 млн. жителей Филадельфии в 1850, 1860 и 1880 гг., а также данных о городском строительстве, транспорте, промышленных предприятиях и деловых конторах.

Основное назначение проекта, как считают его авторы,— «углубить понимание следствий урбанизации и индустриализации, имеющих большое значение для развития современного общества»¹⁰. Руководитель проекта профессор Пенсильванского университета Т. Хершберг выделяет такие его аспекты, как характер данных, собранных в ходе осуществления проекта; техническую его сторону (описание методики и программы обработки информационного массива); характеризует состав участников проекта, сферу их компетенции и теоретическую основу проекта (с. 43).

Согласно Т. Хершбергу, поставленная задача обусловила необходимость разработки «новой» методологии изучения процессов урбанизации и индустриализации в США XIX в., которая и должна была стать основой формирования и последующего изучения источникового комплекса проекта. В этой связи авторами были поставлены вопросы методологии исторического исследования, которые формулируются как поиск «средней основы» между детальностью традиционной истории и генерализацией социальной теории (с. 14). «На данном этапе разработанные теоретические принципы,— указывает Т. Хершберг,— на том или ином уровне, с большей или меньшей степенью дисциплинарной чистоты ведут (guide) все компоненты исследования, но не объясняют его во всем объеме. Поиск методологической основы исследования социальных последствий индустриализации и урбанизации продолжается»,— констатирует он (с. 44).

Итак, авторы сразу же заявляют о невозможности выработки общей методологической основы предпринятого исследования, что и обуславливает его «эмпирический характер».

Что же представляют собой те методологические принципы, которые легли в основу проекта? Нужно отметить, что их разработка отличается постоянной заботой о «дисциплинарной чистоте» исторического исследования. Это проявляется прежде всего в определении специфики функций историка, их отличия от функций экономиста. Так, анализ «экономических возможностей», т. е. объективных социально-экономических условий формирования социальной структуры общества, по утверждению американских историков, лежит якобы в сфере лишь экономического исследования.

Правда, отмечая значимость индустриализации для изменений в социальной структуре городского населения XIX в., Т. Хершберг подчеркивает, что промышленная структура рассматривалась как генератор изменений в большой системе: так называемом «городском космосе», для создания модели которого авторы проекта на время и обратились к «экономической» сфере.

Модель «городского космоса» является центральным моментом методологической основы проекта, воплощением структуралистского подхода к анализу исторических явлений и процессов. В основу этой модели положено представление о некоей пространственной структуре промышленности, характеризуемой тремя поясами (кольцами): первое кольцо (face-to-face industry) составляли предприятия, производство на которых требовало непосредственного контакта с потребителем; «неудобные» производства составляли второе кольцо (предприятия, производство на которых сопряжено с шумом, выделениями, запахом и т. п. (pulsanse industry), и, наконец, третье кольцо включало крупное производство, требующее больших земельных ресурсов (land intensive industry). Эта структура, считают авторы проекта, остается устойчивой начиная с середины XIX в. до сего времени (с. 44—45). Доказательством того, что размещение промышленности было решающим фактором для «социальной географии», т. е. для размещения населения Филадельфии XIX в., по их мнению, была слишком высокая

¹⁰ «Historical Methods Newsletter», 1976, vol. 9, № 2, 3, p. 43 (далее сноски на эту работу даются в тексте).

стоимость транспортных услуг, что вынуждало жителей селиться вблизи предприятий. Это обстоятельство и определяло весь стиль их жизни. В результате модель промышленного города представляется американскими авторами как территориально-расчлененная структура, а население каждой территориальной «ячейки» представляет собой как бы независимую микроструктуру, с особыми, свойственными только ей чертами «социального поведения». Причем формировались эти черты якобы лишь под воздействием непосредственного окружения, этнических, демографических особенностей населения данной ячейки.

«Изменения в экономике и социальной структуре» больше не интересуют авторов проекта. Внимание их привлекает «физическое выражение этих изменений в пространственном устройстве города». «Появившиеся сами собой (?) пространственные структуры,— заявляют они,— функционировали как динамические силы, определявшие будущие социальные отношения и модель городского космоса» (с. 45). В чем же причина такого подхода? Объяснение этому мы находим при анализе задач и целей принятого исследования.

«Проект социальной истории Филадельфии начат как исследование того,— поясняют его авторы,— насколько уникальным был „опыт черных“, было ли положение негров — особенностью их исторического опыта (т. е. института рабства.— Авт.), или они испытывали те же препятствия, которые должны были преодолеть все иммигрантские группы, вступавшие в американское общество». Таким образом, проект призван послужить подтверждением тезиса американской историографии о том, что «корни» особенностей положения «черной» семьи не в сфере рабства, а в сфере особенности городской истории вообще (с. 47).

Итак, вновь на повестке дня негритянский вопрос. И снова попытка представить его несущественным. Только если прежде в американской историографии проблема рабства рассматривалась в экономическом аспекте, в рамках сравнения эффективности наемного и рабского труда¹¹, то теперь она формулируется как изучение процесса социальной мобильности «черного» и «белого» городского населения в условиях индустриализации и урбанизации.

Специфику исторического подхода к анализу социальной мобильности авторы проекта видят в том, что «этот анализ допустим лишь на индивидуальном уровне *micro-level*» (с. 45), а социальные процессы, происходившие в городе XIX в., следует якобы рассматривать как результат индивидуальных решений и событий. Понять эти решения и события можно, по их мнению, лишь в результате анализа жизненного пути индивида, концентрируя внимание на изучении его профессиональной карьеры, изменении места жительства, модели поведения его семьи¹².

Таким образом, методологические основы проекта обуславливаются подходом, при котором негритянская семья рассматривается как одна из замкнутых саморазвивающихся структур, чью эволюцию определяет этнически однородное окружение, задерживающее ее «вертикальную» социальную мобильность. Такой подход обнаруживает свою явную научную несостоятельность. Это проявляется, прежде всего, в ограничении сферы исторического исследования наблюдением за индивидуальным человеческим поведением, в априорных исходных принципах изучения социальной истории города, в частности, в так называемой модели «городского космоса», в отказе от ее конкретно-исторического обоснования и др.

¹¹ Одним из последних и наиболее значительных исследований по этой проблеме является работа: Fogel R., Engerman St. *Time on the Cross*, vol. I, II. Boston — Toronto, 1974. Критический анализ работы см. Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Указ. соч.; см. также «Вопросы истории», 1976, № 8, с. 175—178.

¹² Нужно отметить, что выдвигание на первый план этнических и демографических факторов в историческом исследовании можно считать устоявшимся методологическим принципом американской буржуазной историографии. Наиболее откровенно он был заявлен на конференции в Уппсале в докладе Т. Хершберга, М. Каца и др. (См. Hershberg Th., Katz M., Blumin St., Glasco L. *Occupation and Ethnicity in Five Nineteenth Century Cities. A Collaborative Study.*— «Historical Methods Newsletter», 1974, vol. 7, № 3.)

Такие методологические принципы проекта определили также характер сбора и формирования комплекса исторических данных. В результате усилий коллектива американских исследователей¹³ был создан архив исторических данных по типу так называемых банков машинной информации. Эта коллекция массовых данных по социальной истории США второй половины XIX в. явилась итогом эффективного использования возможностей ЭВМ для хранения и обработки исторической информации.

При этом авторы проекта должны были решить целый ряд источниковедческих проблем. Во-первых, это отбор источников. Конечно, состав источников, данные из которых вошли в архив проекта, был обусловлен задачей изучения положения «черного» населения, особенностей его социальной мобильности и семейной структуры в сравнении с «белым» американским населением. Основной массив информации был извлечен из переписей населения за 1850, 1860, 1870, 1880 гг. и обследований «черного» населения 1838, 1847, 1856 гг.¹⁴ В состав архива проекта вошли и сведения о промышленных предприятиях, их размещении и структуре городского транспорта¹⁵. Из материалов переписи населения были отобраны данные о поло-возрастном составе населения, расе, грамотности, профессии, сведения о размерах и характере частной собственности 500 тыс. человек (среди них были выделены группы: «черные», ирландцы, немцы, а также все белое население Филадельфии) (с. 175—176, App. 1). Для анализа семейной структуры в состав проекта вошли сведения о 2000 семей по каждой из трех этнических групп (ирландцы, немцы, «белые» американцы) и 11 500 «черных» семей. Задача исследования «окружения» обусловила включение в состав проекта данных об общем количестве населения, их поло-возрастной и этнической характеристиках соответственно в 1850, 1860, 1870, 1880 гг.

Включение Промышленной переписи как вспомогательного источника в состав Проекта значительно расширило его информативную ценность. Массив пополнился сведениями о 29 000 предприятий. Среди них данные о количестве капиталовложений, мощности и числе двигателей, условиях труда, продолжительности рабочей недели, числе рабочих, их средней заработной плате, стоимости сырья и продукции предприятий.

Таким образом, архив проекта является опытом создания комплекса массовых исторических данных на основе соединения сведений из различных источников в единый массив информации, пригодный для машинной обработки. Создание подобных информационно-массивов — одна из актуальных задач современного источниковедения. Она вытекает из самой природы исторического источника. С одной стороны, источник, как правило, не содержит всей совокупности сведений, необходимых для исследования тех или иных исторических явлений и процессов, и эта неполнота источников усугубляется различной степенью их сохранности. С другой стороны, рост масштабов исторических исследований, комплексная природа изучаемых явлений и процессов постоянно ставят перед историками задачи повышения информативной ценности и представительности источника.

Математико-статистические методы открывают в этом направлении новые возможности перед исследователями. Однако комплексное использование источников требует особенно пристального внимания и осторожности при математико-статистической и машинной обработке, когда вся совокупность источников выступает как единый документальный массив.

В этой связи советские историки придают большое значение источниковедческому

¹³ Коллектив включал специалистов различного профиля: экономистов, социологов, демографов, географов, статистиков, краеведов, историков. В разработке технического обеспечения проекта участвовало более 300 программистов, математиков и др.

¹⁴ См. Manuscript census surveys made by the Pennsylvania Abolition Society (1838 and 1856), the Society of Friends (1847); Population manuscript schedules of the US Census for Philadelphia County in the years 1850, 1860, 1870, 1880.

¹⁵ Источники: «US Census of Manufactures»; «City's business directories»; «City's Transportation System».

этапу исследования: всесторонней критике источников — выявлению их достоверности, представительности, сопоставимости, — итогом которой является получение точной документальной основы для конкретно-исторического анализа.

У авторов «Проекта социальной истории Филадельфии» отсутствует сама постановка вопроса о критике источников, предназначенных для изучения социальной истории и составляющих архив проекта. И это несомненно отрицательно сказалось на работе в целом. Однако разработанная ими методика соединения источников представляет интерес в плане анализа возможностей использования ЭВМ для решения актуальных задач источниковедения массовых исторических источников. Дело в том, что источники, входящие в состав архива проекта, имели разный объект наблюдения (промышленная перепись — предприятие, а переписи населения — индивида). Американские исследователи стремились сохранить информацию именно на индивидуальном уровне в соответствии с охарактеризованными выше методологическими принципами, состоящими в подмене анализа объективных закономерностей социальных явлений наблюдением за индивидуальным человеческим поведением в «городском космосе». Вот почему перед ними встала задача перевода сведений промышленной переписи на индивидуальный уровень, соединения их со сведениями переписей населения. Методика соединения источников в единый комплекс имела несколько этапов. Цель ее состояла в том, чтобы приписать каждого работающего к определенной фирме. Для этого на первом этапе устанавливалось местонахождение предприятий, обозначенных в промышленной переписи. Так как этот источник не содержал ни адресов фирм, ни списка работающих, то был привлечен другой источник — списки контор предприятий Филадельфии с адресами почти всех крупных и мелких предприятий. Оба источника были подвергнуты машинной обработке по специальной программе для решения задач информационного поиска. В результате были найдены адреса нужных, т. е. имеющихся в промышленной переписи, предприятий.

Следующий этап состоял в «соединении» рабочего с предприятием, на котором он предположительно работал. Для этого на основании данных промышленной переписи устанавливался характер производства (отрасль, специализация) и соответственно возможный профессиональный состав «окружающей рабочей силы». Затем на основе данных о профессиональной занятости из переписей населения определялся возможный контингент работающих на том или ином предприятии. Наконец, в соответствии с идеей о привязанности рабочего к предприятию на основе данных переписей населения о месте жительства и сведений о городском транспорте, работающее население приписывалось к определенной фирме.

Нельзя не заметить, что если преимущества соединения данных различных источников, состоящие в получении широкой и разнообразной исторической информации, очевидны, то этого нельзя сказать о точности данных, полученных в результате указанного выше объединения источников. Таким образом, несмотря на эффективность программ машинной обработки, предложенных американскими историками для решения задач информационного поиска, достоверность созданного информационного массива исторических данных вызывает серьезные сомнения.

Методологические принципы, составляющие так называемый «аналитический аспект» проекта, обусловили и методику обработки данных его архива, т. е. своеобразной группировки сведений о населении отдельных территориальных ячеек, на которые была разделена территория Филадельфии американскими авторами. Это деление было произведено не в соответствии с административным делением той эпохи, а в соответствии с так называемой методологией «сетки» (grid net), т. е. представлением о структуре города как расчлененной на замкнутые, сепаратные общности, стиль жизни и традиции которых якобы определяли «социальную структуру» и мобильность каждого члена этой общности.

Итак, формирование источниковой основы «Проекта социальной истории Филадельфии» всецело определялось заявленными американскими исследователями методологическими принципами. Так, процедуры объединения источников разного уровня наблюдения привели в ряде случаев к снижению достоверности сведений, касающихся

социально-экономической характеристики населения Филадельфии в силу приобретенного вероятностного характера этих данных, априорной их группировки. В итоге научная несостоятельность методологических принципов, или аналитической основы проекта, привела к определенному искажению источниковой базы исследования.

Позитивный интерес представляют методические приемы и техника машинной и математико-статистической обработки массовых исторических источников, разработанные авторами проекта для организации машинного архива исторических данных. По сути дела, была создана информационно-поисковая система, функции которой — поддержание в рабочем состоянии информационной базы проекта и выдача исследователям требуемых данных в нужной им форме. Структурно банк данных состоит из нескольких крупных блоков информации, описывающих соответствующие источники. Эти блоки содержат записанные на магнитной ленте сведения (об отдельных лицах, о семьях и домовладельцах, о промышленных предприятиях, деловых конторах, транспортно-путевой системе). Кроме того, имеются и другие блоки, содержащие информацию вспомогательного характера. Здесь важно отметить, что в каждом блоке информации по каждому объекту содержатся как данные, взятые непосредственно из соответствующего источника, так и данные, сформированные в процессе работы над проектом.

Комплекс программ для ЭВМ, обслуживающих банк данных проекта, состоит из программ трех типов (в соответствии с тремя этапами обработки информации)¹⁶. Это, во-первых, система программ по сверке и корректировке исходных данных, вводимых в ЭВМ; во-вторых, программы, выполняющие промежуточный этап преобразования исходных данных (формирование новых показателей на основе имеющихся, модификация структуры исходных данных, сведение воедино информации из различных источников и т. д.), и, наконец, программы статистического анализа и выдачи результатов в виде матриц, статистических таблиц, карт, диаграмм и т. д. Достоинством этого комплекса программ является его доступность для лиц без специальной математической подготовки.

При создании математического обеспечения проекта большое внимание уделялось первому этапу работы — приведению исходных данных к виду, пригодному для ввода их в машину, сверке данных с соответствующей информацией на магнитной ленте и исправлению выявленных ошибок. Трудности этого этапа работы усугублялись большим объемом исходной информации (58 000 переписных листов).

Были созданы специальные программы, которые позволяли распечатывать введенную в машину информацию в виде максимально приближенных к исходной форме данных в источнике, что облегчало их сверку. Кроме того, значительная часть проверок проводилась автоматически (так выявлялись пропуски в данных, обнаруживались ошибки, соответствующие неправдоподобным значениям признаков и т. д.). Большие усилия были направлены на то, чтобы максимально упростить процесс внесения исправлений, добавления новых признаков для каждого объекта.

Среди программ, с помощью которых осуществлялся второй этап обработки информации (преобразование исходных данных), одни были предназначены для выявления и выборки из массива всех объектов, характеризующихся некоторым общим признаком. С помощью этих программ можно, например, выбрать из блока данных промышленной переписи все предприятия, выпускающие продукцию определенного типа, или из переписи населения — всех грамотных и т. д. Другие программы были предназначены для «соединения» объектов из разных блоков. Так, в весьма подробной промышленной переписи отсутствуют сведения об адресах предприятий, в то время как в данных о деловых конторах эта информация имеется. С помощью программ второго вида производился совместный анализ двух этих блоков информации, в результате чего адреса были восстановлены почти для всех предприятий.

¹⁶ Подробные описания возможностей математического обеспечения Проекта см. Sobotowski C. Software.— «Historical Methods Newsletter», vol. 9, № 2, 3, pp. 164—173.

Эффективность анализа информации на этом этапе в значительной мере определялась использованием двух методических приемов. Первый из них позволяет разносторонне представить профессиональный облик обследуемых. Основой его является «словарь профессий», в котором используется целый ряд кодировок, раскрывающих структуру занятости мужского населения Филадельфии. Так, пользуясь первым кодом, можно изучать структуру занятости на очень детальном уровне (рассматриваются 3874 профессиональных занятия). Второй код позволяет отдельно анализировать структуру занятости по отраслям экономики (горное дело, промышленность, строительство, торговля, обслуживание и т. д.). С помощью третьего кода удобно изучать структуру занятости отдельно в промышленности (здесь вводятся три уровня: первый включает 41 отрасль промышленности, второй — 175 подотраслей, третий — 558 профессиональных занятий). Четвертый код использовался для классификации работников по месту работы (промышленное предприятие, учреждение, контора, ресторан, бар, отель). С помощью пятого кода анализировался так называемый социальный статус обследуемых по категориям: «белые воротнички» и специалисты, собственники предприятий, квалифицированные рабочие и мастера, различные группы неквалифицированных рабочих и т. д.

Второй методический прием ориентирован на дифференцированное изучение районов города в соответствии с социально-профессиональными и этническими характеристиками его жителей. Вся территория города была разбита на участки равной площади (660×775 футов), специальная «сетка» (grid network) содержала 7100 таких территориальных «ячеек» (с. 100).

Основой для дальнейшей работы по анализу «городского космоса» являлся «словарь территориальных ячеек» (с. 104). Используя этот словарь, каждый объект в каждом блоке данных получил новую характеристику — номер соответствующей «ячейки» (это относится к данным по отдельным лицам, семьям, предприятиям, конторам и т. д.). Кроме того, был создан отдельный блок информации, объектами которого являлись все 7100 ячеек, при этом каждая ячейка характеризовалась данными о поло-возрастной и этнической структуре ее населения.

Наиболее сложная методика использования программы второго вида (т. е. ориентированных на «связывание» данных из различных блоков информации) применялась при решении проблемы восстановления истории семей и отдельных лиц. Однако акцент делался именно на вопросы изучения социальной мобильности личности, поэтому и методика работы с такими данными, предпринятая авторами проекта, разработана применительно к отдельным людям как объекту изучения¹⁷.

Основная задача ЭВМ сводится при этом к идентификации личности на основе анализа таких признаков, как фамилия, имя, возраст, место рождения данного человека и имя его жены и т. п. Для устранения трудностей, связанных с наличием вариаций в написании имен, был сконструирован специальный код, значительно снизивший число случаев, когда хронологическая связь обрывалась.

Основная проблема здесь заключалась в введении «решающего правила», в соответствии с которым имеющуюся пару наборов данных из двух разных блоков следует отнести к одному и тому же объекту или к разным объектам. Острота решения этой проблемы становится ясной, если учесть, что в среднем при переходе от анализа одной переписи к непосредственно следующей за ней удается «проследить» лишь около 20% охваченных переписью лиц (остальные либо мигрировали в другие районы страны, либо умерли за этот период, либо их данные в разных переписях не совпадают). Авторы

¹⁷ Предложенная авторами проекта методика реконструкции данных представляет интерес в связи с активизацией в последние годы исследований по восстановлению истории семей, проводимых во многих странах, в том числе в Советском Союзе. Так, эстонскими историками с середины 60-х годов разрабатывается методика восстановления истории семей с помощью ЭВМ по материалам метрических книг и ревизских сказок. (См., напр., Опыт применения математических методов в исторических исследованиях учеными-историками Эстонской ССР. Таллин, 1976; П а л л и Х. Э. Система идентификации семей XVII—XVIII вв. В кн. Проблемы исторической демографии. Таллин, 1976.)

проекта предложили использовать вероятностный подход к решению проблемы идентификации. С этой целью было введено «решающее правило»: если полученная вероятность идентификации двух наборов данных превосходила некоторую «пороговую» величину, эти два набора признавались относящимися к одному и тому же лицу. Система этих вероятностных оценок вводилась таким образом, чтобы «занизить шансы» на идентификацию для лиц с широко распространенными именами и фамилиями (при этом уменьшалась возможность «ложной» идентификации). Однако в итоге идентификация проводилась фактически для лиц с малораспространенными именами и фамилиями, что ставит новую проблему: не приводит ли такая процедура к определенным искажениям в основных выводах исследования. Надо сказать, что авторы проекта весьма тщательно провели проверку этой гипотезы. С этой целью отдельно рассматривались группы лиц с «популярными» и редкими именами и фамилиями. Их сравнение проводилось в самых различных аспектах: по уровню грамотности, семейному положению, социальному статусу, профессиональной и социальной мобильности и т. д. В результате был сделан вывод, что различия между этими группами в целом несущественны, и поэтому применение предложенного вероятностного подхода можно считать оправданным.

Этот вывод представляется несколько оптимистичным: например, анализ таблиц, содержащих сравнительные данные о социальной и профессиональной мобильности групп лиц с «популярными» и редкими именами и фамилиями, выявляет довольно существенные различия в облике этих групп (с. 159, 160).

Переходя к краткой характеристике программ, реализующих третий этап обработки информации (статистический анализ и выдачу результатов), отметим, что здесь использовались в основном стандартные методы статистической обработки данных. Следует указать на богатые возможности, предоставляемые использованными программами для получения результатов в максимально наглядной форме.

Подводя итоги анализа «Проекта социальной истории Филадельфии», отметим, что он свидетельствует об активном использовании в американской буржуазной историографии массовых исторических источников, эффективная разработка которых возможна лишь на базе современной вычислительной техники и методов анализа больших массивов информации. С этой точки зрения опыт формирования информационной базы проекта, техника ее обработки представляют интерес для советских историков.

В то же время этот опыт еще раз свидетельствует о неразрывной связи всех элементов исторического исследования и прежде всего методологии и методики анализа источника. Отсутствие историзма в подходе к исследованию социальной истории не компенсируется авторами проекта ни богатством источниковой базы, ни совершенством приемов и техники обработки массовых источников. В этой связи «Проект социальной истории Филадельфии» является примером того, как интересная методика обработки массовых исторических источников обесценивается изъянами методологии, положенной в основу исследования проблем социальной истории.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ [Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы]

Конференция в Кишиневе

В сентябре минувшего года Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», Научный совет АН СССР «История исторической науки» и АН Молдавской ССР провели Всесоюзную научную конференцию «Установление Советской власти в национальных районах России (анализ советской историографии и критика буржуазной литературы)». В работе конференции приняло участие около 200 историков, партийных работников и ветеранов революционного движения из Москвы, Украины, Белоруссии, Средней Азии, Кавказа, Прибалтики, Молдавии, автономных республик РСФСР.

Участников конференции приветствовал первый заместитель Председателя Совета Министров Молдавской ССР Г. И. Еремей.

Доклад акад. И. И. Минца (Москва) «Великий Октябрь и установление Советской власти в национальных окраинах России» зачитал Ю. И. Кораблев (Москва). В нем были подведены основные итоги и выдвинуты новые задачи в исследовании истории Октябрьской революции в национальных районах. Подчеркивалось, что накануне социалистической революции отдельные части страны не были самодовлеющими экономическими единицами; стремление к ликвидации общенационального кризиса революционным путем было характерно для трудящегося населения всей страны. Процесс установления Советской власти повсюду имел единую социальную и экономическую основу, и в центре и на местах сопротивление оказывали одни и те же классовые силы. Тезис буржуазной историографии, тяготеющей ныне к изучению Октябрьской революции в провинции, о том, что Советская власть натолкнулась якобы на сопротивление национальных окраин, не выдерживает критики. Власть Советов была повсюду установлена главным образом силами местного населения; уже к весне 1918 г. буржуазно-националистическая контрреволюция почти везде (за исключением Закавказья, отдельных районов Средней Азии) потерпела крах. При этом процесс установления Советской власти на местах был чрезвычайно многообразен. В докладе указывалось, что в связи с этим основное внимание историки Октября в наших союзных и автономных республиках должны уделить изучению роли местной специфики в складывании общероссийских предпосылок Октябрьской революции и закономерности ее победы. При этом особую важность представляет анализ процесса слияния в единый революционный поток социалистического движения пролетариата, крестьянского движения за землю, национально-освободительного движения и общедемократического движения за мир.

Е. Н. Городецкий (Москва) в докладе «Переписка ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями как источник по истории Октября в национальных райо-

нах» показал, что в нашей историографии все еще недостаточно оценен тот факт, что документы этой переписки дают поистине уникальный исторический материал. Документы связаны с творческим анализом партией хода революционного процесса в масштабах всей страны, со складыванием объективных и субъективных предпосылок социалистической революции в общероссийском масштабе, с политическим реализмом большевиков, с формами и методами использования ими общедемократических требований масс (борьба за мир, землю, национальное освобождение) для формирования массовой политической армии социалистической революции. Данный источник — свидетельство неразрывной связи партии с массами; долг советских историков — раскрыть все звенья этой связи. Поэтому прежде всего необходимо усилить работу по поиску невыявленных документов, которые могли отложиться в местных архивах. Поскольку источник содержит необычайно полный материал о ходе революции на местах, о политическом и психологическом настроении участников революции по всей стране, его значение трудно переоценить. Это важнейший источник общего характера, позволяющий охватить все стороны революционного процесса. Между тем в отдельные вышедшие на местах сборники документов по истории Октября соответствующие документы переписки не были включены.

Выступивший с докладом «Анализ советской историографии установления Советской власти в национальных районах России» В. П. Наумов (Москва) отметил, что книги по истории Октября, вышедшие за последнее десятилетие, составляют около трети всех книг по этой тематике, изданных за 60 лет. Тематика исследований становится все более разнообразной, однако главными направлениями по-прежнему остаются: ленинская концепция социалистической революции, история партии в период Октября, ведущая роль рабочего класса в борьбе за победу Советской власти, союз пролетариата и трудящегося крестьянства, деятельность Советов. За последнее время было уделено большое внимание вопросам революционного движения в армии, идейно-политическому краху великорусских буржуазных и мелкобуржуазных партий. Наблюдается рост числа исследований по аграрному движению, хотя особенности крестьянского движения на окраинах изучены еще слабо. Недостаточно исследованы и вопросы истории разгрома буржуазно-националистической контрреволюции на национальных окраинах. Все еще не создана обобщающая работа о международном значении Октябрьской революции.

Ленинской концепции установления Советской власти на востоке нашей страны был посвящен доклад А. И. Зевелева (Москва). Он отметил, что интерес В. И. Ленина к революционному движению на Востоке был обусловлен как ходом развития борьбы народов восточных окраин России, так и перспективами втягивания в единый мировой революционный процесс народов колоний. Глубоко изучив исторические судьбы народов Востока, В. И. Ленин пришел к выводу, что они накопили громадный революционный потенциал, который неизбежно должен проявить себя с ростом классовой борьбы интернационального пролетариата. В связи с этим было бы важно создать обобщающую историографическую работу на тему «В. И. Ленин и народы Востока».

В докладах и сообщениях представителей региональных научных советов по истории Октябрьской революции основной упор делался на выявление роли того или иного региона в формировании общероссийских предпосылок Великого Октября. При этом историки национальных республик сошлись на том, что изучение интернационализма Октябрьской революции, объективного характера слияния борьбы за социализм и национальное освобождение должно занять основное место в их работе.

С. Я. Афтеев (Кишинев) в докладе «Советская историография установления Советской власти в Молдавии» остановился на проблемах ее периодизации. В последнее время историки Молдавии уделяли значительное внимание вопросам национально-освободительного движения в Бессарабии, разоблачению антинародной деятельности молдавских буржуазных националистов. Я. М. Копанский (Кишинев) продолжил анализ деятельности молдавских историков, посвятив свой доклад историографии борьбы за восстановление Советской власти в Бессарабии. В трудах последних лет было раскрыто, как Молдавия являлась первой жертвой вооруженной интервенции против Советской власти со стороны иностранного государства — королевской Румынии. При этом

анализируются колониальная сущность, великодержавный характер политики королевского правительства, губительность этой политики для экономики края, т. е. все последствия экспорта контрреволюции. Вместе с тем историки Советской Молдавии дали научную периодизацию истории восстановления здесь Советской власти, показали, что революционный процесс, начатый в 1917 г., продолжался вплоть до воссоединения молдавского народа. При этом большое внимание было уделено аграрному движению, деятельности коммунистических организаций на оккупированной территории, интернациональному движению, критике буржуазной и националистической историографии.

В докладе Н. В. Каменской и П. А. Селяванова (Минск) об историографии установления Советской власти в Белоруссии отмечалось, что в последнее время тематика работ значительно расширилась. Активно исследуются аграрные отношения в Белоруссии, история создания Советов, их партийный, социальный и национальный состав. Большое внимание уделяется вопросам борьбы большевиков за массы, особенностям формирования политической армии социалистической революции, ее интернациональному характеру. В дальнейшем необходимо продолжить исследование истории большевизации Советов, развития политического сознания масс.

А. С. Сумбатзаде (Баку) выступил с докладом «Великий Октябрь и культурное возрождение народов Советского Востока (историография)». Он отметил, что тема возрождения восточных народов нашей страны является одной из центральных в работах как азербайджанских, так и историков других союзных республик. В республиках Советского Востока вышло немало работ о взаимосвязи и взаимообогащении советских национальных культур, но главный упор делается на показ расцвета отдельных советских наций и народностей. Что касается вопроса об интернациональном содержании этого процесса, то он изучен гораздо слабее. Необходимо более интенсивно исследовать роль русских ученых в подъеме науки народов Советского Востока, показать значение русского языка как могучего средства интернационального воспитания.

В своем докладе Н. И. Стурца (Тбилиси) отметил, что особенностью деятельности историков Грузии в последние годы явилось то, что она развертывалась в более тесном контакте с историками Армении и Азербайджана, результатом чего явилось появление такого фундаментального труда, как «Победа Советской власти в Закавказье». На фоне определенных успехов грузинских историков Октябрьской революции заметны и некоторые пробелы, которые, впрочем, характерны и для нынешнего состояния исследовательской работы историков некоторых других союзных республик. В их числе: проблема соединения национально-освободительного движения с борьбой за социализм, вопросы борьбы большевиков против мелкобуржуазных националистических партий, их левоблокнистская тактика.

В докладе К. С. Худавердяна и Л. А. Хуршудяна (Ереван) о проблемах победы Советской власти в советской армянской историографии отмечалось, что в течение последних 20 лет в республике выходили работы, посвященные как истории революционного процесса в Армении в целом, так и исследованию отдельных его сторон. Продолжалось издание сборников документов, но надо отметить, что все они страдают некоторой односторонностью — содержат мало материалов о деятельности политических противников большевиков. Было указано на наличие определенных пробелов: мало работ по истории рабочего класса и крестьянства, по проблемам национально-освободительного движения, не исследована деятельность Кавказского краевого Совета, история «военного коммунизма» в Армении. Докладчик предложил приступить к созданию труда по историографии победы Советской власти на окраинах с привлечением историков национальных республик.

Л. А. Этенко (Ростов-на-Дону) в докладе «Современная советская историография борьбы за власть Советов в национальных районах Северного Кавказа» отметил, что за последнее десятилетие вышел ряд интересных трудов и сборников документов об установлении Советской власти в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии, Дагестане. Однако это главным образом работы локального характера, по которым скорее можно проследить особенности установления Советской власти в том или ином регионе, нежели выявить какие-либо общие закономерности. Тенденция к со-

зданию обобщающих трудов хотя и обнаружилась, но все еще ощутим недостаток исследований, посвященных пролетарскому руководству борьбой народных масс, использованию общедемократических и национальных движений в борьбе за социализм, борьбе за крестьянство, роли пролетариата в организации Красной гвардии. Исследователи Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии отмечают сложность и неоднородность национально-освободительного движения. В этих условиях ощущается настоятельная потребность в создании фундаментальных трудов о крахе буржуазного национализма и победе пролетарского интернационализма.

В своем выступлении Б. З. Плиев (Тбилиси) остановился на проблемах историографии установления Советской власти в Южной Осетии. Он отметил, что в последнее время местные историки уделяют больше внимания аграрным отношениям и национально-освободительному движению в крае. Далее он сказал о необходимости создания крупного монографического исследования об интернациональном единстве трудящихся в Октябрьской революции.

Б. Ю. Вайткявичус (Вильнюс) выступил с докладом «Итоги и задачи дальнейшей разработки истории пролетарской революции в Литве». В последнее десятилетие историки республики большое внимание уделили аграрным отношениям, тактике большевиков по отношению к крестьянству. Появилась тенденция к созданию обобщающих трудов. Имеются и пробелы: не изучены вопросы интернационального сплочения трудящихся на территории Литвы (в частности, не освещена роль польских и немецких интернационалистов в революционном движении), не исследуется роль идей Октябрьской революции в формировании предпосылок восстановления Советской власти, мало внимания уделяется критике антинародной политики буржуазного Литовского государства.

В докладе Х. Арумян (Таллин) об историографии установления Советской власти в Эстонии было указано на особенности хода социалистической революции в крае, давалась периодизация советской эстонской историографии. За последние годы историками Эстонии был подготовлен ряд фундаментальных трудов, сборников документов. Заметно продвинулось вперед исследование аграрных отношений, появилась обобщающая работа об особенностях структуры городского населения Эстонии, не ослабевает работа по критике буржуазно-националистической историографии.

С сообщением «Великий Октябрь и крестьянство национальных районов Сибири» выступил Э. М. Шагин (Москва). Он отметил определенные сдвиги в исследовании аграрных отношений в национальных районах Сибири накануне Октябрьской революции, подчеркнув, что этот процесс тормозится недостаточной разработанностью общеметодологической проблематики аграрной революции. В настоящее время все еще недостаточно освещены такие важнейшие вопросы как особенности привлечения крестьянства национальных районов Сибири к социалистической революции, не рассмотрены промежуточные формы власти (коалиции земств с Советами, исполнительные крестьянские комитеты), буржуазно-националистические организации в Якутии, Бурятии, Хакассии, Горном Алтае.

Б. И. Мухачев (Владивосток) в докладе «Историография истории борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке» обрисовал основные достижения дальневосточных историков, указал на важность исследования революционных событий в этом регионе для понимания общего хода развития революции. До сих пор в советской историографии в полной мере не показано значение истории установления Советской власти на Дальнем Востоке. Между тем мы находим здесь уникальный исторический материал о борьбе с вооруженной интервенцией против Советской власти, о некапиталистическом пути развития ряда ранее отсталых народов.

Г. П. Макарова (Москва) в сообщении «Великий Октябрь и вопросы национально-освободительного движения в восточных районах России (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье, Приуралье)» остановилась на общих проблемах историографии этих регионов. Было отмечено наличие ряда специфических черт, характерных для революционного движения народов восточных окраин, и выдвинута задача комплексного изучения движения этих народов. Отмечалось, что в будущем необходимо особое внимание

уделить проблеме размежевания революционно-демократического и буржуазно-националистического потоков в национально-освободительном движении.

На вопросах историографии борьбы рабочих и крестьян Бурятии за Советскую власть остановился в своем сообщении П. Т. Хаптаев (Улан-Удэ). Он особо подчеркнул необходимость изучения истории контрреволюционной деятельности буржуазных националистов, так как современная буржуазная историография установления Советской власти в восточных районах России намеренно сводит все национально-освободительное движение к деятельности буржуазных националистов.

Говоря об историографии Октябрьской революции в Татарии, М. К. Мухарямов (Казань) отметил, что за последние годы произошли существенные сдвиги в исследовании национально-освободительного движения. В них прослеживается соотношение национального и классового в борьбе трудящихся на различных этапах революции, столкновение двух лагерей — революционно-демократического и буржуазно-националистического — в национально-освободительном движении. При этом татарские историки стремятся включить в сферу своих исследований все Поволжье и Приуралье. Вместе с тем еще недостаточно изучен вопрос о роли рабочего класса в установлении Советской власти в Татарии.

Большое внимание в работе конференции было уделено критике буржуазной историографии. В докладе В. К. Попова (Москва) говорилось о том, какую роль фальсификация истории решения национального вопроса в СССР играет в общей системе антикоммунистической пропаганды. Антикоммунисты все более делают ставку на живучесть националистических предрассудков, стремясь нейтрализовать при этом притягательность советского опыта решения национального вопроса в развивающихся странах.

А. В. Игнатъев и Г. З. Иоффе (Москва) основное внимание уделяли общей характеристике главных направлений и новейших тенденций в работах западных историков, занимающихся вопросами развития революционного движения на местах. Подчеркивалось, что хотя современная буржуазная историография Октябрьской революции в целом в настоящее время переживает процесс отхода от наиболее грубых и прямолинейных методов фальсификации истории, эта тенденция применительно к историографии социалистической революции в национальных районах наименее заметна. По-прежнему основными направлениями буржуазной историографии здесь являются: критика марксистской программы по национальному вопросу, попытки противопоставить эту программу конкретной политической деятельности большевиков; стремление «доказать» отсутствие исторических предпосылок победы социалистической революции на национальных окраинах, исходящее из известной «центристской» теории Октябрьской революции; утверждение о наличии своего рода модифицированной исторической «преемственности» между национальной политикой царизма и Советской власти. В разоблачении этих фальсификаций должны сыграть активную роль историки наших союзных и автономных республик.

А. С. Есауленко (Кишинев) выступил с докладом «Критика буржуазных фальсификаторов истории социалистической революции в Молдавии». Буржуазная историография, как и прежде, пытается доказать, что молдавское крестьянство якобы всегда было вне сферы русской политической жизни, было совершенно аполитично, в Молдавии будто бы существовало только националистическое движение румынской ориентации. В связи с этим молдавские историки в последнее время в критике буржуазной историографии сосредоточивают внимание на показе размежевания потоков в национально-освободительном движении, разрыва трудящихся с националистами.

Критике буржуазной историографии установления Советской власти на Украине был посвящен доклад Ю. М. Гамрецкого (Киев). Хотя буржуазное «украиноведение» в 60—70-х годах переживает явный спад, задача критики западных фальсификаций истории Октября по-прежнему является важнейшей задачей украинских историков. При этом следует обращать особое внимание на документированность этой критики, на историко-ведческий анализ зарубежных «исследований», так как фальсификация фактов — их основное отличие.

Х. Ш. Иноятов (Ташкент) проанализировал советскую историографию победы Советской власти в Средней Азии, дал критическую оценку буржуазной литературы. В последнее десятилетие критика буржуазных фальсификаторов составляла весьма существенную часть всей работы среднеазиатских историков. Исходя из общих задач критики буржуазной историографии установления Советской власти в национальных районах, отметил докладчик, было бы целесообразно выпустить специальную коллективную монографию или сборник статей по критике фальсификаторов, построенную по региональному принципу.

Подводя итоги конференции, Ю. И. Кораблев и Е. Н. Городецкий отметили, что хотя было представлено около 30 докладов и сообщений на самые различные темы, все историки выявили полное единодушие в понимании процесса складывания общих предпосылок Октябрьской революции в масштабах такой страны, как Россия, с учетом роли местной специфики. Конференция выявила размах исследований истории Великого Октября, что отражает общий уровень развития советской исторической науки. Вместе с тем задачи дальнейшего ее развития требуют особого внимания к истории главного события XX века — Великой Октябрьской социалистической революции. В рекомендациях конференции указывается, что необходимо углубить изучение таких проблем, как соотношение классовых сил и социальная структура общества на национальных окраинах, история местных большевистских организаций, ведущая роль рабочего класса в борьбе за Советскую власть в национальных районах, история крестьянства и аграрные отношения, идеология и политика буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий, размежевание буржуазно-националистического и революционно-демократического потоков в национально-освободительном движении, интернациональный характер революционного процесса на местах, революционные события в национальных районах как часть общероссийского революционного процесса, критика буржуазной и буржуазно-националистической историографии установления Советской власти в национальных районах страны.

В. П. Булдаков

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НА ЗАЩИТЕ ЗАВОЕВАНИЙ ОКТЯБРЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Конференция в Новороссийске

В Новороссийске в сентябре 1977 г. состоялась региональная научная конференция «Народы Северного Кавказа на защите завоеваний Октября в годы Великой Отечественной войны». Ее организовали Институт истории СССР АН СССР, Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Кубанский университет, Новороссийское высшее инженерное морское училище. В работе конференции приняли участие ученые из 27 городов Советского Союза: Москвы, Ленинграда, Киева, Еревана, Тбилиси, Алма-Аты, Ростова-на-Дону, Краснодар, Грозного, Нальчика, Орджоникидзе, Махачкалы, Воронежа и др., ветераны Великой Отечественной войны, партийно-советский актив города-героя.

Конференцию открыл ректор Кубанского университета Н. М. Маковка. С приветственным словом к ее участникам обратился член ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов. Конференция получила поздравительные телеграммы Маршала Советского Союза А. М. Василевского, генералов армии И. В. Тюленева, Д. Д. Лелюшенко, вице-адмирала Г. Н. Холостякова.

С докладом «Всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне» выступил Г. П. Иванов (Краснодар). Докладчик уделил основ-

ное внимание источникам и всемирно-историческому значению победы советского народа над фашистскими агрессорами, обстоятельно охарактеризовал вклад народов Северного Кавказа в достижение этой победы.

В докладе Г. А. Куманёва (Москва) и М. К. Козыбаева (Алма-Ата) — «Интернациональное единство народов СССР в годы Великой Отечественной войны» на большом фактическом материале была освещена деятельность Коммунистической партии по воспитанию советских людей в духе интернационализма и дружбы народов. Братское сотрудничество и взаимопомощь народов СССР в борьбе с врагом проявлялись во многом. Это, во-первых, участие всех народов СССР в тесном боевом союзе в вооруженной борьбе с фашизмом, массовый героизм советских людей. Во-вторых, патриотическая борьба советских людей на оккупированной врагом территории. В-третьих, массовый трудовой энтузиазм рабочих, крестьян, интеллигенции всех национальных республик, позволивший партии превратить восточные районы СССР в могучий арсенал фронта. В-четвертых, единство армии и народа, фронта и тыла, всесторонняя поддержка армии, фронта всеми народами СССР, которая цементировала моральную стойкость наших воинов, вдохновляла их на героические подвиги. Наконец, всесторонняя братская помощь трудящихся союзных и автономных республик страны прифронтовым районам СССР, пострадавшим от фашистского нашествия.

В. П. Серегин (Москва) в докладе «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор защиты завоеваний Октября в Великой Отечественной войне», основываясь на интересных статистических и других фактических данных, осветил военно-организаторскую работу Коммунистической партии в годы суровых испытаний. В основе перестройки работы партии лежали ленинские принципы единства хозяйственного, политического и военного руководства. Организуя защиту социалистического Отечества, партия направила лучшие свои силы в решающие отрасли народного хозяйства и в Действующую армию. В структуру партийных и государственных органов, отметил докладчик, были внесены существенные изменения: расширен институт отраслевых отделов парторганов, в армии введен институт комиссаров и политруков, созданы новые наркоматы и комитеты, организован чрезвычайный орган — Государственный Комитет Обороны. В прифронтовой зоне действовали более 60 городских комитетов обороны, возглавлявшихся первыми секретарями крайкомов, обкомов и горкомов партии.

В первые же дни войны ленинская партия стала воюющей партией. В Вооруженные Силы было мобилизовано более половины всего состава коммунистов. В докладе были показаны гибкость и целеустремленность партийного руководства процессом превращения страны в единый боевой лагерь с мощной военной экономикой.

В докладе Н. И. Кондакова (Москва) — «Исторический опыт идейно-политической работы Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны» говорилось об идеологической борьбе с фашизмом. В этой борьбе Коммунистическая партия решала двуединую задачу. Все средства массовой агитации и пропаганды широко распространяли подлинно научные марксистско-ленинские знания о поступательном развитии общества, превосходстве социализма над капитализмом, справедливом характере войны со стороны СССР, величии миссии рабочего класса, его социалистической идеологии. Все это и составляло важнейшую сторону идеологической борьбы с врагом.

Другую сторону идеологической борьбы нашей партии составляли: разоблачение реакционной сущности фашизма — самой опасной разновидности буржуазной идеологии, — стремившегося к мировому господству, к истреблению и порабощению целых народов и государств.

А. В. Митрофанова (Москва) в докладе «Рабочий класс на защите социалистического Отечества в 1941—1945 гг.» воссоздала картину сложной и многогранной деятельности рабочего класса в годы войны, его роль ведущей силы страны, защитника социализма. С первых дней войны 20-миллионный советский рабочий класс под руководством Коммунистической партии сосредоточил все силы на решении главного вопроса — вооруженной защите социализма, завоеваний Великого Октября. Рабочий

класс в час великих испытаний в ряды армии и флота направил более трети своего состава. На фронт ушла наиболее активная и квалифицированная часть рабочих, которая героически сражалась на всех фронтах и в тылу врага. Массовый героизм в вооруженной борьбе проявили рабочие Москвы, Ленинграда, Тулы, Севастополя, Новороссийска, Киева, Одессы, Донецка, Сталинграда, Харькова, Минска и других промышленных центров. Память народная свято хранит имена рабочих, павших смертью храбрых, защищая социалистическую Родину.

Рабочий класс в военные годы выполнял труднейшую политическую и военно-экономическую задачу: перестроил мирную экономику на нужды фронта и развернул массовое военное производство, создал новые народнохозяйственные пропорции экономики, сформировал могучее военное хозяйство, выиграв у сильнейшего противника не одно экономическое сражение.

В. А. Мурадян (Ереван) в докладе «Вклад республик Закавказья в битву за Кавказ» на богатом материале многопланово охарактеризовал выдающуюся роль этих республик в победе над врагом. Советские Азербайджан, Армения и Грузия надежно прикрывали закавказский тыл Красной Армии. Народы Закавказья непосредственно участвовали в битве за Кавказ, направляя на фронт новые войсковые соединения, сформированные, обученные и вооруженные на территории Азербайджана, Армении и Грузии. Воины-закавказцы вместе с русскими и украинцами, казахами и узбеками, храбрыми сынами других братских народов отстояли родной Кавказ.

В докладе «Ополченческие формирования РСФСР, их роль и место в боях и сражениях Великой Отечественной войны» А. Д. Колесник (Москва) проанализировал процесс создания в стране добровольческих воинских формирований, показал их роль в борьбе против фашистских оккупантов, остановился на вопросе о работе партийных организаций Северного Кавказа, связанной с созданием добровольческих формирований, охарактеризовал их высокую патриотическую доблесть в боях с врагом.

И. С. Ищенко (Новороссийск) рассказал о содержательной работе Новороссийской городской партийной организации по сооружению памятников боевой славы в городе-герое Новороссийске, использованию их в повседневной работе по воспитанию советских людей в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма.

На заседаниях секций выступили с докладами И. И. Алексеенко (Краснодар) — «Особенности развития союза рабочего класса и колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны», Н. А. Буцко (Киев) — «Братская помощь народов Кавказа трудящимся Украины в восстановлении экономики республики», Г. Ш. Каймарзов (Махачкала) — «Вклад трудящихся Дагестана в победу над фашистской Германией», И. Ф. Бирюлин (Воронеж) — «Деятельность полторганов и партийных организаций по интернациональному воспитанию воинов», Я. П. Тарасенко (Ростов-на-Дону) — «Воспитание студентов на героических подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны» и др.

Конференция показала, что советские историки, ученые Дона и Северного Кавказа проделали большую работу по исследованию вклада народов Северного Кавказа в завоевание победы над державами фашистской коалиции в минувшей войне. Участники конференции приняли рекомендации, главное внимание которых обращено на вопросы, требующие дальнейшего всестороннего изучения в ходе работы над историей участия народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне.

На заключительном пленарном заседании участники конференции приняли приветственное письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу — одному из организаторов и участников разгрома немецко-фашистских войск на Северном Кавказе.

В. И. Недосекин, А. П. Пронштейн

БРАТСКОЕ СОДРУЖЕСТВО НАРОДОВ В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ

Сессия в Одессе

Украинская республиканская научная сессия, посвященная этой теме, состоялась в Одессе в сентябре минувшего года. Она была организована Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», Министерством высшего и среднего образования УССР, Институтом истории АН УССР, Одесским университетом. В ней участвовали ученые, ветераны ленинской партии, гражданской и Великой Отечественной войн, передовики труда, пропагандистский актив из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Ворошиловграда, Львова и других городов.

В докладах и сообщениях на сессии были в основном рассмотрены крупные проблемы: новейшая историография Октябрьской социалистической революции на Украине, пролетариат как гегемон революции, пролетарский интернационализм в борьбе за власть Советов на Украине, банкротство и крах украинских мелкобуржуазных и националистических партий.

О развитии и состоянии исторической литературы об Октябре, вышедшей в последние годы (в том числе и на Украине), говорил Е. Н. Городецкий (Москва). Он указал на некоторые вопросы истории Октября, требующие дальнейшей разработки. Среди них — изучение интернационального характера Октябрьской революции, братского содружества трудящихся России в борьбе за власть Советов.

Ю. М. Гамрецкий (Киев) рассказал о достижениях историков Украины в исследовании октябрьской проблематики, об издании новых работ. Вместе с тем, по его мнению, имеется ряд недостаточно изученных вопросов, таких, например, как численность большевистских организаций, Советов и Красной гвардии на Украине. Проблеме гегемонии рабочего класса в революционном движении 1917 г. был посвящен доклад А. П. Гриценко (Киев) — «Рабочий класс — решающая сила социалистической революции на Украине».

Много внимания на сессии было уделено теме интернациональной солидарности народов России и зарубежных стран в годы борьбы за власть Советов на Украине. Различные аспекты этой проблемы освещались в докладах В. И. Старцева (Ленинград) — «Помощь Красной гвардии Петрограда в борьбе за установление власти Советов на Украине», П. Ф. Решедько (Ворошиловград) — «Революционная деятельность рабочих, солдат и матросов Петрограда и Кронштадта среди крестьян Украины в период проведения социалистической революции», А. Д. Бачинского (Одесса) — «Интернациональное единство трудящихся придунайских земель в борьбе за победу Советской власти» и др.

Истории контрреволюционного лагеря периода борьбы за установление Советской власти на Украине был посвящен доклад И. Ф. Куроса (Киев) — «Вопросы историографии политического краха мелкобуржуазных партий на Украине». Он отметил, что эта проблема в последнее время разрабатывается все активнее; она получила отражение в 20 монографиях и 550 статьях. Однако в большинстве своем эти работы посвящены общероссийским партиям. Между тем борьба с буржуазными фальсификаторами истории требует рассмотрения банкротства мелкобуржуазных и националистических партий национальных регионов.

М. Е. Раковский (Одесса) выступил с докладом «Установление Советской власти на юге Украины». Некоторые вопросы историографии контрреволюционного лагеря периода Октября и гражданской войны затронули в своих выступлениях В. И. Миллер и Г. З. Иоффе (Москва).

Подводя итоги работы сессии, Н. И. Супруненко (Киев) подчеркнул, что тема тесного союза народов России, взаимной братской помощи в борьбе против социального и национального гнета остается по-прежнему одной из ведущих в изучении проблематики Октября на Украине.

Г. И. Зонов

К 70-летию академика Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

14 февраля 1978 г. исполняется 70 лет со дня рождения и 50 лет с начала научной деятельности одного из крупнейших советских востоковедов и археологов, директора Государственного Эрмитажа академика Бориса Борисовича Пиотровского.

Интерес к древностям возник у Б. Б. Пиотровского очень рано. Ему едва исполнилось 15 лет, когда он пришел в Эрмитаж, в школьный кружок, где начал занятия под руководством видного ученого, специалиста по искусству Древнего Востока, профессора Н. Д. Флиттнер. В Ленинградском университете Б. Б. Пиотровский получил блестящую подготовку по истории и культуре Древнего Востока, древнеегипетскому языку и археологии. Б. Б. Пиотровскому посчастливилось пройти школу скрупулезного анализа древних письменных источников, свойственного знаменитой русской ориенталистике, одним из ярких представителей которой был академик В. В. Струве, познакомиться с передовой методикой археологических исследований, прослушать курсы по археологии Кавказа у профессора А. А. Миллера и, наконец, увлечься широтой проблематики и яркостью идей академика Н. Я. Марра. Не случайно поэтому первая научная работа студента Б. Б. Пиотровского, представленная в 1928 г. для «Докладов Академии наук СССР», была посвящена древнеегипетской филологии, точнее — семантике древнеегипетских слов. Она называлась «По поводу древнеегипетского термина желез».

Последующие статьи Б. Б. Пиотровского — «Семантический пучок в памятниках материальной культуры (к интерпретации росписей египетской додинастической керамики)» («Известия» ГАИМК, VI, вып. 10, 1930) и «Амулеты в форме глаза в Древнем Египте» («Известия» ГАИМК, IX, вып. 3) — также соотносили языковые данные с памятниками материальной культуры Древнего Египта.

Интерес к египтологии не оставлял Б. Б. Пиотровского и впоследствии. В 1960—1964 гг. он был назначен экспертом СССР в Комиссии ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии. Неоднократные поездки в Египет для работы в комиссии, изучения музейных собраний и археологических памятников привели к организации Археологической экспедиции Академии наук СССР, которая провела в 1961—1963 гг. раскопки могильника первых династий и эпохи Среднего царства (культура С) у селения Дакка, в 115 км от Ассуана. Кроме этих раскопок, Б. Б. Пиотровский изучил большое количество древнеегипетских надписей в Вади Аллаки, через которую проходил путь к древним золотым рудникам, ведущий от Нила к Красному морю. В особенности интересными оказались надписи эпохи Древнего царства, например, надпись вельможи Уни (VI династия) или надпись наместника Меримеса (XVIII династия). В целом все эти надписи позволили Б. Б. Пиотровскому воссоздать структуру организации древнеегипетских экспедиций за золотом, точно локализовать отдельные местности на этом «золотом пути», уточнить историю разработки древними египтянами золотых рудников Нубии, получить новые данные по истории Древнего Египта. Кроме публикации результатов этой экспедиции (Древняя Нубия. Труды Археологической экспедиции АН СССР в Нубию. 1961—1962. Л.—М., 1964), перу Б. Б. Пиотровского принадлежит и ряд статей о надписях Вади Аллаки, напечатанных в различных советских и иностранных научных журналах.

Работа Б. Б. Пиотровского в Каирском музее над знаменитыми «сокровищами гробницы Тутанхамона» привела его к еще одному значительному открытию в египтологии: впервые в науке Б. Б. Пиотровский поставил вопрос о неегипетских предметах, найденных в этой гробнице. Изучая надписи и росписи гробницы вельможи XVIII династии Хеви, Б. Б. Пиотровский отождествил изображенные там парадные щиты и мебель — дань нубийских правителей египетским фараонам — с реальными предметами, найденными в гробнице Тутанхамона. Изучив технику исполнения, а также характерные искажения в египетских надписях на ряде драгоценных предметов из этой гробницы, он отнес их к средиземноморским и переднеазиатским центрам — эти предметы

представляли собой дары иноземных правителей Тутанхамону. Эти факты, будучи сопоставлены со знаменитым архивом Амарны, дали возможность Б. Б. Пиотровскому нарисовать яркую картину международных связей Древнего Египта в один из самых интересных моментов его истории (основные публикации в сб. «Тутанхамон и его время» и Введение к каталогу выставки «Сокровища гробницы Тутанхамона», М., 1973).

Первый интерес Б. Б. Пиотровского к археологии и древней истории Кавказа также начался с египетских древностей. Им был собран громадный материал для Корпуса древнеегипетских предметов, найденных на территории СССР и, в частности, на Кавказе. Этот материал еще ждет своей публикации, пока вышла лишь одна статья — «Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР» («Советская археология», 1958, № 1, с. 20—27).

Первой археологической экспедицией Б. Б. Пиотровского была Северо-Кавказская экспедиция, раскапывавшая в 1927 г. городища у станиц Гниловской и Елисаветовской. Начальником экспедиции был учитель Б. Б. Пиотровского А. А. Миллер. Получив прекрасную практику под его руководством, Б. Б. Пиотровский, закончив Ленинградский университет в 1930 г., начал и свою первую самостоятельную археологическую разведку — в Армянской ССР он исследовал урартские циклопические крепости в районе горы Арагац и памятники в районе оз. Севан, р. Раздан и других районах Армении.

Эти работы преследовали цель, поставленную перед молодым ученым академиком Н. Я. Марром, — открыть для науки загадочную тогда цивилизацию Урарту. С 1930 г., в течение всей последующей жизни воссоздание истории и культуры Урарту — одного из древнейших государств на территории нашей страны — было для Б. Б. Пиотровского одной из главных задач. Девять лет разведок и контрольных раскопок в Армении (кроме указанных, раскопки урартской крепости у сел. Цовинар, 1934 г.) привели, наконец, к сенсационному открытию Кармир Блура — древнеурартской крепости Тейшебани. В течение тридцати лет (1939—1941, 1945—1971) Б. Б. Пиотровский возглавлял раскопки этого замечательного памятника, ставшего эталонным для археологии Урарту. Обобщение результатов этих раскопок и громадная работа по изучению всего того, что осталось от Урарту — письменных памятников, памятников материальной культуры, позволили Б. Б. Пиотровскому воссоздать яркую картину этой почти забытой древневосточной цивилизации. Первая обобщающая книга — «История и культура Урарту» — была начата в блокированном Ленинграде и набрана и отпечатана в Ереване в 1944 г. В 1946 г. эта работа была удостоена Государственной премии. За ней последовали «Ванское царство (Урарту)» (М., 1959); «Искусство Урарту» (Л., 1962), переведенные на многие языки и неоднократно издававшиеся также и за рубежом. Эти работы принесли ему мировую известность.

История и культура Урарту рассматривались Б. Б. Пиотровским на широком историко-культурном фоне. Его интересовала, в частности, скифская проблема. Поиски скифо-сакских слоев привели Б. Б. Пиотровского, в частности, в Среднюю Азию, где он возглавлял работы отрядов экспедиций на Чингиз-тепе (Узбекская ССР) и Гяур-кале (Туркменская ССР). Б. Б. Пиотровский опубликовал прекрасную обобщающую работу «Скифы и Древний Восток» («Советская археология», XXIII, 1955) и интереснейшие главы, посвященные раннескифской культуре в ряде своих книг.

В 1948 г. он раскопал курган первой половины II тыс. до н. э. около Кировакана, в котором им были найдены памятники триалетской культуры, демонстрирующие связи Кавказа со Средиземноморьем (Микены). В 1949 г. им был издан курс лекций «Археология Закавказья», прочитанный в Ленинградском университете.

Трудно перечислить даже основные работы Б. Б. Пиотровского, посвященные истории и археологии Древнего Кавказа (всего их более 100), но необходимо отметить все же, помимо изданий материалов раскопок Кармир Блура (вып. 1, 1950 г.; вып. 2, 1952 г.; вып. 3, 1955 г.), его важные теоретические статьи «О происхождении армянского народа» (Ереван, 1946), «Развитие скотоводства в древнем Закавказье» («Советская археология», XXIII, 1955), «Основные этапы древнейшего земледелия в Армении» («Историко-филологический журнал», Ереван, 1961, № 3—4).

Эти последние работы представляют собой тезисы больших обобщающих исследований, посвященных теоретической разработке важнейших вопросов древней истории — вопросов о формах хозяйства, об образовании классов и государства, взаимоотношений этнической и исторической общности при образовании народов древнего мира. Все эти работы пока публиковались лишь в форме сравнительно кратких статей или тезисов докладов на различных конференциях — громадный материал, лежащий в основе этих исторических построений, еще ждет своей публикации.

Но основные заключения Б. Б. Пиотровского — о роли скотоводства как оптимальной формы хозяйства, способствующей образованию классов и роли земледелия (в частности, ирригационного), способствующего образованию государства, о значении земледелия и скотоводства как единого вида хозяйства в Закавказье и странах Древнего Востока — сейчас целиком признаны в науке.

В последнее время Б. Б. Пиотровский много внимания уделяет проблеме экономических и культурных связей в древнем обществе. В частности, на сессии Академии наук СССР в 1975 г. им был сделан доклад, посвященный связям Древнего Кавказа со Средиземноморьем. Исследуя вопросы торговли оловом в древности, Б. Б. Пиотровский выдвинул идею «эстафетных путей», связывающих весьма отдаленные цивилизации, объяснившую механизм этих связей. Так, хорошо документированный клинописными хозяйственными документами (так называемыми «каппадокийскими табличками») торговый путь из Каниша в Ашшур оказался одним из «эстафетных путей» получения олова из Восточного Средиземноморья. Разумеется, в этом случае получают прекрасное объяснение и культурные связи весьма отдаленных историко-культурных регионов, таких, например, как Урарту и Этрурия.

Механизм культурных связей прослежен Б. Б. Пиотровским и на материале ассирийских рельефов, где он показал, каким образом при создании художественных образов древнего искусства, кажущихся совершенно живыми, используется набор различных, иногда весьма древних моделей (статья «Ассирия (археология и изобразительное искусство)». Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия, т. 1. М., 1962).

Активно разрабатывая все эти проблемы, а также более частные вопросы филологии, истории и истории культуры Древнего Востока, Б. Б. Пиотровский готовит сейчас к публикации свои материалы по археологии Кавказа и Древнего Востока в целом, работы по древнеегипетским надписям, по методологическим проблемам древней истории и т. д.

У Б. Б. Пиотровского много учеников — в республиках Закавказья и Средней Азии, в Москве, Ленинграде и других городах. Многие из них выросли в крупных ученых, ведущих историков и археологов республиканских академий наук. Читая курсы по археологии Кавказа и культуре Древнего Востока в ЛГУ с 1948 г., Б. Б. Пиотровский с 1966 г. возглавляет кафедру Древнего Востока восточного факультета ЛГУ.

Б. Б. Пиотровский много раз представлял советскую науку на различных международных конгрессах по востоковедению, истории и музеологии в ЧССР, ПНР, Венгрии, Италии, США, ФРГ, Иране, Франции. Он был приглашен читать лекции по востоковедению в университеты г. Гента (Бельгия), г. Виктория (Канада) и г. Вены (Австрия). Научные командировки Б. Б. Пиотровского — в Египет, Судан, Иорданию, Ирак, Иран, Мексику — дали ему возможность изучить важные археологические материалы в музеях и на раскопках древних памятников.

Наряду с громадной научной работой Б. Б. Пиотровский ведет большую работу по организации науки. Он поступил в Эрмитаж в марте 1931 г. и впоследствии стал ближайшим помощником академика И. А. Орбели. Одновременно он состоял в штате Академии материальной культуры (ныне Институт археологии АН СССР). При участии Б. Б. Пиотровского развертывались основные экспозиции отдела Востока Эрмитажа, шла напряженная собирательская и экспедиционная деятельность, готовились кадры высококвалифицированных историков, археологов и музейных работников на Кавказе и в Средней Азии. Большую организационную работу он провел при подготовке III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии (1935 г.).

В 1948 г. Б. Б. Пиотровский был назначен заместителем директора Эрмитажа по научной части. С 1953 по 1964 г. он заведовал Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, не прерывая своей работы в Эрмитаже, где возглавлял отдел Советского Востока. В 1964 г. Б. Б. Пиотровский стал директором Эрмитажа. Его административные и общественные обязанности немного возросли. С 1966 г. он является председателем президиума Ленинградского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, с 1969 г. — членом Бюро Национального комитета историков СССР при АН СССР, председателем Совета по мировой культуре АН СССР, членом нескольких Ученых советов, членом редколлегий журнала «Советская археология», «Историко-филологического журнала» АН АрмССР, а также председателем Совета Ленинградского отделения Общества «СССР — Франция».

Будучи директором крупнейшего в СССР музея, Б. Б. Пиотровский немало внимания уделяет истории Эрмитажа и его коллекций, а также советскому музееведению. Он неоднократно участвовал в открытии важных выставок из коллекций Эрмитажа за рубежом (в Японии, Франции, Англии, США, Мексике, Италии и др.), был выбран на пост заместителя председателя Комитета музеев СССР и является членом Международного Совета музеев (при ЮНЕСКО). На ответственных международных конференциях Совета музеев им прочитаны доклады «Проблемы научной работы в музеях» (Мюнхен, 1970) и «Международный обмен выставками — знаменательное явление нашей эпохи» (Москва, 1977).

Научные заслуги Б. Б. Пиотровского и его большая общественная деятельность высоко оценены советской и зарубежной общественностью. Он был избран членом-корреспондентом АН АрмССР в 1945 г. и стал ее действительным членом в 1968 г. В 1970 г. он избирается действительным членом Академии наук СССР. Среди почетных званий Б. Б. Пиотровского — звание заслуженного деятеля науки АрмССР (1961 г.), заслуженного деятеля искусств РСФСР (1964 г.), заслуженного деятеля культуры Польской Народной Республики (1974 г.). Б. Б. Пиотровский — почетный член Итальянского института доистории и протоистории во Флоренции (с 1961 г.), почетный доктор Делийского университета (с 1964 г.), почетный член Чехословацкого египтологического института Карлова университета в Праге (с 1965 г.), член-корреспондент Германского археологического института (с 1966 г.), член-корреспондент Британской Академии (с 1967 г.), член-корреспондент Баварской Академии наук (с 1968 г.), член-корреспондент Академии надписей и изящной литературы Франции (с 1970 г.), почетный член Французского Азиатского общества (с 1977 г.).

Б. Б. Пиотровский — лауреат Государственной премии СССР (1946 г.), советско-иранской премии имени Фирдоуси (1974 г.), премии имени А. М. Горького (1940 г.). Он избирался депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся 10 и 11-го созывов, а в настоящее время является членом Ленинградского городского комитета КПСС.

Советское правительство, высоко оценив заслуги академика Б. Б. Пиотровского, наградило его двумя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Академик Ю. В. Бромлей
член-корреспондент АН СССР **В. Л. Янин,**
В. Г. Луконин

К 60-летию члена-корреспондента АН СССР В. Т. ПАШУТО

В апреле 1978 г. исполняется 60 лет крупнейшему советскому ученому и организатору науки, заведующему отделом докапиталистических формаций Института истории СССР АН СССР, члену-корреспонденту АН СССР Владимиру Терентьевичу Пашуто.

В. Т. Пашуто родился в Ленинграде 19 апреля 1918 г. Здесь же в 1941 г. он окончил Ленинградский университет, где слушал лекции и занимался в семинарах В. В. Струве, Е. В. Тарле, В. В. Мавродина, М. Д. Приселкова, И. И. Смирнова, С. Н. Валка и других ученых. В семинаре Б. Д. Грекова проявляется стойкий интерес молодого исследователя к истории Древней Руси. Первую свою научную статью об Александре Невском он опубликовал в «Ученых записках» ЛГУ еще будучи студентом (1939).

В 1948 г., после окончания аспирантуры, В. Т. Пашуто был принят младшим научным сотрудником Института истории АН СССР в сектор истории СССР периода феодализма. С этим институтом* (с 1968 г. Институт истории СССР АН СССР) связаны три десятилетия творческой деятельности юбиляра.

Первой большой работой В. Т. Пашуто, сразу поставившей его в ряд крупных исследователей, была монография «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» (защита в качестве кандидатской диссертации в 1949 г.). Юго-Западная Русь в период феодальной раздробленности имела ряд специфических черт в своем социально-экономическом и политическом развитии и задачей исследователя было определить основные ее особенности. Для глубокого и всестороннего изучения этой темы автору необходимо было провести тщательный анализ Галицко-Волынской летописи в составе Ипатьевского летописного свода — основного источника по истории общественного строя, хозяйства и политических отношений Галицко-Волынского княжества. В. Т. Пашуто блестяще справился с этой задачей и убедительно показал, что развитие Юго-Западной Руси в XIII в. проходило в условиях острой борьбы феодалов за землю и крестьян. Он выяснил, что в этой борьбе великокняжеская власть, выступая против засилья боярской знати, опиралась на поддержку городского патрициата и рядовых феодалов. В. Т. Пашуто рассмотрел историю Руси в тесной связи с историей других европейских стран и показал ее крупную международную роль в XIII в., историческое значение борьбы русского народа за независимость и влияние Юго-Западной Руси на исторические судьбы соседних стран — Польши, Литвы, Венгрии, Чехии.

С именем В. Т. Пашуто связана и разработка в советской историографии теоретических, методологических проблем советской исторической науки, принципов ее партийности и объективности. В 50-х годах вместе с Л. В. Черепниным, возглавившим сектор истории СССР периода феодализма и другими исследователями, он принимал активное участие в научных дискуссиях, в ходе которых выработывалась современная периодизация истории СССР, уточнялась роль товарного производства при феодализме, решались теоретические проблемы источниковедения.

Блестящий полемист, прекрасный знаток истории не только отечественной, но и других стран, В. Т. Пашуто широко известен и своими историографическими работами. Они посвящены исследователям-марксистам (статьи о Б. Д. Грекове, С. А. Аннинском, Л. В. Черепнине, польских исследователях Г. Ловмянском, Е. Антоневице) и представителям современной буржуазной науки. В последних страстно разоблачается антинародная, реваншистская сущность буржуазных концепций средневековой истории Восточной Европы (сб. «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма», 1962; доклад на XII Международном конгрессе исторических наук об эволюции исторической мысли в середине XX в. (подготовлен совместно с М. В. Нечкиной и Е. Б. Черняком), 1965; монография «Реваншисты — псевдоисторики России», 1971; статьи о концепциях «изучения Востока», об использовании истории, как учебной дисциплины в милитаристских и реваншистских целях и др.). Теоретическое обоснование места средневековья в современной идеологической борьбе было дано В. Т. Пашуто

(вместе с В. И. Саловым и Л. В. Черепнинным) в статье «Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики» (1965).

Среди важнейших проблем истории Древнерусского государства и времени феодальной раздробленности, изучению которых энергично способствовал В. Т. Пашуто, в первую очередь следует выделить такие тесно связанные между собой вопросы, как общественная и государственная структура Руси, раскрытие сущности русского феодализма (как социального и политического явления) и взаимоотношений Руси с другими народами, как вошедшими в состав Древнерусского государства, так и создавшими собственную государственность. Этим сюжетам посвящены наследования В. Т. Пашуто не только в специальных работах (коллективная монография «Древнерусское государство и его международное значение», 1965), но и в обобщающих трудах («Очерки истории СССР. Период феодализма». Ч. 1—2, 1953; «Всемирная история», т. III, 1957). Владимир Терентьевич убедительно показал, что при значительном своеобразии в соотношении государственных и частновладельческих форм эксплуатации, в характере древнерусского города, в структуре органов власти и управления, общественный строй Руси являлся феодальным. Заслугой исследователя является установление и этнической структуры Древнерусского государства, включавшего наряду с преобладавшей численно, экономически и политически древнерусской народностью, свыше двадцати других народностей. В. Т. Пашуто делает обоснованный вывод о том, что Древняя Русь была закономерно сложившейся политической общностью, сыгравшей прогрессивную роль в истории других народов.

Проблема определения места Руси в современном ей мире, истории внешней политики Древнерусского государства была заново раскрыта В. Т. Пашуто на основе глубокого изучения политических, торговых и культурных связей Руси с другими странами. Его монография «Внешняя политика Древней Руси» (1968) и статьи о политических, культурных и торговых связях Руси с Венгрией, Польшей, Австрией, Скандинавскими странами являются крупным научным вкладом исследователя в отечественную историографию, без учета которого невозможно дальнейшее изучение истории Древнерусского государства. В монографии В. Т. Пашуто впервые в историографии были обобщены и стали достоянием широкого круга историков многие тысячи фактов, связанных с жизнью десятков народов и государств Старого света за более чем 300 лет его истории. В ней исследователь выявил глубинные истоки международных связей нашей страны, показал значительную роль Руси в истории стран Европы и Азии и тесную зависимость ее внешнеполитических акций от внутренних условий страны и расстановки политических сил в мире. Это исследование было удостоено премии имени Б. Д. Грекова, оно переведено на немецкий язык.

Изучение места Руси в истории современной ей Восточной Европы, сравнительно-исторические и типологические исследования истории народов этого региона в XII—XIV вв. привели В. Т. Пашуто к разработке основных проблем социально-экономической и политической истории Восточной Прибалтики. Продолжая традицию изучения и комментированного издания ранних «правд» — юридических памятников, характеризующих общественный строй и право раннефеодальных государств, — начатую в советской науке Б. Д. Грековым, Владимир Терентьевич опубликовал монографию «Помезания» (1955) о Помезанской «правде», содержащей записи права древних пруссов XIII—XIV вв., источник по истории польского Поморья. В этой книге исследователь пришел к важному выводу о том, что классовая дифференциация и развитие раннефеодальных отношений в помезанском обществе имели место задолго до вторжения крестоносцев и что эти процессы были деформированы и прерваны орденом завоеванием.

Крупным вкладом в науку является монография В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства» (1959, перераб. изд. на лит. яз., 1971. Защищена в качестве докторской диссертации в 1959 г.). Исследователь подошел к раскрытию этой сложной темы хорошо зная и проблематику возникновения государственности в период средневековья и разнообразный комплекс источников на русском, латинском и немецком языках. Монография посвящена изучению основных социально-экономических и политических проблем возникновения и развития Литовского государства до середины XIV в. на базе

всего выявленного к моменту создания книги широкого круга источников. В. Т. Пашуто показал, что в документальном материале XI—XIII вв. нашли четкое отражение три последовательные ступени истории раннего Литовского государства, которые в других восточноевропейских странах лишь угадываются: конфедерация земель, затем их союз, возглавляемый князьями одной из земель, и, наконец, относительно единая раннефеодальная монархия. Выводы этого исследования важны не только для конкретной истории Литовского государства — они имеют широкое методическое значение.

Интерес В. Т. Пашуто к вопросам ранней истории феодализма в Восточной Европе привел его к постановке актуальной проблемы типологии генезиса и развития феодализма (включая и особенности государственных структур) в этом регионе. В коллективной монографии, написанной совместно с А. П. Новосельцевым и Л. В. Черепниным, «Пути развития феодализма» (1972) Владимир Терентьевич раскрыл особенности раннефеодальной структуры средневековых Эстонии, Латвии и Литвы и обосновал существование в этом регионе общественно-политического синтеза в двух формах: немецко-балтийской в Эстонии и Латвии и балтийско-славянской в Литве и Полоцко-Минской Руси, оказавших различное влияние на эволюцию феодальных отношений в Прибалтике. Закономерностям и особенностям образования Русского централизованного государства в сравнительно историческом освещении был посвящен написанный совместно с Л. В. Черепниным доклад на XIV Международном конгрессе исторических наук (1975 г.).

Сравнительно-исторические исследования В. Т. Пашуто не ограничены только Восточно-Европейским регионом. Одна из последних его книг (подготовлена совместно с И. В. Шталь, давшей текст и перевод памятника) посвящена изучению общественного и политического строя адриатического острова Корчулы (1976). В книге на основе изучения Корчульского статута XIII в., древнейшего после Русской Правды кодекса славянского права, показано, как дофеодальная в прошлом патриархальная община маленького острова превращалась в феодальную коммуну, сохранявшую под властью Венеции права земельной собственности и внутреннее самоуправление.

В. Т. Пашуто вел большую работу по подготовке кадров историков как доцент Московского историко-архивного института, профессор Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, он руководит аспирантами в Институте истории СССР АН СССР. Среди его учеников немало известных ученых.

С выделением в 1969 г. в составе Института истории СССР нового сектора истории древнейших государств на территории СССР, В. Т. Пашуто возглавил его работу. Задачей созданного коллектива является изучение истории нашей страны как закономерного и уходящего в глубь веков процесса, в котором Древняя Русь выступила в качестве наследницы предшествующей цивилизации Евразии и заняла ведущее место среди современных ей государственных образований на территории нашей страны. Сектором были определены основные направления работы коллектива — разработка типологии и исследование эволюции древнейших государственных образований, подготовка серийного издания — свода «Древнейшие источники по истории народов СССР». С основной проблематикой сектора связан ряд статей В. Т. Пашуто и издающийся под его редакцией ежегодник «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования» (с 1975 г.). Одновременно сектор истории древнейших государств во главе с В. Т. Пашуто осуществляет большую координационную работу в стране и международное сотрудничество с социалистическими странами по этим проблемам.

Новизна выдвинутых задач потребовала не только тщательной разработки проблематики и форм научной деятельности сектора, но и обучения кадров, способных заняться изучением сложнейшей эпохи I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. Речь идет о подготовке молодых специалистов (историков и филологов) как в вузах, так и в аспирантуре Института истории СССР, о постоянном повышении уровня методологической подготовки в теоретических семинарах сектора.

В. Т. Пашуто принимает активное участие в создании коллективных трудов, ведет большую редакторскую работу. Он один из авторов вузовского учебника по истории СССР, один из руководителей коллектива историков, подготавливающего труды по истории народов Советской Прибалтики, ответственный редактор одного из томов

«Истории крестьянства в СССР» и ряда других изданий. Имя В. Т. Пашуто хорошо известно и за рубежом. Он не раз выступал с докладами, лекциями и циклами лекций в Польше, Чехословакии, ГДР, Румынии, Венгрии, Финляндии, Франции, Австрии, США. Его работы изданы во многих странах, Белостокское научное общество (Польша) избрало его своим членом.

Ученый-патриот, В. Т. Пашуто — автор широко известных читателям книг, которые способствуют воспитанию советских людей в духе уважения к своим далеким предкам, отстоявшим родину от иноземных захватчиков. Таковы его книги о героической борьбе русского народа за независимость в XIII в.: переведенная на иностранные языки «Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в.» (1951), «Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.)» (1956), «Очерки истории СССР XII—XIII вв.» (1960), два издания в серии «Жизнь замечательных людей» книги «Александр Невский» (1974, 1975). Популяризации исторических знаний служат и два издания первой советской «Иллюстрированной истории СССР» (1974 и 1976), инициатором и одним из авторов которой он является.

Большое внимание уделяет В. Т. Пашуто и содружеству историков и писателей. В своих многочисленных статьях и устных выступлениях на эту тему он призывает к созданию исторически достоверных художественных образов в литературе и к образности языка у историков.

Научные заслуги В. Т. Пашуто получили достойную оценку. Он награжден орденом «Знак Почета» и медалями. В 1976 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

К своему юбилею ученый-коммунист В. Т. Пашуто приходит в расцвете творческих сил, с новыми, близкими к завершению монографиями, полный научных планов.

**Академик Д. С. Лихачев,
академик А. Л. Нарочницкий,
Я. Н. Шапов**

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА

В марте 1977 г. исполнилось 20 лет со дня выхода первого номера журнала «История СССР». За это время на его страницах напечатано около 4000 статей, сообщений, рецензий и заметок по всем разделам отечественной истории.

Выполняя пожелания подписчиков, редакция предприняла выпуск справочника «Журнал „История СССР“. Указатель опубликованных материалов за 20 лет (1957—1976 гг.)». Издание состоит из трех частей: систематический указатель, в котором все опубликованные материалы расположены по сложной схеме, насчитывающей около 200 рубрик-понятий; жанровое разнообразие материала представлено более чем 300 рубриками.

Авторский указатель отражает не только фамилии авторов работ, но и ученых, которым посвящены отдельные публикации, а также авторов отрецензированных в журнале книг.

Географический указатель дает возможность легко найти материалы, посвященные историческим событиям в отдельных регионах, республиках, краях, областях СССР и в зарубежных странах.

Книга является ценным подспорьем для историков, позволяя им быстро получить нужную информацию по материалам, опубликованным в 119 номерах журнала.

Объем справочника 18 изд. л. Цена (ориентировочная) 1 р. 20 к.

В целях установления тиража указателя и первоочередного обеспечения им читателей журнала, просим желающих его приобрести вырезать нижеследующий бланк-заказ, заполнить его и послать по адресу: Москва, В-464, Мичуринский просп., 12, магазин № 3 «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига».

БЛАНК-ЗАКАЗ

на издание «Журнал „История СССР“. 1957—1976 гг. Библиографический указатель». М., изд. «Наука», 18 изд. л. Ориент. цена 1 р. 20 к.

Прошу по выходе в свет выслать мне наложенным платежом
 экз. указанной книги.

Фамилия, имя, отчество

Точный адрес

(подпись)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азизбекова Пюста Азиз Ага кызы — член-корреспондент АН Азербайджанской ССР, председатель Научного совета АН АзербСССР по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция, социалистическое и коммунистическое строительство».

Вылцан Михаил Августович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

Кучумова Людмила Ивановна — аспирантка сектора истории СССР периода капитализма Института истории СССР АН СССР.

Макеев Александр Васильевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории КПСС Куйбышевского инженерно-строительного института.

Милов Леонид Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и историографии истории СССР исторического факультета МГУ.

Поздеева Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры источниковедения и историографии истории СССР исторического факультета МГУ, руководитель Археографической группы МГУ.

Рыкалов Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Свердлов Михаил Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР.

Соловьева Аида Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Шушарин Владимир Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

ОПЕЧАТКА

год	номер	стр.	строка	напечатано	должно быть
1978	1	227	20 сл.	его	это

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Макеев А. В. (г. Куйбышев) — Производственные связи рабочего класса СССР с рабочими стран — членов СЭВ (1971—1975 гг.)	3
Соловьева А. М. — Развитие паровой энергетики в промышленном производстве России в XIX веке	18
Шушарин В. П. — Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века	38
Свердлов М. Б. (Ленинград) — К изучению формирования феодально зависимого крестьянства в Древней Руси (Закупы Русской Правды)	54
Из истории советских пятилеток	
Вылцан М. А. — Историческая роль МТС в создании и развитии колхозного строя	67
Кучеренко М. М. (Таганрог) — О создании системы государственных трудовых резервов в предвоенные годы	80

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Чл.-корр. АН АзербССР Азизбекова П. А. (Баку) — Некоторые итоги и задачи изучения Октябрьской социалистической революции в Азербайджанской ССР	89
Поздеева И. В. — Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации	103
Кучумова Л. И. — Из истории обследования сельской поземельной общины в 1877—1880 годах	115
Милов Л. В. — Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (О концепции С. Б. Веселовского)	127

Сообщения и заметки

Казанцев Б. Н. — В. И. Ленин о пограммных требованиях РСДРП в области охраны труда (1895—1903 гг.)	143
Санников Л. И. (Архангельск) — Из истории разработки нового таможенного тарифа в России перед первой мировой войной	153
Свешников С. А. (Курск) — К изучению бюджета рабочих в Сибири	160
Румянцев В. С. — Сыскное дело Тайного приказа о вологодских капитонах	170

Критика и библиография

Рецензии и заметки

Моисеенко В. М. — Н. И. Платунов. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917—июнь 1941 гг.)	181
--	-----

Кравчук Н. А., Олесюк Е. В. (Ростов н/Д) — Д. А. Коваленко. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. 1917—1920 гг.	183
Некрасова И. М.— В. В. Алексеев. Электрификация Сибири. Историческое исследование, ч. 1. 1885—1950 гг.	185
Брутян Л. А.— Успехи Советской Молдавии и мифы антикоммунизма	186
Новиков А. Н., Чистяков О. И.— М. Искандаров. Из истории советского строительства в Таджикистане (1924—1929 гг.)	188
Брук С. И., Водарский Я. Е., Кабузан В. М.— Р. Пуллат. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 года. Историко-демографическое исследование	189
Дробижева Л. М.— Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Л. А. Оныков. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра	190
Писарев Ю. А.— В. А. Емец. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношение России с союзниками по вопросам ведения войны	194
Силин А. С. (г. Куйбышев) — М. И. Иосько. Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение	196
Сахаров А. М.— Н. А. Горская. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений	199
Алексеев Ю. Г. (Ленинград) — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.	204

История СССР за рубежом

Рыкалов В. С.— Октябрьская революция в современной французской буржуазной историографии	209
Бородкин Л. И., Селунская Н. Б.— Методы изучения социальной истории в американской историографии. (По поводу «Проекта социальной истории Филадельфии»)	217

Научная жизнь

Буддаков В. П.— Установление Советской власти в национальных районах России (Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы). Конференция в Кишиневе	226
Недосекин В. И. (Краснодар), Пронштейн А. П. (Ростов н/Д) — Народы Северного Кавказа на защите завоеваний Октября в годы Великой Отечественной войны. Конференция в Новороссийске	231
Зонов Г. И.— Братское содружество народов в борьбе за победу социалистической революции на Украине. Сессия в Одессе	234
Акад. Ю. В. Бромлей, чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин, В. Г. Лукин (Ленинград) — К 70-летию академика Б. Б. Пиотровского	235
Акад. Д. С. Лихачев, акад. А. Л. Нарочницкий, Я. Н. Шапов — К 60-летию члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто	239
Вниманию читателей журнала	243
Сведения об авторах	244

CONTENTS

Articles

Makeev A. V. (Kuybyshev) — Production Contacts of the Soviet Working Class with the Workers in the Countries of COMECON (1971—1975)	3
Solovieva A. M. — Development of Steam Energetics in Russian Industrial Production in the 19th Century	18
Shusharin V. P. — Written Monuments of Hungarian Kingdom as the Data on the Ethnic Composition of the Population of Eastern Carpathia in the First Half of the 13th Century	38
Sverdlov M. B. (Leningrad) — On the Study of Formation of Feudally Dependent Peasantry in Ancient Russia («Zakupy» in the «Russkaya Pravda»)	54
From the History of the Soviet Five — Year — Plans	
Vyltsan M. A. — Historical Role of the MTS in the Formation and Development of the Collective Farm System	67
Kucherenko M. M. (Taganrog) — On the Making of the State Labour Reserves System in the Pre—War Years	80

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Azizbekova P. A. (Baku) — Some Results and Tasks of the Study of the Great October Socialist Revolution in the Azerbaijan SSR	89
Pozdeeva I. V. — Complex Archaeographic Expeditions. Tasks, Methods, Principles of Organization	103
Kuchumova L. I. — From the History of Inspecting Village Land Communities in 1877—1880	115
Milov L. V. — Methodological Problems of Studying Cadastres as Sources (on S. B. Veselovsky's concept)	127

Communications and Notes

Kazantsev B. N. — V. I. Lenin on Programmatic Demands of the RSDRP in the Field of Labour Protection	143
Sannikov L. I. (Arkhangelsk) — From the History of Working Out a New Customs Tariff in Russia Before the First World War	153
Sveshnikov S. A. (Kursk) — On the Study of Siberian Workers' Budget	160
Rumyantseva V. S. — A File of the Secret Department on Kapiton's Disciples in the Vologda District	170

Book Reviews and Bibliography

Book Reviews and Notes

Moiseenko V. M. — Platonov N. I. Migration Policy of the Soviet State and Its Implementation (1917 — June 1941)	181
Kravchuk N. A., Olesyuk Ye. V. (Rostov-on-the-Don) — D. A. Kovalenko. Lenin and Socialist Transformations in Soviet Russia's Industry, 1917—1920	183

Nekrasova I. M. — V. V. Alekseev. Electrification of Siberia. An Historical Study, Parts 1—2	185
Brutyan L. A. — Achievements of Soviet Moldavia and Anticomunist Myths	186
Novikov A. N., Chistyakov O. I. — M. Iskandarov. From the History of Soviet Construction in Tadzhikistan (1924—1929)	188
Brak S. I., Vodarsky Ya. Ye., Kabuzan V. M. — R. Pullat. Town Population in Estonia from the Late 18th Century to 1940. A Study in History and Demography	189
Drobizheva L. M. — L. A. Gordon, E. V. Klopov, L. A. Onikov. Features of the Socialist Mode of Life: Daily Life of Urban Workers Yesterday, Today, Tomorrow	190
Pisarev Yu. A. — V. A. Yemets. Essays on Russian Foreign Policy During the First World War. Relations Between Russia and Her Allies on the Problems of Waging War	194
Silin A. S. (Kuybyshev) — M. I. Ios'ko, Nikolai Sudzilovsky— Russel. Life, Revolutionary Activities, World Outlook	196
Sakharov A. M. — N. A. Gorskaya. Monastery Peasants of Central Russia in the 17th Century. On the Essence and Forms of Feudal- and Serfdom Relations	199
Alekseev Yu. G. (Leningrad) — Princes' Statutes in Ancient Russia, from the 11th to the 15th Century	204

History of the USSR in Foreign Studies

Rykalov V. S. — The October Revolution in Modern French Bourgeois Historiography	209
Borodkin L. I., Selunskaya N. B. — Methods of Studying Social History in American Historiography (On the «Project of Philadelphia's Social History»)	217

Academic Life

Buldakov V. P. — Establishment of Soviet Power in Russia's National Regions (analysis of Soviet historiography and criticism of bourgeois literature). A Conference in Kishinev	226
Nedosekin V. I. (Krasnodar), Pronshstein A. P. (Rostov-on-the-Don) — Peoples of the Northern Caucasus in the Defence of the Achievements of the October Revolution During the Great Patriotic War. A Conference in Novorossiysk	231
Zonov G. I. — Fraternal Friendship of the Peoples in the Struggle for the Victory of the Socialist Revolution in the Ukraine. A Session in Odessa	234
Acad. Yu. V. Bromley, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V. L. Yanin, V. G. Lukonin (Leningrad) — 70 Years of Academician B. B. Piotrovsky	235
Acad. D. S. Likhachev, Acad. A. L. Narochnitsky, Ya. N. Shchapov — 60 Years of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V. T. Pashuto	239
To the Readers	243
Authors of This Issue	244

Технический редактор Л. Н. Глинкина

Сдано в набор 6/XII-1977 г. Т-04036. Подписано к печати 22/II-1978 г. Тираж 11000 экз.
 Зак. 4832. Формат бумаги 70×109¹/₁₆. Усл. печ. л. 21,7. Бум. л. 7¹/₄. Уч.-изд. л. 24,2.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Статьи	СССР и социалистическая экономическая интеграция.
Институт предводителей дворянства.
Торгово-промышленная политика правительства в первой четверти XVIII в.
Историография, источниковедение, методы исторического исследования	Статистические обследования интеллигенции и служащих СССР (Обзор источников).
Некоторые итоги изучения истории фабрик и заводов Украины.
Сообщения и заметки	Люди бессмертного подвига (о героях Великой Отечественной войны).
Художественная интеллигенция Москвы в годы Великой Отечественной войны.
Греческий вопрос во внешней политике России (1814—1820 гг.).
К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины.
История СССР за рубежом	Современная англо-американская буржуазная историография о продовольственной политике в первые годы Советской власти.

Публикуются также различные материалы под рубриками: «Критика и библиография», «Памятники отечественной истории», «Научная жизнь».